

Н. БУНАКОВЪ.

Живое Слово.

УЧЕБНАЯ КНИГА ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Посвящается памяти
Пушкина и Ушинскаго.

„Глаголомъ жги сердца людей!“

Пушкинъ.

„Родное слово—великій народный педагогъ“.

Ушинскій.

ЧАСТЬ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Д. Д. Полубояринова.

1905.

Адресъ издателя: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Въ складѣ Д. Д. Полубояринова продается первая часть книги того-же автора «Живое Слово». Цѣна 60 к.

ПОДАШЕНО
6/2/16. 142877
ВЪ ПЕЧАТѢ
ПОДЪ НАДЗОРЪМЪ
ПЕЧАТНИКА

Д. Д. Полубояринова (С.-Петербургъ, Шпалерная, 26)
продается слѣдующія книги для учителей, библиотекъ и для наградъ ученикамъ

- 1) В. СИПОВСКИЙ. «Родная Старина». Отечественная исторія въ разсказахъ, въ трехъ выпускахъ (во всѣхъ трехъ выпускахъ 400 рисунковъ). Цѣна полного экземпляра 6 р.
- 2) А. БАРАНОВЪ: а) Подробное распределение занятій въ начальныхъ училищахъ по книгамъ «Добрыя Сѣмена» *). б) Руководящія замѣтки для учащихся къ преподаванію родного языка по всѣмъ тремъ книгамъ «Наше Родное». Ц. 25 к. в) Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію родного языка по «Книгѣ для чтенія». Ц. 30 к. г) Подробный планъ занятій въ начальной народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ съ указаніемъ самостоятельныхъ работъ. Ц. 15 коп. д) Краткое руководство къ преподаванію по русскому «Букварю», составленному тѣмъ же авторомъ для церк.-приход. школъ. Ц. 5 к. и е) Географія Россійской Имперіи, съ картами и дополнительными и справочными свѣдѣніями. Ц. 1 руб.
- 3) А. ГОЛЬДЕНБЕРГЪ. Методика Начальной Арифметики. Ц. 75 к.
- 4) В. ЕВТУШЕВСКИЙ: а) Методика Арифметики. Пособіе для родителей, учителей, учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и преподавателей низш. классовъ средн. учебн. заведеній. Ц. 1 р. 50 коп. и б) Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной Арифметики въ народныхъ школахъ. Ц. 75 коп.
- 5) М. ВОЛЬЕРЪ: а) Руководящія замѣтки о преподаваніи русскаго языка инородцамъ по всѣмъ тремъ выпускамъ «Русской Рѣчи». Ц. 30 к. и б) Иллюстрированный толкователь тѣхъ словъ, фразъ и оборотовъ, которые встрѣчаются во 2-мъ и 3-мъ выпускахъ сочиненія того же автора «Русская Рѣчь» въ двухъ частяхъ: Ч а с т ь I—пособіе ко второму выпуску. Ц. 20 к. и Ч а с т ь II—пособіе къ третьему выпуску. Ц. 35 коп.
- 6) В. ГЕРБАЧЪ: а) Методическое руководство къ обученію письму. Ц. 60 к. и б) Уроки чистописанія. Учебное пособіе для учителей церковно-приходскихъ школъ. Ц. 20 коп.
- 7) Н. БУНАКОВЪ: а) Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. Ц. 1 р. б) Руководство къ обученію грамотѣ по книгамъ того же автора «Азбука» и «Первинка». Ц. 15 к. в) Руководство къ преподаванію по книгѣ для чтенія того же автора «Въ школѣ и дома». Ц. 30 к. г) Школьное дѣло. Учебный матеріалъ, проработанный авторомъ на многихъ учительскихъ сѣздахъ. Ц. 1 р. 50 к. д) Русская подвижная школа, воскресные повторительные уроки. Ц. 50 к. и е) Школьный годъ. Распределение учебныхъ занятій и самостоятельныхъ ученическихъ работъ въ народной школѣ съ 3-хъ годичнымъ курсомъ. Ц. 25 коп.
- 8) К. ЕЛЬНИЦКИЙ: а) Методика начального обученія отечественному языку. Ц. 75 к. б) Общая педагогика. Ц. 75 к. в) Курсъ Дидактики. Ц. 75 к. г) Очерки по исторіи педагогики. Ц. 75 к. д) Основы начального школьнаго воспитанія и обученія. Ц. 60 к. е) Мысли и чувства, выраженныя въ поэтическихъ произведеніяхъ. Ц. 40 к. ж) Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ. Ц. 20 к. з) Янъ-Амосъ Коменскій и его педагогическія идеи. Ц. 20 к. и) Воспитаніе и обученіе въ семьѣ и школѣ. Ц. 80 к. и к) Объяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ, изучаемыхъ въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.
- 9) Прот. В. ПѢВЦОВЪ. Опытъ методическаго руководства для наглядныхъ бесѣдъ по картинамъ Священной Исторіи. Ц. 40 к.
- 10) П. СОЛОНИНА: а) Записки по методикѣ Русскаго языка, составленныя для учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и для учителей и учительницъ народныхъ школъ въ трехъ выпускахъ: *Первый выпускъ*—Методика обученія грамотѣ. Ц. 35 коп. *Второй выпускъ*—Методика объяснительнаго чтенія. Ц. 40 коп. и *Третій выпускъ*—Методика начальной грамматики. Ц. 50 к.
- 11) П. ЕВСТАФІЕВЪ: а) Новая Русская Литература. Ц. 1 р. 60 к. б) Древняя Русская Литература въ двухъ выпускахъ. Ц. 1-го выпуска 50 к., а 2-го—75 к. в) Начальныя основанія педагогики. Ц. 1 р. 50 к.
- 12) П. ЕВСТАФІЕВЪ: а) Новая Русская Литература въ отдѣльныхъ очеркахъ замѣчательныхъ писателей. А. Н. Островскій. Ц. 70 к. б) Пушкинъ для юношества. Къ 100-лѣтнему юбилею со дня рожденія поэта. Ц. 40 к.
- 13) П. ПОЛЕВОЙ. Исторія Русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ, съ большимъ количествомъ изящно исполненныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ. Цѣна за обѣ части 5 р.
- 14) В. РУДНЕВЪ. Руководство къ преподаванію по книгѣ того же автора «Родной мірокъ». Ц. 30 коп.
- 15) А. ВОРОНЕЦКИЙ. Иллюстрированная Географическая Хрестоматія съ большимъ количествомъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ, въ трехъ частяхъ: а) Ч а с т ь I—ц. 1 р. 35 к. б) Ч а с т ь II—ц. 2 руб. и в) Ч а с т ь III—ц. 1 руб. 65 коп.
- 16) В. ГЕРБАЧЪ. Руководство для учащихся къ русской азбукѣ для совмѣстнаго обученія чтенію, письму и рисованію. Ц. 25 коп.
- 17) П. ПЛЕТЕНЕВЪ. Первоначальное изученіе литературныхъ произведеній. Ц. 60 к.

*). Печатается.

Н. БУНАКОВЪ.

Живое Слово.

УЧЕБНАЯ КНИГА ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Посвящается памяти
Пушкина и Ушинскаго.

„Глаголомъ жги сердца людей!“

Пушкинъ.

„Родное слово — великій народный педагогъ“.

Ушинскій.

ЧАСТЬ II.

Цѣна 85 коп.

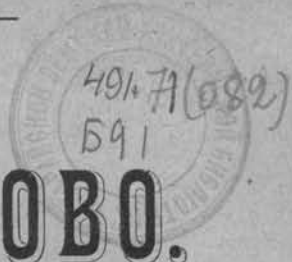
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Д. Д. Полубояринова.

1905.

Адресъ издателя: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Въ складѣ Д. Д. Полубояринова продается первая часть книги того-же автора «Живое Слово». Цѣна 60 к.

См.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПЕЧАТНИЦА
МОНАХОВЪ
№ 107312

ПЕРВАЯ ГРУППА ЧТЕНІЙ

1. Три друга.

Изъ разсказа Д. Н. Мамина-Сибиряка.

1. Дождливый лѣтній день... Я подходилъ къ Свѣтлому озеру, къ знакомому сторожу на рыбацѣй соймѣ Тарасу. Дождь уже рѣдѣлъ. На одной сторонѣ неба показались просвѣты, еще немножко—и покажется горячее солнце...

Когда я подходилъ уже совсѣмъ къ избушкѣ, изъ травы кубаремъ вылетѣла на меня пестрая собачѣнка и залилась отчаяннымъ лаемъ.

— Соболько, перестань... Не узналъ?

Соболько остановился въ раздумьи, но видимо не вѣрилъ въ старое знакомство. Онъ осторожно подошелъ, обнюхалъ мои охотничьи сапоги и виновато завилалъ хвостомъ: дескать, виновать, ошибся,—а все-таки я долженъ стеречь избушку.

Избушка оказалась пустой. Хозяина не было; онъ, вѣроятно, отправился на озеро осматривать какую-нибудь рыболовную снасть. Кругомъ избушки все говорило о присутствіи живого человѣка: слабо курившійся огонекъ, охалка только что нарубленныхъ дровъ, сушившаяся на кольяхъ сѣть, топоръ, воткнутый въ обрубокъ дерева...

Снявъ намокшую куртку и развѣсивъ охотничьи доспѣхи по стѣнкѣ, я принялся разводять огонь. Соболько вертѣлся около меня, предчувствуя какую-нибудь поживу. Весело разгорѣлся огонекъ, пустивъ кверху синюю струйку дыма... Въ ожиданіи хозяина я прикрѣпилъ на длинной палкѣ мѣдный походный чайникъ съ водой и повѣсилъ его надъ огнемъ. Вода уже начала кипѣть, а хозяина все не было.

— Куда бы ему дѣваться? раздумывалъ я. Снасти осматриваютъ утромъ, а теперь полдень... Соболько, куда дѣвался твой хозяинъ? —

Умная собака только виляла пушистымъ хвостомъ, облизывалась и нетерпѣливо взвизгивала. По наружности Соболько принадлежалъ къ типу такъ называемыхъ «промысловыхъ собакъ». Небольшого роста, съ острой мордой, стоячими ушами и загнутымъ вверхъ хвостомъ, онъ, пожалуй, напоминалъ обыкновенную дворнягу, съ той разницей, что дворняга не шла бы въ лѣсу бѣлки, не сумѣла бы «облаять» глухаря, выслѣдить оленя,—однимъ словомъ, настоящая промысловая собака, лучший другъ человѣка...

Когда этотъ «лучшій другъ человѣка» радостно взвизгнулъ, я понялъ, что онъ завидѣлъ хозяина. Дѣйствительно, черной точкой показалась рыбацья лодка... Это и былъ Тарасъ. Онъ плылъ, стоя на ногахъ, и ловко работалъ однимъ весломъ,—настоящіе рыбаки все такъ плаваютъ на своихъ

лодкахъ, называемыхъ не безъ основанія «душегубками». Когда онъ подплылъ ближе, я замѣтилъ, къ удивленію, плившаго передъ лодкой лебедя.

— Ступай домой, гуляка! ворчалъ старикъ, подгоняя красиво плывущую птицу. Ступай, ступай! Вотъ я тебѣ дамъ уплывать, Богъ знаетъ куда... Ступай домой, гуляка!—

Лебедь красиво подплылъ къ соймѣ, вышелъ на берегъ, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своихъ кривыхъ черныхъ ногахъ, направился къ избушкѣ.

Старикъ Тарасъ былъ высокаго роста, съ окладистой сѣдой бородой и строгими большими сѣрыми глазами. Онъ все лѣто ходилъ босой и безъ шляпы. Замѣчательно, что у него все зубы были цѣлы, и волосы на головѣ сохранились. Загорѣлое широкое лицо было изборождено глубокими морщинами. Въ жаркое время онъ ходилъ въ одной рубахѣ изъ крестьянскаго синяго холста.

— Здравствуй, Тарасъ!

— Здравствуй, баринъ.

— Откуда Богъ несетъ?

— А вотъ за пріемышемъ плавалъ, за лебедемъ. Все тутъ вертѣлся въ протокѣ, а потомъ вдругъ и пропалъ. Ну, я сейчасъ за нимъ. Выѣхалъ въ озеро—нѣтъ, по заводамъ проплылъ—нѣтъ, а онъ за островомъ плаваетъ.

— Откуда досталъ-то его, лебедя?

— А Богъ послалъ... да. Тутъ охотники изъ господъ наѣзжали; ну, лебедя съ лебедушкой и пристрѣлили; а вотъ этотъ остался. Забился въ камыши и сидитъ. Летать-то не умѣетъ, вотъ и спрятался ребячьимъ дѣломъ. Я, конечно, ставилъ сѣти подлѣ камышей,—ну, и поймалъ его. Пропадѣтъ одинъ-то, ястребѣа забьдять, потому какъ смыслу въ ѣмъ еще настоящаго нѣтъ. Сиротой остался... Вотъ я его и привѣзъ и держу. И онъ тоже привыкъ. Теперь вотъ скоро мѣсяць будетъ, какъ живѣмъ вмѣстѣ. Утромъ на зарѣ поднимется, поплаваетъ въ протокѣ, покормится, а потомъ и домой. Знаетъ, когда я встаю, и ждетъ, чтобы покормили. Умная птица, однимъ словомъ, и свой порядокъ знаетъ.

Старикъ говорилъ необыкновенно любовно, какъ о близкомъ человѣкѣ. Лебедь проковылялъ къ самой избушкѣ и, очевидно, выжидалъ какой-нибудь подачки.

— Улетитъ онъ у тебя, дѣдушка...—замѣтилъ я.

— Зачѣмъ ему летѣть? И здѣсь хорошо: сытъ, кругомъ вода.

— А зимой?

— Перезимуетъ вмѣстѣ со мной въ избушкѣ. Мѣста хватить, а намъ съ Соболькой веселѣе. Какъ-то одинъ охотникъ забрелъ ко мнѣ на сойму, увидалъ лебедя и говоритъ вотъ также: «улетитъ, ежели крылья не подрѣжешь». А какъ же можно увѣчить Божью птицу? Пусть живетъ, какъ ей отъ Господа указано. Человѣку указано одно, а птицѣ другое.

— А какъ онъ съ Соболькой?—спросилъ я.

— Сперва-то боялся, потомъ привыкъ. Теперь лебедь-то въ другой разъ у Собольки и кусокъ отниметъ. Песъ заворчитъ на него, а лебедь его крыломъ. А то гулять вмѣстѣ отправятся: лебедь по водѣ, а Соболько по бѣрегу. Пробовалъ песъ плавать за нимъ,—ну, да ремесло-то не то—чуть не пото-

нулъ. А какъ лебедь уплыветъ, Соболько щетъ его. Сядетъ на бережку и воетъ, дескать, скучно мнѣ, псу, безъ тебя, другъ сердечный. Такъ вотъ и живемъ втроемъ.

2. Въ слѣдующій разъ я попалъ на Свѣтлое озеро уже поздней осенью, когда вышалъ первый снѣгъ... Избушка Тараса стояла на томъ же мѣстѣ, но казалась выше, потому что не стало окружавшей ее высокой травы. Навстрѣчу мнѣ выскочилъ тотъ же Соболько... Тарасъ былъ дома. Онъ чинилъ неводъ для зимняго лова.

— Здравствуй, старинà!

— Здравствуй, баринъ.

— Ну, какъ поживаешь?

— Да ничего. По осени-то, къ первому снѣгу, прихворнулъ малость. Ноги болѣли. Къ непогодѣ у меня завсегда такъ бываетъ.

Старикъ дѣйствительно имѣлъ утомлѣнный видъ. Онъ казался теперь такимъ дряхлымъ и жалкимъ. Впрочемъ, это происходило, какъ оказалось, совсѣмъ не отъ болѣзни. За чаемъ мы разговорились, и старикъ разсказалъ свое горе.

— Помнишь, баринъ, лебеда-то?

— Приемыша?

— Онъ самый. Ахъ, хороша была птица! А вотъ^{мы} мы опять съ Соболькой остались одни. Да, не стало приемыша!

— Убили охотники?

— Нѣтъ, самъ ушелъ. Вотъ какъ мнѣ обидно это, баринъ! Ужъ я-ли кажется, не ухаживалъ за нимъ, я-ли не водился! Изъ рукъ кормилъ. Онъ ко мнѣ и нà голосъ шелъ. Плаваетъ онъ по озеру,—я его кликну, онъ и подплыветъ. Ученая птица. И вѣдь совсѣмъ привыкла, да. Ужъ въ заморозки грѣхъ вышелъ. На перелѣтѣ стадо лебедей спустилось на Свѣтлое озеро. Ну, отдыхаютъ, кормятся, плаваютъ, а я люблюсь. Пусть Божья птица съ силой соберется: не близкое мѣсто летѣть. Ну, а тутъ и вышелъ грѣхъ. Мой-то приемышъ сначала сторонился отъ другихъ лебедей: подплыветъ къ нимъ—и назадъ. Тѣ гогочуть, по своему зовутъ его, а онъ домой... Ну а, потомъ, вижу, мой приемышъ затосковалъ... Выйдетъ это нà берегъ, встанетъ на одну ногу и начнетъ кричать. Да вѣдь какъ жалобно кричитъ! На меня тоску нагонитъ, а Соболько, дуракъ, волкомъ воетъ. Извѣстно вольная птица, кровь-то сказала... Старикъ замолчалъ и тяжело вздохнулъ.

— Ну, и что же, дѣдушка?

— Ахъ, и не спрашивай! Заперъ я его въ избушку на цѣлый день. такъ онъ и тутъ донялъ. Станетъ на одну ногу у самой двери и стоитъ, пока не стонишь съ мѣста... Ахъ, ты, думаю, какая задача: пустить—улетитъ за стадомъ и пропадѣтъ...

— Почему пропадѣтъ?

— А какъ же? Тѣ-то на полной волѣ выросли. Ихъ, молодые которые, отецъ съ матерью летать выучили. Вѣдь ты думаешь, какъ у нихъ? Подрастутъ лебедята,—отецъ съ матерью выведутъ ихъ сперва нà воду и потомъ начнутъ учить летать. Исподволь учатъ: все дальше да дальше. Своими глазами я видѣлъ, какъ молодыхъ обучаютъ къ перелѣту. Сначала особнякомъ учатъ, потомъ небольшими стаями, а потомъ ужъ сгрудятся въ одно большое

стадо... Ну, а мой-то пріемышъ одинъ выросъ и, почитай, никуда не леталъ... Гдѣ жъ ему перелѣтъ выдержать, когда надо столько тысячъ верстъ пролетѣть? Выбьется изъ силъ, отстанетъ отъ стада и пропадетъ. Не привыченъ къ дальнему лѣту.

Старикъ опять замолчалъ.

— А пришлось выпустить, съ грустью заговорилъ онъ. Все равно, думаю, ежели удержу его на зиму, затоскуетъ и схирѣетъ... Ну, и выпустилъ. Присталъ мой пріемышъ къ стаду, поплавалъ съ нимъ день, а къ вечеру опять домой. Такъ два дня приплывалъ. Тоже хоть и птица, а тяжело съ своимъ домомъ разставаться. Это онъ прощаться плавалъ, баринъ. Въ послѣдній-то разъ отплылъ отъ берега этакъ сажень на двадцать, остановился и какъ крикнетъ, братецъ ты мой, по-своему: дескать, «спасибо, дѣдушка, за хлѣбъ-за-соль!» Только я его и видѣлъ. Остались мы опять съ Соболькой одни. Первое-то время сильно мы оба тосковали. Спрошу его: «Соболько, а гдѣ нашъ пріемышъ?» А Соболько сейчасъ выть. Значить, жалѣетъ. И сейчасъ на берегъ и сейчасъ искать друга милаго. Мнѣ по ночамъ все грезилось, что пріемышъ-то тутъ. Вотъ полѣзетъ у берега и крыльшками хлопаетъ. Выйду—никого нѣтъ... Вотъ какое дѣло вышло, баринъ.

— Сѣимой на Уралѣ называютъ рыбацкія стоянки.—Охотничьи доспѣхи—ружье, пороховница, сумка для убитой дичи и т. п.—Типъ собаки—порода.—Промысловая собака помогаетъ лѣснымъ промышленникамъ находить дичь, птицу и звѣря.—Глухарь—тетеревъ.—Лебедь—очень крупная перелѣтная водоплавающая птица.

— На сколько *частей* можно раздѣлить этотъ разсказъ?—Какъ *опредѣлить* содержаніе каждой части?—Кто эти *три друга*, о которыхъ разсказывается?—Что за человекъ былъ *Тарасъ*?—Его наружность, его жизнь и занятія, его добродушіе и ласковость, его любовное отношеніе къ животнымъ (*характеристика*).—Что за *собака* былъ Соболько? Чѣмъ объясняется *дружба* между Тарасомъ и Соболькомъ?—Кто же былъ третій другъ?—Разскажите исторію *лебедя-пріемыша*. Почему этотъ третій другъ *измѣнилъ* Тарасу и Собольку?—*Сравните* собаку и лебедя: какіе у нихъ *сходные* признаки? какіе у нихъ *различныя* признаки?

Планъ для сочиненія „Наши домашнія животныя“.

- 1) Общее перечисленіе.
- 2) Лошадь: описаніе лошади; польза, ея приносящая; содержаніе ея.
- 3) Корова: описаніе и проч.
- 4) Овца: описаніе и проч.
- 5) Собака.
- 6) Кошка.
- 7) Домашнія-птицы.

2. Дикія и дворовыя утки.

С. Т. Аксакова.

По сосѣдству отъ меня, въ одной деревушкѣ, называющейся Кюроствелово, крестьянка подложила подъ курицу 12 кряковыхъ яицъ; утята вывелись, воспитались въ стаѣ русскихъ утокъ и привыкли вмѣстѣ съ ними ѣсть кормъ... Осенью корму понадобилось больше и, чтобъ не тратиться да-

ромъ, крестьянка продала восемь утятъ, а двухъ молодыхъ селезней и двухъ утокъ оставила на племя; но черезъ нѣсколько недѣль они улетѣли и пропали. На слѣдующую весну бѣглецы воротились на тотъ же прудъ и стали по прежнему жить и ѣсть кормъ съ дворовыми утками. Осенью одна пара опять улетѣла, другая осталась зимовать, а въ слѣдующую весну утка нанесла яицъ и вывела десять утокъ, изъ числа которыхъ я самъ купилъ четырехъ. Крестьянка опять оставила пару, и потомство ихъ совершенно смѣшалось и ничѣмъ уже не отличалось отъ русскихъ утокъ. Итакъ, только въ третьемъ поколѣннн порода дикихъ утокъ совершенно потеряла память о своемъ вольномъ житѣ. Купленные же мною молодыя утки, принадлежавшія ко второму поколѣнню, еще отличались отъ дворовыхъ, какъ своею наружностью, такъ и нравами: онѣ были бойчѣе, проворнѣе, какъ-то складнѣе и пугливѣе домашнихъ утокъ, часто прятались и даже пробовали нѣсколько разъ уходить.

— Кряковыя яйца—яйца кряковыхъ дикихъ утокъ.—Селезень—самецъ утки, какъ пѣтухъ самецъ курицы.—На племя—для вывода дѣтенышей.

— Сравните утку съ лебедемъ: какіе у нихъ сходные и какіе различные признаки?—Сравните дикую утку съ домашней уткой.

3. Медвѣди.

Изъ разсказа В. М. Гаршина.

Въ 1875 году кончился пятилѣтній срокъ льготы, данной цыганамъ—вожакамъ медвѣдей для окончанія ихъ промысла. Они должны были явиться въ назначенныя для сбора мѣста и сами перебить своихъ звѣрей. Мнѣ случилось видѣть такую казнь въ Бѣльскѣ. Съ четырехъ уѣздовъ сошли несчастные цыгане со всѣмъ своимъ скарбомъ, съ лошадьми и медвѣдями. Больше сотни косолапыхъ звѣрей, отъ маленькихъ медвѣжатъ до огромныхъ стариковъ въ посѣдѣвшихъ и выпѣтшихъ шкурахъ, было собрано на городскомъ выгонѣ. Цыгане съ ужасомъ ждали рѣшительнаго дня.

Настало пасмурное, холодное, настоящее сентябрьское утро... Къ десяти часамъ всѣ уже собрались... Старый Иванъ стоялъ возлѣ своего огромнаго кривого медвѣдя. Его сынъ, пожилой цыганъ, уже съ серебристой просѣдью въ черныхъ волосахъ, и внукъ, съ помертвѣвшими лицами и горящими глазами, торопливо привязывали медвѣдя. Исправникъ поровнялся съ ними.

— Ну, старикъ, сказалъ онъ: прикажи ребятамъ, чтобы начинали.

Толпа зрителей заволновалась, поднялся говоръ, но скоро все стихло, и среди мѣртвай тишины раздался не громкій, но важный голосъ. Это говорилъ старикъ Иванъ.

— Дозволь, господинъ добрый, сказать мнѣ слово. Прошу васъ, братья, дайте мнѣ первому покончить. Старше я всѣхъ васъ: девяносто лѣтъ черезъ годъ мнѣ стукнетъ, а медвѣдей вожу я съизмала. И во всемъ тѣборѣ нѣту звѣря старше моего.

Онъ опустилъ сѣдую курчавую голову на грудь, горько покачалъ ею и вытеръ кулакомъ глаза. Потомъ онъ выпрямился, поднялъ голову и продолжалъ громче и тверже прежняго:

— Потому и хочу я первый покончить. Думалъ я, что не доживу до такого горя, думалъ—и медвѣдь мой любимый не доживетъ, да видно не судьба: своей рукой долженъ я убить его, кормильца своего и благодѣтеля. Отвяжите его, пустите на волю. Никуда не пойдетъ онъ: намъ съ нимъ отъ смерти не бѣгать. Отвяжи его, Вася: не хочу убивать его, какъ скота, на привязи. Не бойтесь, сказалъ онъ зашумѣвшей толпѣ: не тронетъ онъ никого.

Юноша отвязалъ огромнаго звѣря и отвелъ немного отъ телѣги. Медвѣдь усеѣлся на заднія лапы, опустивъ переднія внизъ, и раскачивался изъ стороны въ сторону, тяжело вздыхая и храпя. Онъ былъ дѣйствительно очень старъ, его зубы были желты, шкура порыжѣла и вылѣзла; онъ дружелюбно и печально смотрѣлъ на своего стараго хозяина единственнымъ маленькимъ глазомъ. Кругомъ была мѣртвая тишина.

— Дайте ружье, твердо сказалъ старикъ. Сынъ подаль ему винтовку. Онъ взялъ ее и, прижимая къ груди, началъ говорить снова, обращаясь къ медвѣдю:

— Убью я тебя сейчасъ, Потапъ. Дай, Боже, чтобы старая рука моя не дрожала, чтобы попала тебѣ пуля въ самое сердце. Не хочу я мучить тебя, не того ты заслужилъ, медвѣдь мой старый, товарищъ мой добрый. Взялъ я тебя маленькимъ медвѣжонкомъ; глазъ у тебя былъ наколотъ, носъ отъ кольца гнилъ, болѣлъ ты и чахъ; я за тобой, какъ за сыномъ, ходилъ, и жалѣлъ тебя, и выросъ ты большимъ и сильнымъ медвѣдемъ; нѣтъ другого такого во всѣхъ таборахъ, что здѣсь собрались. И выросъ ты, а не забылъ добра моего: между людьми у меня друга такого, какъ ты, не было. Ты добръ и смиренъ былъ, и понятливъ, и всему выучился, и не видѣлъ я звѣря добрѣе и понятливѣе. Чѣмъ я былъ бы безъ тебя? Твоей работою вся семья моя жива. Ты справилъ мнѣ двѣ тройки коней, ты мнѣ хату на зиму выстроилъ. Больше еще сдѣлалъ ты. Большая наша семья, и всѣхъ, отъ стараго до малаго младенца, ты въ ней до сихъ поръ кормилъ и берегъ. И любилъ я тебя крѣпко, и не билъ больно, а если виновать въ чемъ передъ тобою, прости меня, въ ноги тебѣ кланяюсь.

Онъ повалился медвѣдю въ ноги. Звѣрь тихо и жалобно зарычалъ. Старикъ рыдалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Бей батюшка! сказалъ ему сынъ: не рви намъ сердце!

Иванъ поднялся. Слезы больше не текли изъ его глазъ. Онъ отвелъ со лба упавшую на него свою сѣдую гриву и продолжалъ твердымъ и звонкимъ голосомъ:

— И вотъ теперъ я убить тебя долженъ. Приказали мнѣ, старикъ, застрѣлить тебя своей рукой; нельзя тебѣ больше жить на свѣтѣ...

Онъ взвелъ курокъ и твердой еще рукой прицѣлился въ звѣря, въ грудь подъ лѣвую лапу. И медвѣдь понялъ. Изъ его пасти вырвался жалобный, отчаянный ревъ; онъ всталъ на дыбы, поднявъ переднія лапы и какъ будто закрывая ими себѣ глаза, чтобы не видѣть страшнаго ружья. Вопль раздался между цыганами; въ толпѣ многіе плакали. Старикъ съ рыданіемъ бросилъ ружье и безсильно повалился на него. Сынъ бросился подымать его, а втуецъ схватилъ ружье.

— Будеть, закричалъ онъ дикимъ изступлённымъ голосомъ, сверкая глазами. Довольно! Бей, братцы, одинъ конецъ!

И, подбъжавъ къ звѣрю, онъ приложилъ дуло въ упоръ къ его уху и выстрѣлилъ. Медвѣдь рухнулъ безжизненной массой; только лапы его судорожно вздрогнули и пасть раскрылась, какъ будто зѣвая. По всему табору затрещали выстрѣлы, заглушаемые отчаяннымъ воемъ женщинъ и дѣтей. Легкій вѣтеръ относилъ дымъ къ рѣкѣ.

— Бѣльскъ — уѣздный городъ Гродненской губерніи.—Вожаки медвѣдей: прежде цыгане водили по селамъ и городамъ учёныхъ медвѣдей и этимъ зарабатывали хорошія деньги.—Скарбъ — имущество; цыгане, кочуя, всегда возятъ его съ собою.—Таборъ — цыганская община и цыганское становище.—Винтовка — ружье.

— По какому случаю осенью 1875 года въ г. Бѣльскѣ собрались цыгане со своими медвѣдями?—Какъ старикъ Иванъ *прощался* со своимъ медвѣдемъ?—Извлеките изъ его словъ и расскажите *исторію* этого медвѣдя.—Что за животное медвѣдь?—Сравните *медвѣдя* съ *лошадью*.

4. Орёлъ въ острогѣ.

Ф. М. Достоевскаго.

Проживалъ у насъ нѣкоторое время въ острогѣ орёлъ изъ породы степныхъ небольшихъ орловъ. Кто-то принесъ его въ острогъ, раненаго и измученнаго. Всѣ обступили его; онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывихнута. Помню, какъ онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, и разбѣвалъ свой горбатый клювъ, готовясь дорого продать свою жизнь. Когда на него насмотрѣлись и стали расходиться, онъ отковылялъ, хромя, прискакивая на одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальній конецъ острога, гдѣ забился въ углу, плотно прижавшись къ нѣлямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ни разу не вышелъ изъ своего угла. Сначала приходили часто глядѣть на него, натравливали на него собаку. Шарикъ кидался на него съ яростью, но видимо боялся подступить ближе, что очень потѣшало всѣхъ. «Звѣрь! говорили,—не дается!» Потомъ и Шарикъ сталъ больно обижать его; страхъ прошелъ, и онъ, когда натравливали, изловчился хватать его за больное крыло. Орёлъ защищался изо всѣхъ силъ клювомъ, и гордо и дико, какъ раненый король, забившись въ свой уголокъ, оглядывалъ любопытныхъ, приходившихъ его разсматривать. Наконецъ, всѣмъ онъ наскучилъ; всѣ его бросили и забыли, и однакожь каждый день можно было видѣть возлѣ него клочки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней; наконецъ, сталъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ. Мнѣ случалось не разъ издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что онъ одинъ, онъ иногда рѣшался недалеко выходить изъ угла и ковылялъ вдоль палъ, шаговъ на двѣнадцать отъ своего мѣста, потомъ возвращался назадъ, потомъ опять выходилъ, точно дѣлалъ моціонъ. Завидя меня, онъ тотчасъ же изо всѣхъ силъ, хромя и прискакивая, спѣшилъ на свое мѣсто и, от-

кинувъ назадъ голову, разинувъ клювъ, оцетинившись, тотчасъ же пригото-
влялся къ бою. Никакими ласками я не могъ смягчить его: онъ кусался и
бился, говядины отъ меня не бралъ и все время, бывало, пока я надъ нимъ
стою, пристально-пристально смотритъ мнѣ въ глаза своимъ злымъ, пронзи-
тельнымъ взглядомъ. Одиноко и злобно онъ ожидалъ смерти, не довѣряя ни-
кому и не примиряясь ни съ кѣмъ. Наконецъ, вспомнили о немъ... Заговорили,
что надо выпустить орла. «Пусть хоть околѣетъ, да не въ острогѣ», гово-
рили одни.

— Вѣстимо, птица вольная, суровая, не приучишь къ острогу-то, подда-
кивали другіе.

Разъ, послѣ обѣда, взяли орла, зажавъ ему клювъ рукой, потому что
онъ началъ жестоко драться, и понесли изъ острога. Дошли до вала. Чело-
вѣкъ двѣнадцать съ любопытствомъ желали видѣть, куда пойдетъ орель...

Орла сбросили съ вала въ степь. Это было глубокой осенью, въ холод-
ный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ по-
желтѣлой, изсохшей, клочковатой травѣ. Орель пустился прямо, махая боль-
нымъ крыломъ и какъ бы торопясь уходить отъ насъ, куда глаза глядятъ.
Всѣ съ любопытствомъ слѣдили, какъ мелькала въ травѣ голова.

— Вишь его! задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется! прибавилъ другой. Ни разу-то, братцы, не оглянулся,
бѣжитъ себѣ!

— А ты думалъ благодарить воротится? замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло—воля... Волю почувялъ.

— Извлеките изъ разсказа и изложите *исторію* плѣннаго орла.—Срав-
ните орла съ *медвѣдемъ*: есть ли полно у нихъ *сходные* признаки?—Оба они
животныя, оба животныя *позвоночныя*, оба животныя *теплокровныя*. Значитъ,
сходные признаки у нихъ есть, а какіе же у нихъ *различныя* признаки?—Срав-
ните орла съ *лебедемъ*: какихъ признаковъ, *сходныхъ* или *различныхъ*, у нихъ
больше, нежели у орла и медвѣдя?

5. Старый волкъ учитъ молодого.

Гр. Л. Н. Толстого.

Я шелъ по дорогѣ и сзади себя услышалъ крикъ. Кричалъ мальчикъ-
пастухъ. Онъ бѣжалъ полевъ и на кого-то показывалъ. Я поглядѣлъ и уви-
далъ—по полю бѣгутъ два волка: одинъ матерой, другой молодой. Молодой
несъ на спинѣ зарѣзаннаго ягнѣнка, а зубами держалъ его за ногу. Матерой
волкъ бѣжалъ позади.

Когда я увидѣлъ волковъ, я вмѣстѣ съ пастухомъ побѣжалъ за ними,
и мы стали кричать. На нашъ крикъ прибѣжали мужики съ собаками. Какъ
только старый волкъ увидалъ собакъ и народъ, онъ побѣжалъ къ молодому,
выхватилъ у него ягнѣнка, перекинулъ себѣ на спину, и оба волка побѣ-
жали скорѣе и скрылись изъ глазъ. Тогда мальчикъ сталъ разсказывать,
какъ было дѣло: изъ оврага выскочилъ большой волкъ, схватилъ ягнѣнка,
зарѣзалъ его и понёсъ. Навстрѣчу выскочилъ волчѣнокъ и бросился къ яг-
нѣнку. Старый отдалъ нести ягнѣнка молодому волку, а самъ налегкѣ побѣ-

жалъ возлѣ. Только когда пришла бѣда, старый оставилъ ученье и самъ взялъ ягнѣнка.

— Матерой—большой, старый волкъ.

— Сравните волка съ медвѣдемъ.—Сравните волка съ орломъ: какихъ признаковъ, сходныхъ или различныхъ, у нихъ больше, нежели у волка и медвѣдя?

6. Какъ животныя учатъ своихъ дѣтей.

В. В. Дункевича.

Выростить дѣтёнышей недостаточно: надо научить ихъ уму-разуму, надо научить плавать, нырять, летать, охотиться, беречься отъ враговъ. Все это наука трудная, и старикамъ приходится иной разъ очень много возиться, прежде чѣмъ дѣти ихъ пройдутъ весь курсъ ученія. Учителями молодыхъ животныхъ всегда бываютъ либо родители ихъ, либо старшіе товарищи, съ которыхъ они должны брать во всемъ примѣръ...

Такъ, напримѣръ, молодые рабочіе пчелы и муравьи научаются закладывать правильно соты или же строить подземные комѣрки и ходы, привыкаютъ ухаживать за личинками, собирать пищу и т. д., глядя на то, какъ дѣлаютъ все это старшіе работники пчелинаго улья или муравейника. Старшіе работники слѣдятъ за работою младшихъ, исправляютъ ихъ ошибки и помогаютъ имъ дѣлать заново то, что имъ съ перваго разу не далось.

Утка, какъ извѣстно, ведетъ новорожденныхъ утятъ къ водѣ; но они сначала трусятъ и не рѣшаются войти въ воду. Тогда мать забирается подальше отъ берега и начинаетъ усиленно звать птенцовъ. Если же они и тогда не идутъ, она беретъ въ клювъ кормъ и манитъ ихъ къ себѣ. Приманка дѣйствуетъ, и утята входятъ въ воду, пищатъ, толкаются и стремглавъ несутся къ матери. Они плаваютъ вмѣстѣ съ нею взадъ и впередъ и уже до вечера не покидаютъ воды. На слѣдующій разъ они дѣлаются храбрѣе и скоро научаются плавать, какъ слѣдуетъ...

Водныя птицы учатъ птенцовъ своихъ плавать; нырять, ловить добычу; а птицамъ, легко порхающимъ въ воздухѣ, приходится учить молодежь искусству летать. Это наука не легкая. Вспомните, какъ трудно нашимъ дѣтямъ дѣлать первые шаги. Еще труднѣе дается первая наука птицамъ. Ихъ гнѣздо виситъ иногда такъ высоко надъ землею—ничего не стоитъ разбиться на смерть. Вотъ какъ учить своихъ дѣтей летать хищный бѣлоголовый орелъ. Вотъ онъ поднялся съ гнѣзда своего: у него на спинѣ драгоцѣнная ноша—сидятъ два орлѣнка. Покружившись въ воздухѣ, онъ останавливается. Орлята слетаютъ съ его спины и начинаютъ летать возлѣ. Сдѣлавши нѣсколько небольшихъ круговъ, они снова располагаются на спинѣ своего учителя на отдыхъ, а отдохнувши опять пускаются по воздуху и на этотъ разъ гораздо смѣлѣе: дѣлаютъ большіе круги и держатся въ воздухѣ долѣе. Проходитъ около часа времени. Ученики ужъ утомились. На сегодня—довольно, а завтра придется повторить. И уроки дѣйствительно повторяются до тѣхъ поръ, пока юные хищники не научатся обходиться безъ помощи своего учителя.

Кромѣ этихъ уроковъ, у птицъ бываютъ уроки пѣнія. Доподлинно извѣстно, что молодыя пѣвчія птицы въ началѣ поютъ не важно, что онѣ очень внимательно прислушиваются къ пѣнію опытныхъ пѣвцовъ, стараются подражать имъ и только послѣ долгихъ занятій выучиваются пѣть по настоящему.

Обученіе дѣтей идетъ и среди млекопитающихъ животныхъ. Особенно много труда владутъ на это дѣло различные хищники въ родѣ—львовъ, волковъ, лисицъ, медвѣдей и домашнихъ кошекъ. Заботы этихъ хищниковъ клонятся главнымъ образомъ къ тому, чтобы научить дѣтей своихъ охотиться за добычей, выискивать ее, подкарауливать, ловко настигать и схватывать ее.

— Въ какомъ *порядкѣ* рассказываете въ этой статьѣ о томъ, какъ животныя учатъ своихъ дѣтей?—Напишите *планъ* статьи, т. е. раздѣлите ее на части и придумайте краткое заглавіе для каждой части.

7. О ЦВѢТѢ ЖИВОТНЫХЪ.

С. А. Порѣцкаго

Всякій знаетъ, что различныя животныя бываютъ окрашены въ самые разнообразныя цвѣта. Отчего въ природѣ замѣчается такое разнообразіе въ цвѣтѣ животныхъ? Каждое живое существо на землѣ живетъ для самого себя; всякая особенность въ устройствѣ его тѣла служитъ ему для какой-нибудь цѣли, приносить ему какую-нибудь пользу. Посмотримъ же, не приносятъ-ли животнымъ ихъ окраска какой-нибудь пользы.

На крайнемъ сѣверѣ, гдѣ земля большую часть года покрыта снѣгомъ, попадаетея много животныхъ бѣлаго цвѣта. Бѣлый медвѣдь и бѣлая сова, живущіе среди льдовъ и постоянныхъ снѣговъ, окрашены въ бѣлый цвѣтъ... Заяцъ—бѣлякъ и бѣлая куропатка, живущіе въ сѣверной Россіи, точно также зимой дѣлаются бѣлыми. Почему же на сѣверѣ водятся преимущественно животныя бѣлаго цвѣта или такія, которыя перемѣняютъ зимой свой тѣмный лѣтній нарядъ на зимній бѣлый?—На бѣломъ снѣгу бѣлое животное, конечно, менѣе замѣтно, и бѣляку и бѣлой куропаткѣ въ своемъ зимнемъ нарядѣ легче укрыться отъ глазъ какого-нибудь хищника... Бѣлый медвѣдь и бѣлая сова—хищныя животныя; имъ приходится подкрадываться къ своей добычѣ, а для этого имъ тоже надо быть какъ можно менѣе замѣтными; бѣлый цвѣтъ для нихъ также очень выгоденъ...

Животныя, живущія въ травѣ или на листьяхъ деревьевъ, окрашены обыкновенно въ зелѣный цвѣтъ. На деревьяхъ живетъ множество гусеницъ (тѣхъ червяковъ, изъ которыхъ потомъ выходятъ бабочки). Гусеницы эти питаются листьями деревьевъ, при чемъ нѣкоторыя гусеницы ѣдятъ листья днемъ, другія ночью. Тѣ гусеницы, которыя кормятся днемъ, когда ихъ легко можно было бы замѣтить, почти всѣ зелѣнаго цвѣта. Древесная лягушка и древесныя змѣи, живущія на деревьяхъ, тоже зелѣнаго цвѣта.

Животныя пустыни—левъ, верблюдъ, змѣи и птицы—всѣ окрашены въ песочный, желтый и тому подобныя цвѣта, похожіе на цвѣтъ почвы. Въ пустынѣ такая *подражательная* окраска особенно необходима, потому что тамъ нѣтъ деревьевъ, нѣтъ иногда никакихъ возвышеній, за которыми животныя могли бы прятаться. И такая подражательная окраска вполнѣ замѣняетъ жи-

вотнымъ пустыни всякія прикрытія. Многія изъ нихъ такъ подходятъ по цвѣту къ почвѣ, что стѣитъ животному припасть къ землѣ, и оно тотчасъ же исчезаетъ изъ глазъ, словно сквозь землю проваливается. Тогда даже въ самомъ близкомъ разстояніи невозможно его замѣтить.

Наши ночныя бабочки летаютъ ночью, а днемъ сидятъ гдѣ-нибудь на стволахъ деревьевъ, на старыхъ заборахъ и тому подобныхъ мѣстахъ; сидятъ онѣ со сложенными крыльями, такъ что верхнія крылья прикрываютъ нижнія. И у всѣхъ такихъ бабочекъ верхнія крылья сѣраго или коричневаго цвѣта съ различными тѣмными пятнышками и полосками; цвѣтъ ихъ такъ подходитъ къ цвѣту коры, старыхъ досокъ или мховъ и лишавей, которыми обрастаютъ старыя деревья и доски, что этихъ бабочекъ очень трудно замѣтить на такихъ предметахъ.

Можно-бы привести и еще много другихъ примѣровъ такой охранительной окраски животныхъ.

— Какую пользу приносятъ животнымъ ихъ различная окраска?—Въ какомъ порядкѣ разсказывается объ этомъ въ статьѣ?—Напишите планъ статьи.—Какая же главная мысль статьи, для выясненія которой приводятся разные примѣры?—Сравните медведя и зайца.—Сравните зайца и лягушку.—Сравните лягушку и бабочку.

8. О трудахъ и заботахъ животныхъ.

Н. А. Рубакина.

Великое множество живыхъ существъ населяетъ землю. Куда ни взглянуть, вездѣ копошится какая-либо тварь,—и на землѣ, и подъ землей, и высоко въ воздухѣ, и въ водѣ, и подъ водой, и на высокихъ горахъ, и въ тѣмныхъ пещерахъ...

Всѣ животныя, какія есть на землѣ, постоянно трудятся, работаютъ... У всѣхъ есть заботы великія.

Больше всѣхъ заботъ—забота о *ндрѣ*. Голодъ не свой братъ. Голодъ страшенъ всякому живому существу. Каждый годъ отъ голода умираетъ множество разныхъ животныхъ. Съ голоду бѣлки бросаются въ воду, волки забѣгаютъ въ деревню, тигры и львы не боятся ни огня, ни ружья. Голодъ разгоняетъ животныхъ по землѣ. Отъ голода летятъ на зиму въ жаркія страны даже такія птицы, которыя не боятся и холодовъ... Добывать пищу однимъ животнымъ приходится силой, другимъ помогаетъ хитрость, третьимъ умъ... Кто работаетъ когтями, кто зубами, у кого острые челюсти, у кого крылья, плавники... Одни питаются мясомъ, ловятъ себѣ на ѣду другихъ животныхъ; еще больше такихъ породъ, которыя питаются растеніями, кто цвѣтами, кто корнями, кто плодами, кто ѣстъ все, что попадетъ, не разбирая, какъ сараича...

Есть еще великая забота у животныхъ: *борьба съ холодомъ*, съ погодой. Иныя животныя на холодное время переселяются въ теплые края, отправляются въ далекія путешествія. Иныя животныя забираются куда-нибудь въ уголокъ или въ нору и тамъ обмираютъ, цѣпенѣютъ и лежатъ до тѣхъ поръ, пока опять не наступятъ хорошія времена. Иныхъ защищаютъ теплыя шубы и привычка, иныхъ теплая нора, гдѣ запасено пищи на черный день.

Есть и третья великая забота у животных: имъ нужна *защита* отъ *враговъ*. У каждаго животнаго враговъ не мало: иные норываютъ его самого съѣсть, иные отнять у него изо рта кусокъ. Каждому живому существу приходится обороняться отъ враговъ... Одни животные отбиваются отъ хищниковъ,—силу ставятъ противъ силы; другія спасаются иначе. Кого спасаетъ зоркій глазъ, кого быстрыя ноги, кого хитро устроенная нора...

Наконецъ есть и еще одна великая забота у всѣхъ животныхъ: забота о *потомствѣ*. Всѣ животныя множатся и населяютъ землю; всѣ животныя заботятся о потомствѣ. Муха знаетъ, куда положить свои яички, и класть ихъ туда, гдѣ ея дѣткамъ будетъ готовый кормъ. Рыба идетъ метать икру въ тѣ мѣста, гдѣ изъ икры удобнѣе и скорѣе выйдутъ маленькія рыбѣшки. Много ихъ хоть и погибнетъ, но многія и останутся въ живыхъ. Птицы и звѣри еще больше заботятся о своихъ дѣтяхъ: они не отпускаютъ ихъ отъ себя, пока тѣ не подростутъ. Они роютъ, лѣпятъ, ткутъ, шьютъ, вьютъ свои жилища; собираютъ кормъ и запасы; учатъ своихъ дѣтокъ бѣгать или летать и добывать пищу. Такъ родители спасаютъ отъ гибели, поддерживаютъ до поры до времени своихъ дѣтей.

Таковы великія заботы, которыя лежатъ на всѣхъ животныхъ. Справляются съ ними животныя—иныя сами по себѣ, въ одиночку, на свой страхъ. А тѣ животныя, которыя поумнѣе, дѣйствуютъ сообща, справляются общими силами. Муравьи и пчелы работаютъ сообща; волки охотятся цѣлыми стаями...

Такъ и идетъ жизнь въ животномъ царствѣ изъ вѣка въ вѣкъ.

— Напишите *планъ* этой статьи. Какъ можно сказать коротко (*формулировать*) ея *главную мысль*?

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

1. Какихъ *животныхъ* мы сравнивали? Въ чемъ же состоитъ *сравненіе*? У всѣхъ ли животныхъ есть *сходные* признаки? Если-бы у одного изъ нихъ не было никакихъ сходныхъ признаковъ съ другими животными, было ли бы это *животное*?

2. Животныхъ-ли только можно *сравнивать*?—Сравните *столъ* и *стулъ*: какіе у нихъ *сходные* признаки? какіе у нихъ *различные* признаки?—Сравните *лѣсъ* и *садъ*.—Сравните *топоръ* и *ножъ*.—Сравните *перо* и *гвоздь*.—Найдутся-ли два такихъ предмета, у которыхъ нѣтъ какихъ-нибудь *сходныхъ* признаковъ, которые не были бы *сходны* или по *матеріалу*, изъ котораго сдѣланы, или по *цвѣту*, или по *запаху*, или по *вкусу*, или по *величинѣ*, или по *формѣ*, или по *вѣсу*? Найдутся-ли два такихъ предмета, у которыхъ нѣтъ *различныхъ* признаковъ, которые не были бы *различны* если не по цвѣту, не по матеріалу, не по запаху, не по вкусу, не по формѣ, не по величинѣ, не по вѣсу, то по *времени* (обѣдъ сегодняшній и вчерашній), по *теплотѣ* (одна печь холодная, другая теплая), по *дѣйствию* (одинъ работникъ пашетъ, другой боронитъ), по *состоянію* (одна коса лежитъ, другая виситъ), по *назначенію* (печка нагреваетъ комнату, а окно освѣщаетъ ее).

3. Что же мы дѣлаемъ, когда *сравниваемъ* предметы?—Можно ли сравнивать предметы, но не приписывать имъ какихъ-нибудь признаковъ (не *судить*,

не *разсуждать*)?—Возможна ли такая понятная рѣчь, въ которой не заключа-лось бы какого-нибудь *сужденія*?—*Птицы вьютъ гнѣзда*: есть ли въ этихъ словахъ сужденіе? какой признакъ приписывается—предмету? *Кукушка не вьетъ гнѣзда*: есть ли въ этихъ словахъ сужденіе? развѣ и тутъ признакъ приписывается пред-мету?—Сужденіе *отрицательное*.—Лошадь вѣтъ сѣно: какой признакъ приписы-вается предмету?—Сужденіе *положительное*.—Лисица не вѣтъ сѣна: какое сужде-ніе?—Придумайте *положительныя* и *отрицательныя* сужденія о *земль*, о *лѣтъ*, о *лошади*, о *коровъ*, о *березъ*, о *соснъ*.

9. Ласточки.

А. Н. Майкова.

Мой садъ съ каждымъ *днемъ* увядаетъ;
Помятъ онъ, *поломанъ* и пусть,
 Хоть *пышино* еще доцвѣтаетъ
 На *стурцій* въ немъ огненный кустъ...
 Мнѣ *грустно!* Меня раздражаетъ
 И *солнца* осенняго блескъ,
 И *листвъ*, что съ березы спадаетъ,
 И *позднихъ кузнечиковъ* трескъ.
Взгляну-ль по привычѣ *подъ крышу*,—
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
 Въ немъ *ласточекъ* рѣчи не слышу,
Солома обветрилась въ немъ.

А *помню* я, какъ хлопотали
 Двѣ *ласточки*, строя его,
 Какъ *прутики глиной* скрѣпляли
 И *пуху* таскали въ него.
 Какъ *веселъ* былъ трудъ ихъ, какъ *ловко!*
 Какъ *любо* имъ было, когда
 Пять *маленькихъ быстрыхъ* головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!
 И *цѣлый-то* день *говоруньи*,
 Какъ *дѣти*, вели разговоръ...
 Потомъ *полетѣли* *летуньи*...
 Я *мало* ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ.
 И вотъ—ихъ гнѣздо *одинокое!*
 Онѣ ужъ въ *иной* сторонѣ—
 Далѣко, далѣко, *далѣко*...
 О, если бы *крылья* и *мнѣ!*

— *Настурцій*—ярко-красные садовые цвѣты.

— На чемъ остановились наблюденія поэта?—Какую *картину* рисуетъ онъ словами?—Какое *впечатленіе* произвела на него эта картина? Какое *чувство* она вызвала въ его душѣ? Какъ объ этомъ говорится въ стихахъ?—На какомъ предметѣ особенно остановилось *вниманіе* поэта? Какъ изображаетъ онъ опустѣвшее гнѣздо ласточекъ?—Какія *воспоминанія* возникаютъ въ его душѣ

подъ вліяніемъ грустнаго чувства при видѣ этого гнѣзда? Въ какихъ стихахъ рисуются эти воспоминанія?—Какое *желаніе* является послѣдствіемъ грустнаго чувства и воспоминаній? Въ какихъ словахъ выражается это желаніе?—Какая же *связь* и *зависимость* замѣчается между наблюденіями, воспоминаніями, чувствами и желаніями человѣка?

10. Міръ внѣшній и міръ внутренній.

Человѣкъ видитъ, слышитъ, обоняетъ, осязаетъ, вкушаетъ. *Зрѣніемъ* онъ различаетъ цвѣтъ предметовъ, ихъ величину, число, форму. *Слухомъ* онъ различаетъ звуки, *обоняніемъ* запахи, *вкусомъ*—вкусы. *Осязаніемъ* онъ тоже узнаетъ форму и величину предмета, а также узнаетъ, твердъ или мягокъ предметъ, тепелъ или холоденъ, шероховатъ или гладокъ. Зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе и вкусъ даютъ намъ познаніе внѣшнихъ предметовъ и явленій, *внѣшняго міра*, и называются *внѣшними* чувствами. Однако же познаніе не переноситъ внѣшняго міра въ душу человѣка. То, что мы наблюдаемъ, видимъ, слышимъ, обоняемъ, осязаемъ, вкушаемъ,—все-таки остается *внѣ* нашей души, а въ душѣ являются *образы* предметовъ, *мысли* о нихъ, возбуждаются разныя *внутреннія чувства, желанія и намѣренія*: чувство радости, удовольствія, восторга, благоговѣнія, досады, грусти, отвращенія и т. п., желаніе снова видѣть предметъ, который понравился, или желаніе избавиться отъ предмета непріятнаго, противнаго и т. п., *намѣреніе* совершити какое-нибудь дѣйствіе, чтобы наше желаніе исполнилось, и т. под. *Словомъ* сказать, у насъ создается свой *внутренній, душевный міръ*.

Можетъ ли одинъ человѣкъ познавать внутренній міръ другого *человѣка*?—Мы узнаемъ *радость* близкаго человѣка по свѣтлому, радостному взгляду его глазъ, узнаемъ *гнѣвъ* по нахмуреннымъ бровямъ, по угрожающимъ движеніямъ рукъ, узнаемъ *страхъ* по блѣдности лица, по дрожанію тѣла, и т. п. Всего же лучше внутренній міръ человѣка намъ открывается въ его *рѣчахъ*, въ *словѣ*. Слово—великій даръ Божій, который отражаетъ весь душевный міръ, всю *душу* человѣка.

11. Благовѣсть.

Стихотвореніе К. Р.

Несѣтся *благовѣсть*... Какъ грустно и уныло
 На сторонѣ *чужой* звучать колокола!
 Опять припомнился мнѣ край *отчизны* милой,
 И прежняя тоска на *сердце* налегла.
 Я вижу *сѣверъ* мой съ его *равниной* снѣжной,
 И словно *слышится* мнѣ нашего села
 Знакомый *благовѣсть*: и ласково, и нѣжно
 Съ *далёкой родины* звучать колокола.

— Гдѣ поэтъ слышитъ звуки *благовѣста*? Какія чувства эти звуки возбуждаютъ въ его душѣ? Какія воспоминанія и образы въ ней пробуждаются?—Укажите въ стихахъ слова, рисующія *внѣшній* міръ, и слова, рисующія *внутренній* міръ поэта.

12. Какое впечатлѣніе производитъ рубка дерева?

С. Т. Аксакова.

Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной роши, но даже паденія одного большого подрубленного дерева; въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо грустное. Сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтки и каждаго листа; какъ только топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глуше, больнѣе. Еще ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрепещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ будто задумается, куда упасть, и наконецъ начнетъ склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потомъ, съ возрастающей быстротою и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рѣхнетъ на землю! Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты, и въ нѣсколько минутъ гибнетъ нерѣдко по пустой прихоти человѣка.

— Какое впечатлѣніе производитъ на сочинителя видъ подрубленного дерева?—Какъ онъ изображаетъ рубку дерева?—Что же въ этомъ „невыразимо грустнаго“?—Чѣмъ усиливается это „невыразимо грустное“?

13. Слезы матери.

Н. А. Некрасова.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя,
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самаго героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ

И всякой подлости и прозы
Одинъ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святѣя искреннія слѣзы,—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ветвь
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

— Кого особенно жалуетъ поэтъ, „внимая ужасамъ войны“?—Какіе это „ужасы войны“?—Какими словами поэтъ изображаетъ силу материнской любви и неутѣшность материнскаго горя?

14. Рисунокъ.

К. М. Фофанова.

Дѣвочка доло бумажку чертила
И улыбалася кротко и мило,—
Черточки, точки, кривой полукругъ...
— Что это значитъ, мой маленькій другъ?—
Дѣвочка тихо головку склонила,
«Послѣ узнаешь», отвѣтила мило,

Грудульте. Билетова
во второмъ
объясненіи

И принесла мнѣ *рисунокъ* потѣмъ
 Съ *ясной* душою и съ *яснымъ* лицомъ.
 «*Видишь*, какія *картиночки* вышли?»
 — Не *понимаю*: собачка ли, мышь ли?
 Или лошадка? Иль *сѣрый* котокъ?
 Что написала, *скажи* мнѣ *дружокъ!*—
 «Папа, какой *непонятный* ты, право!
 Видишь, здѣсь *ангелы* Божьи на-право,
 Видишь, тутъ *рѣчка*, тутъ *райскій* цвѣтокъ».
 — *Вижу*, голубушка, *вижу*, *дружокъ!*—

— Что нарисовала дѣвочка на бумагѣ? Гдѣ же она видитъ ангеловъ, рѣчку, цвѣтокъ?— Не случилось ли когда-нибудь съ вами, что вы видите одно, а *воображеніе* рисуетъ въ вашей душѣ совсѣмъ другое?— Припомните такіе примѣры: облака на небѣ, зимніе узоры на стѣклахъ оконъ, тѣмная комната, сумерки въ лѣсу, и т. под.

15. Пріемышъ.

Изъ разсказа В. Г. Короленко.

Пришлось мнѣ какъ-то итти путемъ-дорогою по *Заволжью*. Ужъ и сторона! Скучная сторона для того, кто, какъ я напримѣръ, привыкъ къ простору и раздолью степей и широкихъ распаханыхъ нивъ! Лѣса темные, дремучіе, среди лѣсовъ—болотины ржавыя, рѣки по лѣсамъ текутъ бурыя да мутныя. Народъ лѣсной видомъ сумраченъ и непривѣтливъ. А какъ разговоришься да познакомишься—такіе же люди, пожалуй только попроче да пообрѣе.

Солнце клонилось уже къ лѣсамъ, когда, усталый, вышелъ я на небольшую полянку, надъ берегомъ рѣки. На песчаной отмели увидѣлъ я рыбацкій челнокъ «ботничокъ», а у челнока босая дѣвочка, лѣтъ восьми, возилась съ тяжелымъ для нея весломъ и какими-то еще рыбацкими снарядами. Я остановился невдалекѣ, боясь испугать дѣвочку своимъ внезапнымъ появленіемъ. Рыбакъ—лѣсной народъ, а ужъ дѣтвора—и говорить нечего. Не разъ приходилось мнѣ своимъ городскимъ видомъ и одеждой вспугивать деревенскихъ ребятъ, точно стаю пугливой птицы.

И дѣйствительно, когда дѣвочка повернулась ко мнѣ, ея синіе глаза вдругъ стали круглы, губы опустились книзу, и весло вышло изъ рукъ.

— Не бойся, умница,—сказалъ я помягче. Я тебѣ дурного не сдѣлаю. Скажи ты мнѣ, какъ ближе пройти въ вашу деревню?

— Э... эвона, деревня-то!..

Дѣйствительно, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я увидѣлъ изъ-за кустовъ избушки деревни, сверкавшей окнами на вечернемъ солнцѣ.

— А тебѣ кого? спросила дѣвочка смѣлѣе и съ любопытствомъ.

— Да мнѣ бы, вотъ, переночевать гдѣ-нибудь. Дѣло къ вечеру.

— Переночевать?.. Ступай къ Дарѣ Ивановнѣ.

— А гдѣ она?

— Дарья Ивановна-то? Да ты Дарью Ивановну развѣ не знаешь?

— Да я здѣсь не бывалъ никогда.

— Ну, не бывалъ, такъ гдѣ тебѣ и знать. Погоди. Мужикъ ейный, Дарья Ивановна, тутъ недалече. Тятка, ау! Степанъ Ѳедорычъ! крикнула она на-распѣвъ, повернувшись къ рѣкѣ.

— А-а-а-у! отозвался откуда-то издалека глухой мужичій голосъ.

— Подь, Степанъ Ѳедорычъ, сюда!

Черезъ минуту на берегу показалась фигура мужика, безъ шапки, съ лохматыми волосами, босого, съ грудю сътей на спинѣ. Онъ шёлъ опустивъ голову, покачиваясь, будто сонный, и нѣсколько разъ споткнулся на ходу. Дѣвочка смотрѣла на него веселыми, смѣющимися глазами.

— Вишь, шатаетъ его. Ты, можетъ, подумаешь—пьяный онъ? Нѣтъ, не пьяный, а ночи не спитъ,— все на рѣкѣ, на сѣжѣ сидитъ, рыбачить. Снялъ у мужиковъ воды въ кортома, вотъ тутъ повыше омутовъ. Мамка-Дарья Ивановна, говоритъ: «Не снимай, а онъ не послушался: «Сниму», говоритъ. Пять рублей отдалъ. А рыба, слышь, и не идетъ къ нему. Вотъ онъ и старается.

— Да онъ тебѣ тятка, что ли? спросилъ я, удивляясь, что она зоветъ мужика то тяткой, то по имени и отчеству.

Дѣвочка не отвѣтила. Въ это время рыбакъ, немолодой, угрюмаго вида, подошёлъ уже къ намъ; не скидая сътей, онъ остановился, посмотрѣлъ на меня отяжелѣвшими отъ бессонницы глазами и спросилъ:

— Чьи будете?

— Нижегородскій,—отвѣтилъ я. Миѣ бы переночевать.

— Можно. Ступай, когда такъ, за мной.

И онъ пошелъ впередъ, все такъ же спотыкаясь на ходу, будто вотъ-вотъ свалится и заснетъ у тропинки.

— Опять ни одной рыбёшки не поймалъ, сказала дѣвочка. Смотри, свалишься еще.

Мужикъ промолчалъ. Мы вошли въ улицу небольшой деревушки. Окна ея смотрѣли на рѣку, а задворки подходили вплотъ къ лѣсной опушкѣ.

— Глухой медвѣжій уголь,—подумалъ я невольно, взглядывая на своего суроваго провожатаго.

Хозяйка, Дарья Ивановна, встрѣтила меня, впрочемъ, очень привѣтливо и радушно. Это была совсѣмъ еще молодая на видъ женщина, съ ласковыми, спокойными пріемами и добрыми, красивыми глазами, въ которыхъ по временамъ, когда она взглядывала на дремотнаго мужика, искрилась лукавая усмѣшка, какъ у дѣвочки. Степанъ Ѳедорычъ какъ-то уныло усѣлся на лавкѣ и клевалъ носомъ.

— Много ли наловилъ, рыбакъ? спросила хозяйка и переглянулась съ дѣвочкой; обѣ при этомъ улыбнулись.—Эхъ ты, горе-рыбакъ! Слушался бы меня, лучше было бы.

— Говори!—отвѣтилъ Степанъ угрюмо. Вотъ пойдетъ изъ омутовъ, поспѣвай только вынимать.

— Неужто опять сидѣть станешь всю ночь?

— Пойти, изготовить снасть.

Упрямый мужикъ поднялся и сонно поплелся изъ избы, а хозяйка стала готовить къ ужину. Дѣвочка помогала матери.

— Дочка-то какъ на тебя похожа, сказалъ я,— только глаза да волосы посвѣтлѣе. А старикъ—мужъ тебѣ?

— Мужъ. Да онъ и не старъ годами-то противъ меня. Работа да горе!... Да теперь вотъ суетится еще, какъ сонная муха,—почитай недѣлю не спитъ, съ рыбой связался. Забота! А пуще всего кручина извела его, какъ сынокъ у насъ померъ. Двадцатый годъ пойдетъ съ Филиппово къ, какъ въ сыру землю Мишаньку уложили.

— Двадцатый годъ?—удивился я, глядя на моложавое лицо Дарьи Ивановны.

— Да! Мнѣ, вѣдь, уже сорокъ два года. Никто не вѣритъ. И то еще горе извело. Сколь много слезъ мы пролили. Дѣтей Господь-Батюшка больше не далъ.

— А дѣвочка эта?

— То-то вотъ, говоришь ты: «похожа!» А она у меня богоданная, пріемышь,—сказала Дарья Ивановна, ласково и какъ-то серьёзно глядя рукой бѣлокурую головку прильнувшей къ ней дѣвочки.—Да все меня, дурушка, мамкой зоветъ, а у ней, вѣдь, и родная-то мать жива; такъ ту, слышь, долго все «чужой тѣтей» звала. Насилу я ее, дурочку, выучила,—грѣхъ, вѣдь! Вотъ теперь двѣ мамки у ней. Да и у меня она тоже за двухъ: за дочку да за сыночка, за Мишаньку... А ужъ и горя-то, и маяты-то что я съ ней приняла! Просто не приведи Создатель. Хворая была, да скверная, да вся въ струпахъ, да все крикомъ кричить, бывало, отъ зари до зари. Сердце все избохѣло у меня съ нею. Ночь бѣшеша-бѣшеша, силушки нѣту. «Изведешься ты у меня, Дарья»,—говорить, бывало, Степанъ-то Федорычъ...

Она помолчала, тихо улыбаясь.

— Сказывалъ мнѣ послѣ старичёкъ одинъ. Умный старикъ: «Это, говорить, ты такъ понимай, что Господь-Батюшка въ болѣзняхъ младенца милость къ тебѣ являлъ. Нешто чужая дѣвочка стала бы за родного сына, ежели бы не переболѣло у тебя изъ-за нея все сердечушко-то заново»... Пожалуй, и правда это...

Рано утромъ, на слѣдующій день, солнце только еще подымалось надъ лѣсомъ, надъ рѣкой колыхался еще бѣлый туманъ, когда Дарья провожала меня за околицу, чтобы указать дорогу. Выйдя на вчерашнюю поляну, мы увидѣли Степана. Все такой же сонный, онъ вытаскивалъ на берегъ свой востроносый ботничокъ съ помощью дѣвочки-пріемыша. Увидя насъ, дѣвочка запрыгала на песокъ и захлопала въ ладоши.

— Погляди, погляди-ка, мамка, сколько онъ рыбы наловилъ. И окуни, и всякія, да какія бо-о-льшущія. Погляди, а ты погляди...

Мы подошли ближе. Дѣйствительно, въ серединѣ ботничка, въ лужѣ воды, прикрытыя сѣтью, бились и плескались, сверкая чешуей, крупныя рыбы.

Дарья слегка нагнулась къ лодкѣ и заглянула туда съ притворной улыбкой пренебреженія; но затѣмъ съ видимымъ удовольствіемъ посмотрѣла на мужа, еще болѣе вчерашняго одержимаго дремотой, но все-таки торжествующаго.

— То-то вот! А еще смѣялась все! сказалъ онъ, ухмыляясь.— Не все вѣдь и по-твоему-то выходить. Говорю: изъ омутовъ обязана она подняться. Вотъ и вышла на зарѣ, на самой. Теперь недѣли двѣ все будетъ удовъ.—

— Ну-ну! Ступай уже, выспись!—отвѣчала Дарья ласково.— Мы съ Марьюшкой все донесемъ. Ой, да и много же наловилъ въ самомъ дѣлѣ!—

Они втроемъ пошли по огородамъ, а я отправился дальше своей страннической дорогой. Этотъ день мнѣ какъ-то легко было пробираться глухими лѣсными тропами.

— Заволжье—лѣвый берегъ Волги, лѣсной край.—Сѣжа—сидѣнье.—Ейный мужъ—ея мужъ.—Крѣтома—арѣвда, ваёмъ земли, рыбной ловли и т. п. за деньги.—Медвѣжій уголь—глухой, безлюдный край.—Снасть рыбака—рыболовные принадлежности: удочки, сѣти и т. п.—Филипповки—рождественскій постъ, который начинается 14 ноября, въ день апостола Филиппа.

— Что за человекъ былъ *Степанъ Ѳедоровичъ*? Его наружность, его занятіе, его жизнь, его нравственные качества: настойчивость въ трудѣ, терпѣніе-доброта подъ грубой внѣшностью (*Характеристика*).—Что за человекъ была *Дарья Ивановна*?—Какое горе пережили эти люди?—Почему они привязались къ пріемышу?—Каково живется у нихъ пріемной дѣвчкѣ?—Съ какимъ чувствомъ странникъ пришелъ въ лѣсную деревушку?—Съ какимъ чувствомъ онъ уходилъ? Отчего такъ измѣнилось его душевное настроеніе?

16. Утро на берегу озера.

И. С. Никитина.

Ясно утро *Тихо* вѣетъ
Теплый вѣтерокъ.
Дугъ, какъ *бархатъ*, зеленѣетъ.
Въ заревъ востокъ.
Окаймленное кустами
Молодыхъ ракичь,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.
Привязавъ къ ракичамъ *лодку*,
Мужики вдвоемъ,
Близъ осѣки, втихомолку,
Тянутъ *сѣть* съ трудомъ.
По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутѣхъ верхомъ.
Крупный потъ съ нихъ *градомъ*
льется,
И лицо горитъ;
Звучно *сѣть* ихъ раздается,
Голосокъ звенитъ.

<Ну, *качай* на-перегонки!>
А на шалуновъ
Съ тайной *завистью* дѣвчѣнка
Смотритъ изъ кустовъ.
<Тянутъ, тянутъ!> закричали
Ребятишки вдругъ:
<Вдоволь, ча й, теперь поймали
И линей, и щукъ>.
Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась *сѣть*.
<Ну, *вытряхивай*-ка съ Бо-
гомъ,—
Нечего глядѣть!>
Такъ сказалъ *старикъ* высокій,
Весь какъ лунь сѣдой,
Съ грудью *выпукло* широкой,
Съ длинной *бородой*.
Сѣть *намокшую* подняли
Дружно рыбаки;
На песокъ затрепетали
Окуни, *линьки*.

Дѣти весело шумѣли:
 «Будетъ на денекъ!»
 И на корточкѣ присѣли
 Рыбу власть въ мѣшокъ.
 «Ты, сиротка, къ намъ откуда?
 Не зови—придетъ...
 Убирайся-ка отсюда!
 Не пойдешь—такъ вотъ!»

И дѣвчоночку мальчишка
 Оттолкнулъ рукой.
 «Ну, за что ее ты, Мишка?
 Упрекнулъ другой.

— «Экій малый уродился,
 Говорилъ старикъ:
 Все-бы дрался да бранился...
 Экій озорникъ!»

«Ты бы внука-то маленько
 За вихоръ подралъ:
 Онъ взялъ волю-то ранѣнко!»
 Свату свать сказалъ.
 — «Эхъ, дѣвчонка надоѣла.
 Самъ я, знаешь, голъ,

Тутъ пріемыша, безъ дѣла,
 Одѣвать изволь!»—
 — «Потерпи, чай, не забудетъ
 За добро Господь!
 Вѣдь она работать будетъ,
 Богъ дастъ, подрастетъ!»
 — «Такъ-то такъ, вѣстимо,
 надо

Къ дѣлу приучить,
 Да теперь беретъ досада
 Безъ толку кормить.
 «И дѣвчонка-то больная,
 Сохнетъ, какъ трава,
 Да все плачетъ, — дрянъ такая,
 А на грѣхъ—жива!»
 Мужики потолковали
 И въ село пошли,
 Велѣдъ мальчишки побѣжали,
 Рыбу понесли.
 А дѣвчонка провожала
 Грустнымъ взглядомъ ихъ,
 И слеза у ней дрожала
 Въ глазкахъ голубыхъ.

— Осока—высокая трава, растущая по берегамъ рѣкъ и озеръ, вообще на мокрыхъ мѣстахъ.—Райта (ива, верба, лозина)—дерево съ гибкими вѣтвями, мелкими листьями и цвѣтами въ серёжкахъ, растущее на сырыхъ мѣстахъ.—Лунь—ночная птица.

— Какіе картины даетъ поэтъ въ этомъ стихотвореніи?—Какими чертами рисуется мѣсто и время дѣйствія (картина лѣтняго утра на берегу озера)?—Какими словами рисуются—ребячьи игры и рыбная ловля?—Какими словами рисуется горькое положеніе сиротки-дѣвочки въ чужой семьѣ?—Чувствуетъ ли эта дѣвочка всю горечь своего положенія? Въ чемъ выразилось это чувство?

17. Душевные способности.

Наблюдая и познавая, посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, предметы внѣшняго міра, мы можемъ вспоминать ихъ и все, что о нихъ намъ извѣстно. Одно названіе предмета уже напоминаетъ намъ самый предметъ. Воспоминаніе объ одномъ предметѣ часто вызываетъ воспоминанія обо многихъ другихъ. Вспомнится сосѣдъ, вспомнится и его домъ, и его дѣти, и его лошадь. Иногда для того, чтобы припомнить что-нибудь, мы дѣлаемъ усилія, задумываемся; иногда знакомое вспоминается само собой.

Это значитъ, что душа человѣка имѣетъ способность памяти, безъ которой все наши знанія пропадали бы безъ слѣда и нашъ внутренній міръ не обогащался бы.

Многое, съ чѣмъ мы познакомились, не только легко вспоминается, но и представляется намъ такъ живо, какъ будто-бы находится передъ нами. Напримѣръ, въ душѣ живо рисуется лицо, которое произвело на насъ сильное впечатлѣніе, красивый видъ на рѣку, на лѣсъ, на большое село, которымъ мы любовались, намъ какъ будто слышится веселая или заунывная пѣсня, которую мы съ удовольствіемъ слушали нѣсколько времени тому назадъ.

Это значитъ, что душа имѣетъ способность *воображенія*, которое помогаетъ памяти.

Запоминая то, что мы узнали о предметахъ и людяхъ, мы можемъ *судить* о нихъ, находить ихъ сходства и различія, составлять о нихъ свое мнѣніе.

Это значитъ, что душа человѣка имѣетъ способность сужденія или *умъ*. Обладая умомъ, мы понимаемъ рѣчи другихъ людей и то, что читаемъ въ книгахъ; непонятное намъ можно объяснить. Ребенокъ понимаетъ мало, но съ годами его пониманіе проясняется; особенно проясняется оно отъ разговоровъ съ умными людьми и отъ ученія въ школахъ.

Многое въ жизни насъ радуетъ, многое огорчаетъ, наводитъ на насъ грусть, уныніе. Иное сердитъ, вызываетъ досаду, гнѣвъ, презрѣніе. Мы съ благоговѣніемъ думаемъ о Творцѣ вселенной, съ любовью объ отечествѣ, съ благодарностью о родителяхъ.

Это значитъ, что душа имѣетъ способность *чувствовать*, переживать самыя разнообразныя внутреннія чувства.

Познавая міръ Божій и человѣческую жизнь, переживая разнообразныя чувствованія, мы различаемъ дурное и хорошее — и вокругъ насъ, и въ самихъ себѣ. Иногда у насъ на душѣ спокойно, легко и свѣтло; иногда тревожно, тяжело, темно. Сдѣлаешь свое дѣло, какъ слѣдуетъ, — спокоенъ. По-лѣнишься, пропустишь даромъ время, обидишь кого-нибудь, солжешь, — не спокоенъ, не доволенъ собой.

Это значитъ, что душа человѣка имѣетъ *совѣсть*, отъ которой никуда не уйдешь.

Часто человѣку хочется что-нибудь сдѣлать не такъ, какъ велитъ ему умъ и совѣсть: по-лѣниться, сказать неправду, взять чужое, и т. под.; но онъ можетъ преодолѣть свое дурное желаніе, заставить себя поступать согласно съ указаніями ума и совѣсти.

Это значитъ, что у человѣка есть *воля*.

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

1. Какія мы знаемъ *душевыя способности* человѣка? 2. Въ чемъ обнаруживается *память*? Въ чемъ обнаруживается *воображеніе*? Приведите изъ прочитанныхъ *поэтическихъ* сочиненій примѣры дѣйствія памяти и воображенія. 3. Въ чемъ обнаруживается умъ человѣка? Что значитъ *судить* о предметѣ? Что значитъ *сравнивать* предметы? Приведите примѣры сужденій *положительныхъ* и *отрицательныхъ*. Приведите примѣры сравненій. 4. Въ чемъ обнаруживаются душевыя *чувства* и *желанія* человѣка? Приведите примѣры изъ прочитанныхъ поэтическихъ произведеній, какъ чувство и желаніе человѣка выражается внѣшнимъ образомъ: взглядомъ, слезами, словами. 5. Въ чемъ обнаруживается *со-*

сть чело́вѣка? Приведите примѣры изъ прочитаннаго. 6. Въ чемъ обнаруживается *воля* чело́вѣка? Приведите примѣры изъ прочитаннаго.

Планъ для сочиненія „Тревоги и горести, радости и утѣхи земледѣльца“.

1. Земледѣліе, какъ главное занятіе крестьянъ: примѣръ отцовъ, хорошая земля, привычка и любовь къ земледѣльческому труду. 2. Обзоръ земледѣльческихъ работъ: весна, лѣто, осень. 3. Рабочій день земледѣльца. 4. Тревоги и горести: поздніе морозы весной, бездождіе и засуха, излишекъ дождя, градъ, неурожай, плохая уборка. 5. Радости и утѣхи: веселая весенняя пашня, уборка сѣна и хлѣба въ урожайный годъ, осеннее обиліе всякаго добра. 6. Общій выводъ о земледѣльческомъ трудѣ и о жизни крестьянина-земледѣльца.

18. Русь.

И. С. Никитина.

Подъ большимъ шатромъ голубыхъ небесъ—
Вижу—даль степей зеленѣется,
И на горахъ ихъ, выше тѣмныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ великанами.
Постеямъ въ моря рѣки катятся.
И лежатъ пути во все стороны.

Посмотрю на югъ—нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой, тихо движутся;
Муравя луговъ ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ наливается...

Гляну къ северу—тамъ, въ глушій пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ, быстро кружится,
Подымаетъ грудь море синее,
И горами ледъ ходитъ по морю,
И пожаръ небесъ яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ млу непроглядную.

Это ты, моя Русь державная,
Моя родина православная!
Широко ты, Русь, по лицу земли
Въ красѣ царственной развернулася
У тебя ли нѣтъ—про запасъ казны,
Для друзей—стола, меча—недругу?
У тебя ли нѣтъ богатырскихъ силъ,
Старинны святой, громкихъ подвиговъ?
И во всехъ концахъ свѣта благо
Про тебя идетъ слава громкая.
Ужъ и есть за что, Русь могучая,
Полубить тебя, назвать матерью,
Стать за честь твою противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ сложить голову!

— Цѣпи горы—горные хребты—какіе?—Пути во всѣ стороны—рѣки—какія?—Грудь подымаетъ море,—это говорится про Бѣлое море, единственное изъ всѣхъ морей Европейской Россіи, въ которомъ бывають *приливы* и *отливы*: вода постоянно то подымается и заливается на берегъ, то опускается и отливаетъ.—*Пожаръ небесъ*—сѣверное сіяніе, которое зимою въ сѣверныхъ холодныхъ странахъ ярко освѣщаетъ небо, но иногда бываетъ видно и въ средней Россіи.—Святая старина—историческія воспоминанія о важныхъ событіяхъ народной жизни, которыя дороги всякому русскому человѣку.—*Громкіе подвиги*—славныя, важныя и благія дѣла, совершенныя русскими людьми, о которыхъ память сохраняется въ народѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Какъ въ этомъ стихотвореніи поэтъ изображаетъ *обширность* и *разнообразіе* Русской земли?—Какъ онъ говоритъ о ея *горахъ*?—Какъ говоритъ о ея *рѣкахъ*?—Какъ поэтъ выражаетъ *любовь* русскихъ людей къ родной землѣ?—Какими словами выражаются *причины* этой любви?—Какими словами выражается *сила* этой любви?—На какія двѣ большія *части* можно раздѣлить стихотвореніе? Какъ *опредѣлитъ* содержаніе каждой части?

19. Семья, общество, государство.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Каждый изъ насъ имѣетъ свои права и обязанности въ своей *семьѣ*. Отецъ и мать заботятся о своихъ дѣтяхъ, вскармливаютъ ихъ своими трудами, учатъ уму-разуму. Дѣти пользуются правомъ наследовать имущество своихъ родителей. Они обязаны уважать родителей и почитать ихъ въ старости.

Кромѣ того, каждый изъ насъ принадлежитъ къ извѣстному *обществу*, сельскому или городскому, и на каждомъ, кромѣ семейныхъ, лежатъ общественныя права и обязанности: право участія въ общественныхъ дѣлахъ, обязанность вносить въ опредѣленное время разные сборы на общественныя потребности. Напримѣръ, сельскій домохозяинъ участвуетъ въ сельскомъ *сходѣ*; здѣсь онъ обязанъ обдуманно и честно подавать свой голосъ на пользу всего сельскаго общества, отстаивать общественную пользу, забывая свои личныя и семейныя выгоды; при выборѣ сельскаго старосты, членовъ волостного схода и т. п. онъ долженъ подавать голосъ за людей достойныхъ, хотя бы это были люди бѣдные и вовсе не пріятели, даже недруги его. Если самъ онъ попадетъ на какую-нибудь должность, онъ обязанъ исполнять ее старательно, честно, нелицепріятно.

Наконецъ—всѣ мы *граждане* русскаго государства и *вѣрноподданые* Россійскаго Императора, а потому на насъ лежатъ еще гражданскія, *государственныя*, права и обязанности. Каждый живетъ подъ охраною закона; каждому принадлежитъ право искать покровительства и защиты у властей и суда. На каждомъ лежатъ разныя государственныя повинности, опредѣленныя закономъ и верховной властью Государя Императора, напр. подати и другія денежныя сборы, необходимыя для государственныхъ потребностей, воинская повинность, необходимая для охраны и защиты общаго отечества. Исправное, усердное и честное выполненіе государственныхъ повинностей—гражданскій долгъ каждаго изъ насъ, къ какому бы сословію и обществу онъ ни принадлежалъ.

— Какія у каждаго человѣка *семейныя* права и обязанности? Какія обязанности и права *общественныя*? Какія обязанности и права *государственныя*? — Какъ должно пользоваться своими правами? — Какъ должно исполнять свои обязанности?

Планъ для сочиненія „Я и моя семья“.

1. Чей сынъ? Сколько лѣтъ? 2. Гдѣ живутъ родители и семья? 3. Составъ семьи. 4. Описаніе дома и двора. 5. Обь огородѣ, о садѣ, о поляхъ. 6. О скотинѣ и домашней птицѣ. 7. О занятіяхъ отца и семьи. 8. О томъ, чѣмъ обязанъ родителямъ. 9. Чему выучился въ училищѣ? 10. Предположенія о занятіяхъ и о жизни по окончаніи курса въ училищѣ.

20. Крестьянская пирушка.

А. В. Кольцова.

Ворота тесовы
Растворилися,
 На коняхъ, на саняхъ
Гости вѣхали;
 Имъ *хозяинъ* съ женой
Низко кланялись,
Со двора повели
 Въ свѣтлу *горенку.*
 Передъ *Спасомъ* Святымъ
 Гости *молятся;*
 За *дубовы* столы,
 За *набранные,*
 На *сосновыхъ* скамьяхъ
 Съѣли званные.
 На столахъ *куръ, цусей*
 Много жареныхъ,
Пироговъ, вядчины
 Блюда *полныя.*
 Бахромой, кисеёй
Принаряжена,
 Молодая жена,
 Чернобровая,
 Обходила *подругъ*
 Съ поцѣлуями,
 Разносила гостямъ
 Чашу *горькаго;*

Самъ *хозяинъ* за ней
Брагой хмельною
 Изъ *ковшей* вырѣзныхъ
 Родныхъ потчуетъ;
 А *хозяйская дочь*
Мѣдомъ съиченымъ
 Обносила кругомъ,
 Съ *лаской* дѣвичьей.
 Гости *пють* и *пдятъ,*
Ръчи гѣторять —
 Про хлѣба, про покось,
 Про *старинишку:*
 Какъ-то *Богъ* и *Господь*
 Хлѣбъ уродитъ намъ?
 Какъ-то *сѣно* въ степи
 Будетъ *зѣлено?*
 Гости *пють* и *пдятъ,*
 Забавляются
 Отъ *вечерней* зари
 До *полночи.*
 По селу *пѣтухи*
 Перекликнулись;
 Призатихъ *гдворь-шумъ*
 Въ *тѣмной* горенкѣ;
 Отъ *воротъ* — *поворотъ*
 Виденъ *пдъ* снѣгу.

— Какъ собираются *гости* и какъ встрѣчаютъ ихъ *хозяева*? — Какъ *хозяева* угощаютъ гостей? Какъ обь этомъ сказано въ стихахъ? — Какъ гости проводятъ время и о чемъ разговариваютъ? Какъ обь этомъ сказано въ стихахъ? Что это значитъ, что они разговариваютъ „про *старинишку*“? — Какъ въ сти-

хахъ говорится о концѣ пирушки?—Пирушка—*праздное* препровожденіе времени: почему же она въ картинѣ, нарисованной поэтомъ, производитъ на читателей пріятное впечатлѣніе? Чѣмъ она хороша въ этой картинѣ?

21. Откуда мы знаемъ о родной старинѣ?

Изъ книги «Въ школѣ и дома»

Каждый человекъ помнитъ многое изъ своего прошедшаго. Въ нашей памяти сохраняются воспоминанія о пережитыхъ нами радостяхъ и горестяхъ, о разныхъ событіяхъ и лицахъ. Съ годами эти воспоминанія измѣняются: событія давнія вспоминаются не такъ ясно и точно, какъ близкія; они переиначиваются, блѣднѣютъ, перепутываются; одни лица смѣшиваются съ другими, иныя представляются совсѣмъ не такими, каковы они были на самомъ дѣлѣ, иныя совсѣмъ забываются.

Такъ и въ памяти народа сохраняются воспоминанія о прошедшемъ, и всѣ люди, не только учёные, но и самые простые, любятъ потолковать не только «про хлѣба» да «про покось», но и «про старинушку»: это вѣрно описываетъ Кольцовъ въ стихотвореніи «Крестьянская пирушка». Изъ воспоминаній о прошедшемъ складываются *народныя преданія, былины, пѣсни* о минувшихъ событіяхъ, о бѣдствіяхъ и радостяхъ, о страданіяхъ и подвигахъ народа, о его защитникахъ, друзьяхъ и любимцахъ, о его притѣснителяхъ и недругахъ. Но народныя воспоминанія съ годами тоже измѣняются, переходя отъ одного поколѣнія къ другому. Потому-то въ преданіяхъ, былинахъ и пѣсняхъ давнія событія представляются уже далеко не такими, какъ они происходили въ свое время, а часто въ сказочномъ видѣ, любимцы народа являются чудесными богатырями и героями, враги и притѣснители—чудовищами.

Въ помощь народной памяти приходитъ *письменность*. Письменные люди, больше монахи, издавна стали записывать преданія и рассказы стариковъ о минувшемъ, а также и все то, что слышали и сами знали о важныхъ событіяхъ и лицахъ въ жизни родного народа: о войнахъ, о бѣдствіяхъ, о построеніи городовъ, о жизни людей въ старое время, о старыхъ судахъ и порядкахъ, о святыхъ угодникахъ, о небесныхъ знаменіяхъ, о великихъ государяхъ и т. п. Эти записи располагались по лѣтамъ (по годамъ). Ихъ называютъ *лѣтописями*, а сочинителей ихъ лѣтописцами. Многія изъ лѣтописей сохранились до нашего времени. Такова, на примѣръ, лѣтопись преподобнаго *Нестора*, монаха Киево-Печерской лавры. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилось въ нашемъ отечествѣ письменныхъ людей. Сочиненія ихъ переписывались и въ рукописяхъ расходились по русской землѣ.

Вотъ откуда мы знаемъ о родной старинѣ.

— На какія *части* можно раздѣлить эту статью?—Какъ можно опредѣлить содержаніе каждой части?—Какъ сохраняются воспоминанія о родной *старинѣ* въ народѣ?—Какія народныя *преданія* мы читали? Нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь сказочнаго?—Какъ письменность помогаетъ народной памяти? Что такое *лѣтопись*?

22. Древніе славяне, наши предки.

Изъ лѣтописи преподобнаго Нестора, въ переложеніи съ древне-русскаго языка на современный.
С. М. Соловьева.

Мы такъ начнемъ эту повѣсть. Послѣ потопа, три сына Ноевы, Симъ, Хамъ и Афетъ, раздѣлили землю: востокъ достался Симу, южная страна Хаму, сѣверъ и западъ Афету; отъ племени Афетова пошелъ народъ славянскій. Спусти много вѣковъ, славяне сѣли по Дунаю, гдѣ теперь земля венгерская и болгарская. Отъ тѣхъ славянъ разошлись по землѣ многіе народы и назывались каждый своимъ именемъ, гдѣ кто сѣлъ на какомъ мѣстѣ; такъ напримѣръ, одни поселились по рѣкѣ Моравѣ и назвались моравами, а другіе назвались чехами, а вотъ тоже славяне: болгаре и сербы. Когда волохи напали на славянъ дунайскихъ, поселились среди нихъ и стали ихъ притѣснять, то славяне опять стали двигаться къ сѣверу. Такъ—одни пришли и сѣли на Вислѣ и прозвались ляхами; отъ этихъ ляховъ пошли поляки. Другіе славяне пришли и сѣли по Днѣпру и назвались полянами, а другіе—древлянами, потому что стали жить въ лѣсахъ; а другіе сѣли между Припетью и Двиною и назвались дреговичами; полочане прозвались отъ рѣчки, именемъ Полоты, которая втекаетъ въ Двину. Тѣ, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своимъ именемъ, славянами; они построили себѣ городъ и назвали его *Новгородомъ*.

Такъ разошелся славянскій народъ. Всѣ названныя племена жили особо другъ отъ друга, каждое на своемъ мѣстѣ, со своими правами, обычаями и преданіями. У полянъ были обычаи кроткіе и тихіе, а другія племена жили, какъ звѣри. Между полянами были три брата: одному имя *Кій*, другому *Щекъ*, третьему *Хоривъ*; сестру ихъ звали *Лѣбедью*. Они построили городъ, который назвали по имени старшаго брата *Киевомъ*. По смерти этихъ братьевъ, древляне и другіе окольные народы стали притѣснять полянъ; тогда пришли къ нимъ козары и сказали: «платите намъ дань». Поляне подумали и согласились.

— Дунай—большая рѣка. впадаетъ въ Черное море съ запада; Россіи принадлежитъ только устье Дуная.—Болгаре и сербы и нынѣ живутъ на правомъ берегу Дуная: Болгарія—княжество, подчиненное Турціи, Сербія—независимое королевство.—Чехи и Моравы живутъ въ Австрійской имперіи. Болгаре и моравы были первыми славянскими народами, принявшими святое крещеніе отъ грековъ: ихъ просвѣтили святыя братья Кирилль и Меодій, которые придумали славянскую азбуку и перевели на славянскій языкъ священныя книги.—Поляки и Польская земля вошли въ составъ Россіи (Варшава), Австріи и Германіи.—Волохи—сильные народы, которые заставили часть славянъ покинуть берега Дуная.—Висла—большая рѣка, впадаетъ въ Балтійское море.—Припеть—притокъ Днѣпра.—Козары (хозары) кочевали въ степяхъ на востокъ отъ Днѣпра.

— Чѣмъ начинается лѣтопись Нестора?—Какъ онъ рассказываетъ о населеніи славянъ по Европѣ?—О какихъ русскихъ городахъ онъ упоминаетъ?—Какое преданіе записалъ онъ о городѣ *Киевѣ*?

23. Судъ Божій на горѣ Судомѣ.

Народное преданіе.

Въ порховскомъ уѣздѣ Псковской губерніи течетъ рѣчка Судма, впадающая въ р. Шелонь. На берегахъ этой рѣчки находятся, другъ противъ дружки, двѣ невысокія горки. На одной горкѣ встарину былъ городокъ княгини Ольги Вышгородъ и донинѣ сохранились слѣды стариннаго укрѣпленія. На другой горкѣ, говорятъ, самъ Богъ производилъ судъ надъ людьми. Съ неба висѣла цѣпь, и когда двое людей тягались о чемъ-нибудь, они должны были всходить на горку и брать рукою цѣпь: правый всегда доставалъ до цѣпи, а виноватый не доставалъ, потому что цѣпь поднималась выше.

Только вотъ что случилось одинъ разъ.

Одинъ человекъ занялъ у другого деньги и отпѣлся. Свидѣтелей не было, а потому обоимъ было велѣно итти на гору Судому—на судъ Божій. Тотъ, кто далъ деньги, поднялъ руку и сразу доставалъ до цѣпи. Пришелъ чередъ виноватаго. Онъ не отпирался, а только передалъ правому свой костыль, поднялъ руки и доставалъ цѣпь. Когда онъ сошелъ съ горки, тотчасъ-же взялъ свой костыль, а въ костылѣ-то и были спрятаны деньги, какія онъ бралъ займы: онъ передъ тѣмъ, какъ итти на судъ, выдолбилъ у костыля нутро да туда и сложилъ деньги; когда онъ подымался на горку, онъ, вмѣстѣ съ костылемъ, отдалъ и деньги тому, у кого ихъ взялъ,—потому цѣпь и далась ему въ руки. Такъ онъ обманулъ не только людей, но и самого Бога. Но послѣ этого цѣпь поднялась на небо и больше не опускалась. Съ тѣхъ поръ стали судить люди людей.

— Рѣка Шелонь впадаетъ въ озеро Ильмень.

24. Начало Русскаго государства.

Изъ лѣтописи пр. Нестора въ переложеніи С. М. Соловьева.

Въ то время, какъ поляне и другія племена платили дань козарамъ, варяги изъ-за моря брали дань на славянахъ новгородскихъ, также на чуди и мери. Скоро однако эти народы прогнали варяговъ за море, перестали давать имъ дань и начали владѣть сами собою. Но, прогнавши варяговъ, они никакъ не могли уладиться другъ съ другомъ и начали междоусобныя всины. Тогда они стали говорить между собою: «поищемъ себѣ князя, который-бы владѣлъ нами и судилъ всѣ дѣла справедливо». Они отправили пословъ за море, къ варягамъ, къ Руси; *Русью* назывались варяги точно такъ-же, какъ другіе зовутся шведами, иные норвежцами, англичанами. Чудь и новгородцы сказали Руси: «земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ; пойдите княжить и владѣть нами.» Собрались три брата съ родственниками своими, взяли съ собою всю Русь, и пришли: *Рюрикъ* въ Новгородъ, *Синеусъ* на Бѣло-озеро, *Труворъ* въ Изборскъ. Отъ нихъ-то и прозвалась *Русская земля* (862 г.). Черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли; Рюрикъ одинъ принялъ всю власть и роздалъ города приближеннымъ къ себѣ людямъ. Двое изъ нихъ, *Аскѣльдъ* и *Диръ*, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились итти къ Царюгороду. Идучи внизъ по

Днѣпру, они увидали на горѣ городокъ и спросили: «чей это городокъ?» Жители отвѣчали имъ: «были три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ; они-то и построили этотъ городокъ, да послѣ изгибли; а мы вотъ платимъ дань козарамъ». Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, собрали много варяговъ и начали владѣть полянами. А Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ.

— Варяги (норманны), живущіе за Балтійскимъ моремъ (*Варяжскимъ*), переплывали на легкихъ лодкахъ море, а потомъ, черезъ рѣку Неву и Ладожское озеро, по р. Волхову подплывали къ Новгороду и брали дань съ славянъ. По-этому славяне хорошо знали варяговъ.—Чудь и меря—финскія племена, жившія по сосѣдству съ славянами, на сѣверо-востокъ.—Царьградомъ славяне называли главный греческій (нынѣ турецкій) городъ Константинополь, за Чернымъ моремъ.—Новгородъ, нынѣ губернской городъ, на берегу рѣки Волхова, былъ первой русской столицей: здѣсь въ 862 году основалось Русское государство.

— Какъ Несторъ рассказываетъ объ основаніи Русскаго государства?—Почему оно назвалось *русскимъ*?—Въ какомъ году и гдѣ оно основалось?—Какъ звали перваго русскаго князя?

25. Древній варяжскій воинъ.

Изъ стихотворенія К. Н. Батюшкова.

Тамъ воинъ нѣкогда, Одина храбрый внукъ,
Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣлый,
Готовилъ сына въ брань, и стрѣлъ пернатыхъ пукъ,
Броню завѣтну, мечъ тяжелый
Онъ юношѣ вручалъ израненной рукой
И громко восклицалъ, подъявъ дрожащи длани:
«Тебѣ онъ обреченъ, о Богъ, властитель брани,
«Всегда и всюду твой!

«А ты, мой сынъ, клянись мечомъ своихъ отцовъ
«И Гелы клятвою кровавой—
«На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ,
«Иль часть, какъ предки пали съ славой!»
И пылкій юноша мечъ прадедовъ лобзалъ,
И къ персямъ прижималъ родительскія длани,
И въ радости, какъ конь при звукѣ новой брани,
Кипѣлъ и трепеталъ.

Война, война врагамъ отеческой земли!
Суда на утро восшумѣли,
Запѣнились моря, и быстры корабли
На крыльяхъ бури полетѣли.
Въ долинахъ Нейстріи раздался браней громъ,
Туманный Альбіонъ изъ края въ край пылаетъ,
И Гела день и ночь въ Валгаллу провожаетъ
Погибшихъ блѣдный сонмъ.

— Варяги (или норманны) были удалой воинственный народъ; большую часть жизни они проводили на морѣ. Они наводили страхъ своими набѣгами на всѣ западныя приморскія страны.—Одинъ и Гела—языческіе норманскіе боги.—Брань—война.—Длани—руки.—Перси—грудь.—Нейстрія и Альбіонъ—древнія названія Франціи и Англіи.—Валгала—рай: туда, по вѣрованію норманновъ, Гела провожала воиновъ, павшихъ на войнѣ.

26. Вѣщій Олегъ.

К. Н. Бестужева-Рюмина.

Не долго Аскольдъ и Диръ владѣли Кіевомъ.

Въ Новгородѣ умеръ Рюрикъ (879 г.) и оставилъ послѣ себя малолѣтняго сына *Игоря*. Сына своего Рюрикъ поручилъ *Олегу*, родственнику своему. Олегъ сталъ править, а Игорь до смерти его во всемъ его слушался, такъ что и жену ему *Олгу* выбралъ Олегъ по своей волѣ. Случилось нѣсколько лѣтъ спустя, что надоѣло Олегу жить въ Новгородѣ; пошелъ онъ ратью съ дружиною своею внизъ по Днѣпру и заставилъ попутные народы платить себѣ дань и всюду поставилъ отъ себя намѣстниковъ.

Пришелъ онъ къ Кіеву, воинамъ велѣлъ спрятаться въ ладьяхъ, а самъ назвался купцомъ и послалъ сказать Асколду и Диру: «Мы купцы, идемъ къ грекамъ отъ Олега и Игоря княжича; приходите къ намъ». Времена тогда были простыя: заѣзжему человѣку всѣ были рады и старались угодить ему, потому что заѣзжій человѣкъ бываетъ въ разныхъ сторонахъ: разноситъ и хорошую, и худую славу. Пришли князья кіевскіе; тогда воины выскакали изъ ладей. Олегъ сказалъ Асколду и Диру: «Вы не князья, рода не княжескаго, а я рода княжескаго». Потомъ вынесъ Игоря и сказалъ: «Вотъ сынъ Рюрика». Тутъ и убили Аскольда и Диру... Съѣлъ Олегъ въ Кіевѣ и назвалъ Кіевъ «матерью городовъ русскихъ». Окольные племена онъ заставилъ платить дань; инья смиренно покорились, другихъ онъ принудилъ силою.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Въ 906 году собрался Олегъ на грековъ и пошелъ на коняхъ и на лодкахъ; лодокъ у него было двѣ тысячи. Пришли къ Царьграду. Греки затворили городъ, а входъ въ заливъ заперли цѣпью. Вышелъ Олегъ на берегъ; велѣлъ и лодки вывозить на берегъ, и стали жечь загородные дома и церкви, а плѣнныхъ мучили, разстрѣливали и кидали въ море: тогда на войнѣ иначе и не поступали, особенно же идолопоклонники... Испугались греки и послали сказать Олегу: «Не губи города, а возьми дкупъ». Взялъ съ грековъ Олегъ большой дкупъ и заключилъ миръ...

Пришелъ Олегъ въ Кіевъ съ большою добычею; люди встрѣтили его съ радостью и назвали *вѣщимъ*.

— На лодкахъ: изъ Кіева лежалъ хорошій водяной путь къ грекамъ—по Днѣпру и по Черному морю; поэтому у Кіевлянъ скоро завязались торговыя сношенія съ греками.—*Идолопоклонники*: славяне въ то время не знали истиннаго Бога; они поклонялись ложнымъ богамъ: богу грома *Перуну*, богу солнца *Даждь-богу* и т. п., ставили идоловъ въ лѣсу на полянкахъ, приносили имъ жертвы, молились, пѣли пѣсни. Но скоро Кіевляне стали перенимать отъ грековъ христіанскую вѣру.—*Вѣщій*—значить мудрый, хитрый, удачливый. Рассказываютъ, что Олегъ подѣхалъ къ Константинополю на лодкахъ посуху: велѣлъ поставить ихъ на колѣса и расцарусить паруса.

— Какъ Несторъ разсказываетъ о переселеніи русскаго князя Олега въ *Кіевъ*?
— Какъ онъ разсказываетъ о походѣ Олега на *грековъ*?— Какое преданіе сохранилось
объ этомъ походѣ?— За что народъ прозвалъ Олега *вѣщимъ*?

Планъ для сочиненія „Начало Русскаго государства“.

1. Наши предки славяне и ихъ жизнь. 2. Неурядица у славянъ и причина ея. 3. Обиды отъ сосѣдей. 4. Варяги. 5. Дума о необходимости единой власти. 6. Приглашеніе князей. 7. Рюрикъ въ Новгородѣ.

27. Олеговъ щитъ.

Изъ стихотворенія А. С. Пушкина.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, *войнственный* варягъ,
Пришла *славянская* дружина
И развила *побѣдный* стягъ,
Тогда *во славу* Руси ратной,
Строптиву греку *въ стыдъ* и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На *цареградскихъ* воротахъ.

— Градъ Константина—городъ, построенный греческимъ императоромъ Константиномъ, *Константинополь*; онъ-же *Царь-градъ*.— Войнственнымъ варягомъ поэтъ называетъ Олега.— Стягъ—знакъ побѣды, знамя.— Пригвоздилъ свой щитъ: преданіе говорить, что Олегъ, уѣзжая съ данью отъ Царь-града, прибилъ на воротахъ города свой щитъ.

28. Вольга Святославовичъ и Микулушка Селяниновичъ.

Изъ народной былинны.

Когда возсіяло *солнце* красное
На это на *небушко* на *ясное*,
Тогда зарождался молодой *Вольга*,
Молодой *Вольга Святославовичъ*.
Сталъ *Вольга растѣть-матерѣть*.
Похотѣлося *Вольгѣ* много *мудрости*:
Щукой-рыбою ходить ему въ *глубокихъ* моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подь *долока*,
Сырымъ волкомъ рыскать во *чистыхъ* поляхъ...
Сталъ *Вольга растѣть-матерѣть*,
Набирать себѣ *дружинушку* хоробую,
Тридцать молодцовъ безъ *единого*,
Самъ еще *Вольга во тридцатыхъ*...
Со своею *дружинушкой* *хоробою*
Онъ поѣхалъ къ *городамъ* за *полѣшкою*.
Выѣхалъ въ *раздольце* *чисто поле*,
Онъ услышалъ въ *чистомъ* полѣ *рѣтая*:
Орѣтъ въ *полѣ* *рѣтай*, *понукиваетъ*,

Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшяки по камешкамъ почеркиваютъ.
Бхалъ Вольга до ратая
 День съ утра онъ до вечера,
Бхалъ Вольга еще другой день,
 А не могъ онъ до ратая доѣхати...
Бхалъ Вольга еще третій день,
 Третій день съ утра до пѣбѣдья,
Наъхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая.
Орѣтъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Съ края въ край бороздки помѣтываетъ;
 Въ край онъ уѣдетъ—другого не видать;
 Коренья, каменья вывѣртываетъ,
 А великіе-то всѣ каменья въ борозду валить;
 Кобыла у ратая солдовая,
 Сошка у ратая кленовая,
 Гужики у ратая шелковые.
 Говорилъ Вольга таковы слова:
 «*Божья* ти помочь, оратаюшко,
 Орать, да пахать, да крестьянствовать!»
 Говорилъ оратай таковы слова:
 «*Спасибо*, Вольга Святославговичъ!
 Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь?»
 — Ай-же ты ратаю-ратаюшко!
 Буду къ городамъ за получкою.—
 «Ай-же, *Волга* Святославговичъ!
 А былъ я въ городъ третьёго-дни,
 Увезъ я оттоль соли два мѣха,
 Два мѣха соли по сороку пудъ.
 И живутъ тамъ мужики все разбойники,
 Они просятъ грошевъ подорожныхъ.
 А былъ я съ шалыгой подорожною,
 Платилъ имъ гроши подорожные:
 Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
 А который сидя сидитъ, тотъ и лёжа лежитъ.»
 Говорилъ Вольга таковы слова:
 «Ай-же, оратай-оратаюшко,
 Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!»
 Этотъ оратай-оратаюшко
 Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
 Кобылку изъ сошки повывернулъ.
 Съли на добрыхъ коней, поѣхали.
 Говоритъ оратай таковы слова:
 «Ай-же, *Волга* Святославговичъ!
 Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
 И не для ради прохожаго, проѣзжаго,
 А для ради мужика-деревенщины,—

Какъ-бы сошку съ земельки повыдернути,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути
 И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ? —
 Молодой *Вольга* Святославговичъ
 Посылаетъ онъ съ дружинишки хоробрый
 Пять молодцовъ могучихъ,
 Посылаетъ и цѣлымъ десяточкомъ,
 Посылаетъ и всю дружинишку хоробрую:
 Они сошку за ѡбжи вокругъ вертятъ,
 А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
 Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
 Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
 Поѣхалъ *оратай-оратаюшко*
 На своей *кобылкѣ* солдвенькой
 Ко этой же сошкѣ кленовой;
 Бралъ-то онъ сошку одною рукой,
 Сошку съ земельки повыдернулъ,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
 Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
 Говорилъ *Вольга* Святославговичъ:
 «Ай-же ты, *ратаю-ратаюшко!*
 Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
 Какъ величаютъ по отечеству?»
 Говорилъ *оратай* таковы слова:
 «Ай-же, *Вольга* Святославговичъ!
 А я *ржи* напашу, да во *скирды* сложу,
 Во *скирды* сложу, *домой* въволочу,
Домой въволочу да *дома* въмолочу,
Драни надеру да и *пива* наварю,
Пива наварю да и *мужишковъ* напою,—
 Станутъ мужички меня *поклѣкивати*:
 Молодой *Микулушка* *Селяниновичъ!*»

— Ратай, оратай — пахарь (отъ *орать* — пахать). — Омѣшикъ — рало у сохи. —
 Пѣбѣдье — передъ-обѣденная пора. — Солѡвая лошадь — блѣдно-желтая. — Крестьянство-
 вать — дѣлать крестьянское дѣло. — За получкою — получать, собирать дань, подать —
 гроши подорожные — плата за проѣздъ по дорогѣ, подорожный сборъ. — Шалыга —
 кистень, плетъ съ обязанной пулей на концѣ. — Ракитовъ кустъ, раки́та — ветла,
 бѣлая ива, съ цвѣтами, въ срезкахъ. Обжи — оглобли.

Былинами, или *старинами*, называются древнія народныя русскія пѣснопѣнія
 о давно-минувшихъ событїяхъ народной жизни. Онѣ и до сихъ поръ сохранились
 въ народѣ въ сѣверныхъ и въ сибирскихъ губерніяхъ. Въ былинахъ воспѣваются
богатыри, т.-е. люди, одаренные необыкновенною силою и отвагою, смѣло и удачно
 совершающіе разные подвиги. Эти подвиги богатырей — подвиги славныхъ героевъ,
 особенно памятныхъ народу, или самого народа. Въ былинахъ историческія событїя
 получаютъ сказочный характеръ, но все-таки узнать ихъ не трудно. Въ былинѣ о
 Вольгѣ, который напоминаетъ Вѣщаго Олега, изображается сближеніе варяжской
 дружинной силы съ славянской земской, земледѣльческой силой, для общаго дѣла,
 устройства Русской земли.

29. Пѣнь о Вѣщемъ Олегѣ.

А. С. Пушкина.

1. Какъ нынѣ собирается *вѣщій Олегъ*
 Отмстить неразумнымъ *хозарамъ*:
 Ихъ *сѣла* и *нищы*, за буйный набѣгъ,
 Обрекъ онъ *мечамъ* и *пожарамъ*.
 Съ дружиной своей, въ цареградской *бронѣ*
 Князь *по полю* ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ тѣмнаго лѣса, *на встрѣчу* ему,
 Идетъ вдохновенный *кудесникъ*,
 Покорный *Перуну* старикъ *одному*,
 Завѣтовъ *грядущаго вѣстникъ*,
 Въ *молбахъ* и *гаданьяхъ* проведеншій весь вѣкъ.
 И къ мудрому старцу *подъѣхалъ* Олегъ.

— Скажи мнѣ, *кудесникъ*, *любимецъ боговъ*,
 Что *сбудется* въ жизни со мною?
 И *скоро-ль*, на радость *сосѣдей-сраговъ*,
Могильной засыплюсь *землею*?
 Открой мнѣ *всю правду*, не бойся меня:
 Въ награду *любого* возьмешь ты коня.—

«Волхвы не боятся *могучихъ владыкъ*,
 А княжескій даръ имъ не *нуженъ*;
Правдивы и *свободны* ихъ *вѣщій языкъ*,
 И съ волей *небесною* *друженъ*.
Грядущіе годы *таятся во мѣтѣ*;
 Но *вижу* твой *жребій* на *свѣтломъ челѣ*.

«Запомни же нынѣ ты *слово* мое:
 Воителю *слава*—*отрада*;
 Побѣдой *прославлено* имя *твое*;
 Твой *щитъ* на *вратахъ Цареграда*;
 И *волны*, и *суша* *покорны* тебѣ;
Завидуетъ недругъ *столь дивной судьбѣ*.

«И *синяго моря* *обманчивый валъ*
 Въ *часы роковой* непогоды,
 И *пращъ*, и *стрѣла*, и *лукавый кинжалъ*
Щадятъ побѣдителя *годы*.
 Подъ *грозной броней* ты *не выдаешь* ранъ:
Незримый хранитель *могучему данъ*.

«Твой конь *не боится* *опасныхъ трудовъ*;
 Онъ, *чуя* *господскую* волю,

То смиренный стоять подь стрѣлами враговъ,
 То мчится по бранному полю;
 И холодъ, и стѣха ему ничего...
 Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

2. Олегъ усмѣхнулся; однако чело
 И взоръ омрачилися думой.
 Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
 Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
 И вѣрнаго друга прощальной рукой
 И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
 Разстаться настало намъ время;
 Теперь отдыхай, — ужъ не ступитъ пога
 Въ твое позлащённое стремя.
 Прощай, утѣшайся, да помни меня.
 Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

«Покройте поподной, мохнатымъ ковромъ,
 Въ мой лугъ подь уздцы отведите;
 Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
 Водой ключевдою поите.»
 И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
 А князю другого коня подвели.

3. Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
 При звонѣ весѣломъ стакана.
 И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
 Надъ славной главою кургана.
 Они поминаютъ минувшіе дни
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:
 Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
 Здоровъ ль? Все такъ-же ль легкъ его бѣгъ?
 Все тотъ-же ль онъ бурный, шристый?»
 И внемлетъ отвѣту: «на хѣлмѣ крутомъ
 Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ».

Могучій Олегъ головою поникъ
 И думаетъ: «что же гаданье?
 Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ:
 Презрѣть бы твое предсказанье!
 Мой конь и донынѣ носилъ бы меня».
 И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ *идетъ* могучій Олегъ со двора;
 Съ нимъ *Игорь* и старые *гости*,
 И видятъ: на *холмъ*, у берега Днѣпра,
 Лежатъ *благородныя* кости;
 Ихъ моютъ *дожди*, засыпаютъ ихъ *пыль*,
 И *вптеръ* волнуетъ надъ ними *ковыль*.

Князь тихо на *черепъ* коня наступилъ
 И молвилъ: «*сти*, другъ *одинокій!*
 Твой старый хозяинъ тебя *пережилъ*:
 На *тризнѣ*, уже *недалёкой*,
 Не ты подъ сѣкирой *ковыль* обагришь
 И жаркою кровью *мой прахъ* напоишь!

Такъ *вотъ идъ* таилась погибель моя:
 Мнѣ *смертію кость* угрожала!»
 Изъ *мёртвой* главы *гробовая змья*,
Шипя, между тѣмъ, *выползала*;
 Какъ *чёрная* лента, *вкругъ ногъ* обвилась,—
 И *вскрикнулъ* внезапно *ужаленный* князь...

Ковши *круговые*, *запѣнясь*, *шипятъ*
 На *тризнѣ* *плачевной* Олега;
 Князь *Игорь* и *Ольга* на *холмъ* сидятъ,
 Дружина *пируетъ* у берега,—
 Бойцы *поминаютъ* *минувшіе* дни
 И *битвы*, гдѣ *вмѣстѣ* *рубилась* они.

— Кудесникъ—мудрецъ, волхвъ, близкій къ богамъ, по понятіямъ язычниковъ.—Грядущее—будущее.—Тризна—поминки по умершемъ.—Сѣкира—топоръ. У древнихъ славянъ былъ обычай—на могилѣ умершаго воина (воителя) закалывать того коня, на которомъ онъ ѣздилъ.—Игорь—сынъ Рюрика; Ольга—жена Игоря.

Въ этомъ стихотвореніи дается живая картина жизни, обычаевъ и вѣрованій нашихъ предковъ. Особенно ярко выразилось въ немъ вѣрованіе въ судьбу, рѣшенія которой, будто бы, знали кудесники. Пушкинъ самъ создалъ живые образы, какіе даетъ въ стихотвореніи, но содержаніе для него взялъ изъ народнаго преданія, кратко записаннаго лѣтописцемъ Несторомъ. Вотъ разсказъ лѣтописца:

„И помяну (вспомнилъ) Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити (котораго поставилъ на кормъ), не всѣда на нь (не садился на него). Бѣ бо преже въпрошалъ (потому что преже спрашивалъ) волхвовъ кудесникъ: отъ чего ми (мнѣ) есть умрети? И рече (сказалъ) ему одинъ кудесникъ: княже! конь, его-же любиши и ѣдиши на немъ, отъ того ти (тебѣ) умрети. Олегъ же примъ (взялъ) въ умѣ си (это) рече: николи же всяду на конь, ни вижю его болѣ того. И повелѣ кормити и (его) и не водити къ нему, и пребывъ нѣскольکو лѣтъ не дѣя его (не пользуясь имъ), дондеже (пока) и на Греки иде. И пришедшо ему къ Киеву, и пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой, отъ него же

бяху рекли (сказывали, предсказывали) вольстви умрети Ольгови (Олегу), и призва старѣйшину конюхомъ, рка (говоря): кдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его? Онъ же рече: умерлъ есть. Олегъ же посмѣялся и укори кудесника, рка: то неправо молвятъ вольстви, но все то лжа (ложь) есть; конь умерлъ, а я живъ. И повелѣ осѣдлати конь: да вижю кости его. И прѣбха на мѣсто, идѣ же (гдѣ) бяху лежаще (лежали) кости его голы и лобъ (черепь) голъ, и слѣзъ съ коня, посмѣяся, рка: отъ сего ли лба смерть мнѣ взяти? и вступи (наступилъ) ногою на лобъ, и выникнучи (выползла) змѣя и уклюну (ужалила) и (его) въ ногу, и съ того разболѣвся умре. И плакашася (плакали, жалѣли) по немъ вси людѣ (весь народъ) плачемъ великомъ, и несоша и, и погребоша и на горѣ“. Такое народное преданіе о смерти Олега, записанное въ лѣтописи, показываетъ, что наши предки-язычники вѣрили въ судьбу, которая опредѣляетъ все будущее человѣка, и въ кудесниковъ, какъ людей, которые могли раскрывать рѣшенія судьбы.

— На какія *части-картины* можно раздѣлить стихотвореніе Пушкина? — Какъ можно *опредѣлить* содержаніе каждой части? — Что Пушкинъ заимствовалъ изъ народнаго преданія, записаннаго лѣтописцемъ? Что онъ создалъ самъ? — Какая разница между рассказомъ лѣтописца и стихотвореніемъ Пушкина? Который рассказъ *картиннѣе* и полнѣе рисуетъ древне-русскую жизнь? — Какое *върваніе* и какіе *обычаи* нашихъ предковъ отражаются въ картинахъ, созданныхъ Пушкинымъ? — Какимъ *человѣкомъ* рисуется въ нихъ князь *Олегъ*?

Планъ для сочиненія „Князь Олегъ“.

1) Почему послѣ Рюрика сталъ княземъ Олегъ? 2) Что сдѣлалъ Олегъ хорошаго для Руси? 3) Почему народъ прозвалъ его „вѣщимъ“? 4) Какъ изображаетъ Олега народная былина? 5) Преданіе о смерти Олега, записанное Несторомъ и обработанное Пушкинымъ, и значеніе его.

30. Святославъ, сынъ Игоря и Ольги.

Изъ лѣтописи Нестора въ переложеніи С. М. Соловьева.

Въ 955 году пошла Ольга въ Грецію и пришла въ Царь-городъ. Тамъ приняла христіанство и, возвратясь въ Кіевъ, уговаривала и сына Святослава креститься, но онъ и слышать не хотѣлъ о томъ; если же кто другой хотѣлъ креститься, то ему не мѣшали, но только смѣялись надъ нимъ.

Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать около себя много храбрыхъ воиновъ; ходилъ легко, какъ барсъ, и только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походахъ не возилъ за собою ни возовъ, ни котловъ и не варилъ мяса, но, изрѣзавъ тонкими ломтиками конское мясо, или другого какого-нибудь звѣря, или говядину, пекъ самъ на угляхъ, и такъ ѣлъ. Шатра у него также не было, но спалъ на войлокѣ, положивъ сѣдло въ головы; точно также жили и остальные воины. Онъ посылалъ къ разнымъ народамъ сказать: «хочу на васъ итти». Ходилъ воевать на Оку и на Волгу; на Окѣ нашелъ вятичей и спросилъ ихъ: «кому дань даете?» Вятичи отвѣчали: «Козарамъ». Тогда пошелъ Святославъ на Козаровъ, побѣдилъ ихъ

и взялъ ихъ городъ; наконецъ пошелъ на Дунай, на болгаръ, одолѣлъ ихъ, побралъ города по Дунаю, и сѣлъ княжить здѣсь въ Переяславцѣ. Между тѣмъ пришли въ первый разъ печенѣги на Русскую землю. Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками своими Ярополкомъ, Олегомъ и Владимиромъ... Когда печенѣги отступили отъ города, тогда Кіевляне послали сказать Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли и бережешь ее, а до своей тебѣ и дѣла нѣтъ; насъ едва было не взяли печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми; если ты не придешь и не оборонишь насъ, то насъ возьмутъ печенѣги; видно тебѣ не жаль ни родины своей, ни матери-старухи, ни дѣтей». Услыхавъ такія вѣсти, Святославъ тотчасъ сѣлъ на коней съ дружиною и пріѣхалъ въ Кіевъ. Радъ онъ былъ, что нашелъ мать и дѣтей своихъ въ безопасности, но очень жалѣлъ, что случилась съ ними такая бѣда отъ печенѣговъ; собравъ войско, онъ прогналъ варваровъ въ степи, послѣ чего настало мирное время...

По смерти матери, Святославъ опять пришелъ въ Переяславецъ, но болгаре затворились въ городѣ и не пустили его. Потомъ болгаре вышли изъ города на сѣчу противъ Святослава; сѣча была велика, и болгаре начали одолѣвать. Тогда Святославъ сказалъ своимъ воинамъ: «видно уже намъ здѣсь умереть, такъ станемъ биться мужественно, братья и дружина!» Къ вечеру одолѣлъ Святославъ, взялъ городъ и послалъ сказать грекамъ: «Хочу на васъ итти, взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ»... Греки собрали девяносто тысячъ войска на Святослава и не дали ему дани. Когда же русскіе увидали противъ себя такое множество войска, то испугались. Святославъ сказалъ имъ: «Уже намъ теперь нѣкуда дѣться; волею-неволею должны биться; не посраимъ русской земли, но ляжемъ здѣсь костями; мертвымъ не стыдно; я пойду передъ вами; когда же голова моя ляжетъ, тогда думайте сами о себѣ». Воины отвѣчали ему: «гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ». Русь приготовилась къ битвѣ, и была сѣча велика. Святославъ одолѣлъ.

— Барсъ—ловкій и сильный хищный звѣрь изъ породы большихъ кошекъ.—Вятичи—славянское племя, которое жило къ востоку отъ Днѣпра.—Печенѣги—дикіе кочевники, пришедшіе изъ Азіи, жили въ юго-восточныхъ степяхъ. Они много бѣдствій причиняли русскому народу своими опустошительными набѣгами, какъ раньше ихъ козары.—Варварами называютъ вообще дикихъ и жестокихъ людей.

— Княгиня *Ольга* управляла Русью послѣ смерти мужа своего Игоря и прославилась своей мудростью, а особенно тѣмъ, что приняла святое крещеніе; церковь причислила ее къ лику святыхъ.

31. Святославъ.

Изъ стихотворенія Н. М. Языкова. Пѣснь Баяна.

<i>О ночь, о ночь! лети стрѣлой!</i>	Цимѣйскій! <i>крѣпокъ ли твой щитъ?</i>
<i>Несносенъ</i> отдыхъ Святославу:	<i>Не тѣнки ль</i> кованыя латы?
Онъ жаждетъ <i>битвы</i> роковой.	Нашъ князь <i>убійственно</i> разитъ.
<i>О ночь, о ночь! лети стрѣлой!</i>	Цимѣйскій! <i>крѣпокъ ли твой щитъ?</i>
<i>Несносенъ</i> отдыхъ Святославу!	<i>Не тѣнки ль,</i> кованыя латы?

Дружинѣ *бѣзыхъ* дай коней,
 Не то—мечи ее *нагонятъ*,
 И не *ускѣчетъ* отъ мечей.
 Дружинѣ *бѣзыхъ* дай коней,
 Не то—мечи ее *нагонятъ*.

Ты рать *обширную* привелъ;
 Не много насъ, но мы *Славяне*:
 Ударъ нашъ *мѣтокъ* и тяжелъ.

Ты рать *обширную* привелъ;
 Не много насъ, но мы *Славяне!*
 О *ночь*, о *ночь*, *лети* стрѣлой!
 Поля *откройтесь* для побѣды,
 Проснися *ужасъ* боевой!
 О *ночь*, о *ночь*, *лети* стрѣлой!
 Поля *откройтесь* для побѣды!

— Баянъ—пѣвецъ древней Руси: онъ воспѣвалъ удалыхъ князей, ихъ походы и подвиги.—Цимискій, Іоаннъ Цимискій,—греческій императоръ, искусный и храбрый воинъ, съ которымъ воевалъ Святославъ.

— Какимъ княземъ представляется въ этомъ стихотвореніи *Святославъ*?—Согласно ли такое представленіе съ лѣтописнымъ рассказомъ?—Какія свѣдѣнія о жизни и характерѣ Святослава мы имѣемъ изъ лѣтописи?

32. Христіанскіе мученики въ Кіевѣ.

Изъ лѣтописи Нестора въ переложеніи С. М. Соловьева.

Когда Владимиръ (внукъ Игоря и Ольги, сынъ Святослава) началъ княжить на Руси одинъ, онъ поставилъ разные кумиры на холму за дворомъ теремнымъ: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой, и другихъ. Приносили имъ жертвы, называя богами своими; приводили сыновей своихъ и дочерей и закалывали ихъ въ жертву богамъ, оскверняли землю своими жертвами; и осквернялась кровью земля русская и холмъ тотъ. Но преблагій Богъ не хотѣлъ смерти грѣшниковъ...

Ходилъ Владимиръ на ляховъ и занялъ ихъ города Перемышль, Червень и др., которые и теперь подъ Русью; побѣдилъ и ятвяговъ и наложилъ на нихъ дань. Когда князь пришелъ къ Кіеву и приносилъ жертву кумирамъ съ людьми своими, то старцы и бояре сказали ему: «бросимъ жребій на мальчиковъ и дѣвицъ,—на кого падеть, того и зарѣжемъ богамъ.» Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ варягъ; дворъ его стоялъ тамъ, гдѣ нынѣ церковь, построенная Владимиромъ. Варягъ тотъ пришелъ изъ Греціи, держалъ вѣру христіанскую, и былъ у него сынъ, прекрасный лицомъ и душою; на него-то и палъ жребій. Посланные отъ народа пришли къ старому варягу и сказали: «на твоего сына палъ жребій; боги выбрали его себѣ, чтобы мы принесли его имъ въ жертву.» Варягъ отвѣчалъ: «то не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніютъ; ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, сдѣланы руками изъ дерева; Богъ-же одинъ, которому служатъ греки и кланяются; Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, и далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сотворили? они сами сдѣланы руками человѣческими; не дамъ сына своего бѣсамъ.» Посланные пересказали слова варяга народу. Тогда народъ, взявъ оружіе, пошелъ на варяга и разломалъ заборъ около его дома. Варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Ему кричали: «отдай сына; намъ нужно его принести въ жертву богамъ.» Онъ отвѣчалъ: «если то въ самомъ дѣлѣ боги, то пусть пошлютъ одного бога взять моего сына;

а вы изъ чего такъ хлопчете?» Въ народѣ раздался яростный крикъ; толпа бросилась, подрубили сѣни подѣ обоими варягами, и такимъ образомъ убили ихъ, и никто не знаетъ, гдѣ ихъ похоронили.

— *Ятвяги* жили по верховьямъ рѣки *Нѣмана*, впадающей въ Балтійское море, въ нынѣшней Гродненской губерніи.—Этихъ первыхъ христіанскихъ мучениковъ на Руси звали *Феодоръ* и *Іоаннъ*.

Христіанъ въ Кіевѣ было довольно много уже при Игорѣ, была и христіанская церковь св. Іліи. Послѣ крещенія княгини Ольги число христіанъ стало еще больше. И князь Владимиръ сталъ задумываться о своей вѣрѣ языческой и сомнѣваться въ ней. Узнали объ этомъ другіе князья и народы и стали посылать къ Владимиру своихъ мудрецовъ, чтобы обратить его въ свою вѣру.

33. Князь Владимиръ задумалъ перемѣнить вѣру.

К. Н. Бестужева-Рюмина.

Ходилъ Владимиръ и на болгаръ камскихъ (гдѣ теперь Казань) и побѣдилъ ихъ... Болгаре были народъ богатый, торговый. Заключилъ Владимиръ съ ними миръ. Болгаре клялись: «сохранимъ этотъ миръ, покуда камень не будетъ плавать въ водѣ, а хмель тонуть.»

На другой годъ послѣ мира (986) пришли къ Владимиру послы этихъ болгаръ, которые были вѣры магометовой, и сказали ему: «ты, князь, мудръ и смыслѣнъ, но живешь беззаконно; прими законъ нашъ и поклонися Магомету»... Приходили нѣмцы... Приходили козарскіе евреи... Пришелъ наконецъ *философъ* отъ грековъ и сказалъ: «Слышалъ, что приходили къ вамъ болгаре и учили своей вѣрѣ; но вѣра ихъ ведетъ къ погибели...» Владимиръ сказалъ ему: «Приходили еще евреи, говорили, что вы вѣрите тому, кого они распяли. Правда-ли это?»—Правда, сказалъ философъ и вкратцѣ разсказалъ ему всю священную исторію; потомъ, когда кончилъ, показалъ картину, на которой изображенъ страшный судъ: праведники направо, съ веселіемъ идутъ въ рай, а грѣшники налево, идутъ въ мѹку. Владимиръ, вздохнувъ, сказалъ: «Хорошо тѣмъ, кто направо; горе тѣмъ, кто налево,» на что философъ отвѣтилъ: «Крестись, если хочешь быть направо.» Владимиръ, положила руку на сердце, сказалъ: «Подожду немного.» Онъ хотѣлъ еще разсмотрѣть разныя вѣры.

Созвалъ Владимиръ бояръ и старцевъ городскихъ и сказалъ имъ: «Приходили ко мнѣ болгаре и говорили: «прими нашъ законъ»; потомъ приходили евреи; послѣ же пришли греки, хулили всѣ законы, свой хвалили и много сказывали о бытіи всего міра отъ начала его; красно говорили и чудно ихъ слушать и пріятно каждому; говорили, что есть другой свѣтъ и что кто вступитъ въ ихъ вѣру, тотъ, если умереть оживетъ и вовѣки не умретъ; а кто другой законъ приметъ, тому горѣтъ въ огнѣ на томъ свѣтѣ. Что посоветуете? «Бояре и старцы отвѣтили ему на то: «Ты знаешь, князь, что всякій свое не хулитъ, а хвалитъ; а если хочешь узнать правду, то есть у тебя мѹжи: пошли ихъ, пусть посмотрятъ, какъ каждый народъ служитъ Богу.» Понравился этотъ совѣтъ Владимиру и вѣмъ людямъ: выбрали десять челоувѣкъ хорошихъ и смыслѣныхъ и послали...

Когда послы воротились въ Кіевъ, Владимиръ созвалъ опять бояръ и старцевъ и велѣлъ посламъ разсказать все по порядку. «Были мы у болгаръ, сказали послы, видѣли, какъ они молятся въ мечетяхъ: стоятъ безъ пояса; поклоняются и потомъ сядутъ и глядятъ по сторонамъ, какъ бѣшеные: не весело у нихъ, но печально; не хорошъ ихъ законъ. Были у нѣмцевъ и видѣли въ храмахъ ихъ многія службы, но нѣтъ у нихъ никакой красоты. Потомъ пришли къ грекамъ, и повели они насъ туда, гдѣ служатъ своему Богу, и не знаемъ, на землѣ ли мы были или на небѣ. Такой красоты на землѣ нѣтъ; мы знаемъ только то, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми. Мы не можемъ забыть той красоты. Каждый человекъ, когда попробовалъ сладкаго, не можетъ вкусить горькаго: такъ и мы.» Бояре сказали на то: «Если бы дурень былъ греческій законъ, то не приняла бы его бабка твоя, Ольга; а она была мудрѣйшая изъ людей.» Спросилъ Владимиръ: «Гдѣ же мы крестимся?» Отвѣчали бояре и старцы: «гдѣ тебѣ угодно.»

— Философъ — мудрый человекъ, который много думалъ о цѣли и смыслѣ человѣческой жизни. — Мечетями называются церкви у магометанъ

34. Крещеніе князя Владимира и Русскаго народа.

Изъ лѣтописи Пр. Нестора въ переложеніи С. М. Соловьева.

Въ 988 году, пошелъ Владимиръ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій. Корсунцы заперлись въ городѣ и крѣпко оборонялись. Владимиръ послалъ сказать имъ: «если не сдадитесь, то три года простою здѣсь;» но они не послушались. Тогда Владимиръ, устроивъ свое войско, велѣлъ дѣлать насыпи около города; но корсунцы, подкопавши городскую стѣну, уносили насыпаемую землю къ себѣ въ городъ. Въ это время одинъ житель корсунскій, именемъ Анастасъ, пустилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: «на востокъ отъ тебя колодезь; изъ него вода идетъ по трубѣ въ городъ, откопай колодезь и перейми воду.» Владимиръ тотчасъ велѣлъ копать, и точно воду переняли у гражданъ; тогда послѣдніе, изнемогши отъ жажды, сдались. Владимиръ вошелъ въ городъ съ дружиною и послалъ къ императорамъ Василию и Константину съ такими словами: «вотъ я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра дѣвица; если вы не отдадите ее за меня, то и столицѣ вашей будетъ отъ меня то же, что и Корсуню.» Оба царя, услыхавъ это, сильно огорчились и отвѣчали: «неприлично христіанамъ выдавать своихъ сестеръ за невѣрныхъ; если крестишься, то и сестру нашу получишь и вмѣстѣ съ нею — царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если не хочешь креститься, то не можемъ выдать за тебя сестры.» Владимиръ отвѣчалъ посламъ: «скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому что прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ правится ваша вѣра и богослуженіе.» Цари, услыша это, обрадовались и послали сестру свою, именемъ Анну, которую на силу уговорили итти; она сѣла на корабль, простилась съ родными и съ плачемъ поплыла черезъ море. Когда царевна пріѣхала въ Корсунь, Владимиръ крестился, а послѣ крещенья обвинчался на Аниѣ и пошелъ съ нею въ Кіевъ. Пришедши туда, онъ велѣлъ повѣстить народу: «кто не придетъ къ рѣкѣ креститься, богатый ли или бѣдный, тотъ будетъ мнѣ противенъ.» Услыхавъ это, люди шли съ радостію, говоря: «еслибъ

эта вѣра была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ее.» На другой день Владимиръ вышелъ съ духовенствомъ на Днѣпръ, куда собралось множество людей: всѣ вошли въ воду и стояли въ ней — одни по шею, другіе по грудь, малолѣтніе у берега, взрослые-же дальше и держали на рукахъ младенцевъ, а священники читали молитвы.

— Корсунь, греческій городъ, находился на Крымскомъ полуостровѣ, на берегу Чернаго моря, близъ нынѣшняго Севастополя.

— Какъ въ Кіевѣ появились христіане?—Что извѣстно изъ лѣтописи о первыхъ христіанскихъ мученикахъ на Руси?—Что знаемъ о крещеніи княгини Ольги?—Какъ лѣтописецъ рассказываетъ о крещеніи князя Владимира и Русскаго народа?

35. Возвращеніе князя Владимира въ Кіевъ.

Изъ стихотворенія гр. А. К. Толстого.

По лону *Днѣпровскихъ* сіяющихъ водъ,
Гдѣ, праздноя жизни отраду,
Весной все *тремтѣтъ*, и *цвѣтетъ*, и *поетъ*,
Владимиръ съ дружиной *обратно* плыветъ
Ко стольному *Кіеву*-граду.

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ *ладей* вереницы,
И вотъ *передъ* ними, по лѣвой рукѣ,
Все *выше* и *выше* растетъ вдалекѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековичей.

Владимиръ съ княждо *стдалица* всталъ,
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ *тишины* и *молчанья* насталъ,
И князю, въ сознаніи *новыхъ* началъ,
Открылося *новое* зрѣнье:

Какъ сонъ вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась *правда* Господня,
И брызнули *слѣзы* впервые изъ глазъ,
И мнится Владимиру: въ *первый* онъ разъ
Свой *городъ* увидѣлъ сегодня.

Народъ, *издалѣка* ихъ поѣздъ узнавъ,
Стопился на *берегъ*, и много,
Скитавшихся робко безъ *крова* и *правъ*,
Пришло *христіанъ* изъ пещеръ и дубравъ,
И *славятъ* Спасителя Бога.

И палъ на *дружину* Владимира взоръ:
<Вамъ, *друзи*, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь *мечъ* да *топоръ*,
Но время *настало*—и мы съ этихъ поръ
Сильны еще *силой иною!*>

И на *берегъ* вышелъ, душой возрожденъ,

Владимиръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внёсъ онъ законъ...
Дѣла стародавнихъ, далёкихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

— Какую картину рисуетъ поэтъ въ началѣ стихотворенія? — Какъ изображаетъ онъ князя Владимира и его *внутренній міръ* при возвращеніи изъ Корсуни въ Кіевъ? Какъ говорится въ стихахъ о его внутреннемъ мірѣ? — Какая *перемѣна* произошла въ душѣ князя? Съ какой *новой силой* онъ возвращается въ Кіевъ? Какой новый законъ онъ несетъ? Какъ говорится объ этомъ въ стихахъ?

36. Князь Владимиръ-христіанинъ.

К. Н. Бестужева-Рюмина.

На другой годъ послѣ крещенія своего началъ строить Владимиръ церковь Св. Богородицы. Для постройки вызваны были мастера изъ Греціи, и только черезъ восемь лѣтъ была она окончена. Церковь вышла дивная... Радъ былъ Владимиръ окончанію церкви и, вошедъ въ нее, началъ молиться Богу, говоря: «Господи Боже! кто помолится въ церкви сей, исполни молитву его ради Пречистыя Твоея Матери!» Потомъ сказалъ: «Даю въ церковь сію десятую часть отъ имѣній моихъ и городовъ моихъ.» И стала потому называться церковь та Десятинною. Поставилъ въ ней Владимиръ священникомъ корсунина Анастаса и далъ въ нее всѣ сосуды и иконы, которые привезъ съ собой изъ Корсуни. На радости сдѣлалъ великій пиръ...

Послѣ крещенія сталъ Владимиръ очень милостивъ. Слыша въ церкви слова Евангелія: «Блажени милостивіи, яко тѣ помилованы будутъ,» велѣлъ всякому нищему и убогому приходять на дворъ княжій и брать, что ему нужно: пищу, питье и даже деньги. Устроивъ это, онъ сказалъ: «больные и старые не могутъ приходять къ двору моему» — и велѣлъ положить на возъ хлѣбъ, мясо, рыбу, разныя овощи, налить въ бочки медъ и квасъ, возить все это по городу, кричать: «гдѣ больные нищіе, которые не могутъ ходить?» и раздавать такимъ пищу. Для дружины своей, бояръ и почетныхъ горожанъ устроилъ постоянный столъ въ своихъ хоромахъ, гдѣ каждый могъ пить и ѣсть при князѣ и безъ князя: всего было въ изобиліи. Разъ, когда гости подишли, начали они роптать на князя: «Срамъ нашимъ головамъ; ѣдимъ мы деревянными, а не серебряными ложками.» Дошло это до Владимира, и велѣлъ онъ выковать ложки серебряныя, говоря: «Серебромъ и золотомъ не добуду дружины, а дружиною добуду серебро и золото, какъ добывали отецъ мой и дѣдъ.» Много любилъ Владимиръ свою дружину и совѣтовался съ нею обо всѣхъ дѣлахъ. До сихъ поръ въ народныхъ пѣсняхъ-былинахъ живетъ память о пирахъ Владимира-Красное Солнышко и о богатыряхъ его.

— Пѣсни-былины больше всего воспѣваютъ князя Владимира-Красное Солнышко и его могучихъ богатырей: Владимиръ собираетъ около себя богатырей, устраиваетъ для нихъ пиры, ласково принимаетъ и угощаетъ ихъ, отправляетъ на службу, на ратные подвиги; а богатыри прокладываютъ дороги черезъ лѣса и болота, побиваютъ всякую нечистую силу и оберегаютъ Русскую землю отъ враговъ.

— Какимъ *человѣкомъ* былъ князь Владимиръ язычникомъ?—Какимъ онъ сталъ, когда принялъ святое *крещеніе*?—Какое-же дѣйствіе производитъ на челоуѣка христіанская вѣра и почему?

37. Единоборство богатырей—русскаго и печенѣжскаго.

К. Н. Вестужева-Рюмина.

Нападенія печенѣговъ были главною бѣдою того времени, когда княжилъ Владимиръ Святой. Разъ пришли они за рѣку Сулу. Владимиръ встрѣтилъ ихъ у рѣки Трубежа, и стояли оба войска каждое на своей сторонѣ, не смѣя перейти на другую. Приѣхалъ къ рѣкѣ князь печенѣжскій, вѣзвалъ Владимира и сказалъ: «Выпусти ты своего мужа, а я своего: пусть борются; если твой побѣдитъ нашего, то не будемъ воевать три года, а если нашъ побѣдитъ твоего, то будемъ воевать три года.» Владимиръ послалъ кличь кликать по обозу: «Нѣтъ ли мужа, который поборолся бы съ печенѣгомъ?» — и не нашлось никого... Началъ тужить Владимиръ, и пришелъ къ князю старикъ и сказалъ ему: «Князь! я вышелъ съ четырьмя сыновьями, а меньшій сынъ остался у меня дома; съ дѣтства никто не могъ его побороть. Разъ я побранилъ его, а онъ мялъ кожи и, разсердясь на меня, перервалъ ихъ руками.» Князь былъ радъ и послалъ за юношею. Привели его къ князю, и когда князь рассказалъ ему все, онъ сказалъ: «Не знаю, могу-ли я. Попробую: нѣтъ ли большого и сильнаго быка?» Нашли такого быка, раздразили его раскаленнымъ желѣзомъ и потомъ пустили. Побѣжалъ быкъ мимо юноши; онъ схватилъ его за бокъ и выхватилъ кожу съ мясомъ, сколько могъ захватить рукою. Владимиръ сказалъ послѣ этого: «Можешь бороться.» Поутру пришли печенѣги, начали кликать: «Нѣтъ ли мужа? Нашъ уже готовъ»... Выпустили печенѣги своего богатыря: онъ былъ огромнаго роста и страшной силы и посмѣялся надъ русскимъ богатыремъ, который былъ средняго роста. Отмѣряли мѣсто между двумя войсками и пустили ихъ драться. Крѣпко боролись они; наконецъ русскій богатырь задушилъ печенѣга и повалилъ его на землю. Побѣжали печенѣги съ крикомъ, а русскіе погнались за ними, рубя ихъ.

— Рѣка Сула впадаетъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны.—Рѣка Трубежъ тоже впадаетъ въ Днѣпръ съ той-же стороны, въ Полтавской губерніи, близъ г. Переяслава.

38. Богатырь Никита-Кожемяка.

Народное преданіе.

Появился подъ Кіевомъ страшный змѣй. Много народу забралъ онъ въ свою берлогу и поѣлъ. Утащилъ змѣй и царскую дочь, но не съѣлъ ее, а заперъ въ своей берлогѣ. А съ царевной попала и маленькая собаченка. Вотъ и стала царевна посылать съ собаченкой записочки къ родителямъ, когда змѣй улетаѣлъ за добычей: собачка отнесетъ записочку въ Кіевъ и отвѣтъ принесетъ. И пишутъ родители царевнѣ: «узнай-де отъ змѣя, кто его сильнѣе.» И допыталась царевна, что сильнѣе змѣя въ Кіевѣ одинъ только Никита-Кожемяка. Отыскалъ царь Никиту и пошелъ къ нему съ царицей просить, чтобы выручилъ онъ царевну. Въ ту пору Никита мялъ двѣнадцать воловьихъ

кожь. Какъ увидалъ онъ царя, испугался—и разорвалъ все двѣнадцать кожь. Разсердился Никита, что ему много убытка надѣлали,—не хочетъ выручать царевну. Тогда собрали пять тысячъ сиротъ, которыхъ осиротилъ змѣй, и послали просить Кожемяку, чтобы освободилъ онъ Русь отъ великой бѣды. Сиротскія слезы разжалобили Никиту. Пошелъ онъ къ змѣиной берлогѣ, а змѣй заперся, бревнами завалился и не выходитъ. Началъ Никита руками бревна разбрасывать. Вышелъ змѣй, и стали они биться. Повалилъ его Никита на землю, а змѣй сталъ молить его: «Не бей ты меня до смерти! Лучше раздѣлимъ мы всю землю поровну, ты будешь владѣть одной половиной, а я другой!»—Ладно, сказалъ Никита, только надо межѣ проложить, чтобы потомъ у насъ спору не было.—Сдѣлалъ Никита соху въ 300 пудъ, запрегъ въ нее змѣя и сталъ отъ Кіева борозду прокладывать, дошли до Чернаго моря.—Теперь будемъ и воду дѣлить!—говоритъ Никита. Загналъ онъ змѣя въ море да и утопилъ. Возвратился Кожемяка въ Кіевъ, ничего не взялъ за свой трудъ и опять принялся за кожи. Возвратилась и царевна къ родителямъ. А борозда Никиты, говорятъ, и по сию-пѣру кое-гдѣ видна въ степи: кругомъ мужики землю пашутъ, а борозды той не трогаютъ.

— Какое *событіе* напоминаетъ это сказочное народное преданіе?—Что въ немъ *сказочное*? Въ какомъ образѣ представляются печенѣги? Въ какомъ видѣ представляется русскій богатырь?

Пламя для сочиненія „Князь Владимиръ и крещеніе Руси“.

1. Переселеніе русскихъ князей изъ Новгорода въ Кіевъ. 2. Воляной путь изъ Кіева въ Константинополь. 3. Христіане въ Кіевѣ. 4. Княгиня Ольга. 5. Князь Владимиръ-язычникъ. 6. Первые христіанскіе мученики на Руси. 7. Думы Владимира о переѣзѣ вѣры. 8. Походъ въ Корсунь и крещеніе князя. 9. Возвращеніе Владимира въ Кіевъ и крещеніе Руси. 10. Какъ измѣнился князь, сдѣлавшись христіаниномъ.

39. Народная былина о томъ, какъ Илья Муромецъ сталъ богатыремъ.

*Кто бы намъ сказалъ про старое,
 Про старое, про бывалое,
 Про того Илью про Муромца?
 Во славномъ городѣ во Муромѣ,
 Во селѣ было Карачаровѣ,
 Жилъ-былъ крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ.
 У него было дѣтище любимое,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
 Сиднемъ онъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
 Сиднемъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.
 Уходилъ государь его батюшка,
 Иванъ Тимофеевичъ, и со матушкой
 На работу на крестьянскую.
 Какъ приходили двѣ калѣки переходія*

Какъ приходили *калики* переходя,
 Пошли его *питьецею* медвянымъ,
 И съ того онъ сталъ владѣть *руками* и *ногами*
 И силушку получилъ *великую*.

— Калики переходя—богатыри нищие, странники.—Калики потерялись—исчезли изъ глазъ.—Паль—обгорѣлый лѣсъ.

40. Народная былина о томъ, какъ богатырь Илья Муромецъ поѣхалъ въ Кіевъ.

Не *сырой* дубъ къ землѣ клонится,
 Не бумажные *листочки* разстилаются;
 Разстилается *сынъ* предъ батюшкою,
 Онъ и проситъ себѣ *благословеньица*:
 «Охъ ты *гой еси*, родимый, милый батюшка!
 «Дай ты мнѣ *благословеньице*,—
 «Я поѣду въ славный, стольный *Кіевъ-градъ*,
 «Помолиться *чудотворцамъ* Кіевскимъ,
 «Заложиться за князя *Володимира*,
 «Послужить ему *вѣрою-правдою*,
 «Постоять за *спру* христіанскую».
 Отспичалъ старикъ крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ:
 — Я на *добрыя* дѣла тебѣ *благословенье дамъ*,
 — А на *худыя* дѣла *благословенья нѣтъ*.
 — *Поплещь* ты *путемъ-дорогою*,
 — Не помысли *зломъ* на татарина,
 — *Не убей* въ чистомъ полѣ христіанина.—
 Поклонился Илья Муромецъ отцу *дд земли*,
 Осѣдлалъ, зануздалъ *добра* коня,
 Обкольчужился Илья, *облѣтился*,
 Бралъ съ собою *мечъ-кладенецъ*,
 Бралъ съ собою *тугой* лукъ,
 Бралъ еще *глубокъ-колчанъ*, *калены* стрѣлы,
 Бралъ *копье* долгомѣрное,
 Бралъ и *пѣлицу* булатную,
 И кладетъ Илья *заповѣдь* велику,
 Что проѣхать до Кіева *дорогой прямопъзсею*,
 А *рукъ* *дорогой* не *кровоавити*...
 Прощался Илья съ отцомъ, съ матерью,
 И *садился* Илья на своего *добраго* коня,
 А *и только* его Илью видѣли.
 Какъ *стегнетъ* онъ коня по тучнымъ бѣдрамъ,
 А *и конь* подъ Ильей *разсержается*:
 Онъ *перву* *скокъ* ступилъ за *пять* веретъ,
 А *другого* *ускока* не *могли* найти,
 А съ *третьимъ* *ускокомъ* Илья Муромецъ
 Бхалъ мимо города *Чернигова*.

Подъ Черниговомъ вражьей силушки черидимъ черно,
Чернымъ чёрно, какъ черна ворона.

Припустилъ онъ коня богатырекаго

На эту силу басурманскую,

Сталъ конёмъ топтать и коньёмъ колоть,

Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,

И подѣхалъ онъ къ городу ко Чернигову.

Приходятъ мужики къ нему черниговцы,

Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ

И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.

Говоритъ имъ Илья *таковы* слова:

«*Ай-же вы, мужики черниговцы!*

«*Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;*

«*А скажите-ка мнѣ дорожку прямоѣзжую,*

«*Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ.*»

Говорили ему мужики черниговцы:

— Прямоѣзжая дороженька *заколѣдила,*

— Заколѣдила дорожка *замуравила,*

— Залегла дорожка *ровно тридцать лѣтъ.*

— Сѣрый звѣрь тутъ *не прорыскаетъ,*

— Черный воронъ *не пролѣтываетъ.*

— *Нѣтъ* пути ни проѣзжему, ни прохожему,
ни пролѣтному,

— И залѣгъ ту дорогу *Соловей-разбойникъ;*

— Сидитъ онъ, Соловей, на *девяти дубахъ;*

— Свищетъ Соловей онъ *по-соловейному,*

— Воскричитъ-то онъ, злодѣй, *по-звѣриному,*

— Темны лѣсушки *къ землѣ* преклоняются,

— *Что есть* людишекъ—*все* мѣртвы лежать. —

Стоятъ Илья, *пораздумался:*

«*Прямоѣзжая дорога переломана,*

«*Калиновы мосточки переворочены.*

«*Не честь мнѣ— хвала* молодецкая

«*Ѣхать той дорожкой* *окольной,*

«*А лучше поѣду дороженькой* *прямоѣзжею.*»

— Обкольчужился, облатился— надѣлъ кольчугу и латы.— Мужики черниговцы—
мужи-горожане Чернигова.

41. Народная былина о томъ, какъ Илья Муромецъ побѣдилъ Соловья- разбойника.

Спустиалъ Илья коня богатырскаго,

Поѣхалъ по дороженькѣ *прямоѣзжей,*

Бралъ онъ въ руку *плѣточку* шелковеньку,

Билъ онъ коня по *тучнымъ* бѣдрамъ,

Вынуждалъ коня скакать во всю *силушку* великую:

Пошёл его добрый конь богатырскій
 Съ горы на гору перескакивать,
 Съ холмы на холму перемахивать,
 Мелки рѣченьки, озерки межъ ногъ спускать.
 Подъѣзжаетъ онъ къ рѣчкѣ ко Смородинкѣ,
 Напѣжалъ Илья на девяти дубахъ,
 Наѣхалъ онъ на Соловья-разбойника.
 И слышалъ Соловей-разбойникъ
 Того ли тѣпу конинаго
 И тоя ли поѣздки богатырскія;
 Засвисталъ Соловей по-соловьиному,
 А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по-змѣиному.
 А втретью зрякнетъ по-звѣриному.
 Подъ Ильєю конь окорачился
 И падалъ вѣдь на кѣкорочь.
 Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
 «А ты волчья сыть, травяной мѣшокъ.
 «Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
 «Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
 «Не слыхалъ ты свисту соловьиного,
 «Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
 «А того ли крику звѣринаго,
 «А звѣринаго крику, туринаго.»
 Вымаетъ Илья каленѣ стрѣлу
 И стрѣляетъ въ Соловья-разбойника:
 И попалъ Соловья да въ правый глазъ,
 Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
 Комомъ ко сырой землѣ.
 Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
 Привязалъ Соловья къ той ко лукѣ ко сподельныя,
 Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
 Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
 И завидѣла-де его молода жена,
 Она хитрая была и мудрая,
 И взбѣгала она на чердаки на вышніе,
 Наводила трубками нѣмецкими
 И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
 И бросилась съ чердака въ свои высокіе терема,
 И будила она девять сыновей своихъ:
 «А встаньте, обудитесь, добры молодцы!
 «Вы подите въ подвалы глубокіе,
 «Отмыкайте вы мои окдваны ларцы,
 «А берите вы мою золоту казну,
 «Выносите ее за широкій дворъ
 «И встрѣчайте удала добра молодца;
 «А найдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
 «Отца-то вашего въ торокахъ везётъ.»

А и тутъ ея девять сыновъ *закорилися*,
 А *худымъ* вѣдь свои думушки думаютъ,
 Хотуть обернуться черными *воронами*,
 Со тѣми носы *жельзными*,
 Они хотуть *расклевать* добра молодца,
 Того ли Илью *Муромца* Ивановича.
 Подѣзжаетъ онъ *ко двору* ко дворянскому,
 И *бросилась* молода жена Соловьева,
 А и *молится*—убивается:
 «Гдѣ еси ты удамый добрый молодецъ!
 «Бери ты у насъ золотой казны сколько надобно,
 «Отпусти Соловья-разбойника,
 «Не вози Соловья во *Кіевъ-градъ!*»
 А его-то дѣти *Соловьевы*
Неутииво они поговариваютъ.
 Они *только* Илью и видѣли,
 Что стоялъ у *двора* дворянскаго.
 И *стегаеть* Илья онъ добра коня,
 Какъ бы конь подъ нимъ *осержается*,
 Побѣжалъ Илья, *какъ соколъ* летитъ.

— Конь окорачился. палъ на нукорочъ—осѣлъ на задъ, подогнувъ ноги.—Волчья сыть—волчій кормъ, чѣмъ волкъ сытъ.—Туриный крикъ—крикъ тура, зубра.—Вымаеть—вынимаетъ.—Торока—ремни у сѣдла.

42. Народная былина о томъ, какъ Илья Муромецъ пріѣхалъ въ столичный Кіевъ.

Пріѣзжаетъ Илья онъ во *Кіевъ* градъ.
 Среди *двора* княженецкаго
 И *скочилъ* онъ Илья съ добра коня,
 Привязалъ коня ко *дубову* столбу,
 Проходилъ онъ во *грядню* во свѣтлую,
 И молился онъ *Спасу* со *Пречистою*,
 Поклонился *князю* со *княгиню*
 И *на остъ* на четыре стѣроны.
 У великаго князя *Владимира*,
 У него князя почѣстный *пиръ*;
 А и *много* на пиру было князей и бояръ,
 Много *сильныхъ* могучихъ богатырей;
 И поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина *въ*
полтора ведра.
 Принимаетъ Илья *единой* рукой,
 Выпиваетъ Илья чару *единымъ* духомъ.
 Говорилъ ему ласковый Владимиръ князь:
 «Ты *сважись*, молодецъ, какъ *именемъ* зовутъ,
 «А по имени тебѣ можно *мѣсто* дать,

«По издѣчеству *пожаловати.*»

И *отвѣчаетъ* Илья Муромецъ Ивановичь:

— А ты *ласковый* стольный Владимиръ князь!

— А меня зовуть Илья *Муромецъ*, сынъ Ивановичь,

— И проѣхалъ я дорогу *прямомъзжую*

— Изъ славнаго города изъ *Мурома*,

— Изъ того села *Корачѣрова*.

Говорятъ тутъ *могучіе* богатыри:

«А *ласково* солнце Владимиръ князь,

«Въ очахъ *дѣтина* завирается:

«А *иди* ему проѣхать дорогою *прямомъзжую*?

«*Залегла* та дорога *тридцать* лѣтъ

«Отъ того *Соловья-разбойника*».

Говоритъ Илья *Муромецъ*:

— *Гди еси* ты, сударь Владимиръ князь,

— *Посмотри* мою удачу богатырскую,

— Вонъ я привезъ *Соловья-разбойника* на дворъ къ тебѣ. —

И *втапору* Илья *Муромецъ*

Пошелъ съ великимъ княземъ на *широкій* дворъ

Смотрѣть его *удачи* богатырскія.

Выходили тутъ и *князи*, *бояра*,

Всѣ русскіе *могучіе* богатыри;

Выходилъ Илья на *широкій* дворъ,

Онъ сталъ *Соловья* *уговаривать*:

— Ты *послушай* меня, *Соловей-разбойникъ* младъ,

— *Посвисти*, *Соловей*, по-*соловьиному*,

— *Пошипи*, *змѣй*, по-*змѣиному*,

— *Зряккай*, *звѣрь*, по-*туриному*,

— И *потыши* князя *Владимира*. —

Засвисталъ *Соловей* по-*соловьиному*,

Оглушилъ онъ въ *Кіевѣ* *князей* и *бояръ*;

Зашипѣлъ *злудѣй* по-*змѣиному*;

Онъ *втретѣ* *зрякнетъ* по-*туриному*;

А *князи* и *бояра* *испужались*,

На *корачкахъ* по двору *наползались*,

И *Владимиръ* князь *едва живъ* стоитъ.

Говорилъ тутъ *ласковый* *Владимиръ* князь:

«А и ты *иди еси*, *Илья Муромецъ* сынъ *Ивановичъ*!

«*Уйми* ты *Соловья-разбойника*:

«А и эта *шутка* намъ *не надобна*».

Сталъ *Илья* *унимать* *Соловья* по *свое*скому:

Онъ *схватилъ* его за *черны* кудри,

Еще *билъ* его о *сыру* землю *матушку*,

Онъ *въ* *подбросъ* его *кидалъ*

Выше *бѣшки* *наугольныя*,

Онъ *остатки* его *хлопнулъ* о *сѣрый* камень.

Соловью оттого *скора* *смерть* *пришла*.

— Грідня — комната, гдѣ пируютъ князья, бояре и богатыри. — Почѣстный пиръ — въ почѣтъ кому. — По изѣчеству — по отечеству, по имени отца. — *Втапоры* — тогда, въ ту пору. — На корачкахъ — на четверенькахъ.

43. Народная былина о томъ, какъ Илья Муромецъ оберегалъ Русскую землю.

Подъ славнымъ городомъ *подъ Кіевомъ*,
 На тѣхъ на стѣняхъ на Цицарскіихъ,
 Стояла застава богатырская.
 На заставѣ атаманомъ былъ *Илья Муромецъ*,
 Подъ-атамане былъ Добрыня Никитичъ младъ,
 Есаулъ Алеша Поповскій сынъ.
Все были братцы въ разѣздыцѣ:
 Алеша Поповичъ ѣздилъ во *Кіевъ-градъ*;
 Илья Муромецъ былъ въ *чистомъ* полѣ,
 Спалъ въ *бѣломъ* шатрѣ;
 Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко *синю* морю
 За тою ли *охотою* молодецкою:
 На охотѣ стрѣлялъ *гусей, лебедей*.
Бдетъ Добрыня изъ чиста поля,
 Во чистомъ полѣ увидѣлъ ископотъ великую,
 Ископотъ *велика* — полъ-печи.
 Учалъ онъ ископотъ доематривать:
 «Еще что-же за богатырь *ѣхалъ*?
 «Изъ той земли изъ *жидовскія*
 «Проѣхалъ *Жидовинъ* могучъ богатырь
 «На эти степи *Цицарскія!*»
 Приѣхалъ Добрыня въ стольный *Кіевъ-градъ*,
Прибиралъ свою братію приборную:
 «Ой вы *иді еси*, братцы-ребятушки!
 «Мы *что* на заставѣ устояли?
 «*Что* на заставушкѣ углядѣли?
 «Мимо нашу заставу *богатырь* *ѣхалъ!*»
Собирались они на заставу богатырскую,
 Стали *думу* крѣпкую думати:
Кому *ѣхать* за нахвальщикомъ?
 Положили на *Добрыню* Никитича:
Добрынюшкѣ *ѣхать* за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Подъ плечъ отсѣчь буйну голову,
 Привезти на *заставу* богатырскую.
Походитъ Добрыня на широкій дворъ,
Имдетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмянную,
Сндлалъ въ сѣдлышко черкасское,
 Въ торока вяжетъ *пѣлину* боевую,

На бѣдры беретъ саблю вострую,
 Въ руки беретъ плетъ шелковую,
 Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую,
 Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
 Увидѣлъ на полѣ чернизину;
 Поѣхалъ онъ прямо на чернизину,
 Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
 «Воръ, собака, нахвальщина!
 «Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,
 «Атаманю Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ,
 «Подъ-атаману Добрынѣ Никитичу?
 «Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
 «На всю нашу братію приборную?»
 Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ,
 Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
 Попущалъ на Добрыню Никитича;
 Сыра мать-земля всколебалася,
 Изъ озеръ вода выливалася,
 Подъ Добрыней конь на колыца палъ.
 Добрыня Никитичъ младъ
 Господу Богу взмолился:
 «Унеси, Господи, отъ нахвальщика!»
 Подъ Добрыней конь посправился,
 Уѣхалъ на заставу богатырскую.
 Говоритъ Илья Муромецъ:
 «Больше нѣкъмъ замѣнитися,
 «Видно ѣхать атаману самому!»
 Походитъ Илья на конюшій дворъ,
 Имеетъ добра коня,
 Уздаетъ въ уздечку тесмяную,
 Сѣдлаетъ въ сѣдлышко черкасское,
 Въ торока вяжетъ пѣлицу боевую,
 На бѣдры беретъ саблю вострую,
 Въ руки беретъ плетъ шелковую,
 Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую:
 Посмотрѣлъ изъ кулака молодцаго,
 Увидѣлъ на полѣ чернизину,
 Поѣхалъ прямо на чернизину,
 Вскричалъ зычнымъ громкимъ голосомъ:
 «Воръ, собака, нахвальщина!
 «Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
 «Мнѣ, атаману Ильѣ Муромцу, челомъ не бьешь,
 «Подъ-атаманю Добрынѣ Никитичу,
 «Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
 «На всю нашу братію наборную?»
 Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,

Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
 Попущалъ на Илью Муромца.
 Илья Муромецъ не удрѣбился.
 Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
 Впервые пѣлками ударился,—
 Палицы у нихъ изломались,
 Другъ дружку не ранили;
 Саблями вострыми ударился,—
 Востры сабли приломались,
 Другъ дружку не ранили;
 Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
 Бились, дрались день до вечера,
 Съ вечера бьются до полуночи,
 Съ полуночи бьются до бѣлы свѣта.
 Махнетъ Илейко ручкой правою,—
 Поскользится у Илейки ножка лѣвая,
 Палъ Илья на сыру землю;
 Съѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
 Вынималъ кинжализце булатное,
 Хочетъ впероть груди бѣлыя,
 Хочетъ закрыть очи ясныя,
 По плечъ отсѣчь буйну идлову.
 Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
 — Старый ты старикъ, старый, матерой!
 — Зачѣмъ ты ѣдешь во чисто поле?
 — Будто не къ тебѣ, старикъ, замѣнитися?
 — Ты поставилъ бы себѣ келейку
 — При той путѣ—при дороженькѣ;
 — Сбиралъ-бы ты, старикъ, во келейку;
 — Тутъ бы, старикъ, сытъ-питаненъ былъ.—
 Лежитъ Илья подъ богатыремъ;
 Лежучи на землѣ у Ильи втрое силы прибыло:
 Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
 Вышибалъ выше дерева жароваго,
 Палъ нахвальщина на сыру землю,
 Въ сыру землю ушелъ до пояса.
 Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
 Съѣлъ нахвальщину на бѣлы груди.
 Недосугъ Ильѣ много спрашивать,
 Скоро впероль груди бѣлыя,
 Скоро затмилъ очи ясныя,
 По плечъ отсѣкъ буйну идлову,
 Воткнулъ на копье, на булатное,
 Повезъ на заставу богатырскую.
 Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца
 Со своей братьей приборною.
 Илья бросилъ голову о сыру землю,

При своей братьѣ *похваляется*:
 «Вздилъ во полѣ *тридцать лѣтъ*,—
 «Экого чуда *не наъзживалъ!*»

— Цицарскія степи—при-Каспійскія.—Застава богатырская—вѣчто въ родѣ крѣ-
 пости для огражденія отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ.—Добрыня Никитичъ и
 Алеша Поповичъ—богатыри.—Ископотъ—комъ земли изъ-подъ копыта.—Жидовская
 земля—земля Хозарская, степь на востокъ отъ Днѣпра.—Сорочинская гора, по на-
 роднымъ представленіямъ, находилась гдѣ то близъ моря Хвалынскаго (Каспійскаго).—
 Чернѣзина—черное пятно.—Не удрѣбился—не испугался.

Планъ для сочиненія „Богатырь Илья Муромецъ по былинамъ“.

1. Кто были родители Ильи и какъ онъ жилъ въ родительскомъ домѣ?
2. За что и какъ онъ получилъ богатырскую силу? 3. Поѣздка Ильи въ Кіевъ:
цѣль поѣздки, родительское благословеніе, дѣло у Чернигова, поражение Соловья-
разбойника.
4. Илья въ Кіевѣ: представленіе князю Владимиру, расправа съ
Соловьемъ-разбойникомъ.
5. Илья Муромецъ оберегаетъ Русскую землю: застава
богатырская, Жидовинъ-богатырь, борьба Ильи съ Жидовинъ-богатыремъ.
6. Нравственныя качества Ильи Муромца на примѣрахъ: его почтеніе къ ро-
дителямъ, его преданность Русской землѣ и князю, его благочестіе, его про-
стота.

44. Пиръ Князя Владимира.

Изъ стихотворенія гр. А. К. Толстого.

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ,
 Близъ *стольнаго* Кіева града,
 Пируетъ *Владимиръ*, съ нимъ молодъ и старь,
 И слышенъ *далѣко* звонъ кованыхъ чаръ—
 Ой, *ладо*, ой, *ладушко-ладо!*
 И *молвитъ* Владимиръ: «Что жъ нѣту *тѣщовъ?*
 Безъ нихъ мнѣ и *пиръ* не отрада!»
 И вотъ *незнакомый* изъ дальнихъ рядовъ
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ—
 Ой, *ладо*, ой, *ладушко-ладо!*
 Глаза словно *щели*, растянутый *ротъ*,
 Лицо на *лицо* не похоже,
 И *вѣдались* скулы углами впередъ,—
 И *ахнулъ* отъ ужаса русской народъ:
 Ай, *рожжа*, ай, *страшная рожжа!*
 И *началъ* онъ пѣть на *невѣдомый* ладъ:
 «Владычество *смѣлыхъ* награда!
 «Ты, княже, *могучъ* и *казною* богатъ,
 «И помнитъ *ладьи* твои дальній Царьградъ—
 «Ой, *ладо*, ой, *ладушко-ладо!*
 «Но родъ твой *не вѣчно* судьбою хранимъ,—

«*Настанетъ* тяжелое время,
 «*Обнимутъ* твой *Кіевъ* и пламя, и дымъ,
 «И внуки твои будутъ внукамъ моимъ.
 Держать золочёное стремя!»

И *вспыхнулъ* Владимиръ при словѣ такомъ,
 Въ очахъ загорѣлась *досада*,
 Но *вдругъ* засмѣялся, и *хохотъ* кругомъ
 Въ рядахъ *прокатился*, какъ по небу громъ —
 Ой, *ладо*, ой, *ладушко-ладо!*

Смѣется Владимиръ и съ нимъ *сыновья*,
 Смѣется, потупясь, *княгиня*,
 Смѣются *бояре*, смѣются *князья*,
 Удалый Поповичъ, и старый Илья,
 И смѣлый *Никитичъ* Добрыня.

Пируетъ Владимиръ со *свѣтлымъ* лицомъ,
 Въ груди богатырской *отрада*.
 Онъ *вприты*: побѣдно мы *горе* пройдемъ,
 И *весело* слушать ему надъ Днѣпромъ:
 Ой, *ладо*, ой, *ладушко-ладо!*

Пируетъ съ Владимиромъ *сила бояръ*,
 Пируютъ *посадники* града,
 Пируетъ *весь Кіевъ*, и молодъ, и старъ,
 И слышенъ *далѣко* звонъ *кованыхъ чаръ* —
 Ой, *ладо*, ой, *ладушко-ладо!*

— *Ладомъ*—славяне называли солнце, когда были язычниками и поклонялись солнцу, какъ богу. Припѣвъ «*ладо, ладушко*» сохранился въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ и до сихъ поръ подобно тому, какъ сохранился припѣвъ—«*Дунай мой, Дунай*»: это тѣмное воспоминаніе о той далекой старинѣ, когда славяне жили на Дунаѣ.—*Рожа*—безобразное лицо: тутъ описано лицо челоуѣка татарскаго племени.—*Ладья*—большая лодка.—*Держать стремя*—служить, угождать, прислуживать.—*Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алѣша Поповичъ*—богатыри князя Владимира, которые воспѣваются въ былинахъ.

45. Святой Θεодосій, игумень и устроитель Кіево-Печерской обители.

Изъ сочиненія Ст. П. Шевырева.

Θеодосій питалъ глубокую любовь къ народу, который своимъ сочувствіемъ святому мужу придавалъ ему много силы. Вѣтхая одежда игумена, возбуждавшая насмѣшки многихъ, нравилась народу. Близъ обители былъ устроенъ дворъ для нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ и другихъ увѣчныхъ. Всѣ потребности ихъ исполнялись, и монастырь отдавалъ имъ десятую часть со всякаго дохода. Скорбныхъ страдальцевъ Θεодосій утѣшалъ молитвами и слезами. Всякую субботу возъ хлѣбовъ изъ обители отправляли въ темницы. Однажды привели къ настоятелю разбойниковъ, пойманныхъ въ кражѣ. Видя на нихъ оковы, видя скорбь ихъ, Θεодосій прослезился, велѣлъ ихъ разрѣшить отъ узъ, далъ имъ ѣсть и пить, предложилъ поученіе и отпустилъ

ихъ съ миромъ. Разбойники исправились. Однажды, пробывъ довольно долгое время у князя Изяслава, ночью поздно онъ долженъ былъ возвращаться въ обитель, — и великій князь повелѣлъ довести его на возу. Провожатый заключилъ по одеждѣ, что это долженъ быть какой-нибудь изъ убогихъ черноризцевъ, и сказалъ ему: «ты цѣлый день провелъ въ праздности, а я трудился, не могу ѣхать на конѣ; дай мнѣ лечь на возу, а самъ садись на коня.» Блаженный тотчасъ-же смиренно слѣзъ съ воза, уступилъ на немъ мѣсто вожатому, а самъ сѣлъ на коня, и такъ провелъ всю ночь. Когда дремота одолѣвала его, онъ шелъ пѣшкомъ возлѣ коня до тѣхъ поръ, пока не утомлялся; тогда садился на него снова. Занималась заря. Встрѣчались блаженному вельможи, и, сходя съ коней, кланялись ему почтительно. Проснувшійся вожатый, замѣтивъ это, испугался; но испугъ его превратился въ ужасъ, когда вся братія вышла навстрѣчу къ своему игумену и поклонилась ему до земли. Θεодосій взялъ за руку вожатаго, ввелъ его въ трапезу, накормилъ и напоилъ, одарилъ деньгами и отпустилъ къ князю. Самъ повозникъ разсказывалъ послѣ объ этомъ событіи.

— Трапеза — комната, гдѣ монахи обѣдаютъ и ужинаютъ.

Кіево-Печерская обитель (Лавра) находится въ Кіевѣ; она дала Русской землѣ много знамнитыхъ архипастырей и святыхъ угодниковъ, мощи которыхъ покоятся въ ея пещерахъ. Основателемъ обители былъ Св. Антоній. Возвратившись со святой Аѳонской горы, Антоній въ 1051 году поселился въ лѣсу на правомъ берегу Дѣбпра, въ пещерѣ: молился Богу, ѣлъ сухой хлѣбъ, пилъ воду. Къ Антонію собралось 12 человекъ братіи, устроили церковь и кельи. Такъ основалась Печерская обитель. Святой Θεодосій родился недалеко отъ Кіева, въ городкѣ Василѣвѣ. Онъ съ юныхъ лѣтъ стремился къ тихой монастырской жизни, пришелъ къ Антонію и поселился въ Печерской обители, гдѣ потомъ былъ игуменомъ. Трудомъ и заботами Θεодосія обитель много расширилась и украсилась. Онъ самъ для всѣхъ былъ примѣромъ благочестія, трудолюбія и милосердія. Слава обители росла, привлекая богомольцевъ и богатыя пожертвованія. Память преподобнаго Θεодосія празднуется 3 мая, въ день его кончины въ 1074 году.

46. Древне-русскій лѣтописецъ.

Изъ трагедіи А. С. Пушкина.

Келья Чудова монастыря.

1.

Монахъ *Пимень* пишетъ передъ лампадой.

Пимень. Еще одно, *последнее* сказанье —
И лѣтопись *окончена* моя;
Исполненъ *долгъ*, завѣщанный отъ *Бога*
Мнѣ грѣшному: не *даромъ* многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И *книжному* искусству вразумилъ.
Когда *нибудь* монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ *усердный, безгимѣнный*.
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, *пыль* вѣковъ отъ хартій *отряхнувъ*,

Правдивыя сказанья *перепишетъ*:
 Да *отдають* потомки православныхъ
 Земли родной *минушую* судьбу,
 Своихъ *царей* великихъ поминають
 За ихъ *труды*, за *славу*, за *добро*,
 А за *грѣхи*, за *тѣмныя дѣянья*
Спасителя смиренно умоляютъ.
 На старости я *сѣзнова* живу;
 Минувшее *проходитъ* предо мною...
 Давно-ль оно *неслось*, событій полно,
 Волнуясь, какъ *море-океанъ*?
 Теперь оно *безмолвно* и спокойно.
 Немного *мигъ* мнѣ память сохранила.
 Немного *словъ* доходить до меня,
 А прочее *погибло* невозвратно!...
 Но близокъ *день*, лампада *догораетъ*—
 Еще одно, *послѣднее* сказанье. (Пишетъ).

2.

Пименъ и его послушникъ *Григорій*.

Пименъ. Сей *повѣстью* плачевной заключу
 Я *лѣтопись* мою; съ *тѣхъ* поръ я *мало*
 Вникалъ въ *дѣла* мірскія. *Братъ* Григорій!
 Ты *грамотой* свой *разумъ* просвѣтилъ,
 Тебѣ свой *трудъ* передаю. Въ часы
Свободные отъ *подвиговъ* духовныхъ
Описывай, не *мудрствуя* лукаво,
 Все *то*, чему *свидѣтель* въ жизни будешь:
 Войну и *миръ*, управу *государей*,
Угодниковъ святыхъ чудеса,
Пророчества и *знаменья* небесны.
 А *мигъ* *пора*, *пора* ужъ *отдохнуть*
 И *погасить* *лампаду*... Но *звонять*
 Ъъ *заутреннѣ*... *Благослови*, *Господь*,
 Своихъ *рабовъ*! *Подай* *костыль*, *Григорій*!
 (Уходитъ).

— Хартіи—бумажныя полосы, на какихъ въ старину писали; эти полосы для крашенія обыкновенно скатывали въ трубки.

— Знакомить-ли насъ это *произведение* Пушкина съ *внѣшнимъ* видомъ древне-русскаго лѣтописца, его лицомъ, одеждой и вообще наружностью? Знакомить ли съ его думами, чувствами, желаніями?—Какимъ *способомъ* поэтъ раскрываетъ *внутренній* міръ изображаемаго лица? Говоритъ ли онъ что-нибудь отъ себя? Кто-же здѣсь говорить и дѣйствуетъ?

Планъ для сочиненія „Древнерусскій лѣтописецъ по Пушкину“.

1. Что думаетъ онъ о своемъ лѣтописномъ дѣлѣ? 2. Что чувствуетъ онъ, записывая минувшія событія? 3. Какія именно событія онъ записываетъ и какъ ихъ описываетъ? 4. Съ какой цѣлью онъ пишетъ свою лѣтопись?

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

1. Какіе мы знаемъ *источники* для познанія минувшей жизни Русскаго народа? 2. Какъ представляются событія далѣкаго прошлаго въ народныхъ *преданіяхъ* и *былинахъ*? Привѣры. 3. Что такое *лѣтопись*? Что мы знаемъ о характерѣ древне-русскаго лѣтописца и о содержаніи древне-русскихъ лѣтописей? 4. Что намъ извѣстно о нашихъ предкахъ *славянахъ*? 5. Какъ рассказываетъ лѣтопись о началѣ Русскаго государства? Годъ. 6. Что намъ извѣстно о *Новгородѣ* и *Кіевѣ*? Рюрикъ. Олегъ. Княгиня Ольга. Владимиръ. 7. Какъ совершилось *крещеніе* Русскаго народа? Годъ.

ВТОРАЯ ГРУППА ЧТЕНІЙ.

1. На просёлкѣ въ степи.

И. А. Бувина.

Вѣтъ утро <i>прохладой</i> степною.	Наливаетъ <i>ячень</i> колосистый,
Тишина, <i>тишина</i> на поляхъ!	Зеленѣютъ <i>привольно</i> овсы,
Заросла <i>навилкой</i> -травою	А въ колосьяхъ <i>брильянты</i> росы
Полевая <i>дорога</i> въ хлѣбахъ.	<i>Вътерокъ</i> зажигаетъ росистый,
Въ муравѣ <i>колеи</i> утопаютъ,	И <i>вливаетъ</i> <i>отраду</i> мнѣ въ грудь,
А за <i>ними</i> , съ обѣихъ сторонъ,	И свѣваетъ съ души онъ <i>тревоги</i> .
Въ сизыхъ ржахъ <i>васильки</i> зацвѣтаютъ,	<i>Вѣселъ</i> мѣрный просѣлочный путь,
Бирюзовый виднѣется <i>лѣнъ</i> .	<i>Хороши</i> вы, степныя дороги!

— Бирюзовый лѣнъ: голубые цвѣточки льна похожи цвѣтомъ на дорогой камень *бирюзѣ*.— Брильянты росы: капли росы при солнцѣ блестятъ и сверкаютъ разными цвѣтами, какъ драгоценный камень *брильянтъ* (шлифованный, обдѣланный *алмазъ*).

— *Когда* поэтъ вѣхалъ степной дорогой?—Что ему особенно понравилось въ степи?—Чѣмъ онъ любовался?—Что онъ чувствовалъ и какъ говорить объ этомъ въ стихахъ?

2. Злаки.

Изъ статьи А. Н. Бекетова.

Никто не усомнится, что земля безъ растений была бы необитаема... Злаки, которые составляютъ основу нашихъ луговъ и полей, питаютъ насъ и нашихъ животныхъ, прикрываютъ жилища земледѣльца нашего (соломой), даютъ ему топливо, даже и напитокъ (квасъ), и наконецъ составляютъ силу нашего государства, поддерживаютъ торговлю и ремесла... Чтобы съ перваго же раза дать понятіе о томъ, какія растенія называются злаками, достаточно сказать, что сюда относятся: пшеница, рожь, овесъ,—словомъ, всѣ наши зерновые хлѣба и большая часть кормовыхъ травъ. Но такъ какъ мы хотимъ познакомить читателя покороче съ этими растеніями, то разсмотримъ строеніе ихъ подробнѣе и возьмемъ за образецъ обыкновенную пшеницу...

Цѣпты пшеницы скрываются въ чешуйкахъ, составляющихъ ея колось. Чешуйки эти сидятъ попарно на уступахъ извилаго продолженія стебля, и каждая пара заключаетъ отъ двухъ до трехъ цвѣточковъ; парцы чешуйки вмѣстѣ съ ихъ цвѣточками называются *колоскомъ*. Каждый цвѣточекъ; имѣетъ покровъ, состоящій изъ двухъ другихъ чешуекъ, изъ которыхъ наружная несѣтъ на спинкѣ своей длинную *ость*; въ углубленіи между покровными створочками сидятъ настоящія цвѣточныя части, а именно: три *тычинки* и

пестикъ. Тычинки имѣютъ нѣжныя гибкія нити и пыльники, пестикъ въ видѣ кругловатаго тѣла, имѣющаго на верхушкѣ два красивыхъ столбика, походящихъ на крошечныя перышки. Когда пшеница созрѣетъ, завязь превращается въ плодъ, заключающій въ себѣ одно сѣмя. Цвѣты всѣхъ злаковъ построены на этотъ образецъ.

Корень злаковъ состоитъ изъ множества волоконъ; они такъ сплетаются, что верхній слой земли получаетъ отъ нихъ связь и можетъ кроиться на крупныя куски, не разваливаясь. *Стебель* злаковъ называется соломой,— это дудчатый, колѣнчатый стебель, несущій на узлахъ своихъ ленточныя листья...

Сѣвернѣе всѣхъ изъ злаковъ подымается *овесъ*, затѣмъ *ячмень* и *рожь* и наконецъ *пшеница*, сливающаяся съ хлѣбными злаками жаркихъ странъ (*маисомъ* или кукурузой, *рисомъ*)...

Степи восточной половины нашего отечества, начинающіяся отъ Саратова къ Оренбургу и Астрахани, отличаются *перистымъ ковылемъ*. Злакъ этотъ считается признакомъ степной степи, и когда онъ появляется на давнихъ залежахъ, то хозяинъ считаетъ такія залежи совершенно превратившимися въ степной лугъ; обозы, тянущіеся съ востока, всегда украшены большими пучками этой красивой травы, привязанными къ телѣгамъ. Болѣе крупныя злаки—*камышы* украшаютъ берега тихихъ рѣкъ нашихъ или заросаютъ озера и болота; поужиѣ, въ Малороссіи, присоединяется къ камышу еще болѣе рослый злакъ—*тростникъ*. Оба эти растенія подымаются выше человѣческаго роста, особенно тростникъ, въ которомъ можетъ скрываться даже всадникъ. Всякій знаетъ общій видъ ихъ: красивыя пушистыя метѣлки съ малиновымъ отливомъ, широкіе острые листья, толстый дудчатый стебель, издающій протяжный звукъ при вѣтрѣ. Въ хозяйствѣ они также приносятъ пользу: ими кроютъ крыши, а въ безлѣсныхъ мѣстахъ топятъ.

— Въ какомъ порядкѣ въ этой статьѣ разсказывается о *злакахъ*?—Напишите *планъ* этой статьи.—Какія растенія называются *злаками*?—По какимъ *признакамъ* ихъ можно отличить отъ другихъ растеній?—Сравните *рожь* и *березу*—Сравните *рожь* и *овесъ*: какіе у нихъ *сходные* признаки? какіе у нихъ *различныя* признаки?—Сравните *березу* и *липу*.—Какіихъ признаковъ, *сходныхъ* или *различныхъ*, у ржи и овса больше, нежели у ржи и березы?

3. О томъ, чѣмъ питаются растенія.

В. В. Лункевича.

Всякое растеніе сидитъ корнями въ *почвѣ* и вытягиваетъ изъ нея все, что нужно ему для жизни. Что-же именно ему нужно?

Во всякой почвѣ, на которой можетъ расти трава, кустъ или дерево, есть перегной, песокъ, глина, известь, поташъ, поваренная соль, селитра и желѣзная ржавчина. Перегной—это не что иное, какъ перегнившіе и побурѣвшіе остатки погибшихъ растеній...

Возьмемъ со вспаханнаго поля немного земли, помѣстимъ въ глиняную чашку и прокалимъ на легкомъ огнѣ. Перегной сгоритъ, отъ него останется одна зола, а песокъ, глина, поташъ, селитра, соль и желѣзная ржавчина останутся почти такими, какими были въ непрокаленной почвѣ. Если теперь

мы положимъ эту прокалённую землю въ горшокъ и бросимъ туда нѣсколько хоть-бы бобовыхъ или гороховыхъ сѣмянъ, сѣмена взойдутъ, выросшія изъ нихъ растенія зацвѣтутъ и дадутъ плоды. Удалимъ изъ нашей прокалённой почвы глину и песокъ и опять посѣемъ сѣмена; сѣмена эти все-таки взойдутъ, а выросшія растенія будутъ жить, какъ ни въ чемъ не бывало: покроются листвою, зацвѣтутъ, завяжутъ плоды, наполненные сѣменами. Если же мы отнимемъ у прокалённой почвы, кромѣ глины и песка, еще что-нибудь, напримѣръ—известъ, желѣзную ржавчину, селитру или поташъ, то сѣмена или совсѣмъ не взойдутъ, или взойдутъ, но всходы скоро зачахнутъ и умрутъ.

Значитъ, для жизни растенія въ почвѣ необходимы слѣдующія вещества: зола отъ перегноя, немного извести, желѣзная ржавчина, соль, селитра и поташъ. Глина-же и песокъ во всякой почвѣ прежде всего и больше всего нужны для того, чтобъ растенію было въ чемъ укрѣпиться и держаться корнями.

Само собою понятно, что, кромѣ того, для жизни растенія нужны еще—вода, воздухъ, свѣтъ и тепло.

Въ почвѣ всегда есть вода, а въ водѣ распускаются составныя части почвы, необходимыя для питанія растений; вмѣстѣ съ водою растеніе и тянетъ ихъ въ себя корневыми волосками.

Въ воздухѣ носится невидимая для насъ, но необходимая растенію пища, которую съ жадностью ловятъ листья деревьевъ. Деревья, кустарники и травы не только дышатъ воздухомъ, но и питаются имъ. Въ воздухѣ отъ дыханія животныхъ, отъ горѣнія и отъ гніенія есть всегда *угольная кислота*: она то и служитъ той невидимой пищей, которую поглощаютъ, *при солнечномъ свѣтѣ*, листья растеній. Для дыханія растеніямъ, какъ и животнымъ, нуженъ изъ воздуха кислородъ, а для питанія—*угольная кислота*.

Въ листьяхъ сырая пища, идущая изъ земли и воздуха, перерабатывается и преобразуется въ питательный сокъ, дающій жизнь и силу всѣмъ частямъ растенія.

— **Кислородъ**: воздухъ, которымъ мы дышимъ, состоитъ изъ *кислорода* и *азота*. Для дыханія нуженъ именно кислородъ; онъ же необходимъ для горѣнія; безъ кислорода не могли-бы ни люди, ни животныя жить, ни дрова, ни лампы горѣть.—*Угольная кислота* (*углекислота*) является въ воздухѣ отъ дыханія и горѣнія; она вредна для дыханія людей и животныхъ, но необходима для питанія растеній, которыя и поглощаютъ ее, а такимъ образомъ очищаютъ воздухъ. Вотъ почему въ лѣсу и въ саду такой чистый воздухъ и такъ легко дышать.

— Напишите *планъ* этой статьи.—Откуда растенія берутъ пищу?—Что именно берутъ они *изъ почвы* корнями?—Что именно берутъ они *изъ воздуха* листьями?—Кромѣ пищи, что еще необходимо для жизни растенія?

4. Листы и корни.

Басня И. А. Крылова.

Въ *прекрасный* лѣтній день,
Бросая по долинь *тѣнь*,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились *густотой, зелёностью* своей,

И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
 «Не правда-ли, что мы краса долины всей,
 Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
 Раскидисто и величаво?

Чтобъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
 Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!

Не мы-ль отъ зноя пастуха

И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?

Не мы-ль красотой своей

Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?

У насъ-же раннею и позднею зарей

Насвистываетъ соловей.

Да вы, зефиры, сами

Почти не расстаются съ нами.»

— Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,—

Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смѣренно.

«Кто смѣетъ съ нами такъ считаться дерзновенно?

Кто вы такіе тамъ?»

Листы, по дереву шумя, залепетали.

— Мы тѣ,

Имъ снизу отвѣчали,

Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,

Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?

Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.

Красуйтесь въ добрый часъ,

Да только помните ту разницу межъ насъ,

Что съ новою весной листъ новый народится;

А если корень иссушится,

Не станетъ дѣрева, ни васъ!—

— Зефиръ—легкій и теплый лѣтній вѣтерокъ.

— Почему это стихотвореніе басня?—Какая допущена въ ней ошибка въ изображеніи значенія листьевъ для жизни дерева?—Примѣните эту басню къ человѣческой жизни.—Чему она научаетъ насъ?

Планъ для сочиненія „О баснѣ Крылова „Листы и корни“.

1. Изложить содержаніе басни. 2. Объяснить, какіе люди похожи на листы и какіе на корни. 3. Вывести поученіе, главную мысль басни.

5. О томъ, какъ растенія защищаются отъ враговъ.

В. В. Лункевича.

Всякій знаетъ много растеній съ колючими стеблями или листьями. Шипы на шиповникѣ, колючки терновника или боярышника, острые иглы на листьяхъ остролистника,—кто не видѣлъ всего этого?... Съ помощью этихъ шиповъ, колючекъ, иглъ растеніе защищаетъ себя отъ травоядныхъ животныхъ, которыя нещадно уродуютъ растенія, ломая ихъ стебли и объѣдая листья.

Многія растенія защищаютъ себя иначе. Животныя, питающіяся растеніями, довольно разборчивы въ пищу. Они по большей части не ѣдятъ растеній горькихъ или противныхъ на вкусъ; не ѣдятъ и такихъ, которыя особенно не хорошо пахнутъ или ядовиты. И вотъ непріятный запахъ и ядовитость служатъ нѣкоторымъ растеніямъ, какъ средство для защиты отъ враговъ.

Не дурнымъ орудіемъ самообороны служатъ и жгучіе волоски крапивы: кто разь-другой испытаетъ, какъ «кусается» крапива, тотъ навѣрное не захочетъ ее больше трогать. Не дурно устроилась и «глухая» крапива. У нея вовсе нѣтъ жгучихъ волосковъ, но она всѣмъ своимъ видомъ такъ похожа на крапиву обыкновенную, жгучую, что это нерѣдко спасаетъ ее отъ нападенія травоядныхъ животныхъ: животныя эти обманываются, принимаютъ безобидную «глухую» крапиву за ту, что больно жжется, и потому не трогаютъ ее.

Очевидно, что у различныхъ растеній устройство корней, стеблей, листьевъ приурочено главнымъ образомъ къ тому, чтобы возможно лучше питаться, пользоваться свѣтомъ и тепломъ, защищаться отъ непогоды и прожорливыхъ животныхъ.

— Напишите планъ статьи.—Какія средства для защиты растеній отъ враговъ и какіе примѣры въ статьѣ указаны?—Какая главная мысль статьи и въ какихъ словахъ она выражается?

6. ЛѢСЪ.

А. В. Кольцова.

Что дремучій лѣсъ
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?
Что Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою
Ты стоишь—понижь
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?
Густолиственный
Твой зелёный шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ—
И разбѣялъ съ прахъ.
Плащъ упалъ къ ногамъ
И рассыпался.
Ты стоишь—понижь
И не ратуешь.

Гдѣ-жъ дѣвалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя-ль, было,
Въ ночь безмолвную
Замоная пѣснь
Соловьиная.
У тебя-ль, было,
Дни—рождѣство,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются.
У тебя-ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдётъ.
Распахнётъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя

Вѣтромъ-холодомъ,
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»
Закружитъ она,
Разыграется,
Дрѣнетъ грудь твою,
Зашатаешься;
Встрепенувшись,
Разбушуешься,—
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ.
Буря всплachtetся
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море.
Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зелёная?

Почернѣлъ ты весь, Затуманился; Одичалъ, замолкъ, Только, въ непогодъ, Воешь жалобу На безвременье. Такъ-то, темный лѣсъ, Богатырь-Бова,	Ты всю жизнь свою Маялъ битвами, Не осилили Тебя сильные, Такъ дорѣзала Осень чёрная. Знать, во время сна, Къ безоружному	Силы вражія Понахлынули; Съ богатырскиѣхъ плечъ Сняли голову— Не большой горой, А соломинкой.
---	--	--

— Въ какомъ видѣ поэтъ олицетворяетъ лѣсъ?—Какія картины изъ жизни лѣса и богатыря-Бовы онъ рисуетъ?—Какъ изображается въ стихахъ жизнь лѣса лѣтомъ и жизнь богатыря въ пору полного развитія его богатырской силы?—Какъ изображается борьба лѣса и богатыря съ недругами?—Какъ изображается лѣсъ осенью и богатырь въ пору упадка его силы?—Какъ изображается невзгода, постигшая лѣсъ, и гибель богатыря?—Какія чувства возбуждаютъ въ читателѣ эти картины, нарисованныя поэтомъ?

Планъ для сочиненія: „Лѣсъ зимой, весной, лѣтомъ и осенью“.

1. Зимнее затишье въ лѣсу. 2. Пробужденіе лѣса: цвѣты, зелень, птицы, насѣкомыя, звѣри. 3. Лѣсъ лѣтомъ: тѣнь и прохлада, гроза, борьба лѣса съ бурей, орѣхи, ягоды, грибы. 4. Постепенное замораніе лѣса осенью.

7. О размноженіи растеній.

Изъ статьи гр. Л. Н. Толстого.

Для того, чтобы на травѣ, кустѣ или деревѣ завязалось сѣмя, нужно, чтобы съ одного цвѣтка пыль перелетала на другой цвѣтокъ. Цвѣтки бываютъ далеко другъ отъ друга, и имъ нельзя пересылать свою пыль съ одного на другой.

Когда огурцы растутъ въ парникахъ, гдѣ вѣтра нѣтъ, тогда люди сами срываютъ одинъ цвѣтокъ и накладываютъ на другой, чтобы цвѣточная пыль попала на плодовой цвѣтокъ и была бы завязь.

Пчѣлы и другія насѣкомыя иногда переносятъ на лапкахъ пыль съ цвѣтка на цвѣтокъ, но больше всего пыль эту переноситъ вѣтеръ. Если бы не было вѣтра, половина растеній была бы безъ сѣмени.

— Какое условіе необходимо, чтобы на растеніи завязалось сѣмя?—Какъ помогаютъ этому люди?—Какъ помогаетъ вѣтеръ?—Какъ помогаютъ насѣкомыя?

8. Жизнь растенія.

В. В. Дункевича.

Срокъ жизни, данной природой различнымъ растеніямъ, весьма различенъ. Многія изъ нихъ живутъ всего одинъ годъ и потому называются *однолѣтними*; другія же живутъ больше года; ихъ называютъ растеніями *многолѣтними*.

Какъ же проводятъ жизнь растенія?

Возьмемъ сперва какое-либо однолѣтнее растеніе, положимъ—дикій горошекъ и т. п.

Весною сѣмя, упавшее въ почву, пускаетъ ростокъ, то-есть небольшой корешокъ и стебель съ листьями. Втеченіе лѣта растеніе увеличивается и даетъ цвѣты. Цвѣты увядаютъ, сохнутъ и на ихъ мѣстѣ остаются плоды съ сѣменами. Сѣмена осыпаются и падаютъ на землю. Происходитъ это примѣрно къ концу лѣта или въ серединѣ осени. Зимой само растеніе погибаетъ, а сѣмена его, погребенныя въ почву, перезимовываютъ и съ наступленіемъ весны выгоняютъ изъ себя молодые стебельки съ листьями.

Иначе бываетъ съ многолѣтними растеніями, напримѣръ—съ различными плодовыми деревьями, яблонями, грушами, сливами и т. п. Весною они покрываются густою листвою и цвѣтами, а къ концу лѣта или въ началѣ осени даютъ зрѣлые плоды съ сѣменами. Изъ сѣмянъ этихъ, конечно, могутъ вырасти новыя растенія (сѣянцы). Однако старики съ наступленіемъ зимы не погибаютъ; они лишь оголяются и на время замираютъ, чтобы пробудиться къ новой жизни вмѣстѣ съ первыми тѣплыми днями весны. Только тогда, когда корни ихъ высохнутъ или стволъ разрушится и сгниетъ, они перестаютъ зеленѣть, цвѣсти, завязывать плоды и погибаютъ на вѣки.

— Какъ различаются растенія по *продолжительности* ихъ жизни?—Какъ проходитъ жизнь *однолѣтнихъ* растеній?—Какъ бываетъ съ *многолѣтними* растеніями?—Напишите *планъ* статьи.—Какія вы знаете *многолѣтнія* растенія?—Какія знаете *однолѣтнія* растенія?—Къ числу какихъ растеній принадлежатъ наши *хлѣбные злаки*: рожь, пшеница, овесъ, ячмень?

9. Чудо изъ чудесъ.

Д. С. Мережковского.

Надъ холмами половою
Поблѣтлѣ востокъ вдали,
Дышать сыростью ночью
Глыбы *вспаханной* земли.

Видишь: мѣрными шагами
Ходитъ *сѣтець* въ поляхъ.

Тишина, какъ въ Божьемъ *храмѣ*,

На *землѣ* и въ *небесахъ*.

Все кругомъ священнымъ *страхомъ*,

Какъ предъ *тѣмнствомъ*, полно,

И руки спокойнымъ взмахомъ
Разсѣваетъ онъ зерно.

И для труженика снова

Грудь земли родитъ *должна*

Жатву *хлѣба* золотого

Изъ погибшаго зерна,

Создавая *жизнь* изъ *смерти*

Предъ лицомъ святыхъ *небесъ*.

О, *молитесь* же и *впрѣте*:

Это— *чудо* изъ чудесъ!

— Какую *картину* рисуетъ поэтъ?—Какое *чувство* возбуждаетъ въ его душѣ эта картина?—Какими словами выражается это чувство?—Что именно поэтъ называетъ „чудомъ изъ чудесъ“?

Планъ для сочиненія „*Наши хлѣбные злаки*“.

1. Общее перечисленіе всѣхъ хлѣбныхъ злаковъ, яровыхъ и озимыхъ.
2. Что нужно для питанія ихъ? 3. *Рожь*: описаніе растенія, посѣвъ, уборка,

употребленіе. 4. *Овесъ*: описаніе, посѣвъ, уборка, употребленіе. 5. *Просо*: описаніе, посѣвъ, уборка, употребленіе. 6. Причины хорошаго и плохаго урожая.

10. Какъ ходять деревья.

Гр. Л. Н. Толстого.

Разъ мы вычищали на полубугрѣ подлѣ пруда заросшую дорожку, много нарубили шиповнику, лозины, тополя,—потомъ пришла черёмуха. Росла она на самой дорогѣ и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше 10 лѣтъ. А пять лѣтъ тому назадъ садъ былъ чищенъ. Я никакъ не могъ понять, какъ могла тутъ вырасти такая старая черёмуха. Мы срубили ее и прошли дальше. Дальше, въ другой чащѣ, росла другая такая же черёмуха, даже еще потѣще. Я осмотрѣлъ ея корень и нашелъ, что она росла подъ старой липой. Липа своими сучьями заглушила ее, и черёмуха протянулась аршинъ на пять прямымъ стеблемъ по землѣ; а когда выбралась на свѣтъ, подняла голову и стала цвѣсти. Я срубилъ ее въ корнѣ, и подивился тому, какъ она была свѣжа и какъ гнилъ былъ корень. Когда я срубилъ ее, мы стали ее оттаскивать; но сколько мы ни тащили, не могли ее сдвинуть: она какъ будто бы прилипла. Я сказалъ: «посмотрите, не зацѣпили-ли гдѣ?» Работникъ подлѣзъ подъ нее и закричалъ: «Да у ней другой корень, вотъ на дорогѣ!» Я подошелъ къ нему и увидалъ, что это была правда. Черёмуха, чтобы ее не глушила липа, перешла изъ-подъ липы на дорожку, за три аршина отъ прежняго корня. Тотъ корень, что я срубилъ, былъ гнилой и сухой, а новый былъ свѣжій. Она почувала, видно, что ей не жить подъ липой, вытянулась, вцѣпилась сучкомъ въ землю, сбѣлала изъ сучка корень, а тотъ корень бросила. Тогда только я понялъ, какъ выросла та первая черёмуха на дорогѣ. Она вѣрно то же сбѣлала, но успѣла уже совсѣмъ отбросить старый корень, такъ что я не нашелъ его.

— Какъ понимать выраженіе, что „деревья ходять“?—Похоже ли это на ходьбу человѣка и животныхъ?—Какой примѣръ *передвиженія* дерева рассказанъ въ этой статьѣ?—Не знаете-ли какого-нибудь случая, чтобы дерево или другое растеніе передвинулось или хотъ повернулось съ одной стороны на другую своими вѣтками, листьями, цвѣтами?

11. Какъ дѣдъ на Донцѣ лѣсъ развелъ.

Гр. П. Данилевскаго.

Погостилъ и поохотился вволю дѣдъ Иванъ Яковлевичъ въ брянскихъ лѣсахъ и отправился во-свои. Задумалъ онъ и у себя на Донцѣ посѣять такой лѣсъ.

Съ той поры Иванъ Яковлевичъ точно преобразился. Куда дѣлись его вялость и нерѣшительность. Онъ сталъ неузнаваемъ.

Лекостѣпу (охотнику и любимцу дѣда) дали сперва три, потомъ пять воловыхъ подводъ. Онъ съ ними нѣсколько разъ ѣздилъ въ брянскій уѣздъ за сосновыми шишками. Когда шишки привезли и выбили изъ нихъ сѣмена, Иванъ Яковлевичъ выпросилъ у матери плуги, отдалъ ихъ подъ

надзоръ надежныхъ людей, и тѣ стали пахать песчаные бугры близъ Донца. Въ проложенныя борозды Легкоступъ съ рабочими сажалъ свѣже-нарѣзанныя колышки вербы и красной лозы; а между ними разбрасывалъ, подь борону, сосновыя сѣмена.

Люди дивились. «Нашъ панъ (баринъ) одурѣлъ... вмѣсто ржи и пшеницы, сѣять сосновыя шишки!» А дѣдъ безъ усталы сѣялъ и сѣялъ. Онъ вошелъ въ переписку съ брянскими заводчиками, высылалъ имъ, въ обмѣнъ на боровыя (сосновыя) шишки, возы тяжеловѣсной пшеницы. Съ новой весной онъ опять принялся за дѣло, окопалъ свои посѣвы рвами, поставилъ избы для сторожей и заказалъ туда всякому путь-дорогу. Боже упаси, если, бывало, Иванъ Яковлевичъ, ѣдучи къ своимъ сѣянцамъ, встрѣтитъ возлѣ нихъ коннаго или пѣшаго: подбирай скорѣе полы и бѣги лучше безъ оглядки, что есть духу!

Прошелъ годъ. Тычинки вербъ и лозы окунулись листьями, пустили вѣтки. Еще годъ—между ихъ рядами то здѣсь, то тамъ зазеленѣли чуть видныя по песку кудрявыя грядки крохотной, игольчатой травы: то были молодыя сосенки.

Спустя три года, сосны стали по-поясъ человѣка; въ пять лѣтъ выросли дѣду по-плечо. Задержанный отъ разноса, песокъ началъ крѣпнуть. Дѣдъ сѣялъ и сѣялъ.

На седьмомъ году первые посѣвные участки поднялись выше человѣка; на десятомъ—половина молодого бора ужъ давала широкую прохладную тѣнь. А подь смолистыми деревьями, въ перегноѣ травъ и падающихъ сосновыхъ иголь, образовался дѣрнъ, поползла цѣпкая песочная осока, явился верескъ, раскинулись и дружно зазеленѣли прочія лѣсныя травы.

Дѣдъ былъ внѣ себя отъ радости. Мать и жена любовались его трудами. Онъ не покидалъ завѣтнаго дѣла, отдавая ему всѣ свободныя часы. Дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

Съ первыхъ же лѣтъ въ молодомъ бору явились лисицы, а къ зимѣ туда стали набѣгать цѣлыя уймы зайцевъ и куропатокъ. Показались два волчьихъ выводка. Поселяне, насмѣшливо и подозрительно встрѣтившіе первыя хлопоты дѣда, теперь оцѣнили доброе дѣло: пашни болѣе не заносились со смежныхъ бугровъ песками.—«Ишь вѣдунъ! хлѣба сколько лѣтъ не продавалъ,—говорили поселяне: а зато что вышло! лѣсъ какъ лѣсъ, точно и всегда тутъ росъ».

— Брянскіе лѣса—въ Брянскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи.—Донецъ—правый притокъ рѣки Дона.—Волковыя подводы—подводы на волахъ, которые употребляются въ южной Россіи для полевыхъ работъ и перевозки грузовъ.—Вѣдунъ—отъ вѣдать, знать: человѣкъ, знающій больше другихъ, то же, что знхарь.

— Расскажите, какъ Иванъ Яковлевичъ развелъ *лѣсъ* въ безлѣсномъ краѣ?—Почему люди сначала не одобряли его трудовъ?—За что потомъ прозвали его „вѣдуномъ“?—Какое добро получилось отъ разведеннаго лѣса?

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

1. Какое общее (*родовое*) названіе можно дать пшеницѣ, ржи, ячменю, овсу, просу?—Какія же растенія подходят подъ *родовое* названіе *злакъ*?—Злакъ—*родъ*,—какіе же *виды* этого рода?—Дерево—*родовое* названіе, *родъ*,—какіе знаете *виды* этого рода?—А если названія—дерево, кустъ, злакъ принять за *видовыя*, подъ какое *родовое* названіе подходят эти виды?—Ель, сосна, береза, дубъ, липа—все это—*виды* какого *рода*?—Дерево, кустъ, злакъ—все это виды какого *рода*? 2. По какимъ общимъ *родовымъ* признакамъ мы причисляемъ рожь, пшеницу, ячмень къ *роду* злакъ?—По какимъ различнымъ *видовымъ* признакамъ мы отличаемъ рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, просо, какъ разные *виды* одного и того-же *рода*?—Скажите *родовые* признаки березы, какъ *дерева*.—Скажите *видовые* признаки березы, отличающіе ее отъ другихъ *видовъ* того-же *рода*.—Скажите *родовые* признаки липы.—Скажите ея *видовые* признаки. 3. Родъ—*животное*,—какіе знаете его *виды*?—Какіе ихъ *родовые* признаки?—Какіе *видовые* признаки каждаго *вида* (млекопитающаго, птицы и проч.)?—Родъ *птица*,—какіе его *виды*?—Родъ *водоплавающая птица*,—какіе его *виды*?—Родъ *дерево*,—какіе его *виды*?—Родъ *хвойное дерево*,—какіе его *виды*?—Родъ *мебель*,—какіе его *виды*?—Родъ *земледѣльческое орудіе*,—какіе его *виды*?—Родъ *ремесленникъ*,—какіе его *виды*?

12. Прекрасное въ природѣ.

М. Ю. Лермонтова.

Когда волнуетъ желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зелѣнаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ или утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студѣный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то сладкій сонъ,
Лепечетъ мнѣ тайственную сãгу
Про мирный край, откуда мчитъя онъ;—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

— Ландыши—бѣлые душистые цвѣты, которые весной показываются въ сырыхъ тѣнистыхъ мѣстахъ.—Сага—народное преданіе.

— Какія картины природы рисуетъ поэтъ?—Какъ эти картины дѣйствуютъ на его *душу*?—Какъ объ этомъ говорится въ стихахъ?—Чѣмъ же *прекрасна* природа: тѣмъ ли только, что она даетъ человѣку хлѣбъ, вкусные плоды, чистую воду?—Все это *польза* природы, а въ чемъ же ея *красота*?

13. Два пѣвца.

Изъ разсказа И. С. Тургенева.

Рядчикъ (бойкій городской мѣщанинъ) выступилъ впередъ, закрылъ до половины глаза и запѣлъ. Голосъ у него былъ довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько сильный; онъ игралъ и вилялъ этимъ голосомъ, какъ юлою, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ, которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особеннымъ стараньемъ, умолкалъ, и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, заносистой удалю. Его переходы были довольно смѣлы, иногда довольно забавны. Пѣлъ онъ веселую, плясовую пѣсню: «распашу-ль я, молода-молоденька, землицы маленько; я посѣю, молода-молоденька, цвѣтика аленька». Онъ пѣлъ; все слушали съ большимъ вниманіемъ. Наконецъ, при одномъ, особенно удачномъ переходѣ, Обалдуй (гулящій дворовый челоѣкъ) не выдержалъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. Все встрепенулись... «Лихо! Забирай, вытягивай, аспидъ! Вытягивай еще! Накаливай, еще, собака ты этакая, пѣсь!» и пр. Обалдуй, наконецъ, затопалъ, засѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился, и ужъ такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ защѣлкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что, когда, наконецъ, утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, перегнувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній замирающій возгласъ, — общій, слитный крикъ отвѣтили ему неистовымъ взрывомъ..

— Ну, братъ, потѣшилъ! кричалъ Обалдуй, — потѣшилъ, нѣчего сказать! Выигралъ, братъ, выигралъ! Яшкѣ до тебя далеко.

— Хорошо, поешь, братъ, хорошо, — ласково замѣтилъ Николай Ивановичъ (сидѣлецъ въ кабацкѣ, гдѣ происходило дѣло). А теперь за тобой очередь, Яша: смотри, не сробѣй. Посмотримъ, кто кого, посмотримъ... А хорошо поетъ рядчикъ, ей-Богу, хорошо.

Яковъ (рабочій съ бумажной фабрики) помолчалъ и закрылся рукой. Все такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго въ лицѣ проступило невольное, легкое безпокойство. Когда же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо — оно было блѣдно, какъ у мертвеца, глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсеницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ. Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твѣрдый и протяжный, но все еще видимо дрожащій, какъ струна, за вторымъ третій, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. «Не одна во полѣ дороженька пролегла» — пѣлъ онъ, всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ, какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная, глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣвало упоеніе; онъ уже не робѣлъ, онъ

отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо-широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипало на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слѣзы. Не знаю, чѣмъ бы разрѣшилось всеобщее томленье, еслибъ Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ—словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; всѣ какъ будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть; но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаньемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидаль, что побѣда была его.

Мы всѣ стояли, какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и подошелъ къ Якову.—«Ты... твоя... ты выигралъ», произнесъ онъ наконецъ съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты.

— Кто были два *тѣща*, о которыхъ рассказывается?—Какое впечатлѣніе производило на слушателей пѣніе *рядчика*?—Въ чемъ была сила этого пѣнія?—Какое впечатлѣніе произвело пѣніе *Якова*?—Въ чемъ заключалась его сила?—Почему всѣ слушатели и даже рядчикъ—признали, что Яковъ побѣдилъ?—Какое пѣніе можно назвать *прекраснымъ*?

14. Больной.

А. А. Фета (Шеншина).

Его томилъ *недугъ*. Тяжелый зной печей,
Казалось, *каждый вздохъ* оспаривалъ у груди...
Его *томилъ* напѣвъ безмысленныхъ рѣчей,
Ему *противны* стали люди.

На стѣны онъ кругомъ смотрѣлъ, какъ *на тюрьму*,
Онъ обращалъ къ окну горящія зѣнницы,
И *свѣта Божьяго* хотѣлося ему,
Хотѣлось *воздуха*, которымъ дышатъ *птицы*.

А тамъ, *за стѣклами*, какъ чуткій сонъ легкі,
Съ востока яркаго *все шире* дни летѣли,
И солнце *тѣплое*, морозамъ вопреки,
Вдоль крыши развѣсило *капель*.

Просиживая дни, онъ думалъ *все одно*:
«Я *знаю*, небеса *весны* меня излѣчатъ»...
И ждалъ онъ, скоро ли *весна* пахнѣтъ въ окно,
И тамъ двѣ *ласточки*, прижавшись, защебучтъ?

— Какъ поэтъ изображаетъ *душевное настроеніе* больного?—Чего хотѣлось больному?—Какъ поэтъ изображаетъ приближеніе весны?—Откуда больной ожидалъ исцѣленія и чего ждалъ съ нетерпѣніемъ?—Какъ объ этомъ говорится въ стихахъ?

15. Какую судьбу Богъ далъ Чёрному.

Изъ разсказа Н. С. Кохановской (Соханской).

Въ послѣднее время Чёрный, почитай, половину города просто на привязи за собой водилъ. Объявилась у него, у Чёрнаго, новая пѣсня, да въдъ какая пѣсня! Ни старые, ни бывалые люди отъ роду не слыхивали той пѣсни, и какъ запоетъ онъ своимъ заливымъ голосомъ ту протяжную пѣсню, просто душу у тебя силой беретъ, да и все тутъ!... Она будто и невѣсть какая и немудреная, и всей-то ея видѣть нѣчего:

«Воздохнѹ, Дунай всколыхнѹ,
Всколыхнѹ я Дунай-рѣку.
Что не къ морю вода подымалася,
По желтымъ пескамъ расплескалася,
По зелѣнымъ лугамъ разливалася:
По матушкѣ душа востосковалася»...

Пѣсня-то и вся тутъ, да что сидѣло въ той пѣснѣ, какъ Чёрный ее протяжно да переливно, идучи по городу, пѣлъ, по вечерней зарѣ. И еще какъ подойдетъ надъ гору и станеть на ней, а внизу рѣка въ половодьи разлилася, шумить,—и онъ стоитъ и поетъ: «расплескалася, разливалася...»,—просто, говорили люди, отца и мать бы забылъ и все слушалъ его!... И тутъ же ему и напастъ его приключилася... Мужикъ потопалъ. Чёрный увидѣлъ съ горы и бросился на помощь. Вытащилъ мужика, спасъ его отъ смерти; а тамъ еще лошадь его осталася, бьется, потопаетъ совѣмъ. Народъ сбѣжался, стоитъ на берегу, смотритъ. Жалко бѣдной скотины, да что ты ей сдѣлаешь? Своя душа дороже. Чёрный не стерпѣлъ. «Эхъ сердечная!» вымолвилъ, «какъ она бьется!» и бросился опять къ рѣкѣ. Его было хотѣли силою удержать, такъ удержишь его? Онъ какъ двинулъ плечами, всё отъ него, какъ листья, посыпались. И уже онъ бился съ тою лошадыю, говорятъ, съ часъ мѣста промаялся съ нею, пока, наконецъ, вожжами накинулъ ей мертвый оселъ на шею и вытащилъ. Оно и не прошло даромъ. Недѣлю цѣлую разламывала его болѣзнь, да онъ все не поддавался; а потомъ уже она какъ осилила его, такъ онъ на десятый день только въ память свою пришелъ. И только пришелъ въ себя, глянулъ глазами, и говоритъ шопотомъ хозяйкѣ, чтобъ она священника позвала. И голоса-то его заливного не стало у него!... И какъ хоронили его! Онъ себѣ безродный былъ, ни отца, ни матери, гдѣ-то далеко сиротою взросъ. Кажись, и гробу-то его пустѣтъ да сиротѣтъ должно бы было; а вышло нѣтъ. Народъ къ нему валомъ валить, большіе и малые, словно ихъ посылалъ кто: «иди, молъ, иди, поклонися Чёрному!» И весь городъ—просто, говорили, какъ рѣка текъ. Въ среду (на Свѣтлой недѣлѣ) на вечерню его вынесли въ церковь, а на утро-то, значить въ четвергъ, какъ хоронить его, отецъ протопопъ соборомъ обѣдню служилъ... Дни праздничные, въ храмѣ Божьемъ свѣтлость такая, царскія двери открыены, пѣніе радостное на обѣднѣ льетсѣ... Отпѣли погребеніе, и какъ пришло это время, что «дадимъ послѣднее цѣлованіе», отецъ протопопъ первый приступилъ проститься съ усопшимъ; наклонился онъ и, видно, Господь внушилъ ему такую мысль: «Христосъ Воскресе!» сказалъ онъ и трижды, какъ

христосуясь, поцѣловаль Чёрнаго. А тутъ недалечко, у самаго гроба, женщина съ дитятею на рукахъ стояла, и дитя забавлялось, держало въ ручкѣ красное яйцо. «Дай мнѣ, дитя, твое яичко!» сказалъ отецъ протопопъ. И малютка такъ ему съ ручкою и протянулъ яйцо. Отецъ протопопъ взялъ красное яйцо и положилъ въ гробъ Чёрному, и при этомъ онъ слово такое хорошее сказалъ: пусть, дескать, и въ самое нѣдро земли онъ снесетъ съ собою благовѣстіе Христово. И такъ весь народъ не прощаться, а христосоваться съ Чёрнымъ сталъ. Всякій подойдетъ къ усопшему и, прежде чѣмъ цѣлованіе мертвецу дастъ,—«Христось Воскресе!» скажетъ ему, какъ живому. Приступили къ выносу, такъ народъ толпами толпился, чтобы понести гробъ, и какъ понесли его, день такой прекрасный въ полуднѣ сіяетъ, хоругви развѣваются, парча золотая на гробѣ какъ жаръ горитъ, и, откуда ни возмись, двѣ ласточки вьются да щебечуть надъ самымъ гробомъ,—въ удивленіе привели народъ. Просто сладость такая святая умилила людей, какъ стали заколачивать гробъ. Заколачиваютъ его, одускаютъ въ могилу, а тутъ поютъ: «Христось Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ».

Вотъ такую Богъ судьбу Чёрному далъ, что онъ и пѣсней своею, и смертію, какъ силой какою, подвигалъ за собою людей.

— Чѣмъ Чёрный *двигалъ* за собою людей въ послѣднее время?—Какая привлекательная *сила* заключалась въ его немудрёной пѣснѣ, когда онъ пѣлъ ее?—Какъ *любящая душа* безроднаго сироты, которая слышалась въ пѣснѣ, обнаружилась въ *дѣйствіи*?—Какъ хоронили Чёрнаго?—Что именно привлекало людей на погребеніе бѣднаго и безроднаго человека?—Что именно было въ немъ *прекраснаго*?

16. Отецъ Савелій.

Изъ разсказа Д. Н. Мамнина-Сибиряка.

Рождественская заутреня была въ исходѣ, когда въ церковь вошелъ лѣсникъ Евтропъ. Онъ звалъ священника отца Савелія напутствовать умирающую его жену. Священникъ поѣхалъ, надѣясь, что успѣетъ возвратиться къ началу обѣдни, напутствовалъ умирающую и ѣдетъ обратно...

Отецъ Савелій почувствовалъ какую-то смертную усталость, когда вышелъ изъ избы снова на морозъ. Да и вьюга очень ужъ закрутила.

— Ну, Лысанка трогай!

Лысанка точно понимала, какое трудное дѣло ей предстояло впереди, и оглянулась. Бывалый конь: два раза медвѣдь дралъ, волки хватили разъ десять, и Лысанка уходила жива, хотя морда у нея и была оборвана, а медвѣжьи лапы оставили глубокіе слѣды на заднихъ ногахъ.

Вѣтеръ крутилъ въ воздухѣ совершенно сухой снѣгъ, который такъ и рѣзалъ лицо. Что-то такое зловѣщее ныло и стонало въ воздухѣ.

— Вотъ такъ зададась ночь, вслухъ проговорилъ отецъ Савелій, когда сани заскрипѣли по сухому снѣгу.

За какой-нибудь часъ дорога сдѣлалась неузнаваемой, особенно по ложкамъ и открытымъ мѣстамъ. Отецъ Савелій опустил вожжи и съѣжился:

очень ужь донималъ его холодъ. Не замѣчалъ отецъ Савелій, что и Лысанка изошла силой и только-только тащила сани, съ трудомъ вытаскивая свои махнатыя ноги изъ снѣга. Она все чаще и чаще оглядывалась назадъ, точно хотѣла сказать, какъ ей тяжело...

Отецъ Савелій задремалъ и очнулся только тогда, когда сани остановились. Что такое случилось? Лысанка затонула въ снѣгу.

— Ахъ, милая, проговорилъ отецъ Савелій, выльзая изъ саней съ величайшимъ трудомъ,—отъ каждаго движенія руки и ноги рѣзало точно ножомъ.

— А, вѣдь, этакъ и замерзнуть недолго, подумалъ онъ, припоминая свою дремоту. Онъ попрыгалъ на снѣгу, похлопалъ руками, подтянулъ потуже опояску и принялся за лошадь. Надо ее вытаскивать изъ снѣгу. А Лысанка уже лежала, вытянувъ голову: ногами она не доставала твердой дороги. Отецъ Савелій отопталъ кругомъ снѣгъ и потянулъ Лысанку за поводъ, она продолжала лежать. Пришлось отаптывать сани и выгребать снѣгъ изъ-подъ передка прямо руками. А вѣтеръ такъ и пронизываетъ насквозь. Даже дышать трудно.

— Лысанушка, милая...

Лошадь тяжело дышала, полузакрывъ глаза. Отдохнувъ въ снѣгу, она сдѣлала отчаянное усиліе и рванулась всѣмъ тѣломъ. Сани были выхвачены. Почувствовавъ подъ ногами твердую дорогу, Лысанка храпнула, мотнула головой и встряхнулась такъ, что затрещали гужи.

Отецъ Савелій рассчитывалъ, что согрѣется отъ работы, а вмѣсто того его такъ и валила съ ногъ какая-то мѣртвая усталость. Онъ съ трудомъ забрался въ сани, подкорчилъ подъ себя ноги и оконченныя руки спряталъ за пазуху. Лысанка была предоставлена самой себѣ и пошла мѣрнымъ шагомъ, какъ всякая возовая лошадь. Иногда она останавливалась, чтобы сдѣлать передышку, и опять начинала тяжело шагать. А вьюга разыгралась во всю. Даже здѣсь, въ лѣсу, ничего нельзя было разсмотрѣть въ двухъ шагахъ: передъ глазами ходила какая-то мутно-бѣлая стѣна.

Всего сильнѣе у отца Савелія мѣрзли руки и ноги. Онъ нѣсколько разъ выходилъ изъ саней и пробовалъ согрѣться на ходу, но только сильнѣе уставалъ. Да и дороги оставалось немного: всего податься верстъ пять. Лысанка напрягала послѣднія силы, вытянувъ шею.

— Лысанушка, не выдавай!

Отецъ Савелій прилегъ на лѣвый бокъ, поставивъ подъ вѣтеръ спину. Такъ будто теплѣе. А вотъ, гдѣ это звонъ? Неужели въ селѣ заблаговѣстили, не дождавшись его? Отецъ Савелій прислушивается,—нѣтъ, это вѣтеръ гудитъ по лѣсу.

Гудитъ вѣтеръ, бѣлымъ саваномъ гуляетъ вьюга, стонетъ дремучій лѣсъ. А что это тамъ впереди? Зеленый огонекъ... разъ... два... три... волки! Отецъ Савелій въ ужасѣ открываетъ глаза: нѣтъ, опять поблазнило. Дрема такъ и клонить. А село ужь совсѣмъ близко, это онъ чувствуетъ, потому что Лысанка прибавила шагу. Да, близко... Вотъ искоркой затеплился первый огонекъ... другой... третій. Лысанка понеслась стрѣлой. Сейчасъ и обѣдно начинать. Слава Богу, все благополучно. А народъ уже ждетъ его въ церкви... Только подѣхали сани къ оградѣ, какъ и колоколъ загудѣлъ. Отецъ

Савелій быстро заходитъ въ церковь и чувствуетъ, какъ его охватываетъ живое тепло. Онъ идетъ прямо къ образу, хочетъ помолиться и видитъ чудо: Младенецъ Христосъ улыбается ему и протягиваетъ руки... Страшно сдѣлалось отцу Савелію, жутко, а другіе ничего не замѣчаютъ и только смотрятъ на него.

— Смотрите... смотрите... шепчетъ отецъ Савелій: великое чудо мнѣ недостойному... И все-таки никто не видитъ, и отцу Савелію дѣлается еще страшнѣе, а предвѣчный Младенецъ все улыбается и все тянется къ нему простертыми впередъ ручками.

Толпа въ церкви немного порѣдѣла. Многіе разбрелись по домамъ. Оставались пріѣзжіе изъ сосѣднихъ деревень, которымъ нѣкуда было идти. Мужики сбились въ кучку у старостина прилавка. У всѣхъ была одна мысль. Прошло уже часа два и терпѣніе истощалось. Самые нетерпѣливые выходили на паперть, чтобы посмотрѣть, не ѣдетъ ли отецъ Савелій.

Общее томительное ожиданіе разрѣшилось только тогда, когда къ церковной оградѣ подѣхали кресла. Отъ Лысанки валилъ паръ, отъ истома она шаталась на ногахъ, какъ пьяная. Въ креслахъ, скорчившись, сидѣлъ отецъ Савелій и не шевелился. Онъ казался такимъ маленькимъ... Толпа обступила кресла.

— Батюшки, да вѣдь отецъ-то Савелій замёрзъ! крикнулъ чей-то голосъ. Всѣ такъ и ахнули. Около саней толпа росла. Послышались причитанья и тихій женскій плачь, а отецъ Савелій лежалъ въ креслахъ съ такимъ блаженно-счастливымъ лицомъ, какъ тихо заснувшій ребенокъ.

— За какой-нибудь часъ—не больше, какъ въ одинъ часъ времени.—Поблазило—показалось то, чего совсѣмъ не было.—Кресла—простыя крестьянскія сани, т. е. дровни, съ широкими отводами, перепутанными веревками. На нихъ возятъ и дрова, и сѣно; въ креслахъ поддуваетъ со всѣхъ сторонъ, несмотря на сложенное сѣно.

— Что заставило отца Савелія пуститься въ опасный путь въ праздникъ, когда ему еще надо было служить обѣдню?—Какъ надо назвать человѣка, который всего выше ставитъ лежащій на немъ долгъ и ради исполненія этого долга готовъ жертвовать жизнью?—Отчего у замёрзшаго отца Савелія было такое блаженно-счастливое лицо?—Чѣмъ *прекрасно* это лицо, какъ прекрасна и вообще личность этого человѣка?

17. Дорогой гость.

Изъ разсказа Н. С. Лѣскова.

Отецъ мой былъ начитанъ и меня къ чтенію пріохотилъ... И вотъ послалъ мнѣ одинъ разъ Господь въ утѣшеніе пріятели Тимофея Осиповича, про котораго я и хочу вамъ разсказать, какъ съ нимъ чудо было. Тимофей прибылъ къ намъ въ молодыхъ годахъ... Слышно было, что его дядя обидѣлъ. Опекуномъ былъ въ его сиротство, да и растратилъ и взялъ почти все его наслѣдство. Онъ у насъ построилъ домъ и сталъ жить... Пришла ему по сердцу моя сестра; онъ на ней женился, началъ жить да поживать и добра

наживать. Но онъ все-таки помнилъ свою обиду. И онъ открылъ мнѣ, что дядя смертно огорчилъ его отца, свелъ горемъ въ могилу его мать, оклеветалъ его самого, и при старости своихъ лѣтъ улестьилъ и угрозами понудилъ однихъ людей выдать за него, за старика, молодую дѣвушку, которую Тимоша съ дѣтства любилъ и всегда себѣ въ жену взять располагалъ.

— Развѣ, говорить, все это можно простить? Я его въ жизнь не прощу.

И была у Тимофея такая привычка, что какъ близится солнце къ закату, онъ непременно выходилъ въ свой садикъ, и самъ охорашивалъ свои розаны и читалъ на скамеечкѣ книгу...

Такимъ точно порядкомъ пришелъ онъ разъ сюда и взялъ съ собою Евангеліе. Поглядѣлъ розаны, а потомъ присѣлъ, раскрылъ книгу и сталъ читать. Читаетъ, какъ Христосъ пришелъ въ гости къ фарисею, и Ему не подали даже воды, чтобы омыть ноги. И стало Тимофею нестерпимо обидно за Господа и жалъ Его. Такъ жалъ, что онъ заплакалъ о томъ, какъ этотъ богатый хозяинъ обошелся со святымъ Гостемъ.

Вотъ тутъ въ эту самую минуту и случилось чуду начало, о которомъ Тимоша мнѣ такъ говорилъ:

— Гляжу, говорить, вокругъ себя и думаю: какое у меня всего изобиліе и довольство, а Господь мой ходилъ въ такой бѣдности и униженіи. И наполнились всѣ глаза мои слезами и никакъ ихъ сморгнуть не могу; и все вокругъ меня стало розовое, даже самыя мои слезы. Такъ, въ родѣ забытья или обморока, и воскликнулъ я: Господи! еслибъ Ты ко мнѣ пришелъ, — я бы Тебѣ и себя самого отдалъ.

А ему вдругъ въ отвѣтъ откуда-то, какъ въ вѣтеркѣ въ розовомъ, дохнуло: «приду!»...

Тимофей велѣлъ женѣ съ другого же дня ставить за столомъ лишнее мѣсто. Какъ садятся они за столъ пять человѣкъ, — онъ, да жена, да трое ребятшекъ, — всегда у нихъ шестое мѣсто на концѣ стола почетное, и передъ нимъ большое кресло.

Наступило Рождество Христово. Стояла лютая зима. Тимофей приходитъ ко мнѣ на сочельникъ и говоритъ:

— Братъ любезный, завтра я дождусь Господа.

— Какое же ты имѣешь въ этомъ увѣреніе?

— Нынѣ, отвѣчаетъ, только что я помолилъ: «ей, гряди, Господи!» какъ вся душа во мнѣ всколыхнулась и въ ней словно трубой вострубило: «ей, гряди скоро!» Завтра Его святое Рождество, и не въ сей ли день Онъ пожалуетъ? Приди ко мнѣ со всѣми родными, а то душа моя страхомъ трепещетъ!...

Пришли мы въ Рождество къ Тимофею всей семьей. Застали большія хоромы его полны людей... Столы большіе крыты скатертями и всѣмъ, чѣмъ надобно. Батрачки бѣгаютъ, квасы и чаши съ пирогами разставляютъ. А на дворѣ уже смеркалося, да и ждать больше было нѣкого: всѣ послы домой возвратилися, и гостямъ больше нѣ откуда быть, потому что на дворѣ поднялась метель и вьюга, какъ свѣтопреставленіе.

Одного только гостя нѣтъ и нѣтъ, который всѣхъ дороже...

Тимофей ходилъ и сидѣлъ, и былъ видно въ тяжелой тревогѣ...

Онъ сталъ передъ иконою и вслухъ зачиталъ: «Отче нашъ, иже еси на небеси...», а потомъ: «Христосъ рождается, славите, Христосъ съ небесъ, срящите, Христосъ на земли...»

И только онъ это слово вымолвилъ, какъ внезапно что-то такъ страшно ударило со двора въ стѣну, что даже все зашаталось, а потомъ сразу же прошумѣлъ шумъ по широкимъ сѣнямъ, и вдругъ двери въ горницу сами вскрылися настежь.

Всѣ люди, сколько тутъ было, въ неопisanномъ страхѣ парохнулись въ одинъ уголъ, а многіе упали, и только кои всѣхъ смѣлѣе—на двери смотрѣли. А въ двери на порогѣ стоялъ старый-престарый старикъ, весь въ худомъ рубищѣ, дрожить и, чтобы не упасть, обѣими руками за притолки держится; а изъ-за него изъ сѣней, гдѣ темно было, неописанный розовый свѣтъ свѣтитъ и черезъ плечо старика впередъ въ хоромину восходитъ бѣлая, какъ изъ снѣга, рука, и въ ней длинная глиняная плшка съ огнемъ... Вѣтеръ съ вьюгой съ надворья рветъ, а огня не колышетъ. И свѣтитъ этотъ огонь старику въ лицо и на руку...

Тимофей, какъ увидалъ, вскричалъ:

— «Господи! вижду и приму его во имя Твое, а Ты Самъ не входи ко мнѣ: я человекъ злой и грѣшный»,—да съ этимъ и поклонился лицомъ до земли.

Тутъ внесли огонь, а бѣлой руки уже не видать, только одинъ старикъ остался.

Тимофей всталъ, взялъ его за обѣ руки и посадилъ на первое мѣсто. А кто онъ былъ этотъ старикъ—можетъ быть, вы и сами догадаетесь: это былъ врагъ Тимофея, дядя, который всего его разорилъ. Въ братскихъ словахъ онъ сказалъ, что все у него прошло прахомъ, и семьи и богатства онъ лишился, и ходилъ давно, чтобы отыскать племянника и просить у него прощенья. И жаждалъ онъ этого и боялся Тимофеева гнѣва, а въ эту метель сбился съ пути и, замерзая, чаялъ смерти единой.

— Но вдругъ, говорить, кто-то невѣдомый осіялъ меня и сказалъ: «иди, согрѣйся на Моемъ мѣстѣ и поѣшь изъ Моей чаши», взялъ меня за обѣ руки, и я сталъ здѣсь, самъ не знаю отколѣ.

А Тимофей при всѣхъ отвѣчалъ:

— Я, дядя, твоего Провожатаго вѣдаю: это Господь, Который сказалъ: «аще алчетъ врагъ твой—ухлѣби его, аще жаждетъ—напой его». Сядь у меня на первомъ мѣстѣ—ѣшь и пей во славу Его, и будь въ дому моемъ во всей волѣ до конца жизни.

Съ той поры старикъ такъ и остался у Тимофея и, умирая, благословилъ его, а Тимофей сталъ навсегда миренъ въ сердцѣ своемъ.

— Въ гости къ фарисею: Святое Евангеліе отъ Луки, глава 7, стихъ 44.—Хоромы—большая комната.—Батрачки—работницы по найму.—Срящите—встрѣчайте.—Чаялъ—ожидалъ.—Ухлѣби—накорми.

— Какія обстоятельства жизни *озлобили* Тимофея Осиповича?—Какія вліянія побѣдили его злобу?—Какъ онъ измѣнился и когда въ немъ было больше *человѣческой красоты*?

18. Исканіе Бога.

К. М. Фофанова.

Долго я Бога искалъ въ городахъ и селеніяхъ шумныхъ,
 Долго на небо глядѣлъ—не увижу ли Бога.
 Бога искалъ я въ дѣяннѣхъ природы разумныхъ,
 Въ бѣдности скромной подвала, въ роскоши пышной чертога.
 Доло я Бога искалъ, переполненъ мучительной жажды
 Лишь Его свѣтлый увидѣть, царящій надъ міромъ;
 Доло я Бога искалъ—и провидѣлъ Его я однажды
 Въ сердцѣ своемъ, озаренномъ любовью къ несчастнымъ и сирымъ.

— Подваль—нижній этажъ большого дома, входящій въ землю. Въ большихъ городахъ въ подвальныхъ этажахъ самыя дешевыя квартиры, въ которыхъ живутъ бѣдняки.—Чертоги—роскошныя комнаты, въ которыхъ живутъ богатые люди.

— Гдѣ поэтъ искалъ Бога?—Гдѣ, наконецъ, онъ нашелъ Бога? Какъ объ этомъ говорится въ стихахъ?—Въ какомъ-же человѣческомъ сердцѣ невидимо присутствуетъ Богъ?

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

1) Чѣмъ прекрасна природа, тѣмъ ли только, что она даетъ человѣку пищу для тѣла? Какъ она дѣйствуетъ на душу, какія думы и чувства возбуждаетъ?—Приведите примѣры изъ прочитанныхъ поэтическихъ произведеній. 2) Какое пѣніе, какую музыку, какую картину, какіе предметы, сдѣланные человѣкомъ, можно назвать прекрасными?—Приведите примѣры. 3) Что дѣлаетъ прекраснымъ человѣка, красивое-ли лицо, высокій-ли ростъ, нарядная-ли одежда?—Приведите примѣры. 4) Когда-же и чѣмъ именно возбуждается въ душѣ человѣка чувство прекраснаго?—Приведите примѣры.

Планъ для сочиненія „Природа и человѣкъ“.

1. Что такое природа? 2. Зависимость человѣка отъ природы. Примѣры. 3. Борьба человѣка съ природой. Примѣры. 4. Что даетъ человѣку природа для тѣла? Примѣры. 5. Что даетъ человѣку природа для души? Примѣры.

19. Раздробленіе Русской земли.

Б. А. Павловича.

Въ древней Руси многое дѣлалось не такъ, какъ дѣлается въ наше время: были свои порядки, свои нравы, свои обычаи. Мы, на примѣръ, составляемъ одно нераздѣльное государство, во главѣ котораго стоитъ Царь, передающій послѣ смерти своей власть старшему сыну. Въ тѣ времена князь дѣлилъ свою область между сыновьями. Такимъ образомъ, послѣ смерти князя Ярослава Владимировича (сына Владимира Святаго) Русская земля распалась на нѣсколько частей, потомъ эти части опять пошли дѣлиться на части... Не хорошо бываетъ въ домѣ, когда въ немъ много хозяевъ; не хорошо было

и на святой Руси, которою управляли цѣлыя дюжины князей. Они постоянно ссорились другъ съ другомъ, отнимали другъ у друга земли, не стояли единодушно за отчизну во время нашествія враговъ... Горько доставалось отъ этого народу... Деревни сожигались, поля опустошались. А тѣмъ временемъ вѣншіе враги, напимѣрь — половцы, пользуясь взаимною враждою князей, свободно расхаживали по нашему отечеству и безжалостно доканчивали разрушеніе и разграбленіе. Половцы жили въ степяхъ, занимаемыхъ прежде хозарами и печенѣгами; по образу жизни они были кочевники. Они грабили даже села и города, народъ уводили съ собою, а потомъ продавали въ рабство... Половцы не унимались тѣмъ больше, что нѣкоторые изъ русскихъ князей не совѣстились искать у нихъ помощи противъ своихъ же единоземцевъ... Таковъ, напимѣрь, былъ князь Олегъ Черниговскій: онъ нанималъ половцевъ и съ ними распространялъ горе по всей землѣ, за что и названъ «Гореславичемъ».

20. Битва съ Половцами.

Изъ древняго русскаго стихотворенія «Слово о полку Игоревѣ», въ переложеніи на современный языкъ Н. В. Гербеля.

Отъ *разсвѣта* золотого
До глубокой мгмы *ночной*,
И отъ сумрака *ночного*
До *денницы* золотой,
Свищутъ *стрѣлы* каленія,
Копья крѣпкія трещать,
О шлемы боевые
Сабли острия гремятъ,
Средь невѣдомыхъ *полей*
Половецкихъ дикарей.
Степь *истоптана*, изрыта
Сталью конскаго копыта,
И *кругомъ* была она
Нашей *кровію* полита,
А костью *удобрена*,
И надъ *Русскою* землею

Тотъ *посѣвъ* взошелъ *блдою*...
Тамъ, гдѣ пѣнится *Баяла*,
Чаша выпита *до дна*,
Тамъ *кроваваго* вина
Не хватило, не достало!
Тамъ у *вражеской* рѣки
Наши *братья-земляки*
Пиръ *кровавый* довершили,
Жадныхъ *сѣтовъ* напоили,
И за честь своей *земли*
Сами *трупами* легли.
Вянетъ на полѣ *быліна*
Подъ *кручиною-тоской*,
И къ *землѣ тоска-кручина*
Клонить *яворъ* молодой.

Наступило, братцы, *времячко*,
Наступило *невесёлое!*...
Нѣтъ въ князьяхъ *единомыслія*,
Нѣтъ согласія! *Вмѣсто дружества*
Стали *братъ брату* поговаривать:
«Тѣ *мое*, *мое* и *это все!*»
Стали *спорить* межъ собой князья
За *пустое*, какъ за *важное*,

И *крамолу* на *себя* ковать.
А *кочевники* со *всѣхъ* сторонъ,
Между тѣмъ, какъ *побѣдители*,
Приходили въ *землю Русскую*...
Разлилась *тоска* тяжелая
По Руси, и *горе* лютое
Затопило *землю Русскую*.

— Половѣцкіе дикари—кочевые пѣловцы, которые пришли изъ Азіи и жили въ Донскихъ степяхъ, напали на Русскую землю и разорили ее.—*Кааяла*—степная рѣчка.—*Шелѣмы*—шлемы, головной уборъ, защищавшій голову отъ ударовъ.—*Яворъ*—дерево, похожее на клѣнъ.—*Крамѣла*—злой, погубительный замыселъ.

— Въ древнерусскомъ стихотвореніи „Слово о полку Игоревѣ“ разсказывается о походѣ на пѣловцевъ удалыхъ князей Сѣверскихъ, братьевъ Игоря и Всеволода: князья хотѣли наказать кочевниковъ за набѣги, защитить отечество и прославиться, но не сговорились съ другими князьями. Дѣло кончилось тѣмъ, что пѣловцы побили небольшое русское войско у рѣки Кааялы, князя Игоря взяли въ плѣнъ и бросились разорять Русскую землю. Въ стихотвореніи выражается скорбь о томъ, что раздоры князей губятъ отечество.

— Разскажите, какъ *раздробилась* Русская земля.—Какое зло отъ этого произошло?—Откуда взялись и гдѣ жили *пѣловцы*?—Что это былъ за народъ?—Почему русскіе князья не могли справиться съ ними?—Какъ разсказывается о неудачахъ князей въ древне-русскомъ стихотвореніи?—Какъ въ стихотвореніи изображается битва при Кааялѣ?—Какъ выражается *скорбь* о страданіяхъ Руси?

21. Нашествіе Татаръ на Русскую землю.

Изъ стихотворенія А. Н. Майкова.

Гой, не *туча* въ синемъ небѣ разстиается:
 Злые *татары*, валъ за валомъ, по *Руси* валяютъ...
 Не *видать* въ дыму краена солнышка;
Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли;
 Гдѣ не *бьютъ* людей—гонять *пѣлоны*
 Полонянчики *идутъ*, другъ друга *спрашиваютъ*:
 <Изъ *которой* веси ты, *какого* города?>
 — Я изъ *Кіева*,—изъ *Чернигова*,—
 — Я изъ *Сүздаля*,—изъ *Владимира*,
 Ты *прости* на вѣкъ, *миль родимый* градъ! —
 Ты-ли, *Господи*, въ конецъ на Русь *прогнѣвался*?
 Ни *пощады* ей не будетъ, ни *спасенія*!
 Въ *людяхъ рознь* идетъ, въ *князьяхъ* *кѣторы*,
 Гдѣ ни *глянь* кругомъ—темна *ночь* лежитъ,
 Темна *ночь* лежитъ, *непроглядная*.

— *Пѣлоны*—люди, забранные врагами въ плѣнъ, въ неволю.—*Веси*—сѣла, деревни.—*Кѣторы*—перекоры, ссоры, междоусобіе.

Татары пришли изъ Азіи и напали на Русь два раза, въ 1224 и въ 1237 г., а 6 декабря 1240 года завладѣли Кіевомъ. Они были невысокаго роста, съ косыми глазами и сплюснутымъ носомъ; занимались скотоводствомъ, кочевали въ степяхъ. Они были языческой вѣры; нравы у нихъ были грубые, жестокіе.

— Какъ въ стихахъ изображается нашествіе татаръ на Русскую землю? — Съ чѣмъ оно сравнивается? — Какъ изображаются страданія русскихъ людей? — Какъ объясняется это бѣдствіе, постигшее Русь?

22. Стихотвореніе о Татарской неволѣ.

М. Ю. Лермонтова.

Что въ полѣ за пыль пылится?	У меня вѣдь есть примѣточка—
Что за пыль пылится, столбомъ валить?	На бѣлой грудѣ—что копеечка.
Злы татаровья полонъ дѣлать:	Какъ услышала моя доченька,
То тому, то сему—по добру воню,	Заклидалася, заметалася:
А какъ зятю тѣща доставалася.	«Ты родная моя матушка!
Онъ заставилъ ее три дѣла дѣлать:	Ахъ, что ты давно не сказалася?
А первое дѣло—гусей пасти,	Ты возьми мои золотыя ключи,
А второе дѣло—бѣлзъ кудель пряхти,	Отпирай мои кованыя ларцы,
А третье дѣло—дитя качать.	И бери казны сколько надобно,
А я глазами гусей пасу,	Жемчугу да злата-серебра!»
И я рученьками бѣлзъ кудель пряду,	— Ахъ, ты милое мое дитятко!
И я ноженьками дитя качаю:	Мнѣ не надобно твоей золотой казны,
Ты баю-баю, милое дитятко!	Отпусти меня на святую Русь:
Ты по батюшкѣ—злой татарченокъ,	Не слыхать здѣсь пѣнья церковнаго,
А по матушкѣ—родной внучёнокъ,	Не слыхать звону колокольнаго.

— Полонъ дѣлать, т. е. добычу.—Кудель—пряжа, лёнъ.

— Какія страшныя картины рисуются въ этомъ стихотвореніи?—Въ какія невозможныя отношенія поставила татарская неволя мать и дочь?—Въ чемъ заключался ужасъ этой неволи, въ одномъ-ли только разореніи?

23. Народная колыбельная пѣсня о Татарской неволѣ.

Спи-усни, мое дитятко,	Отогнали прочь, дитятко,
Покуль гроза пройдетъ,	Твоего батюшку родимаго!
Покуль бѣда минеть,	Ты расти, расти, дитятко,
Гроза пройдетъ страшная,	Во младости, во крѣпости.
Бѣда минеть наносная.	Ужъ у тебя ли на дворѣ
Спи-усни, мое дитятко!	Стоить теремъ одинёхонекъ
Твоя ли матушка полоняночка,	Безъ батюшки и матушки.
Твой батюшка полоняночекъ!	Ты сѣдай коня вороного,
Злы татарове набѣгали,	Ты свачи въ орду золотую,
Домы, теремы сожигали,	Вывози батюшку родного
Старыхъ стариковъ убивали,	На святую ли Русь;
Молодыхъ во полонъ полонили,	Вывози матушку родиму
Животы по себѣ дѣлили.	На широкій ли дворъ,
Разлучили тебя, дитятко,	Во теремъ изукрашенный!
Съ родимой ли матушкой;	

— Полоняночка, полоненочекъ—люди, захваченные врагами въ полонъ (плѣнь), въ неволю.—Татарове—татары.—Животы—имѣнье, добро.—Орда золотая—страна, гдѣ поселились татары, ихъ становище, татарское царство, на низовьяхъ Волги, съ городомъ *Сараемъ*.

— Какъ изображаются въ пѣснѣ—нашествіе татаръ на Русь и *бѣдствія* русскаго народа?—Какими словами выражается *ужасъ* и *горе* русской матери?—Кромѣ *ужаса* и *горя*, не слышится-ли въ пѣснѣ и твердая *спра* въ освобожденіе и въ лучшее будущее?—Въ какихъ словахъ она слышится?

24. Татарская неволя и Москва.

К. Н. Вестужева-Рюмина.

Больше шести сотъ лѣтъ тому назадъ страшная бѣда постигла Русь, тогда подѣленную на мелкія княжества: пришли татары. Князья не соединились; татары разбили ихъ по одиночкѣ, разорили Русь изъ конца въ конецъ и стали владѣть ею. Пришлось русскимъ князьямъ ѣздить въ Золотую орду и вымаливать у хановъ татарскихъ и жизнь свою, и власть.

Такъ прошло около ста лѣтъ. Татары разбогатѣли и стали ссориться между собою; тогда начала отдыхать Русская земля. Московскій князь Иванъ Даниловичъ, одинъ изъ самыхъ слабыхъ, добился званія великаго князя и потихоньку сталъ скоплять богатства и покупать вотчины другихъ князей; татары онъ старался не обижать для того, чтобы до времени они не опомнились и опять не задавили Руси. То же дѣлали и его наслѣдники. Имъ помогали святые митрополиты Петръ и Алексій, которые и переѣхали жить въ Москву. Москва такъ усилилась, что внуку Ивана Даниловича, Дмитрію Ивановичу Донскому, удалось разбить татарскія силы на полѣ Куликовомъ и тѣмъ показать, что и татары можно бить.

— Ханамъ назывались татарскіе цари.—Великимъ княземъ на Руси назывался старшій князь. Великіе князья сперва жили въ Кіевѣ, потомъ во Владимирѣ, наконецъ—въ Москвѣ.—Вотчины—наслѣдственныя земли, переходившія отъ отца къ дѣтямъ.

25. Святитель.

С. Я. Надсона.

— Для тебя *не противна*, какъ я погляжу,
 Съ мужикомъ, съ *неучѣнымъ*, бѣсѣда...
 Что жъ, *изволь*, я, пожалуй, тебѣ расскажу,
 Что *слыхалъ* я когда-то отъ дѣда.
 Только *дрягль* я, родимый, забывчивъ подъ часъ...
 Старику не *упомнить* иного!
 Ну, да ты не *осудишь* простой мой разсказъ,
 Деревенское, *тѣмное* слово.
 Край нашъ, самъ ты видалъ, и безлюдень, и глухъ,
 Лѣсъ да *тѣсъ*... Ни *пути*, ни дороги;
 Деревеньки—*пятокъ* обветшалыхъ *лачугъ*,

Села *рѣдки*, а нивы *убоги*...
 Наши зимы *суровы*, вьюжливые дни,
 Непогодные *тѣмныя* ночи;
 Бродятъ *волки* кругомъ, и горять, какъ огни,
 По опѣшкамъ ихъ *жадные* очи.
 Словомъ—точно мы *Богомъ* забыты... Порой
Жутко станеть, какъ вьюга ночная
Запоеть, *замететь*, *зашатаеть* избой,
 Да завоетъ въ *трубу*, какъ шальная...
 Тамъ, за этимъ *лѣскомъ*, чтѣ видать изъ окна,
 Есть обитель: *давно* надъ рѣкою
 Золотыми *крестами* сияеть она
 И бѣлѣть *зубчатой* стѣною.
 Сотни *лѣтъ* ея колоколъ мѣрно гудить,
 По зарѣ *на молитву* сзывая,
 И *далѣко* ударъ за ударомъ летить
 Надъ *лѣсными* вершинами края...
 Много ходить въ народѣ *сказаній* о ней:
Встарину, говорятъ тѣ *сказанья*,
 Самъ *Угодникъ* нашель въ ней *пріютъ* отъ скорбей
 И *покой* отъ *мірскаго* скитанья;
 Самъ, своими руками на церковь *принёсъ*
 Первый *камень* блаженный Святитель,
 И *сподобилъ* его за смиренье Христосъ
Чудесами прославить обитель.
 Если ты *обездоленъ* людьми и судьбой,
 Если *горе* къ тебѣ залетѣло,
 Если тяжкій *недугъ*, присосавшись змѣей,
 Какъ *огнемъ* изсушилъ твое тѣло,
 Если нѣтъ отъ тоски тебѣ *сна* по ночамъ,
 Если *трудъ* твой въ рукахъ не спорится,—
Приходи въ монастырь *приложиться* къ мощамъ,
 Приходи въ монастырь *помолиться*.
Любитъ Божій Угодникъ народъ
 И видна наша *нѣмочь* Святому:
 Какъ *рукой* съ тебя *сниметъ* онъ бремя заботъ,
 Какъ *туманъ* съ тебя *смететъ* истому;
 Словно *камень* свалилъ съ облегченной груди,
 И *слѣда* нѣтъ *кручины* постылой...
 И ужь *идь жь* ты, *кручина*, дѣвалась? Приди—
 Я съ тобою *помѣряюсь* силой!

— Обитель—монастырь. Во время татарской неволи, когда Русь страдала и отъ разоренья, и отъ невольнаго извращенія всей жизни, русскіе люди искали утѣшенія въ религіи и подвижничествѣ: уходили въ лѣса и пустыни и посвящали свою жизнь посту, молитвѣ и духовнымъ подвигамъ; около подвижниковъ собирались ученики и подражатели, создавались обители; народное преданіе объ одномъ изъ такихъ подвижниковъ-угодниковъ и рассказано въ этомъ стихотвореніи.

Планъ для сочиненія „Татарская неволя“.

1. Раздробленіе Руси. Великій князь. 2. Ссоры и междоусобія князей. 3. Пóловцы и набѣги ихъ. 4. Неудачная борьба Руси съ пóловцами. 5. Нашествіе татаръ. 6. Бѣдствія Руси подъ татарскимъ игомъ. 7. Подвѣжники и монастыри.

26. Царь Иванъ Даниловичъ Калита и митрополитъ Петръ.

А. Н. Майкова.

Шестьсотъ лѣтъ тому назадъ Москва не была такая большая, какъ теперь. Тогда это былъ маленькій деревянный городокъ; на той горѣ, гдѣ теперь Кремль, стоялъ небольшой княжескій теремъ со службами да пристройками и съ одной деревянной церковкой во имя Спаса. Это та, что нынче называется Спасъ на бору. Кругомъ горы были покрыты еще густымъ лѣсомъ, и кой-гдѣ развѣ расчищены мѣста для пашни, да кой-гдѣ стояли слободы или деревушки. Въ городкѣ и въ этомъ терему проживалъ князь Иванъ Даниловичъ, по прозванью Калита. Митрополитомъ въ то время былъ св. Петръ, и митрополиты жили во Владимирѣ на Клязьмѣ, и Владимиръ былъ столицею великихъ князей. Обѣзжая свою паству, св. Петръ часто заѣзжалъ въ Москву къ князю Ивану Даниловичу. Полюбился ему этотъ князь. Въ маленькомъ городкѣ, въ бѣдномъ теремкѣ, надъ Москвою рѣкою, частенько, долго и по душѣ бесѣдовали князь со святителемъ о несчастныхъ дѣлахъ Русской земли, какъ всѣ-то князья ссорятся другъ съ другомъ, никого не слушаются, татаре вмѣшиваются въ ссоры ихъ и идетъ повсемѣстная война и разореніе.

Митрополитъ говорилъ князю Ивану Даниловичу: «Всѣхъ перевидалъ я князей и всѣхъ ихъ знаю; есть между ними и добраго нрава, да горячи и легкомысленны; въ даль не смотрять, а только думаютъ, какъ бы нынче прошло хорошо; думаютъ о себѣ, а не о народѣ, не о всей Руси. И отъ раздѣленія ихъ вся-то Русь пополамъ распалась: одна часть подъ Литву подпала, другая подъ татаръ. А князьямъ и горя мало: отъ татарскаго насилія страдаютъ и вздыхаютъ, а о томъ не думаютъ, какъ бы дѣло повести такъ, чтобы хоть со временемъ, дѣтямъ и внукамъ, совсѣмъ отъ татаръ избавиться. Изо всѣхъ князей только ты, Иванъ Даниловичъ, нрава твердаго и ума великаго. Принимайся съ Богомъ за собираніе земли подъ одну руку твою. Ты бережливъ, казны у тебя много, и такъ тебя прозвали «калита», полный мѣшокъ. Скупай отъ князей сѣла и города: имъ деньги нужны, задаромъ волости продаютъ. И устройся такъ, чтобы у тебя народу было жить хорошо, и народъ отовсюду къ тебѣ потянетъ. А я въ Москвѣ поселюсь и въ ней свой престолъ митрополичій поставлю, и буду помогать тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, и молитвами моими передъ Господомъ и Пресвятой Богородицей...»

Такъ бесѣдовалъ Святитель съ княземъ, и послушался его князь Иванъ Даниловичъ... И начали переѣзжать къ нему отъ другихъ князей самые знатные и умные бояре, и дѣлались ему помощниками и вмѣстѣ съ нимъ стали думать тайную думу, какъ избавиться отъ орды. И умеръ Иванъ Даниловичъ Калита (въ 1340 г.), а дума его не умерла при сынѣ его Симеонѣ Гордомъ. Симеонъ уже сталъ именоваться великимъ княземъ всея Руси, и гордо дер-

жалъ себя съ князьями и татарами. Можетъ быть, и готовился онъ нанести ордѣ рѣшительный ударъ, какъ вдругъ пришла въ Россію страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ черной смерти; цѣлыя области опустѣли; въ нѣкоторыхъ городахъ не осталось ни одного человѣка, и самъ великій князь Симеонъ, во цвѣтъ лѣтъ и мужества, заразился ею и умеръ. Но, умирая, онъ передалъ престолъ брату Ивану Ивановичу и писалъ ему въ своемъ завѣщаніи: «слушайся старыхъ бояръ, они отцу нашему и намъ добра всегда хотѣли, слушайся затѣмъ, чтобъ и—*свѣча не погасла.*» А что разумѣлъ онъ подъ этой притчей, чтобы свѣча не погасла? А свѣча тутъ значить то дѣло, что задумалъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, и думу свою вложилъ въ сердце боярамъ, то есть—освобожденіе отъ татаръ.

— Владимиръ на Клязьмѣ теперь губернской городъ.—Рѣка Клязьма—лѣвый притокъ р. Оки, впадающей въ Волгу.—Калита—кошель для денегъ.

— Расскажите про князя Ивана Даниловича Калиту и про Святителя Петра.

27. Въ Москвѣ зажигается свѣча.

Изъ стихотворенія А. Н. Майкова.

Съ мала ключика студена потекла рѣка,	
Съ невелика начиналась каменна Москва.	
Наѣзжали тутъ князья тѣшиться,	
По темнымъ лѣсамъ <i>кабана</i> ловить,	
Въ тихихъ заводахъ лебедей стрѣлять.	
То не звѣздочка	<i>Ободрился,</i>
Засвѣтилася	На нее глядятъ,
Въ непроглядной тьмѣ.	<i>Богу</i> молятся.
То зажглась <i>свѣча</i>	А она <i>горитъ</i>
Воску яраго	Разгорается,
Въ каменной Москвѣ.	Свѣтитъ <i>всей</i> Русп.
Зажигалъ ее	А Московскій князь
Тамъ <i>Святитель Петръ,</i>	Возвышается,
Да <i>Московскій князь.</i>	<i>Думу</i> думаетъ,
<i>Запримѣтили</i>	Думу думаетъ,
Люди русскіе	<i>Дѣло</i> дѣлаетъ,
Съ далека ея,	Не торопится.

— Кабанъ—дикая свинья.—

28. Куликовская битва.

Н. М. Карамзина.

Шестого сентября (1380 г.) русское войско приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ-ли ожидать татаръ, или итти далѣе. Мысли были не согласны... Великій князь (Димитрій Ивановичъ) рѣшился и.

къ ободренію своему, получилъ отъ святаго Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ и, сказавъ имъ: «часть суда Божія наступаетъ!», седьмого сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятели среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностью служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку; усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ князя, говорили они, смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть, а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды.» Но Димитрій отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу-ли сказать вамъ: братья умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ.» Онъ не измѣнилъ себѣ и, громогласно читая псаломъ «Богъ намъ прибѣжище и сила», первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ, отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общою.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ... Еще князь Владиміръ Андреевичъ (Серпуховскій, двоюродный братъ Димитрія), находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владимиру: «Теперь наше время!» Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятели, и быстро устремился на татаръ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разбѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодрого, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, онъ воскликнулъ: «Великъ Богъ Христіанскій!» и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки російскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взяли станъ непріятельской и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ разными драгоценностями.

— Святой Сергій—основатель Троице-Сергіевой обители (нынѣ лавра), въ 60-ти верстахъ отъ Москвы: Князь Димитрій, готовясь къ оборонѣ Русской земли отъ татаръ, посѣтилъ великаго подвижника и принялъ отъ него благословеніе.— Мамай былъ грозный татарскій ханъ, который хотѣлъ усилить власть татаръ надъ Русью и грозилъ ей разореніемъ.—Куликово поле въ нынѣшней Тульской губерніи, въ Епифановскомъ уѣздѣ.—Вождь—начальникъ—руководитель войска.

29. Конецъ татарской неволи.

Изъ стихотворенія А. Н. Майкова.

Часть ударилъ жданный и радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси,

И *молебны* по церквамъ поютъ,

И по *всей* землѣ веселіе.

Словно мутны *воды* вешнія,

Золотая орда *растаяла*,

Отъ святой Руси *отхлынула*.

Пронеслися тучи *черныя*,

Вышло *солнце* изъ-за черныхъ тучъ;

Засвѣтился имъ московскій Кремль,

Золотыя *церквей* маковки.

А въ палатѣ узорчатой

Всѣхъ *святѣй* сидитъ и радостнѣй

На престолѣ самъ *Московский* князь,

Самодержецъ всея Руси,

А не ханскій уже данничекъ:

Его ноженкой *растоптана*,

Басма ханская тутъ валяется,

И бѣгутъ съ метлою *коноухи*

Выметать ее на *задній* дворъ.

— Кремль: такъ на Руси называлась срединная часть города, окруженная каменной стѣной. Кремль и доселѣ сохранился въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ старинныхъ русскихъ городахъ.—Палата узорчатая—комната въ царскомъ дворцѣ, стѣны которой расписаны узорами.—Ханскій данникъ—данникъ татарскаго хана.—Басма ханская—изображеніе хана, съ которымъ ханскіе послы пріѣзжали на Русь за данью; царь Иванъ Васильевичъ III отказался платить дань хану Ахмату и басму его растопталъ ногами: такъ, въ 1480 году, онъ положилъ конецъ татарской неволѣ.

Планъ для сочиненія „Конецъ татарской неволи“.

1. О страданіяхъ Руси подъ татарскимъ игомъ. 2. Вѣдствія народа и униженіе князей. 3. Москва и московскіе князья. Святитель Петръ. 4. Собраніе Русской земли. 5. Князь Дмитрій Ивановичъ и Куликовская битва. 6. Князь Иванъ Васильевичъ III и освобожденіе Руси отъ татарской неволи.

30. Константинополь, Турки и Царь Иванъ Васильевичъ Третій.

А. Н. Майкова.

Изстари, какъ только крестилась Русская земля, у насъ тотчасъ установились самыя дружескія сношенія со всеми православными царствами—съ царствомъ Болгарскимъ, Сербскимъ и особенно Греческимъ. Болгары и Сербы того же славянскаго племени, какъ и Русскіе; языкъ ихъ и теперь мало чѣмъ отличенъ отъ нашего церковнаго. Они крестились за сто лѣтъ прежде Руси, а потому у нихъ много священныхъ и историческихъ книгъ давно ужъ было переложено на славянскій языкъ, и книги эти переходили и къ намъ... Словомъ сказать, эти народы жили съ нами въ самой тѣсной связи, и церкви ихъ были между собою какъ сестры, процвѣтавшія подъ сѣнью общей матери своей—церкви Константинопольской (греческой). Константинополь же, или иначе Царьградъ, былъ для всего востока какъ бы

великою столицею, откуда исходилъ свѣтъ всякой премудрости и въ дѣлахъ вѣры, и во всякой наукѣ...

И вотъ, въ теченіи времени, все хуже и хуже стали приходять въ Москву вѣсти изъ Греческой земли. Вдругъ въ 1382 году пришло извѣстіе, пріѣхали и съ плачемъ рассказывали въ Москвѣ сербскіе люди, что царству ихъ пришла конечная гибель, что славный царь сербскій Лазарь поднялся всею землею на Турокъ и былъ разбитъ турецкимъ султаномъ Амуратомъ. Царь Лазарь былъ убитъ; почти все войско его пало; царство Сербское покорено Турками, а на Коссовомъ полѣ они сложили изъ срубленныхъ головъ сербскихъ высокій столбъ. Засимъ пришла вѣсть о такомъ же паденіи и разрушеніи царства Болгарскаго...

Наконецъ въ 1453 году разнеслась по всему восточному православному христіанству страшная вѣсть, что Царьградъ взятъ Турками, что султанъ турецкій Магометъ II сѣлъ на престолѣ греческомъ, что храмы Константинопольскіе обращены въ мечети...

Двадцать лѣтъ прошло со взятія Турками Царяграда. Въ это время, уже опомнившись отъ перваго удара, греки увидѣли, что спасеніе имъ можетъ выйти только изъ самого православія. А какъ изъ православныхъ государствъ въ то время очевидно возвышалось одно государство православное, именно—Московское, то на Москву и обратились съ надеждой очи всего Востока. Завязались у грековъ тѣснѣйшія сношенія съ Москвою... Званіе защитника церкви, лежавшее на греческихъ царяхъ, греки хотѣли, согласно древнимъ пророчествамъ, передать торжественно государю Московскому. Для этого задумали женить царя Ивана Васильевича Третьяго на племянницѣ послѣдняго Греческаго Императора, Константина Палеолога, Софіи, которая въ приданое принесла бы ему свои права на престолъ Константинопольскій... Это сватовство, какъ сказано въ нашей лѣтописи, Иванъ Васильевичъ «взялъ въ мысль». Какъ женился онъ на греческой царевнѣ, такъ и принялъ на себя всѣ права ея предковъ: и облаченіе императорское, и гербъ греческихъ императоровъ—двуглаваго орла, и въ грамотахъ своихъ къ иностраннымъ государямъ сталъ именоваться царемъ и императоромъ. При дворѣ своемъ завелъ онъ царскіе обычаи и чины, какъ было у греческихъ царей; иностранныхъ пословъ сталъ принимать—сидя на престолѣ, въ порфирѣ, въ шапкѣ древняго великаго императора греческаго Константина Мономаха, въ бѣрмахъ его, со скипетромъ въ рукѣ. Всѣ эти регалии были Софіино приданое и привезены ею.

— Турки, народъ магометанскаго вѣроисповѣданія, пришли въ Европу изъ Азіи.— Мечетями называются магометанскія мошети, церкви.—Регалии—знаки царскаго достоинства.—Порфира—торжественное царское одѣяніе.—Бѣрмы—царскія оплечья.

31. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Изъ пѣсни-былины М. Ю. Лермонтова.

Не сіяетъ на небѣ *солнце* красное,
 Не любятъся имъ *тучки* сивія:
 То за трапезой сидитъ въ золотомъ вѣнцѣ,
 Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Позади его стоятъ *стольники*,
 Супротивъ его все бояре да князья,
 По бокамъ его все опричники;
 И *пируетъ* Царь во славу Божию,
 Въ *удовольствіе* свое и *веселе*.
 Улыбаясь, Царь *повелѣлъ* тогда
 Вина *сладкаго* заморскаго
 Нацѣдить въ свой *золочѣный* ковшъ
 И *поднести* его опричникамъ.
 И всѣ пили, Царя славили.

— Трапеза—обѣденный столъ.—Опричники—выборная дружина, которою окружилъ себя Царь Иванъ Васильевичъ Грозный во второй половинѣ своего царствованія, когда пересталъ довѣрять боярамъ и всѣхъ сталъ подозрѣвать въ измѣнѣ.—Грознымъ Царемъ и называется Царь Иванъ Васильевичъ IV, внукъ Царя Ивана Васильевича III, положившаго конецъ Татарской деволѣ. При Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ Москва особенно усилилась и возвеличилась.

32. Старая пѣсня.

А. В. Кольцова.

Изъ лѣсовъ дремучихъ *сѣверныхъ*
 Поднялась *не тучка* тѣмная,
 А *рать* сильная—могучая
 Царя *грознаго* Московскаго;
 Словно *птица* быстролѣтная
 Пролетѣла *море* синее,
 Перешла та *сила* русская—
 Степь *пустую*, непроходную.
 И *пришла* она, незваная,
 Къ царству *славному* Казанскому,—
 Къ *бусурману-хану* лютому,
 Къ своему *недругу* заклятому.
 И *куда* еще спитъ *здрюшка*,
 А ужъ *бьется* Русь съ Татарининомъ,—
 Стѣны *крѣпкія* разрушила,
 И *пошла* гулять по городу.
 Воеводы, *рати* храбрыя
Вьдзятъ, *бьютъ* Татаръ по улицамъ;
 А на *башнѣ*, съ русскимъ знаменемъ,
 Юный *царь* стоитъ—какъ *солмышко!*

— Царство Казанское: Татарское царство распалось на три царства, Казанское, Астраханское и Крымское. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный завоевалъ царства—Казанское (1552 г.) и Астраханское (1556 г.). Оставалось только Крымское царство, отдѣленное отъ Руси обширными степями и состоявшее подъ покровительствомъ Турецкаго султана.

33. Взятіе Казани.

Н. М. Карамзина.

Ни Россіяне, ни Казанцы не думали объ успокоеніи. Съ обѣихъ сторонъ радостно готовились къ ужасному бою. *Князь Воротынский* прислалъ сказать Царю, что инженеры кончили дѣло, что 48 бочекъ зелія уже въ построенномъ вновь подкопѣ. Казанцы стояли на стѣнахъ, Россіяне передъ ними. Звучали только бубны и трубы—непріятельскіе и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Государь остановился въ церкви съ немногими изъ близкихъ людей. Уже восходило солнце (2 октября). Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: «Да будетъ едино стадо и единъ пастырь», грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышелъ на наперть и увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслись вверхъ въ облакахъ дыма и падали на городъ; священное служеніе прервалось въ церкви. Раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, и тогда, воскликнувъ «съ нами Богъ!», полки російскіе быстро двинулись къ крѣпости... И въ ту минуту, когда Царь, отслушавъ литургію, причастясь святыхъ таинъ, взявъ благословеніе своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало Государя и побѣду.

— Князь Воротынский—одинъ изъ славныхъ военачальниковъ Царя Ивана Васильевича Грознаго.—Зеліе—порохъ.—Инженеры—ученые люди, которые руководятъ постройкой укрѣпленій, мостовъ, устройствомъ подкоповъ при взятіи крѣпостей и т. п.—Бранный конь—боѣвая лошадь, приученная къ тому, чтобы на ней выѣзжать во время битвы, при громѣ пушекъ и крикахъ войска.

34. Покореніе Сибири.

Гр. А. К. Толстого.

Отъ отдаленныхъ береговъ Камы прибыли въ Москву знатные купцы Строгоновы. Они имѣли отъ Царя жалованныя грамоты на пустыя мѣста земли Пермской. Тревожимые въ своихъ деревянныхъ крѣпостяхъ ханомъ Кучумомъ, они рѣшились двинуться за Каменный поясъ и сами напасть на непріятельскую землю. Для успѣшнѣйшаго исполненія своего замысла, они обратились къ нѣсколькимъ разбойничьимъ или, какъ они себя называли, *казачьимъ* атаманамъ, опустошавшимъ въ то время съ шайками своими берега Волги и Дона. Главнѣйшими изъ нихъ были *Ермакъ Тимофеевъ* и *Иванъ Кольцо*... Они собрали изъ удалой вольницы дружину и явились на зовъ Строгоновыхъ... Разбивая вездѣ враждебныя племена, перетаскивая суда изъ рѣки въ рѣку, они добрались до береговъ Иртыша и овладѣли городомъ Сибирью, на высокомъ и крутомъ обрывѣ Иртыша. Не довольствуясь этимъ завоеваніемъ, Ермакъ пошелъ далѣе, покорилъ весь край до Оби и заставилъ побѣжденные народы цѣловать свою кровавую саблю во имя Царя Ивана Васильевича всея Руси. Тогда только онъ далъ знать о своемъ успѣхѣ Строгоновымъ и въ то же время послалъ любимаго своего атамана Ивана Кольцо въ Москву бить челомъ Великому Государю и кланяться ему новымъ цар-

ствомъ. Съ этою радостною вѣстью Строгоновы пріѣхали къ Царю (Ивану Васильевичу IV Грозному), и вскорѣ послѣ нихъ прибыло Ермаково посольство.

Ликованіе въ городѣ было неслыханное. Во всѣхъ церквахъ служили молебны, всѣ колокола звонили, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Царь обласкалъ Строгоновыхъ, назначилъ торжественный пріемъ Ивану Кольцо.

Въ палату вошли, предшествуемые стольниками, посланные Ермака, а за ними и Строгоновы. Позади несли дорогіе мѣха, разныя странныя утвари и множество необыкновеннаго, еще невиданнаго оружія.

Иванъ Кольцо, шедшій во главѣ посольства, былъ человекъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ быстрыми, пронизательными глазами, съ черной, густою, но короткою бородою, подернутою легкою просѣдою.

«Великій Государь! сказалъ онъ, приблизившись къ ступенямъ престола: казацкій твой атаманъ, Ермакъ Тимоѣевъ, вмѣстѣ со всѣми твоими опальными казаками, осужденными твоею царскою милостью на смерть, старались заслужить свою вину и бьютъ тебѣ челомъ и новымъ царствомъ. Прибавь, Великій Государь, къ завоеваннымъ тобою царствамъ, Казанскому и Астраханскому, еще и это, Сибирское, доколѣ Всевышній благословитъ стоять міру!» И, проговоривъ свою краткую рѣчь, Кольцо, вмѣстѣ съ товарищами, опустился на колѣни и преклонилъ голову свою до земли.

«Встаньте, добрые слуги мои! сказалъ Царь: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, и быть той прежней опалѣ не въ опалу, а въ милость!»

— Ханъ Кучумъ—Сибирскій царь.—Каменный поясъ—Уральскія горы.—Иртышъ и Обь—Сибирскія рѣки. Обь впадаетъ въ Ледовитый океанъ, а Иртышъ въ Обь.—Завоеваніе Сибири произошло въ концѣ царствованія Ивана Васильевича Грознаго, въ 1582 году, а въ 1584 г. царь скончался; въ томъ же году утонулъ въ Иртышѣ и Ермакъ, спасаясь отъ татаръ, напавшихъ врасплохъ на спящихъ казаковъ.—Строгоновы, поселившись въ Пермской землѣ, занимались разными промыслами: добывали соль, рубили лѣса, пахали землю.

— Разскажите все, что узнали про царствованіе Ивана Васильевича Грознаго.—Чѣмъ окончилось владычество татаръ надъ Русью?

35. Царь Феодоръ Ивановичъ.

Разсказъ лѣтописца Пимена изъ трагедіи А. С. Пушкина «Борисъ Годуновъ».

Царь *Іоаннъ* искалъ успокоенья
Въ подобіи *монашескихъ* трудовъ.
А сынъ его Феодоръ? На *престолъ*
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ *царскіе* чертоги
Преобразилъ въ *молитвенную* келью:
Тамъ *тяжкія* державныя печали
Святой *души* его не возмущали.
Богъ *возлюбилъ* смиреніе Царя,
И *Русь* при немъ во славу безмятежной
Утѣшилась. А въ часъ его кончины

Свершилося *неслыханное* чудо:
 Къ его одру, Царю едину зрѣмый,
 Явился *мужъ* необычайно свѣтелъ,
 И началъ съ нимъ *бесподовать* Теодоръ
 И называть великимъ *патріархомъ*.
 И *всѣ* кругомъ объаты были страхомъ,
 Уразумѣвъ *небесное* видѣнье,
 Занѣ святой *Владько* предъ Царемъ
 Во храминѣ тогда *не* находился.
 Когда же онъ *преставился*, палаты
 Исполнились святымъ *благоуханьемъ*,
 И ликъ его какъ *солнце* просіялъ.

— Теодоръ былъ сынъ Ивана Васильевича Грознаго. Богъзвенный и кроткій, онъ проводилъ время въ постѣ и молитвѣ, а управление царствомъ поручилъ брату своей супруги, боярину Борису Годунову. Наслѣдникомъ бездѣтнаго Теодора очинтался младшій братъ его царевичъ Дмитрій. — Молчальникъ—монахъ, принявшій обѣтъ молчанія.—Чертоги—палаты, комнаты.—Одръ—постель.—Зане—ц. славянское слово, по-русски—*такъ какъ, потому что*.—Преставился—скончался.

36. Разсказъ о смерти Царевича Дмитрія.

Изъ трагедіи Пушкина «Борисъ Годуновъ».

Разсказываетъ летописецъ Пименъ.

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
 Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
 На нѣкое былъ *усланъ* послушанье.
 Пришелъ я *въ* ночь. *На* утро, въ часъ обѣдни,
 Вдругъ слышу *звонъ*; ударили *въ* набатъ;
 Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ *царицы*. Я
 Спѣшу *туда-жъ*—а тамъ уже *весь* городъ.
 Гляжу: *лежитъ заръзанный* царевичъ;
 Царица-мать *въ* *безпамятствѣ* надъ нимъ,
 Кормилица *въ* *отчаяннѣ* рыдаетъ,
 А тутъ народъ, *остервенясь, волочитъ*
Безбожную предательницу-мамку...
 Вдругъ между нихъ, *свирѣпъ*, отъ злости *блуденъ*,
 Является *Іуда*—*Битяговскій*.
 «Вотъ, вотъ злодѣй!» *раздался* общій вопль,
 И *вмигъ* его *не* стало. Тутъ народъ
Велѣдъ бросился *блѣжавшимъ* тремъ убійцамъ;
 Укрывшихся злодѣевъ *захватили*
 И привели предъ *тѣплый* трупъ младенца,
 И *чудо*—вдругъ мертвецъ *затрепеталъ*.
 «*Покайтесь!*» народъ имъ *завопилъ*,
 И *въ* ужасъ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали *Бориса*.

— Угличъ—нынѣ уѣздный городъ Ярославской губерніи, на высокомъ берегу Волги; здѣсь жилъ со своей матерью младшій братъ и наслѣдникъ царя Феодора Дмитрій царевичъ, преждевременно погибшій отъ ножа злодѣевъ.

37. Царь Борисъ Годуновъ.

Изъ трагедіи Гр. А. К. Толстого.

Царскія палаты въ Москвѣ.

(Царь и ближній бояринъ Семенъ Годуновъ).

Царь. Ты съ Шуйскимъ объѣзжалъ
Сейчасъ Москву. Чтѣ молвятъ? Всѣмъ довольны?
Семенъ Г. Кому жъ не быть довольнымъ, государь?
На перекрѣсткахъ медъ и брага льются,
Все войско ты осыпалъ серебромъ;
Нѣтъ изъ бояръ ни одного, кому бы
Ты не послалъ иль блюда золотого,
Иль цѣнной шубы съ своего плеча;
Всѣхъ должниковъ ты выкупилъ изъ тюремъ,
Кому жъ не быть довольнымъ? Только, Царь,
Не въ мѣся тебѣ: ты безъ разбора началъ
Всѣхъ жаловать; ни на кого опѣлы
Не наложилъ, и даже самыхъ тѣхъ,
Которые при Федорѣ хотѣли
Тебя сдубить...

Царь. Чтѣ говорятъ они?

Семенъ Г. Да то же, чтѣ и прежде говорили:
Не дѣльно молъ, при Федорѣ, крестьянъ
Ты прикрѣпилъ; боярамъ недочѣтъ-де
Въ работникахъ; пустуютъ-де ихъ зѣмли
Отъ той поры, какъ нѣкого къ себѣ
Имъ смѣнивать!

Царь. Я жалобу ту знаю.

Дворяне мыслятъ какъ?

Семенъ Г. Въ огонь и въ воду
Готовы эти за тебя; не мало
Поправились съ тѣхъ поръ, какъ Юрьевъ день
Ты отмѣнилъ. А тоже бить челомъ
Сбираются тебѣ, что въ мѣся отъ нихъ
Бѣгутъ крестьяне.

Царь. Сами виноваты;

Сверхъ моготы съ нихъ требуютъ они;
Крестьяне не рабы; не въ кабалу
Я отдалъ ихъ. Надняхъ указъ объявять:
Чтѣ за какой надѣлъ кому нести.

Семенъ Г. Владѣльцы, царь, роптать начнутъ.

Царь. Пусть ропщутъ,
Всѣмъ угодить не влѣстенъ человекъ;

И если *цѣлой* выгода земли
 Въ ущербъ пришлася сторонѣ *единой*,
 Ту сторону *не въ правѣ* я беречь...
 Къ *инымъ* теперь могу я начинаньямъ
 Мысль обратить. Иванъ Васильичъ третій
 Русь *отъ орды татарской* свободилъ
 И государству сильному *начало*
 Поставилъ *снова*. Но въ двѣсти лѣтъ насъ *иго*
 Татарское отъ *прочихъ* христіанъ
Отрѣзало. Разорванную цѣпь
 Я съ Западомъ *связать* намѣренъ снова:
 Для Ксеніи изъ многихъ жениховъ
Не даромъ мною датскій королевичъ
 Уже *избранъ*. Съ державами *Европы*
 Земля должна, *по-прежнему*, стать рядомъ,
 А въ *будущемъ* ихъ, съ помощію Божьей,
Опередить.

— Бояринъ Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ былъ избранъ на царство, когда скончался царь Θεодоръ, не оставивъ послѣ себя наслѣдника, а царица Ирина, сестра Годунова, удалилась въ монастырь. Годуновъ былъ царь мудрый, много добра сдѣлалъ и еще намѣревался сдѣлать для отечества. Юрьевъ день: крестьяне на Руси были вольные люди; они жили на помѣщичьихъ земляхъ и обрабатывали ихъ по уговору за плату, но могли свободно переходить отъ одного помѣщика къ другому; срокъ перехода былъ назначенъ осенній Юрьевъ день (день Георгія Побѣдоносца, 26-го ноября). Борисъ Годуновъ, управляя царствомъ при царѣ Θεодорѣ, уничтожилъ Юрьевъ день и прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ (1590 г.). Тогда-то и сложилась въ народѣ поговорка: «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день». Тогда-то и началось «*крѣпостное право*», т. е. крестьяне поступили въ полную собственность землевладѣльцевъ, бояръ и дворянъ.

— *Гдѣ* происходитъ дѣло?—Съ кѣмъ разговариваетъ царь *Борисъ* Годуновъ?—Что мы узнаемъ изъ словъ боярина *Семена* Годунова о царѣ и о разговорахъ о немъ?—Что узнаемъ о царѣ изъ словъ его самого: какими думами и намѣреніями онъ занятъ?—Какимъ царемъ представляется онъ по этимъ думамъ и намѣреніямъ?—Откуда мы узнали думы и намѣренія царя Бориса?—А поэтъ отъ себя говоритъ что-нибудь о нихъ?—Какою же особенностью отличается это поэтическое произведеніе?—*Драматическая поэзія* изображаетъ людей и жизнь не въ разсказѣ, а въ *дѣйствіи*, въ *сценахъ*.—Изложите въ видѣ обыкновеннаго разсказа, что вы узнали о царѣ Борисѣ Годуновѣ изъ прочитанной *сцены*.

38. Самозванецъ.

Н. М. Карамзина.

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, внезапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не князья и вельможи,

имъ гонимые, не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местию, умыслили свергнуть его съ царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ. Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Дмитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію.

Бѣдный сынъ боярскій, галичанинъ Юрій Отрепьевъ, въ юности лишившись отца, служилъ въ домѣ у Романовыхъ и князя Черкаскаго; зналъ грамотѣ; оказывалъ много ума, но мало благоразумія; скучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ инока. Постриженный и названный Григоріемъ, сей юный чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто, жилъ въ разныхъ обителяхъ и наконецъ въ Чудовомъ монастырѣ. Тамъ патріархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ діаконы и взялъ къ себѣ для книжнаго дѣла, ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять каноны святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ; видѣлъ пышность царскую и плѣнился ею; изъявлялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Дмитрія царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ, однимъ злымъ инокомъ: мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ, умиляемыхъ памятью Дмитрія, и въ честь Небеснаго Правосудія казнить святоубійцу. Сѣмя пало на землю плодородную: юный діаконъ съ прилежаніемъ читалъ лѣтописи и не скромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда Чудовскимъ монахамъ: «знаете-ли, что я буду царемъ на Москвѣ?» Одни смѣялись; другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому. Сіи и подобныя рѣчи дошли до Ростовскаго митрополита Іоны, который объявилъ патріарху и самому царю, что «недостойный инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ дьявольскимъ». Добродушный патріархъ не уважилъ митрополитова извѣта; но царь велѣлъ дьяку своему Смирному-Васильеву отправить безумца въ Соловки или въ Бѣлозерскія пустыни на вѣчное покаяніе. Смирной сказалъ объ этомъ другому дьяку Евфимьеву; Евфимьевъ-же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, далъ способъ опальному дьякону спастись бѣгствомъ, вмѣстѣ съ двумя иноками. Не думали гнаться за ними и не извѣстили царя о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными. Григорій и товарищи его свободно достигли Новгорода-Сѣверскаго, гдѣ архимандритъ, Спасской обители принялъ ихъ весьма дружелюбно, а потомъ нашелъ въ келіи, гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: «Я царевичъ Дмитрій, сынъ Іоанновъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престолъ отца моего». Архимандритъ ужаснулся; не зналъ, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ бѣглый діаконъ вздумалъ ложью низвергнуть великаго монарха и сѣсть на его престолѣ. Чѣмъ, кромѣ воли Провидѣнія, можно изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія?

— Время явной казни: тайною казнью были удреки совѣсти, которые не даютъ покоя преступнику.—Новгородъ-Сѣверскій—нынѣ уѣздный городъ Черниговской губерніи, на берегу рѣки Десны.

39. Кончина Царя Бориса.

Изъ трагедіи А. С. Пушкина «Борисъ Годуновъ».

(Царскія палаты. Воевода *Басмановъ* одинъ).

Басмановъ. *Высокій* духъ державный!
Дай Богъ ему съ *Отрепьевымъ* проклятымъ
Управиться, и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворить...
Но что за чудный шумъ?

(Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчуть.)

1-й. За *лѣкаремъ*!

2-й. Скорѣе къ *патріарху*!

3-й. *Царевича*, *царевича* зоветь!

4-й. *Духовникъ*!

Басмановъ. Что *сдѣлалось* такое?

5-й и 6-й. *Царь* занемогъ, *царь* умираетъ.

Басмановъ. Боже!

5-й. На *тронъ* онъ сидѣлъ и вдругъ *упалъ*;

Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

(Царя выносятъ на стулѣ; все царское семейство, всѣ бояре).

Царь. Подите *всѣ*—оставьте одного

Царевича со мною.

(Всѣ удаляются).

Умираю.

Обнимемъ. *Прощай*, мой сынъ. Сейчасъ
Ты *царствовать* начнешь. О *Боже*, *Боже*!
Сейчасъ явлюсь передъ *Тобой*—и душу
Мнѣ *нѣкогда* очистить покаяньемъ!...

Я *подданнымъ* рожденъ, и умереть
Мнѣ *подданнымъ* во мракъ бѣ надлежало;
Но я достигъ *верховой власти*—чѣмъ?

Не *спрашивай*. Довольно: ты *невиненъ*,
Ты *царствовать* теперь *по праву* станешь,
А я за все *одинъ* отвѣчу Богу.

О, *милый* сынъ, не *обольщайся* ложно,
Не *ослабляй* себя ты добровольно:

Въ дни *бурные* державу ты *пріемлешь*,
Опасенъ онъ, сей *чудный* самозванецъ!

Онъ *именемъ ужаснымъ* ополченъ.

Я, съ *давнихъ* *лѣтъ* въ *правленіи* искусный,

Могъ *удержать* смятеніе и мятежъ;

Предо мной они *дрожали* въ страхѣ;

Возвысить *гласъ* *измѣна* не *дерзала*.

Но ты—*младой*, *неопытный* властитель,

Какъ *управлять* ты будешь подъ грозой,
 Тушить *мятежъ*, опутывать *измѣну*?
 Но Богъ *великъ!* Онъ *умудряетъ* юность,
 Онъ слабости даруетъ *силу*. *Слушай:*
Совѣтника, во-первыхъ, избери
Надёжнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
 Любимаго *народомъ*, а въ боярахъ
 Почтеннаго *породой* или *славой*—
 Хоть *Шуйскаго*. Для войска нынѣ нуженъ
 Искусный *вождь*: *Басманова* пошли...
 Ты съ *малыхъ* лѣтъ сидѣлъ со мною въ *Думѣ*;
 Ты *знаешь* ходъ державнаго *правленья*;
 Не *измѣняй* теченья *дѣлъ*. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
 Возстановить *опалы*, *казни*—можешь
 Ихъ *отмѣнить*: тебя *благословятъ*,
 Какъ твоего *благословляли* *дядю*,
 Когда престоль онъ *Грознаго* *пріялъ*.
 Современемъ и понемногу *снова* *
Затягивай державныя *бразды*.
 Теперь *ослабь*, изъ рукъ не выпуская,
 Будь *милостивъ*, *доступенъ* къ *иноземцамъ*,
Довѣрчиво ихъ службу *принимай*.
 Со строгостью храни *уставъ* *церковный*.
 Будь *молчаливъ*: не долженъ *царскій* *голосъ*
На воздухъ теряться *попустому*;
 Какъ *звонъ* *святой*, онъ долженъ *лишь* *вѣщать*
Велику скорбь или *великій праздникъ*.
 Въ *семьѣ* своей будь *завсегда* *главой*;
 Мать *почитай*, но *властвуй самъ собою*:
 Ты *мужъ* и *царь*; *люби* свою *сестру*—
 Ты ей *одинъ* *хранитель* *остаешься*.
Царевичъ (на колѣнахъ).
Нѣтъ, нѣтъ, *живи* и *царствуй* *долговѣчно*:
 Народъ и мы *погибли* *безъ* *тебя*.
Царь. *Всѣ* *кончено*—*глаза* *мои* *темнѣютъ*,
 Я *чувствую* *могильный* *хладъ*...

— Царь умираетъ: Борисъ Годуновъ скончался скоропостижно, и эта скоропостижная смерть открыла самозванцу путь въ Москву: онъ сталъ царемъ.—Царская дума—собраніе бояръ, съ которыми царь совѣтовался о государственныхъ дѣлахъ.

— Въ *разказъ* или въ *дѣйстви*и поэтъ изображаетъ событіе?—Какимъ представляется царь Борисъ передъ *кончиною*?—Въ чемъ выразилась его мудрость, его забота о государствѣ и о своемъ *сынѣ-наслѣдникѣ*?—Изложите въ видѣ *разказа* все, что здѣсь дается въ *драматическомъ* изображеніи въ видѣ *сцены*.

40. Азіатскія степи.

Изъ статьи К. Д. Ушинскаго.

Вся юго-западная часть Сибири, отъ Урала до Алтая, и вся средняя Азія, отъ Алтайскихъ горъ на сѣверѣ до Гималайскихъ на югѣ, за которыми лежитъ богатая Индія, отъ Каспійскаго моря на западѣ до Китая на востокѣ,—одна степь, кое-гдѣ перерѣзанная высокими горными хребтами; есть гдѣ разгуляться кочевымъ пастушескимъ народамъ! По горнымъ склонамъ, оживленнымъ ручьями и рѣками, теряющимися потомъ въ пескахъ, есть и города, и плодородныя мѣстности; но чѣмъ дальше отъ горъ въ степную глушь, тѣмъ рѣже попадаются покрытые травой острова, и тѣмъ большіе переходы должна дѣлать кочевая орда, когда, вытравивъ одну зеленую степь, ищетъ другой для своихъ многочисленныхъ стадъ. Стада же составляютъ все для кочевого человѣка, и когда киргиза уговариваютъ распахать землю и посѣять хлѣбъ, то онъ съ гордостью отвѣчаетъ: «Траву Богъ создалъ для скота, а скотъ созданъ для человѣка».

— Алтайскія горы на югѣ Сибири, на границѣ съ Китаемъ.—Гималайскія горы, самыя высокія въ свѣтѣ, отдѣляютъ Китай отъ Индіи.

41. Сибирскій лѣсъ.

Изъ разказа Г. А. Мачтета.

Широко раскинулась тайга (лѣсъ) и нѣтъ ей, кажется, ни конца, ни начала. Высокіе кедры, лиственницы, сосны да стройныя ели уходятъ почти что въ самое небо. Зимой, когда снѣжитъ сверху, такъ и кажется, что лѣснымъ великанамъ расти уже нѣкуда, что зелеными верхами они уперлись въ сѣросвинцовую снѣжную тучу. Въ лѣтнія, да и въ морозныя ночи—иное. Тогда ясно видишь, что какъ ни тянутся вѣковые кедры, а до звѣздъ имъ далеко. Между мрачной тайгой и звѣздами стоитъ тогда голубой просторъ, такой необъятный, что сорвавшаяся съ неба звѣздочка тухнетъ раньше, чѣмъ коснется самага высокаго кедр.

И тихо въ тайгѣ, такъ тихо, что привычное ухо ловитъ движеніе бѣлки, хотя она скользитъ по вѣтвямъ почти неслышною тѣнью. Далекое раздастся стукъ копытъ лося; рѣзко доносится лязгъ вѣтвистыхъ роговъ и стукъ оленьихъ ногъ, добирающихся зимой сквозь снѣжный настъ до вкуснаго сѣрозеленаго мха; даже неужлюжее топаніе медвѣдя раздастся ясно издали. Промыгнетъ заяцъ, и тотъ нашумитъ вдоволь. Оттого-то и зовутъ тайгу «гүлкю».

— Гүлкя она, братанъ, говорятъ сибиряки... Стоголовая... Все равно, что баба. Ты слово, а она тебѣ десять, а то и побольше. Звонкое въ тайгѣ эхо!

42. Тайга—книга для Сибирскаго инородца.

Изъ записокъ Г. Н. Потанина.

Животная жизнь не оживляетъ лѣса. Цѣлые часы нужно ѣхать, чтобъ встрѣтить тамъ какое-нибудь животное. Цѣлые часы вниманіе инородца занято растительною жизнью лѣса, который служитъ ему какъ бы книгой,

понятной ему одному... Свѣжіе слѣды лошадиныхъ копытъ по тропинкѣ рассказываютъ ему цѣлую исторію о проѣхавшемъ всадникѣ; подолгу, наклонившись къ лукѣ сѣдла, онъ ѣдетъ, разсматривая слѣды, и узнаетъ, налегкѣ ли ѣхалъ всадникъ, или нагруженный, на одной лошади или съ вьючными, въ ту или въ другую сторону, давно или только что проѣхалъ, рысью или шагомъ, на русскомъ кѣванномъ конѣ или татарскомъ. Сломанные сучья деревьевъ, клоки шерсти на нихъ, выброшенный пепелъ изъ трубки, выброшенные изъ дырявой сумы кусочки «суши», то-есть воска погибшихъ пчелиныхъ ульевъ, потушенный или дымящійся костеръ подъ деревомъ, помятая травка, остатки обѣда и всякія другія мелочи рассказываютъ малѣйшія подробности о проѣхавшемъ человекѣ, которыя мысленно онъ оживляетъ и дополняетъ, зная обычаи родной стороны, зная, кто гдѣ живетъ, куда и зачѣмъ можетъ поѣхать. Недавно упавшія деревья, полусгнившія или сломанныя и растянувшіяся вершинами въ одну сторону, рассказываютъ ему, какой недавно былъ здѣсь ураганъ-буреломъ, съ какой стороны и съ какой силой пронесся онъ надъ лѣсомъ. Громадная, топоромъ сваленная осина говоритъ ему, что тутъ былъ бѣлковавшій промышленникъ: убилъ бѣлку и не могъ достать ее, запутавшюся при паденіи въ вѣтвяхъ дерева, иначе, какъ срубивъ его. Снятая со стоящихъ на корню или срубленныхъ березъ кора передаетъ ему подробности, для какой именно цѣли она сдиралась: на домашнюю ли посуду или на хозяйственныя принадлежности. Свѣжая зарубка на деревѣ также обращаетъ его вниманіе; зорко осматриваясь кругомъ, онъ видитъ дупло, около котораго снуютъ пчелы, и знаетъ, что это пчелиный рой, ушедшій отъ своего неумѣлаго хозяина и основавшій колонію въ первомъ попавшемся дуплѣ; у него есть уже хозяинъ, нашедшій его и отмѣтившій зарубкой, но не имѣвшій возможности тогда же забрать его и унести въ свою пастѣку. Свѣжій слѣдъ медвѣжьихъ лапъ на сыромъ мѣстѣ тропинки наводитъ инородца на мысль выслѣдить звѣря и убить его.

Словомъ, лѣсъ—книга для инородца; онъ знаетъ его вдоль и поперекъ, любить и бережетъ его. Зато и лѣсъ щедро даетъ ему свои дары, питаетъ и грѣетъ его, приноситъ счастье, довольство и улаждающій душу покой.

— Инородцами называются разныя племена, обитающія въ Россіи, кромѣ главнаго русскаго населенія. Особенно много инородцевъ въ Азіатской Россіи: киргизы, калмыки, остяки, якуты, буряты, тунгузы, чукчи и др.—Бѣлковать значитъ охотиться за бѣлками.—Колонія—новый поселокъ.

43. Сибирскія горы и воды.

Изъ книги «Отечественнѣдніе» Д. Д. Семенова.

На востокъ отъ Урала; почти на 5,000 верстъ въ длину и слишкомъ на 2,500 въ ширину, лежитъ Сибирь. Она раздѣлена самою природою на двѣ части—западную и восточную. Западная Сибирь отдѣлена отъ восточной, во всю ея длину, рѣкою Енисеемъ. Съ южной стороны Западная Сибирь замыкается отраслями Урала въ видѣ ряда невысокихъ песчаныхъ холмовъ и Алтайскими горами, пролегающими между рр. Обью и Енисеемъ. Алтай на калмыцкомъ языкѣ называется «золотыя горы», по множеству находящихся въ нихъ золотыхъ и серебряныхъ приисковъ, доставляющихъ Россіи ежегодно до тысячи пудовъ серебра, сорока пу-

довъ золота и 24 тысячъ пудовъ мѣди. Алтай подымается прерывистыми, островерхими хребтами, покрытыми на вершинахъ снѣгомъ, которыя по ихъ виду называются въ Сибири *бѣлками*. Растительность Алтая очень богата и роскошна. Хвойные лѣса богаты самыми разнообразными породами животныхъ. Въ нихъ, съ одной стороны, распространяется порода сѣверныхъ оленей, а съ другой—житель знойныхъ странъ тигръ забѣгаетъ лѣтомъ даже въ сѣверныя части Алтая. На западной покатоности Алтая протекають на сѣверъ рѣки Обь, Иртышъ (притокъ Оби) и множество ихъ притоковъ.

Восточная Сибирь почти вся покрыта горами. Здѣсь рѣки быстры, во многихъ мѣстахъ пробиваются между скалъ; вездѣ много ручьевъ, ключей и водопадовъ. Горы, окружающія Байкальское озеро, извѣстны подъ названіемъ Байкальскихъ. Вода въ Байкальскомъ озерѣ вкусна и такъ чиста, что на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ сажень видно дно и остатки лѣсовъ, которые росли и погибли, можетъ быть, за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени. Изъ Байкальскихъ горъ беретъ начало рѣка Лена. На югъ отъ Байкальскаго озера идетъ хребетъ Нерчинскихъ горъ, который подымается плоскими вершинами и богатъ разнаго рода рудами и самоцвѣтными камнями. Изъ этихъ горъ вытекаетъ рѣка Амуръ. Далѣе въ сѣверо-восточномъ направленіи тянутся хребты Становой и Яблоновый. На отдаленномъ сѣверо-востоцѣ Становой хребетъ дѣлится на двѣ вѣтви: одна оканчивается Чукотскимъ носомъ, а другая, направляясь къ югу, образуетъ полуостровъ Камчатскій и оканчивается мысомъ Лопаткой.

— Рѣки Енисей, Обь, Лена впадаютъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ.—Тигръ—огромная хищная кошка жаркихъ странъ.—Байкальское озеро до 700 верстъ въ длину и болѣе 100 въ ширину; оно богато рыбой, но очень бурно и опасно для плаванія. Народъ называетъ его святымъ моремъ; говорятъ, что оно губитъ суда и товары, но никогда не губитъ людей.—Рѣка Амуръ, отдѣляющая Сибирь отъ Китая, впадаетъ въ проливъ, который течетъ между материкомъ и островомъ *Сахалиномъ*.

44. Красавица рѣка.

Изъ статьи Н. М. Астырева.

Не даромъ иркутяне называютъ Ангара «красавицей»; она, дѣйствительно, хороша мѣстами. Роскошные виды представляетъ собой Ангара далеко отъ Иркутска, тамъ, гдѣ горные кражи, одѣтые густыми лѣсами, близко надвигаются съ обѣихъ сторонъ къ быстро несущимся водамъ и раскидываютъ имъ препятствія въ видѣ каменныхъ острововъ. Хороша она и тамъ, гдѣ, принявъ въ себя съ десятокъ довольно крупныхъ рѣкъ, отвоевываетъ себѣ у каменныхъ громад русло въ версту ширины и разливаема тихимъ, прямымъ, какъ каналъ, плѣсомъ въ нѣсколько верстъ длиною. Хороша она также у самаго истока, гдѣ грозный Байкалъ какъ бы прорывается сквозь каменную стѣну, обступившую его со всѣхъ сторонъ, и въ это ущелье спѣшитъ вылить избытокъ своихъ водъ. А ихъ много, этихъ водъ—чистыхъ и холодныхъ: цѣлая масса рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ вторгается въ Байкалъ съ горныхъ высотъ, а изъ него вытекаетъ одна только Ангара. У бурятъ существуетъ относительно этого остроумное сравненіе. «Разоряетъ дочка ста-

рика Байкала, — говорятъ они: сколько ни стараются сыновья его сносить ему со всѣхъ сторонъ добытыя ими богатства, а все растрчиваетъ мотоква Ангара, и не можетъ дальше богатѣть старикъ».

— Иркутяне— жители большого города Иркутска въ восточной Сибири; Иркутскъ находится въ 60 верстахъ отъ Байкала на низменномъ берегу Ангары.—Каналь— широкая канава, какую вырываютъ для соединенія двухъ рѣкъ, озеръ, морей: конечно, каналы прорываютъ самымъ короткимъ путемъ, сколько возможно прямо.— Байкаль— Байкальское озеро, одно изъ величайшихъ озеръ въ свѣтѣ, окруженное со всѣхъ сторонъ высокими отвѣсными скалами.— Буряты— инородцы, населяющіе мѣстность кругомъ озера Байкала, преимущественно Иркутскую губернію и Забайкальскую область, вплоть до Китайской границы. Они средняго или малаго роста; кожа темнаго цвѣта, лицо широкое и плоское, носъ приплюснутый, глаза маленькіе и косо поставленные, борода рѣдкая, волосы черные. Большая часть бурятъ ведетъ кочевую жизнь; главное занятіе ихъ скотоводство, но осѣдлые буряты начинаютъ заниматься земледѣліемъ, которому научаются отъ русскихъ поселенцевъ.

45. Наступленіе зимы въ далекой Сибири

Изъ разсказа В. Г. Короленко.

Мы ѣхали на югъ, а зима догоняла насъ съ сѣвера. Въ сентябрѣ подъ Якутскомъ было еще довольно тепло, на рѣкѣ еще не было видно ни льдинки. На одной изъ близкихъ станцій мы даже соблазнились чудесною лунною ночью и легли на берегу, устроивъ себѣ постели въ лодкахъ и укрывшись оленьими шкурами. Ночью мнѣ показалось, однако, что кто-то жжетъ мнѣ пламенемъ правую щеку. Я проснулся и увидѣлъ, что лунная ночь еще болѣе побѣлѣла. Кругомъ стоялъ иней, иней покрылъ мою подушку, и это его прикосновеніе казалось мнѣ такимъ горячимъ. Въ это время въ сосѣдней лодкѣ всталъ мой спутникъ, приподнявъ дохи и шкуры, которыми онъ былъ покрытъ. «Брр... сказалъ онъ: морозъ, братцы...» Лодка подъ нимъ колыхнулась, и отъ ея движенія на водѣ послышался звонъ, какъ бы отъ разбитаго стекла. Это въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ быстрого теченія, становились первые «забереги», еще тонкіе, сохранившіе слѣды длинныхъ иголь, ломавшихся и звенѣвшихъ, какъ тонкій хрусталь. Это былъ первый привѣтъ мороза. Привѣтъ веселый, ласковый, почти шуточный.

По мѣрѣ того, какъ мы тихо и съ задержками подвигались далѣе къ югу, — зима все крѣпла. Морозъ все продолжалъ свои завоеванія, забереги расширялись, и каждый шагъ въ этой борьбѣ отличался чертой изломанныхъ льдинокъ, показывавшихъ гдѣ еще недавно было живое теченіе, отступившее опять на сажень-другую къ серединѣ. Потомъ кое-гдѣ на заберегахъ лежалъ уже снѣгъ, рѣзко отбѣня темную тяжелую рѣчную струю. Еще далѣе — мелкія горныя рѣчки присоединились къ этой борьбѣ. Постепенно прибывая отъ истоковъ, онѣ то и дѣло взламывали свой ледъ въ устьяхъ и кидали его въ Лену, загромождая свободное теченіе и затрудняя ея собственную борьбу съ морозомъ. Черты изломовъ на рѣкѣ становились все выше, льдины, выбрасываемыя теченіемъ на края забереговъ, все толще. Онѣ образовали настоящіе валы, и порой намъ было видно съ берега, какъ среди этихъ валовъ начиналось тревожное движеніе. Это рѣка сердито кидала льдинами, крошила ледъ въ куски, въ иглы, въ снѣгъ, но затѣмъ опять въ без-

силія отступала, а через нѣкоторое время оказывалось, что бѣлая черта излома продвинулась еще дальше, полоса льда стала шире, русло сузилось... Чѣмъ дальше, тѣмъ эта борьба становилась упорнѣе и грандіознѣе. Рѣка швыряла уже не тонкія льдины, а цѣлыя огромныя глыбы, которыя громоздились другъ на друга въ чудовищномъ безпорядкѣ. Картина становилась все безотраднѣе. Вся природа, казалось, была полна испуга и печальнаго, почти торжественнаго ожиданія. Пустынныя ущелья горныхъ береговъ покорно отражали сухой трескъ ломающихся ледяныхъ полей и тяжелое кряхтѣніе изнемогающей рѣки. Еще через нѣкоторое время темная струя въ серединѣ тоже побѣлѣла: по ней, тихо ворочаясь, сталкиваясь, шурша, густоплыли бѣлыя льдины сплошнаго ледохода, готоваго окончательно стиснуть присмирѣвшее и обезсилѣвшее теченіе.

— Якутскъ—городъ въ отдаленной, восточной части Сибири, на берегу рѣки Лены.—Доха—теплая одежда изъ оленьяго мѣха.—Забереги—замерзающая подъ берегомъ вода.—Грандіозный—величественный.

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

1. Что мы знаемъ о раздробленіи Русской земли и о послѣдствіяхъ этого раздробленія?—2. Что мы знаемъ о борьбѣ Руси съ востокомъ и съ восточными кочевниками, которые надвигались на нее изъ Азіи?—3. Что мы знаемъ о значеніи Москвы и о мудрыхъ дѣлахъ Московскихъ государей на благо Русской земли и русскаго народа?—4. Что мы знаемъ о завоеваніи Казани, Астрахани и Сибири?—5. Что знаемъ о царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ?—6. Что намъ извѣстно о Сибири: ея горы, рѣки, лѣса?

ТРЕТЬЯ ГРУППА ЧТЕНІЙ.

1. Желѣзо, мѣдь и другіе металлы.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Мы видимъ вокругъ себя и употребляемъ для своихъ надобностей много желѣзныхъ вещей. Всѣ эти вещи не только полезныя, но и необходимыя, напр., гвозди, замки, подковы, сошники и т. п. Пользуясь этими вещами, мы замѣчаемъ, что желѣзо очень твердо. Какъ-же изъ этого твердаго желѣза можно выдѣлывать такія разнообразныя вещи? Можно, потому что желѣзо отъ сильнаго жара становится мягкимъ. Въ кузницѣ разогреваютъ кусокъ желѣза въ горнѣ; оно размягчается, и тогда кузнецъ, съ помощью щипцовъ и молота, выковываетъ изъ него все, что нужно: желѣзо *ковко*. Если жаръ еще усилить, желѣзо можно и *плавить*, т. е. обращать въ жидкость, но для этого нуженъ очень большой жаръ.

Если бы желѣзо не плавилось, у насъ не было бы чистаго желѣза, потому что изъ земли оно добывается въ видѣ *руды*, то есть въ соединеніи съ другими веществами. Самая лучшая желѣзная руда называется *магнитнымъ желѣзнякомъ*, потому что она сильно притягивается желѣзомъ; встрѣчаются куски, которые и сами притягиваютъ желѣзо. Магнитный желѣзнякъ темно-сѣраго, почти чернаго цвѣта съ блескомъ. Въ Уральскихъ горахъ онъ встрѣчается большими массами; особенно славятся Высокая гора и гора Благодать.

Рудокопы везутъ желѣзную руду изъ рудниковъ на желѣзные заводы, гдѣ изъ руды готовятъ чугуны, желѣзо и сталь. На этихъ заводахъ устроены огромныя *доменные печи* сажень съ пять въ высоту. Доменную печь заблаговременно разжигаютъ снизу. Когда печь достаточно разогрѣлась, тогда въ нее сверху забрасываютъ желѣзную руду, а къ ней прибавляютъ известки, глины, кремня, чтобы она легче плавилась. При этомъ слои руды чередуютъ со слоями угля, а снизу въ печь особыми машинами вдуваютъ воздухъ, чтобы усилить жаръ. Наконецъ руда начинаетъ плавиться: расплавленное желѣзо соединяется съ углемъ и получается *чугунъ*, который опускается внизъ, а сверху его покрываютъ расплавленныя подмѣси—*шлакъ*. Чугунъ выпускаютъ изъ печи черезъ отверстіе, которое бываетъ замазано глиной и пробивается, когда нужно. Изъ отверстія чугунъ течетъ въ канавки, вырытыя въ пескѣ, или въ глиняныя формы—и застываетъ кусками длиною около аршина. Чугунъ *хрупокъ*; его можно пилить, сверлить, плавить, но ковать нельзя. Изъ чугуна на чугунолитейныхъ заводахъ выливаютъ заслонки для печей, рѣшетки, котлы, трубы и другія полезныя вещи.

Желѣзо и сталь добываютъ ужъ изъ чугуна, отдѣляя отъ него уголь: въ чугунѣ много угля, въ стали гораздо меньше, а въ желѣзѣ очень мало. Чтобы получить желѣзо, чугунъ опять сильно разжигаютъ въ особыхъ пе-

чахъ и кладутъ подъ тяжелый молотъ; при этомъ изъ чугуна выдѣляется уголь, масса становится плотнѣе—и получается *ковкое желѣзо*. Желѣзо отъ сырости покрывается *ржавчиной*, т.-е. сверху превращается въ красноватое хрупкое вещество. Для сохраненія отъ ржавчины, его покрываютъ масляной краской или тонкимъ слоемъ *олова*; въ послѣднемъ случаѣ листовое желѣзо называютъ *жестью*. *Олово*—это бѣлый и мягкій металлъ, который легко плавится, а отъ сырости и воды не ржавѣетъ.

Сталь добываютъ или прямо изъ чугуна, или изъ желѣза. Для этого расплавленный чугунъ продуваютъ воздухомъ, чтобы выдѣлить изъ него часть угля, или къ желѣзу прибавляютъ нѣкоторое количество угля. Чугунъ *хрупокъ*, желѣзо *ковко*, а сталь *упруна*; изъ нея готовятъ такія вещи, отъ которыхъ требуется особенная твердость и упругость: пружины, пилы, иголки, сабли, бритвы, ножи и т. под. Чтобы придать стали больше твердости, ее можно *закалить*. Для этого сталь раскаляютъ и потомъ быстро опускаютъ въ воду. Ножи и другія орудія изъ закаленной стали лучше оттачиваются, не такъ скоро зазубриваются и тупятся.

Желѣзо самый полезный изъ металловъ; за нимъ слѣдуетъ *мѣдь*. Мы въ жизни видимъ много полезныхъ мѣдныхъ вещей. Мѣдь добывается изъ земли или въ чистомъ видѣ (*самородная мѣдь*), или въ видѣ руды, какъ желѣзо. Сплавъ мѣди съ оловомъ даетъ *бронзу*, а сплавъ съ *цинкомъ*—*латунь* (желтую мѣдь) и *томпакъ*: въ томпакѣ цинка меньше, въ латуни больше. Цинкъ металлъ синевато-бѣлаго цвѣта.

Самые дорогіе металлы—*серебро*, *платина* и *золото*; они идутъ на монету и предметы роскоши. Серебро встрѣчается и самородное (въ трещинахъ камней), и въ видѣ руды, а платина и золото только въ чистомъ, самородномъ видѣ. Самородное золото бываетъ вкраплено въ камняхъ тонкими пластинками или блѣстками, а чаще встрѣчается въ *золотоносныхъ розсыпяхъ*, то-есть зернами и чешуйками въ смѣси съ пескомъ, мелкими камнями и глиной. Розсыпями же находятъ и платину. Изъ розсыпей золото и платину добываютъ *промывкою*.

Есть только одинъ металлъ, который находится въ природѣ въ *жидкомъ* видѣ: это *ртуть*, которая дѣлается твердой только при сильномъ морозѣ (въ 40 градусовъ). Ртуть, между прочимъ, идетъ на приготовленіе зеркалъ: на тонкій оловянный листъ наливаютъ ртуть, которую сильно растираютъ на этомъ листѣ; получается, такъ называемая, *амальгама*. На амальгаму плотно накладываютъ стекло, чтобы она пристала къ стеклу, и такъ получается *зѣркало*. Кромѣ того, ртуть идетъ на приготовленіе градусниковъ, которыми мѣряютъ тепло и холодъ. Ртуть ядовита, а особенно ядовиты ртутные пары, и обращаться съ нею надо очень осторожно.

— Металлами называются такія ископаемые вещества, которыя отъ огня размягчаются, даже плавятся, а такія ископаемые твердые вещества, которыя ни въ водѣ не растворяются, ни въ огнѣ не горятъ, называются *камнями*. Соль, которою мы солимъ пищу, растворяется въ водѣ; тоже квасцы и селитра: они не камни, не металлы, а *соли*. Каменный уголь, торфъ, янтарь, графитъ, который мы видимъ въ карандашахъ,—въ водѣ не растворяются, въ огнѣ сгораютъ: они не камни, не металлы, не соли, а *горючія вещества*.

— Въ какомъ порядкѣ разсказывается въ этой статьѣ о металлахъ?—Напишите *планъ* статьи.—Какія ископаемые вещества называются *металлами*?—Какія *камнями*?—Какія—*солями*?—Какія—*горючими веществами*?—Назовите металлы, камни, соли, горючія вещества, какіе знаете.—Почему *жельзо* металлъ? Какіе его *родовые* признаки, которыми оно сходно съ мѣдью, съ оловомъ, серебромъ, золотомъ?—Какіе его *видовые* признаки, которыми оно отличается отъ другихъ металловъ?

Планъ для сочиненія „Жельзо“.

— 1. Какую *пользу* приноситъ намъ жельзо?—2. Въ какомъ видѣ жельзо добывается?—3. Какъ обрабатываютъ *руду*, чтобы получить чугуны, жельзо, сталь?—4. Какая разница между *чугуномъ*, *жельзомъ* и *сталлю*?—5. Почему жельзо мы причисляемъ къ *металламъ*?

2. Кирпичный заводъ.

Н. Н. Блинова

Передъ нами въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ какой-то высокій домъ съ черной, пречерной крышей, да такой чудной! Возлѣ этого дома длинными рядами тянулись какіе-то сараи, а въ сараяхъ люди что-то дѣлали. Отецъ сказалъ мнѣ, что это кирпичный заводъ. Большой домъ—печь, въ которой кирпичи обжигаются. Какъ я обрадовался, когда мы повернули на заводъ: вотъ, думаю, разсмотрю, какъ кирпичи дѣлаются! Вотъ что я тамъ увидѣлъ. Нѣсколько работниковъ, накопавъ глины и сложивъ въ кучу, поливаютъ ее водой, прибавляютъ немного песку и мѣсятъ длинными лопатами; если попадутся въ глину камешки, то ихъ выбрасываютъ. Вымѣсивъ глину лопатами, начинаютъ мять ее босыми ногами. Она сдѣлается мягкой, прямижкой; тогда берутъ форму, то-есть деревянный ящичекъ безъ дна такой величины, какой долженъ быть кирпичъ, кладутъ ее на скамью, отдѣляютъ руками комокъ глины и вдавливаютъ ее въ форму; въ ней-то и дѣлается кирпичъ такой ровный, осьмиугольный, но пока еще сырой, желтый. Для просушки эти кирпичи кладутъ на доски ребромъ и не плотно, чтобы между ними воздухъ проходилъ и обдувалъ ихъ, и ставятъ въ большіе сараи. Когда они пообсохнутъ, ихъ цѣлыми тысячами кладутъ въ большую печь, разводятъ въ ней большой огонь и не гасятъ его нѣсколько дней, пока кирпичи не раскалятся. Потомъ даютъ имъ остыть. Тогда воды уже въ нихъ нисколько не остается и цвѣтъ кирпича дѣлается красный.

— Глина, которую всякій знаетъ, состоитъ изъ мелчайшихъ и совершенно измѣнившихся частицъ камня *полевого шпата* и образуется при разрушеніи *горной породы*, называемой *гранитомъ*. Гранитъ состоитъ изъ твердыхъ свѣтлыхъ зеренъ камня *кварца*, изъ красноватыхъ зеренъ *полевого шпата*, который гораздо мягче кварца, и черныхъ блестящихъ листочковъ *слюды*. Онъ разрушается отъ воды и воздуха, размывается и вывѣтривается: кварцъ размелчается и смѣшивается съ листочками слюды, образуя *песокъ*, а полевой шпатъ такъ измѣняется, что его трудно узнать,—изъ него образуется глина. Чаше встрѣчается глина желтоватаго и красноватаго цвѣта, но бываетъ и сѣрая, и синеватая, и чисто бѣлая (фарфоровая).

— Откуда берутся *глина* и *песокъ*?—Чѣмъ полезна глина?—Чѣмъ полезна *песокъ*?—Какъ изъ глины готовятъ *кирпичи*?—На что нуженъ кирпичъ?

3. Каменный уголь.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Папоротники и хвощи, теперь травянистыя растенія, въ отдаленныя времена росли большими деревьями, больше нашихъ дубовъ и сосенъ. Тогда лѣса и состояли изъ такихъ деревьевъ. Между деревьями росла трава въ нѣсколько сажень вышиною. Но въ тѣхъ лѣсахъ было пусто и тихо: не было ни звѣрей, ни птицъ, ни насѣкомыхъ.

Такъ росли эти деревья много лѣтъ; одни умирали и падали на землю, надъ ними вырастали другія и тоже отживали свой вѣкъ, уступая мѣсто новымъ.

Но вотъ въ морѣ, которое окружало тѣ лѣса, поднялось дно, вода хлынула на лѣса, подмыла корни деревьевъ, повалила ихъ и стала заносить иломъ и пескомъ. Надъ упавшими деревьями съ каждымъ годомъ увеличивалась тяжесть этихъ наносовъ; они сжимали, сдавливали стволы, вѣтви, листья, которые мало-по-малу потеряли свой цвѣтъ и сплотились въ одну плотную черную массу «каменнаго угля». Эта масса сотни лѣтъ оставалась подъ водою.

Но вотъ море отступило. Наносы илу и песку выступили на бѣлый свѣтъ. На нихъ выросли новыя деревья—ужь не такія, какія росли прежде, а наши дубы, сосны, ели и т. п.

Люди долго не знали, какое сокровище приготовила для нихъ природа въ глубинѣ земли, но пришло, наконецъ, время, когда они открыли каменный уголь и стали добывать его изъ земли. У насъ въ Россіи огромныя залежи каменнаго угля находятся и разрабатываются въ землѣ войска Донского, въ Екатеринославской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Каменный уголь—горючее вещество чернаго цвѣта, блестящее и твердое, какъ камень.

4. Каменно-угольная шахта въ степи.

Изъ разсказа А. Р. Крандѣвской.

Было тепло, въ воздухѣ свѣтло, легко и отрадно по-весеннему, когда Рябушкина въ сопровожденіи доктора подъѣзжала къ шахтѣ. Съ высоты ярко голубого неба, глубокаго и безоблачнаго, глядѣло огромное, желтое и жаркое солнце. Подъ лучами его покрытая углемъ черная степь сверкала безчисленными искрами, словно драгоценные камни разсыпаны были по землѣ.

Чѣмъ-то страннымъ, необычнымъ и волнующимъ вѣяло отъ этой сверкающей черной степи съ разбросанными по ней маленькими, грязными домиками рабочихъ, съ громадными, неуклюжими и мрачными надшахтными зданіями, съ горами угля вокругъ этихъ зданій, съ сѣтью блестящихъ рельсовъ, по которымъ, какъ гиганскія змѣи, бѣгали взадъ и впередъ вагоны, тоже черные, мрачные. Необычайными и волнующими казались высокія, узкія, черныя и бурныя трубы, рисовавшіяся на свѣтломъ фонѣ неба такъ ярко, такъ отчетливо. Странными казались и люди, встрѣчавшіеся на пути, съ черными лицами, шеями и руками. Станнымъ, удивительнымъ было полное отсутствіе растительности: ни кустика, ни деревца, ни травиночки. Все голо кругомъ и черно-черно, угрюмо и мрачно. Только вдали, на самомъ горизонтѣ, свѣтлѣли сѣро-голубые курганы...

— **Шахты**—огромныя ямы, похожія на колодцы, съ ходами подъ землю: ихъ вырываютъ для того, чтобы добраться до каменнаго угля или какой-нибудь руды, лежащей глубоко въ землѣ.—**Рельсы**—стальные полосы, по которымъ катятся колёса вагоновъ на желѣзной дорогѣ.—**Вагоны**—желѣзнодорожные экипажи, въ которыхъ возятъ людей и всякіе грузы.

5. Въ каменно-угольныхъ шахтахъ.

Изъ разсказа В. Г. Дмитріевой.

Спирька былъ еще совсѣмъ неопытнымъ деревенскимъ парнемъ, и ему, привыкшему къ простору полей, къ свободѣ деревенской жизни, къ несложному деревенскому обиходу, казалось все такъ дико и жутко на шахтахъ съ ихъ кипучей дѣятельностью, съ неумолкаемымъ грохотомъ паровиковъ и строгою дисциплиной. Онъ былъ совершенно ошеломленъ и растерянъ и до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминаетъ тотъ роковой день, когда ему въ первый разъ пришлось лѣзть въ зловѣщую черную дыру, куда безпрестанно ныряла клѣтка, нагруженная рабочими, и снова возвращалась уже пустая. Стоя въ длинномъ хвостѣ товарищей, Спирька ждалъ своей очереди, и его робкое мужицкое сердце замирало отъ тоски и ужаса при мысли, что вотъ-вотъ сейчасъ и его проглотитъ эта черная дыра, и онъ, можетъ быть, уже никогда больше не увидитъ свѣта бѣлаго. Нѣкоторые, входя въ клѣтку, торопливо крестились, и Спирька видѣлъ, какъ они одинъ за другимъ исчезали подъ землю, а онъ все ближе и ближе подвигался къ дырѣ, подталкиваемый сзади напиравшею толпою рабочихъ. И вотъ онъ уже стоитъ у самаго края, и передъ нимъ зияетъ темная пасть клѣтки... Спирька оглядывается, мнѣтся, ему хочется крикнуть: «не хочу, пустите!»—но его толкаютъ въ спину, слышатся ругательства, кто-то схватываетъ его за шиворотъ, тащитъ впередъ, задвигаетъ дверцу, и Спирька, оглушенный, обезпамятѣвшій, какъ быкъ, котораго ударили обухомъ по лбу, летитъ въ пропасть. Опомился онъ уже на самомъ днѣ шахты, и вотъ тутъ-то его выручилъ Матвѣй Цапуря. Онъ помогъ ему вылѣзти изъ клѣтки, ободрилъ его своими остроумными и насмѣшками и такимъ образомъ сразу ввелъ Спирьку въ міръ подземной жизни.

— **Дисциплина**—установленный порядокъ, которому должны подчиняться люди для успѣшнаго выполненія какого-либо дѣла. Дисциплина необходима вездѣ: и въ войскахъ, защищающихъ отечество, и въ школахъ, гдѣ учатся дѣти и молодые люди, и на всякой работѣ, которая исполняется многими или нѣсколькими работниками подъ руководствомъ знающаго старшаго работника.

Планъ для сочиненія „Каменный уголь“.

— 1. Какую пользу приносить людямъ каменный уголь?—2. Каковъ онъ на видъ?—3. Откуда и какъ его добываютъ? Какой видъ имѣютъ каменноугольныя шахты? Чѣмъ трудна работа въ шахтахъ?—4. Какъ образовались въ землѣ пласты каменнаго угля?

6. Вода и воздухъ.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Мы всѣ пьемъ воду и дышимъ воздухомъ; безъ воды и воздуха люди не могли бы жить. Потому, гдѣ живутъ люди—тамъ навѣрное есть вода и воздухъ. Впрочемъ, есть такія мѣста, гдѣ нѣтъ воды: они и называются безводными пустынями. Но нѣтъ на землѣ такого мѣста, гдѣ бы не было воздуха. Онъ находится повсюду: и надъ землей, и подъ землей, и въ землѣ, и въ водѣ, и въ долинахъ, и на горахъ.

Мы ищемъ для питья воды почище. Но совершенно чистой воды въ природѣ нѣтъ: протекая въ рѣкахъ, пробираясь въ землѣ, вода распускаетъ или растворяетъ и уноситъ съ собою разныя вещества; сравнительно чище вода дождевая и снѣговая.

Для дыханія люди ищутъ чистаго воздуха, и многіе жители большихъ городовъ на лѣто уѣзжаютъ въ деревню, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Въ деревнѣ, среди полей, луговъ и лѣсовъ, воздухъ чище, нежели на улицахъ города. Въ домахъ, чтобы освѣжить воздухъ, отворяютъ двери, окна, форточки, особенно послѣ того, какъ въ комнатахъ было много народу: отъ дыханія людей воздухъ портится.

Въ колодцахъ, въ прудѣхъ, въ лужахъ, въ посудѣ вода стоитъ спокойно, а въ рѣкѣ постоянно движется—течетъ. Воздухъ тоже иногда стоитъ неподвижно, и тогда листья на деревѣ не шевелятся; а иногда онъ тоже движется—течетъ, и такое движеніе воздуха мы называемъ *вѣтромъ*. Иногда вѣтеръ бываетъ такой сильный, что ломаетъ и выворачиваетъ съ корнемъ деревья, срываетъ крыши съ домовъ, волнуетъ воду, на большихъ рѣкахъ и на моряхъ подымаетъ цѣлыя водяныя горы. Такой вѣтеръ мы называемъ *бурей*.

— Въ какомъ порядкѣ здѣсь говорится про воду и воздухъ? — Напишите *планъ* этой статьи. — Схожи ли въ чемъ-нибудь между собою желѣзо, гранитъ, вода и воздухъ? — Желѣзо занимаетъ мѣсто, а гранитъ? а вода? а воздухъ? (*Тѣла*). — Чѣмъ эти тѣла отличаются другъ отъ друга? Желѣзо и гранитъ *тверды*, ихъ частицы крѣпко связаны между собой, а вода? — Желѣзо — *твердое тѣло*, вода *жидкое* (жидкость), а воздухъ? — Твердое тѣло сохраняетъ одну и ту же данную ему форму (желѣзная подкова, мѣдный самоваръ, каменная плита, деревянный крестъ), а жидкое? а газообразное? — Все ли *предметы*, то есть все-ли, о чемъ можно судить и говорить, *тѣла*, *тѣлесные* предметы? — Мы думаемъ, судимъ и говоримъ о *близнѣ* мѣла, о *трудѣ* крестьянина, о *силѣ* лошади: *мѣлъ*, *крестьянинъ*, *лошадь* занимаютъ мѣсто, предметы *тѣлесные*. А *близна*, *трудъ*, *сила*—гдѣ они? Можно ли ихъ назвать тѣлесными предметами? — Назовите еще нѣсколько такихъ *мысленныхъ* (*отвлеченныхъ*) предметовъ. — А безсмертная *душа* человѣка, о которой мы думаемъ и говоримъ, но которой нельзя ни видѣть, ни слышать, ни обонять, ни осозать, ни вкушать, — тоже мысленный предметъ? — Назовите еще нѣсколько *духовныхъ* предметовъ. — Какіе-же бываютъ предметы?—

7. Прудъ и Рѣка.

Басня И. А. Крылова.

«*Что это*», говоритъ *Рѣка* сосѣдній *Прудъ*:

«*Какъ на тебя ни взглянешь,*

А воды все твои текутъ!

Неужли-таки ты, сестрица, не *устанешь?*

Притомъ-же, *вижу* я почти всегда,

То съ грузомъ тяжкія *суда,*

То долговязые *плоты* ты носишь;

Ужъ я не говорю про *лодки, челнокѣ,* —

Имъ *суету нѣтъ!* *Когда* такую жизнь ты бросишь?

Я, право, высохъ бы съ *тоски.*

Въ сравненіи съ *твоимъ,* какъ жребій мой пріятенъ!

Конечно, я не знатенъ;

По картѣ не *тянусь* я черезъ цѣлый листъ,

Мнѣ не бренчитъ *похваля* какой-нибудь гуслисть.

Да это право все *пустое!*

Зато я въ *илистыхъ* и *мягкихъ* берегахъ,

Какъ *барыня* въ *пуховикахъ,*

Лежу и въ *нѣтъ,* и въ *покоѣ;*

Не только что *судовъ*

Или *плотовъ,*

Мнѣ здѣсь не *для чего* страшиться,

Не знаю даже я, каковъ тяжель *челнокъ,*

И *много,* ежели случится,

Что по водѣ моей чуть *зыблется листокъ,*

Когда его ко мнѣ заброситъ *вѣтерокъ.*

Что *беззаботную* замѣнить жизнь такую?

За *вѣтрами* со *всѣхъ* сторонъ,

Не *двигаюсь,* я смотрю на суету *мірскую,*

И *философствую* сквозь сонъ».

— «А *философствуя,* ты *помнишь ли законъ?*»,

Рѣка на это отвѣчаетъ:

«Что *свѣжестъ* лишь вода *движеніемъ* сохраняетъ?

И если стала я *великою* рѣкой,

Такъ это *оттого,* что, кинувши *покой,*

Послѣдую сему *уставу.*

Зато по всякій годъ,

Обиліемъ и чистотою водъ,

И *пользу* приношу, и въ *честь* вхожу и *въ славу,*

И буду, можетъ-быть, еще я *вѣки* течь,

Когда уже тебя не будетъ и въ *помятъ,*

И о тебѣ *совсѣмъ* исчезнетъ *рѣчь.* —

Слова ея *сбылись:* она течетъ *понынѣ;*

А бѣдный Прудъ годъ отъ году все *гложь,*

Заволоченъ весь *тиною* глубокой,

*Зацвѣль, зарось осѣдой,
И, наконецъ, созьмь изсохъ.*

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя каждый день,
Когда имъ овладѣтъ лѣнь,
И оживлять его *дѣтельность* не станетъ.

— По картѣ: здѣсь разумѣется карта, на которой изображается какая-нибудь страна съ ея горами, озерами, рѣками и т. п.,—*географическая* карта.

— Гуслисть: здѣсь разумѣется сочинитель-поэтъ, воспѣвающій красоту и величіе Божьяго міра и, между прочимъ, величавой рѣки.—Философствую—думаю, разсуждаю о важныхъ вопросахъ.—

— Изложите содержаніе этой басни, замѣнивъ *разговорную* форму простымъ разсказомъ.—Вѣрно ли здѣсь описаны рѣка и прудъ? — Отчего вода въ прудѣ зацвѣла и покрылась тиной, а въ рѣкѣ сохраняетъ чистоту и свѣжесть? — Почему-же этотъ разсказъ въ стихахъ *басня*? — Какъ можно примѣнить его къ человѣческой жизни: какой человѣкъ похожъ на этотъ прудъ и какой на рѣку? — Въ какихъ словахъ самъ поэтъ сдѣлалъ такое примѣненіе и раскрылъ смыслъ своей басни?

8. О превращеніяхъ воды.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Вода не всегда остается жидкою. На морозѣ она превращается въ лёдъ, а во время кипѣнія—въ легкій паръ, который расходуется въ воздухѣ. Стоитъ только принести лёдъ въ теплую комнату, онъ будетъ таять и превращаться опять въ жидкую воду. Стоитъ только поддержать надъ кипящей водой какой-нибудь холодный предметъ, напримѣръ стекло или блюдечко, на этомъ предметѣ появятся капли воды: это водяные пары, прикоснувшись къ холодному предмету, сгустились и опять стали жидкой водой. Вотъ почему потѣютъ въ окнахъ стекла, когда въ комнатѣ кипитъ самоваръ. Пары идутъ не только отъ горячей, но и отъ холодной воды. Мокрая тряпка высыхаетъ, потому что вода изъ нея мало-по-малу испаряется, хотя мы и не видимъ этого пара. Вода постоянно испаряется, а потому въ воздухѣ всегда есть водяные пары. Мы ихъ не видимъ, какъ не видимъ и самаго воздуха, но легко можемъ убѣдиться, что они есть. Для этого надо взять пустой стаканъ, опустить его въ снѣгъ или въ лёдъ, а потомъ, когда онъ охладится, вытереть насухо. Стаканъ запотѣетъ, т. е. покроется мельчайшими капельками воды: это обратились въ воду водяные пары, которые невидимо носятся въ воздухѣ.

— Всегда-ли вода остается *жидкимъ* тѣломъ? — Что такое *лѣдъ*? — Что такое водяной *паръ*? — Разскажите, какъ вода превращается.—Всегда-ли желѣзо остается *твердымъ* тѣломъ? — Всегда-ли ртуть остается *жидкимъ* тѣломъ? — А масло?—А молоко?—Отчего-же тѣла измѣняютъ свой видъ?—

Опыты и задачи.

Возьмите пустой стаканъ, вымажьте внутри мѣломъ, опрокиньте надъ водою и погрузите въ воду до самаго дна, войдетъ-ли вода въ стаканъ и намочить-ли мѣлъ? Почему летаетъ бумажная бабочка или перышко, если вы помахиваете тетрадью или картоннымъ листомъ? Что такое вѣтеръ? Возьмите полный стаканъ воды, накройте бумажкой и опрокиньте, придерживая бумажку ладонью, а потомъ отнимите ладонь, — почему вода не выливается? — Для чего въ кузницѣ раздуваютъ угли мѣхами? — Почему въ избѣ, гдѣ много людей, вечеромъ дышать труднѣе, нежели днемъ? — Почему въ большіе праздники, при большомъ собраніи народа, въ церкви становится труднѣе дышать и свѣчи горять тускло? Почему легко дышится въ саду, въ рощѣ, въ лѣсу? Для чего городскіе люди на лѣто переѣзжаютъ въ деревню? Почему рыба не можетъ долго жить въ ведрѣ съ водою, если воду не будутъ мѣнять? Зажгите свѣчу и накройте ее какой-нибудь стеклянной посудой или зажгите лампу и закройте стекло сверху доской: что будетъ и отчего? Отчего вертятся крылья мельницы? Какъ освѣжить воздухъ въ комнатѣ, гдѣ долго было много людей? Что сдѣлать, чтобы около избы воздухъ былъ лучше для дыханія? Почему во время пожара огонь при вѣтрѣ сильнѣе разгорается? Возьмите напѣрстокъ, приложите его къ ладони возлѣ большого пальца, потомъ осторожно вынесите изъ подъ напѣрстка воздухъ, а напѣрстокъ прижмите плотно къ ладони, — что будетъ и отчего? —

Чему научаютъ насъ эти опыты?

9. Вода работаетъ.

С. В. Максимова.

Течетъ вода въ рѣкѣ по склону. Если приостановить рѣку запрудой или, такъ называемою, гатью, вода въ запрудѣ станетъ выше, вода дальше по рѣкѣ будетъ ниже. Сила паденія воды увеличится. Стоитъ приладить изъ лучинокъ на палочкѣ валикъ, вся игрушка зашевелится и будетъ вертѣться, пока вода не перестанетъ падать на крылья. Вотъ игрушечная мельница... На мельницѣ настоящей та же игра, лишь побольше гораздо. Чтобы концы вала не вертѣлись понапрасну, его приводятъ къ деревянной рукояткѣ, называемою *веретеномъ*, а къ послѣднему крѣпко-на-крѣпко прикрѣпляютъ одинъ жерновъ камень съ дырой. Вода, падая на зубья колеса, вертитъ валъ съ шестерней, надѣтой на веретено. Съ передачей водяной силы, шестерня вертитъ веретено жернова, а веретено — и жерновъ. Этотъ вертящійся жерновъ, верхній, на-глухо лежитъ на другомъ жерновѣ, нижнемъ. Зерно сыплется изъ ковша подѣ веретено верхняго жернова. Пойдутъ жернова разговаривать, растирать зерно въ мелкую пыль, и начнетъ скатываться мука по деревянному наклону (желобу или корытцу) въ подставленный ларь, какъ вода льется... Летитъ мука мелкой пылью вверхъ, обсыпаетъ и бѣлитъ самого мельника, садится даже на брови и рѣсницы его. Однако, въ концѣ-концовъ, выходитъ на то, о чемъ загадываетъ загадка: «Одинъ говоритъ <побѣжимъ> (вода), другой говоритъ <полежимъ>, третій — <покачаемся> (колесо).

— Шестерня—зубчатое колесо, которое приводит въ движеніе валъ, другія колёса, жернова.—Жерновый камень (жерновъ)—круглый камень; между жерновами хлѣбныя зерна перетираются въ муку.—

— Расскажите, какъ люди заставляютъ воду работать.

10. Постройка водяной мельницы.

С. Т. Аксакова.

Первымъ дѣломъ дѣдушки было въ этотъ же годъ построить мельницу, ибо молоть хлѣбъ надо было ѣздить верстъ за сорокъ. Итакъ, выбравъ заранѣе мѣсто, гдѣ вода была неглубока, дно крѣпко, а берега высоки и также крѣпки, съ обѣихъ сторонъ рѣки подвели къ ней плотину изъ хвороста и земли, какъ двѣ руки, готовые схватиться, а для бѣльшей прочности оплели плотину плетнемъ изъ гибкой ивы. Оставалось удержать быструю и сильную воду и заставить ее наполнить назначенное ей водоѣмще. Съ одной стороны, гдѣ берегъ казался пониже, заранѣе устроенъ былъ мельничный амбаръ на два мукомольныхъ постава съ толчеей. Всѣ снасти были готовы и даже смазаны. На огромныя водяныя колеса черезъ деревянныя трубы кауза должна была броситься рѣка, когда, прегражденная въ своемъ природномъ руслѣ, она наполнитъ широкій прудъ и станетъ выше дна кауза.

Когда все уже было готово, и четыре длинныя дубовыя сваи крѣпко вколочены въ твердое глинистое дно рѣки, поперекъ будущаго вешняка, дѣдушка сдѣлалъ пѣмочъ на два дня: сосѣди были приглашены съ лошадьми, лопатами, вилами и топорами. Въ первый день огромныя кучи хвороста изъ нарубленнаго мелкаго лѣса и кустовъ, копны соломы, навозу и свѣжаго дѣрна были нагромождены по обѣимъ сторонамъ рѣки... На другой день, на восходѣ солнца, около ста человѣкъ собрались *занимать замку*, то-есть запрудить рѣку.

На всѣхъ лицахъ было что-то заботливое и торжественное; всѣ къ чему-то готовились; вся деревня почти не спала въ эту ночь. Дружно, въ одно и то же мгновение, съ громкимъ крикомъ сдвинули въ рѣку съ обѣихъ береговъ кучи хвороста, сначала связаннаго пучками; много унесло быстрое теченіе воды, но много его, задержаннаго сваями, легло поперекъ рѣчного дна; связанныя копны соломы съ камнями полетѣли туда-же, за ними слѣдовалъ навозъ и земля; опять настилка хвороста, и опять солома и навозъ, и сверху всего толстые слои дѣрна. Когда все это, кое-какъ затопленное, стало выше поверхности воды, человѣкъ двадцать крестьянъ, дюжихъ и ловкихъ, вскочили наверхъ запруды и начали утаптывать и уминать ее ногами... Не скоро сладили съ упрямою рѣкой: долго она рвала и уносила хворостъ, солому, навозъ и дѣрнъ; но наконецъ люди одолѣли, вода не могла пробиться болѣе, остановилась, какъ бы задумалась, завертѣлась, пошла назадъ, наполнила берега своего русла, затопила, перешла ихъ, стала разливаться по лугамъ, и къ вечеру уже образовался прудъ, или, лучше сказать, всплыло озеро, безъ береговъ, безъ зелени, травъ и кустовъ,

на нихъ всегда растущихъ; кое-гдѣ торчали верхи затопленныхъ погибшихъ деревь.

На другой день затолкла толчея, замолола мельница—и мелеть и толчетъ до сихъ поръ.

— *Наузъ* (*дворецъ, скрыня*)—деревянный ящикъ, по которому бѣжитъ вода и падаетъ на колѣса. — *Вешнякъ* — творило съ подъёмнымъ заслономъ для спуска лишней воды, задержанной запрудой.

11. Водяная мельница.

И. С. Никитина.

Кипитъ вода, *реветъ* ручьемъ,
 На мельницѣ и *стукъ*, и *громъ*;
 Колѣса-то въ водѣ *шумятъ*,
 А брызги вверхъ *огнемъ* летятъ;
 Отъ пѣны-то *булоръ* стоитъ;
 Что *мостъ* живой, весь *полъ* дрожитъ.
Шумитъ вода, *рукавъ* трясеть,
 На камни рожь *дождемъ* течеть,
 Подъ жерновомъ *муку* родить,
Идетъ муга—въ *глаза* пылить.
 Одна пѣвунья *ласточка*
 Подъ *крышей* обжилась,
 Свила—*сплила* гнѣздышко,
Дѣтьми обзавелась.
 Въ ночь темную подъ *крылышко*
Головку подогнетъ,
 И спитъ себѣ подъ *громъ* и *стукъ*,
Носкомъ не шевельнетъ.

Планъ для сочиненія „Вода“.

1. Для чего и кому нужна вода? — 2. Что за тѣло вода, которую мы пьемъ? — 3. Почему въ природѣ нѣтъ чистой воды? — 4. Въ какихъ видахъ бываетъ вода? — 5. Какъ вода путешествуетъ то вверхъ, то внизъ? — 6. Какъ люди заставляютъ воду работать?

12. Окуда берется тепло.

Изъ книги въ «Въ школѣ и дома».

Всякій знаетъ, что свѣтъ и тепло наша земля получаетъ отъ *солнца*. Солнце посылаетъ на землю свѣтъ и тепло въ видѣ лучей. Чѣмъ выше надъ нашими головами солнце, чѣмъ прямѣе его лучи падаютъ на землю, тѣмъ больше тепла; чѣмъ лучи его косѣе, тѣмъ меньше тепла. При помощи, такъ называемаго, *зажимательнаго стекла* можно въ солнечный день собрать нѣсколько солнечныхъ лучей въ одну точку; если въ эту точку помѣстить

спичку, она загорится. Но солнце не единственный источникъ тепла на землѣ. Всякое *горящее* и *нагрѣтое тѣло* испускаетъ отъ себя тепло: оно расходуется въ воздухъ и отъ истопленной печки, и отъ зажженной лампы, свѣчки, лучины, и отъ кипящаго самовара.

Тепло появляется также отъ сильнаго удара одного тѣла о другое, отъ *тренія* ихъ другъ о друга. Такъ, при ударѣ кремнемъ (очень твердымъ камнемъ) объ огниво (кусокъ стали) отъ огнива отрываются очень мелкіе кусочки стали; эти кусочки при этомъ отъ удара такъ сильно нагрѣваются, что кажутся огненными искрами. Такъ, бываетъ, что изъ подъ копытъ лошади, которая бѣжитъ по каменной мостовой, сыплются искры. Трениемъ можно такъ нагрѣть два сухіе деревянные бруска, если тереть ихъ одинъ о другой, что дерево загорится. Извѣстно, что отъ тренія перѣдко у телѣги загораются колѣсные оси, не смазанныя дегтемъ.

Тепло получается еще отъ *соединенія нѣкоторыхъ веществъ*, напримѣръ, воды съ негашеной известью: въ яму съ извѣсткой льютъ воду, и Боже сохрани кого-нибудь попасть въ эту яму!

Тепло получается и отъ *гниенія*. Такъ иногда сильно нагрѣвается отъ гниенія сырой хлѣбъ въ скирдахъ, загорается гнѣющее въ стогахъ сырое сѣно.

13. Дѣйствіе тепла на тѣла.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Кузнецъ накладываетъ на колесо раскаленную шину, чтобы она плотно сжала колесо, когда остынетъ. Когда нагрѣваютъ сосудъ, до верха наполненный водой, вода выливается изъ него черезъ край. Когда нагрѣваютъ бычачій пузырь, крѣпко перевязанный веревкой, этотъ пузырь раздувается. Все это показываетъ, что всѣ тѣла отъ тепла раздуются во всѣ стороны, то-есть занимаютъ больше мѣста. Когда тепло уменьшается, отъ холода тѣла, напротивъ, сжимаются, то-есть занимаютъ мѣста меньше. Потому-то теплый воздухъ легче холоднаго и подымается вверхъ. Потому-то твердый кусокъ воска тяжелѣе, нежели растопленный горячій воскъ, и потонетъ въ немъ.

Только съ водой не всегда бываетъ такъ. Если бутылку, наполненную водой, крѣпко закупорить и вынести на морозъ, черезъ нѣсколько времени послышится трескъ и бутылку разорветъ льдомъ. Это значитъ, что вода, обращаясь отъ холода въ лёдъ, не сжимается, а расширяется. Если посуду, набитую льдомъ, принести въ теплую комнату, лёдъ отъ тепла будетъ таять и обращаться въ жидкую воду, но эта вода не наполнитъ посуды. Это значитъ, что вода въ видѣ льда отъ тепла не расширяется, а сжимается. Потому-то твердая вода (лёдъ) не тяжелѣе, а легче жидкой воды и не тонетъ, а плаваетъ въ ней. Потому-то наши рѣки зимой замерзаютъ только сверху, а не промерзаютъ до дна: лёдъ легче воды, стоитъ на верху и собираетъ тепло въ той водѣ, которая подъ нимъ, такъ какъ онъ плохо проводитъ тепло. Потому-то и зимой мы не остаемся безъ воды. Потому-то и зимой въ рѣкахъ сохраняются рыбы, а не погибаютъ отъ морозовъ.

14. Распространеніе тепла.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Натопленная въ комнатѣ печка мало-по-малу охлаждается, если въ печку не подкладываютъ больше дровъ и не продолжаютъ ее нагревать. Но тепло печки не пропадаетъ: оно идетъ на то, чтобы въ комнатѣ нагрѣлся воздухъ, нагрѣлись-бы и всѣ предметы, какіе находятся въ комнатѣ. Можно и не прикасаться къ горячей печкѣ, а только держать руку вблизи печки, а рукѣ будетъ тепло. Всякое нагрѣтое тѣло *испускаетъ* изъ себя тепло, и тѣла менѣе нагрѣтыя принимаютъ, поглощаютъ это тепло. Замѣчено, что тѣла шероховатая и темныя быстрѣе испускаютъ тепло и охлаждаются, нежели гладкія, свѣтлыя и блестящія. Но зато шероховатая и темныя тѣла скорѣе и нагрѣваются, то-есть поглощаютъ тепло. Потому-то черноземная почва сильнѣе нагрѣвается лѣтомъ, нежели песчаная, свѣтлая. Потому-то бѣлая стѣна нагрѣвается лѣтомъ медленнѣе темной. Потому-то въ лѣтніе жары въ свѣтломъ платьѣ не такъ жарко, какъ въ темномъ.

Всякое тѣло можно нагрѣть на огнѣ, но не всѣ тѣла нагрѣваются одинаково. Возьмемъ, на примѣръ, желѣзную кочергу за одинъ конецъ, а другимъ концомъ положимъ ее въ затопленную печку, — рукѣ будетъ горячо. Если-же у кочерги придѣлана деревянная ручка, дерево не будетъ жечь руки, сколько бы мы ни держали въ огнѣ желѣзный конецъ кочерги. Деревянную палку, одинъ конецъ которой горитъ, можно смѣло брать за другой конецъ, а желѣзный пруть не долго продержишь въ рукѣ, если другой конецъ его положить въ огонь. Тепло легко идетъ по желѣзу и медленно по дереву; желѣзо и всѣ металлы хорошо проводятъ тепло, а дерево плохо. Плохо проводятъ тепло: стекло, солома, шерсть, зола, вода, ледъ, снѣгъ, воздухъ. Вотъ почему зимой теплѣе въ мѣховой шубѣ. Вотъ почему зимой не вымерзаютъ посѣянные осенью зерна ржи. Вотъ почему въ домѣ дѣлаютъ двѣ рамы.

Опыты и задачи.

Почему въ прохладной комнатѣ желѣзо намъ кажется холоднѣе, нежели дерево, а на солнцѣ, наоборотъ, дерево холоднѣе желѣза? Какъ спастись въ степи во время сильной метели, чтобы не замерзнуть? Прибавляетъ-ли тепла нашему тѣлу шуба зимой? Почему во время сильнаго мороза трутъ одну руку о другую? Какая польза отъ двойныхъ рамъ? Почему въ натопленной комнатѣ у потолка теплѣе, чѣмъ у пола? Для чего у мѣднаго чайника дѣлаютъ деревянную ручку? Отчего раскаленный уголь на желѣзномъ листѣ потухнетъ скорѣе, чѣмъ на деревянной доскѣ? Зачѣмъ садовники на зиму обертываютъ соломой нѣжныя деревья? Почему раскаленный уголь не жжетъ руки, посыпанной золою? Для чего оси телеги смазываютъ дегтемъ? Почему соломенная крыша лѣтомъ даетъ прохладу, а зимой подъ ней теплѣе? Отчего вода, попавшая въ трещины камня, зимой иногда разрываетъ камень? Отчего нагрѣвается гвоздь, когда его вбиваютъ въ стѣну? Для чего зимой на рѣкѣ прорубаютъ проруби? Отчего сѣно въ стогу иногда загорается? Въ какой посудѣ вода закипитъ скорѣе, въ металлической или глиняной, и почему?

Планъ для сочиненія „О теплѣ“.

—1. Откуда идетъ тепло?—2. Какъ тепло дѣйствуетъ на всѣ тѣла? Особенность воды, сравнительно съ другими тѣлами.—3. Какая разница между тѣлами замѣчается въ нагрѣваніи и теплопроводности? Примѣры изъ жизни.

15. Отчего бываетъ вѣтеръ.

Гр. Л. Н. Толстого.

Рыбы живутъ въ водѣ, а люди въ воздухѣ. Рыбамъ не слышно и не видно воды, пока сами рыбы не шевелятся, или пока вода не шевелится. И намъ также не слышно воздуха, пока мы не шевелимся, или воздухъ не шевелится.

Но какъ только мы побѣжимъ, мы слышимъ воздухъ — намъ дуетъ въ лицо; а иногда слышно, когда мы бѣжимъ, какъ воздухъ въ ушахъ свиститъ. Когда-же отворимъ дверь въ теплую горницу, то всегда дуетъ вѣтеръ низомъ со двора въ горницу, а верхомъ дуетъ изъ горницы на дворъ.

Если кто-нибудь ходитъ въ комнатѣ или махаетъ платьемъ, то мы говоримъ: «онъ дѣлаетъ вѣтеръ». Когда топятъ печку, всегда въ нее дуетъ вѣтеръ.

Когда на дворѣ дуетъ вѣтеръ, то онъ дуетъ цѣлые дни и ночи, иногда въ одну сторону, а иногда въ другую. Это бываетъ оттого, что гдѣ-нибудь на землѣ воздухъ очень разогрѣется, а въ другомъ мѣстѣ остынетъ: тогда и начинается вѣтеръ, и низомъ идетъ холодный воздухъ, а верхомъ теплый, такъ-же какъ съ надворья въ избу. И до тѣхъ поръ дуетъ, пока воздухъ не согрѣется тамъ, гдѣ было холодно, и не остынетъ тамъ, гдѣ было жарко.

16. Вѣтеръ работаетъ.

Гр. Л. Н. Толстого.

Сдѣлаютъ изъ тѣса четыре крыла, утврдятъ ихъ крестомъ въ валъ и придѣлаютъ къ валу шестерни и колѣса съ кулачьями, такъ, чтобы, когда валъ вертится, онъ бы цѣплялъ за шестерни и колеса, а колѣса вертѣли жѣрновъ. Потомъ крылья поставятъ противъ вѣтра: крылья начнутъ вертѣться, стануть шестерни и колѣса цѣплять другъ за друга, и жѣрновъ станеть вертѣться на другомъ жерновѣ. И тогда сыплютъ зерно промежду двухъ жернововъ; зерно растирается и высыпается въ ковшъ муки.

Когда плывутъ на лодкѣ и хотятъ плыть скорѣе, то возьмутъ на серединѣ лодки вставятъ въ дыру большой шестъ (*мачту*), къ шесту этому придѣлана поперекъ перекаладина. Къ этой перекаладинѣ прикрѣпятъ холстинный *парусъ*, къ низу паруса привяжутъ веревку и держатъ ее въ рукахъ. Потомъ поставятъ парусъ противъ вѣтра. И тогда вѣтеръ надуваетъ парусъ такъ крѣпко, что лодка нагибается на бокъ, веревка рвется изъ рукъ, и лодка поплыветъ такъ скоро, что подъ носомъ лодки забурчитъ вода, и берега точно бѣгутъ назадъ мимо лодки.

— Кулачья—шипы на колесѣ, посредствомъ которыхъ заставляютъ колесо вертѣться.

— Расскажите, какъ люди заставляютъ работать *вѣтеръ*.

Планъ для сочиненія „*О вѣтрѣ*“.

— 1. Движеніе воды.— 2. Движеніе воздуха и причины его.— 3. Что такое вѣтеръ? Разная сила вѣтра.— 4. Польза и работа вѣтра.

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

1. Какіе вы знаете *тѣлесные* предметы? Скажите какое-нибудь *сужденіе* о каждомъ. Какіе знаете *мѣсленные* (*отвлечѣнные*) предметы. Скажите *сужденіе* о каждомъ. Какіе знаете *духовные* предметы? Скажите сужденіе о каждомъ. 2. Люди употребляютъ воду *ключевую, рѣчную, дождевую, морскую*, а есть ли гдѣ-нибудь вода не ключевая, не рѣчная, не дождевая, не морская, а *просто вода*? Мы знаемъ *курицу, утку, совору, воробья, соловья*, а есть ли гдѣ-нибудь *просто птица*, а не утка, не воробей, не соловей и т. под.?— Мы видимъ и знаемъ или свою утку, или утку сосѣда, или утку, которая сейчасъ плыветъ по рѣкѣ: о какой же уткѣ мы говоримъ, что утка водоплавающая птица, гдѣ же эта *утка вообще*? Что же за слова: *вода, птица, утка*? Служатъ ли они названіями *единичныхъ* предметовъ (одной какой-нибудь воды, одной какой-нибудь птицы, одной какой-нибудь утки), или выражаютъ *понятіе* о предметѣ вообще, со всѣми его *родовыми* и *видовыми* признаками?— Существуютъ ли въ природѣ, между предметами, *понятія*, или они созданіе нашего ума? Какъ же они создаются: что замѣчаемъ мы въ отдѣльныхъ единичныхъ предметахъ? какъ мы сравниваемъ эти предметы? какъ обозначаемъ словомъ совокупность всѣхъ общихъ признаковъ цѣлой группы предметовъ? 3. Слово *птица* выражаетъ *понятіе*. Какіе родовые и видовые признаки входятъ въ составъ этого понятія? Какіе признаки заключаетъ въ себѣ понятіе *рыба*? Какіе признаки заключаетъ въ себѣ понятіе *насткомое*? Какіе признаки заключаетъ въ себѣ понятіе *дерево*? А понятіе *металлъ*? А понятіе *орудіе*? А понятіе *мебель*? 4. Что такое *птица*?— Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, подъ какое *родовое* понятіе можно подвести птицу и какіе *видовые* признаки надо перечислять? Птица—позвоночное животное, покрытое пухомъ и перьями, съ двумя ногами и двумя крыльями, несущее яйца и высиживающее изъ нихъ дѣтенышей. Такъ мы *опредѣлили*, что такое птица. Составьте *опредѣленіе* лошади, волка, ястреба, акулы, пчелы, березы, ели, ржи, желѣза, гранита, воды, воздуха, сохи, телѣги, стула.

17. Милостыня.

И. С. Тургенева.

Вблизи большого города, по широкой проѣзжей дорогѣ шелъ старый, больной человекъ.

Онъ шатался на ходу; его исхудалыя ноги, путаясь, волочась и спотыкаясь, ступали тяжело и слабо, словно чужія; одежда на немъ висѣла лохмотьями; непокрытая голова падала на грудь. Онъ изнемогалъ.

Онъ присѣлъ на придорожный камень, наклонился впередъ, облокотился, закрылъ лицо обѣими руками и сквозь искривленные пальцы закапали слезы на сухую, сѣдую пыль. Онъ вспоминалъ.

Вспоминалъ онъ, какъ и онъ былъ нѣкогда здоровъ и богатъ, и какъ онъ здоровье истратилъ и богатство роздалъ другимъ, друзьямъ и недругамъ... И вотъ, теперь у него нѣтъ куска хлѣба и всѣ его покинули, друзья еще раньше враговъ... Неужли-жъ ему унизиться до того, чтобы просить милостыню? И горько ему было на сердцѣ, и стыдно.

А слезы все капали да капали, пестря сѣдую пыль.

Вдругъ онъ услышалъ, что кто-то зоветъ его по-имени; онъ поднялъ усталую голову и увидалъ передъ собою незнакомца. Лицо спокойное и важное, но не строгое; взоръ пронзительный, но не злой.

— Ты все свое богатство роздалъ, слышался ровный голосъ. — Но въдь ты не жалѣешь о томъ, что добро дѣлалъ?

«Не жалѣю, отвѣтилъ со вздохомъ старикъ, только вотъ умираю я теперь».

— И не было бы на свѣтѣ нищихъ, которые къ тебѣ протягивали руку, продолжалъ незнакомецъ, — не надъ кѣмъ было бы тебѣ показать свою добродѣтель, не могъ бы ты упражняться въ ней?

Старикъ ничего не отвѣтилъ и задумался.

— Такъ и ты теперь не гордись, бѣднякъ, заговорилъ опять незнакомецъ, — ступай, протягивай руку, доставь и другимъ добрымъ людямъ возможность показать на дѣлѣ, что они добры.

Старикъ встрепенулся, вскинулъ глазами... но незнакомецъ уже исчезъ, а вдали, на дорогѣ, показался прохожій. Старикъ подошелъ къ нему и протянулъ руку. Этотъ прохожій отвернулся съ суровымъ видомъ и не далъ ничего. Но за нимъ шелъ другой—и тотъ подаль старикъ малую милостыню.

И старикъ купилъ себѣ на данные гроши хлѣба—и сладокъ показался ему выпрошенный кусокъ, и не было стыда у него на сердцѣ, а напротивъ: его осѣнила тихая радость.

— Расскажите о прохожемъ старикѣ: его *внѣшній* видъ, его *внутренній* мѣръ, его *прошедшее* и *настоящее*. — Какія *чувства* удерживали его просить милостыню? — Расскажите о появленіи незнакомца, о его разговорѣ со старикомъ и о послѣдствіяхъ этого разговора. — Какая *мысль* побѣдила въ старикѣ *чувства* гордости и стыда? Какое *чувство* испытывалъ онъ, принявъ милостыню? — Напишите *планъ* разказа. — Какъ можно кратко опредѣлить его *главную мысль*? Другимъ-ли только людямъ мы дѣлаемъ благо, когда творимъ доброе дѣло? Себѣ ли только добро дѣлаетъ человекъ, принимающій отъ насъ благодѣяніе?

18. Отлетающая душа.

Гр. А. К. Толстого.

Горними тихо летѣла душа небесами;
Грустныя дѣлу она опустила рѣсеницы;
Слѣзы, въ пространство отъ нихъ упадая звездами,
Свѣтлой и длинной вилась вереницей.

Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
Что ты грустна? о чѣмъ эти слѣзы во взорѣ?
Имъ отъчала она: я землѣ не забыла,

Много оставила я тамъ страданья и горя.

*Здѣсь я лишь ликамъ блаженства и радости внемлю;
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы.
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было бь о комъ пожалтъ и утѣшить когдъ бы.*

— Какую картину рисуетъ поэтъ?—Какую потребность человѣческой души онъ изображаетъ въ этой картинѣ?—Не знаете ли примѣровъ изъ жизни, обнаруживающихъ эту потребность жалтъ и утѣшить?—Разскажите.

19. Христось воскресь.

М. Е. Салтыкова (Щедрина).

Скажите мнѣ, отчего въ эту ночь воздухъ всегда такъ тепелъ и тихъ, отчего въ небѣ горять милліоны звѣздъ, природа одѣвается радостью, отчего сердце у меня словно саднить отъ полноты нахлынувшего вдругъ веселія, отчего кровь приливаетъ къ горлу, и я чувствую, что меня какъ-будто уноситъ какою-то невидимою волною?

«Христось воскресь!» звучатъ колокола, вдругъ загудѣвшіе во всѣхъ углахъ города. «Христось воскресь!» журчатъ ручьи, бѣгущіе съ горы въ оврагъ. «Христось воскресь!» говорятъ шпили церквей, внезапно одѣвшіеся огнями. «Христось воскресь!» привѣтливо шепчуть вѣчные огни, горящіе въ глубокомъ, темномъ небѣ. «Христось воскресь!» откликается мнѣ давно минувшее мое прошлое.

Я еще вчера явственно слышала, какъ жаворонокъ, только что прилетѣвшій съ юга, бойко и сладко пропѣлъ мнѣ эту славную вѣсть, отъ которой сердце мое всегда билось какю-то чуткою надеждою. Я еще вчера видѣла, какъ добрая купчиха Пелагея Ивановна хлопотала и возилаась, изготовляя несчетное множество куличей и пасокъ, окрашивая сотни яицъ и запекая въ тѣстѣ десятки окороковъ.

— Куда вамъ такое множество куличей, Пелагея Ивановна?—спросилъ я ее.

— И, батюшка, все изойдетъ для «несчастненькихъ!»—отвѣчала она, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ...

«Несчастненькими» она называетъ арестантовъ и, кажется, всю жизнь посвятила на то, чтобъ какъ-нибудь усладить тѣсноту и суровость ихъ заключенія. Она не спрашиваетъ, ктѣ этотъ арестантъ, которому рука ея подастъ милостыню Христовымъ именемъ. Въ глазахъ ея всѣ они просто «несчастненькіе», и вотъ каждый воскресный день отправляются изъ ея дома цѣлыя вязки калачей, пуды говядины или рыбы, и «несчастненькіе» благословляютъ имя Пелагеи Ивановны, зовутъ ее «матушкой» и «кормилицей».

Еще вчера съ вечера я чувствовалъ, что въ городѣ дѣлалось что-то необычайное. Въ половинѣ двѣнадцатаго во всѣхъ окнахъ забѣгали огни и вслѣдъ затѣмъ потянулся по всѣмъ улицамъ народъ, застучали экипажи.

И я съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ радости выслушалъ утреню и вышелъ изъ церкви, вынося съ собой безотчетное и свѣтлое чувство дружелюбія, милосердія и снисхожденія. «Христось воскресь!» думалъ я. Онъ вос-

кресъ для всѣхъ: большіе и малые, пришедшіе рано и пришедшіе поздно, мудрые и юродивые, богатые и нищіе—всѣ мы равны предъ Его воскресеніемъ...

Онъ воскресъ и для васъ, бѣдные заключенники, неузнанные странники моря житейскаго! Христосъ, сходявшій въ адъ, сошелъ и въ ваши сердца и очистилъ ихъ въ горнилѣ любви своей...

Онъ воскресъ и для тебя, сѣрый армякъ! Онъ сугубо воскресъ для тебя, потому что ты цѣлый годъ, обливая потомъ кормилицу землю, славилъ имя Его, потому что ты цѣлый годъ трудился, ждалъ и все думалъ: «вотъ придетъ Свѣтлое Воскресеніе, и я отдохну подъ святою сѣною его!»...

Для всѣхъ воскресъ Христосъ! Всѣ мы, большіе и малые, богатые и убогіе, іудеи и эллины, всѣ мы встанемъ и отъ полноты душевной обнимемъ другъ друга!

— Какой примѣръ потребности „пожалѣть и утѣшить“ находимъ въ этомъ разсказѣ?—Какое *чувство* овладѣваетъ душой въ день воскресенія Христова?—Какими словами оно выражено въ разсказѣ?

20. Кто мнѣ родня.

Ю. В. Жадовской.

Покрытый ранами, поверженный во прахъ,
 Лежалъ я при пути, въ томленьѣ и въ слезахъ,
 И думалъ про-себя, въ тоскѣ невыразимой:
 О, гдѣ моя родня, гдѣ близкій, гдѣ любимый?
 И много мимо шло... но что жъ? никто изъ нихъ
 Не думалъ облегчить тяжелыхъ ранъ моихъ.
 Иной бы и желалъ, да вдалъ его манила
 Житейской суеты губительная сила;
 Иныхъ пугалъ видъ ранъ и мой тяжелый стонъ...
 Ужъ мной овладѣвалъ холодный смерти сонъ;
 Ужъ на устахъ моихъ стенанья замирали,
 Въ тускнѣющихъ очахъ ужъ слѣзы застывали...
 Но вотъ пришелъ одинъ, склонился надо мной
 И слѣзы мнѣ отеръ спасительной рукой.
 Онъ былъ неведомъ мнѣ, но полнъ святой любовью,
 Текущею изъ ранъ не погнушался кровью.
 Онъ взялъ меня съ собой и помогалъ мнѣ самъ
 И лилъ на раны мнѣ спасительный бальзамъ...
 И голосъ мнѣ сказалъ въ душѣ неотразимый:
 «Вотъ кто родня тебѣ, кто близкій, кто любимый».

— Какую притчу Христа Спасителя напоминаетъ содержаніе этого стихотворенія?—Святое Евангеліе отъ Луки, гл. 10, ст. 25 и д.—Какая дума томилла несчастнаго странника? Кого онъ ждалъ съ тоскою?—Кто-же пожалѣлъ его, облегчилъ его страданія, позаботился о немъ, какъ истинный другъ, и сталъ ему ближнимъ? Какъ объ этомъ сказано въ стихахъ?—Нельзя ли изъ этого сдѣлать выводъ о томъ, какъ должны относиться другъ къ другу люди, чтобы всѣ были ближними между собою?

21. Маланья—голова баранья.

Н. С. Лёскова.

Въ одномъ глухомъ мѣстѣ была большая гора, поросшая дремучимъ лѣсомъ. У подошвы этой горы текла рѣка, и тутъ стояло селеніе, гдѣ жили зажиточные рыболовы и хлѣбопашцы. Отъ этого селенья шла черезъ лѣсъ дорожка въ другую деревню, а на этой дорожкѣ въ сторонѣ на полянкѣ стояла избушка, въ которой жила бѣдная женщина, по имени Маланья, а по прозванью «Голова баранья». Такъ прозвали ее потому, что считали ее глупою, а глупою ее почитали за то, что она о другихъ больше, чѣмъ о себѣ, думала. Если, бывало, кто-нибудь просить о такомъ, что нельзя сдѣлать безъ того, чтобы не лишиться себя какихъ-нибудь выгодъ, то такому человѣку говорили:

«Оставь меня въ покоѣ; мнѣ это невыгодно,—вонъ тамъ на пригоркѣ живетъ Маланья—голова баранья: она не разбираетъ, что ей выгодно и что не выгодно,—ее и попроси,—она, небось, сдѣлаетъ.»

И человѣкъ шелъ на пригорокъ и просилъ у Маланьи, и если она могла ему сдѣлать, о чемъ онъ просилъ,—то она дѣлала, а если не могла, то приѣбтить, да приласкаетъ, и добрымъ словомъ утѣшитъ,—скажетъ:

«Потерпи».

Пришла смерть и обошла все село за лѣсомъ и убрала все, что было нужно убрать, а Маланья осталась жить и все живетъ, какъ прежде жила, и все то же дѣлаетъ, что и прежде дѣлала, и всѣ тѣ умерли, кто звалъ ее «Маланьей—головой бараньей», и сама она это имя позабыла. И какъ смерть обойдетъ весь свѣтъ да придетъ къ ней и спроситъ: «Какъ тебя звать?», она старается вспомнить и никакъ вспомнить не можетъ и говорить:

«Не знаю,—вѣрно мое имя перемѣнилось.»

Смерть стала вопрошать: «Какъ имя этой женщины?» А ей въ отвѣтъ упалъ съ неба бѣлый, какъ снѣгъ, чистый камень, какъ сердце обточенный, и на немъ огнистымъ золотомъ горитъ имя: «Любовь».

Увидала это смерть и сказала:

— Ты не моя,—вѣтъ твоего имени въ моемъ приказѣ. Любовь не умираетъ. Ты доживешь до тѣхъ поръ, когда правда и милосердіе встрѣтятся, и волкъ ляжетъ съ ягнёнкомъ и не обидитъ его.

— Изложите содержаніе этого разсказа.—Что за люди жили у подошвы горы и какъ они жили?—Что за женщина жила въ избушкѣ на лѣсной дорожкѣ?—Чѣмъ отличалась эта женщина отъ тѣхъ людей?—Почему смерть не коснулась этой женщины?—Какъ объ этомъ сказано въ разсказѣ?—Какая основная мысль этого разсказа и какими словами она выражена?

22. Искра Божія.

А. М. Пѣшкова (М. Горькаго).

И вотъ Илья началъ торговать. Съ утра до вечера онъ ходилъ по улицамъ города съ ящикомъ на груди и съ козлами въ рукѣ, прищуривая

черные глаза, и, поднявъ носъ кверху, съ достоинствомъ поглядывалъ на людей. Нахлобучивъ картузъ глубоко на голову, онъ кричалъ молодымъ голосомъ: «Мыло! Вакса! Шпильки, булавки! Нитки, иголки! Книжки, хорошія книжки!»

Пестрой и шумной волной лилась жизнь вокругъ него, и онъ плылъ въ этой волнѣ свободно и легко, чувствуя себя такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ. Онъ толкался по базарамъ, заходилъ въ трактиры, важно спрашивалъ себѣ чаю и пилъ его съ бѣлымъ хлѣбомъ долго, солидно, какъ человѣкъ, знающій себѣ цѣну. Жизнь казалась ему простой, легкой и пріятной. Его мечты принимали тоже простыя и ясныя формы: онъ представлялъ себя чрезъ нѣсколько лѣтъ хозяиномъ маленькой, чистенькой лавочки гдѣ-нибудь на хорошей улицѣ города... И самъ онъ тоже чистый, здоровый, красивый. Всѣ въ улицѣ уважають его... Такъ мечталось ему, когда торговля шла успѣшно и никто не обижалъ его.

Но когда ему не удавалось ничего продать, и онъ, усталый, сидѣлъ въ трактирѣ или гдѣ-нибудь на улицѣ, ему вспоминались грубые окрики и толчки, подозрительное и обидное отношеніе покупателей, ругательства и насмѣшки другихъ такихъ же разносчиковъ,— тогда въ немъ смутно шевелилось безпокойное чувство. Его глаза раскрывались шире, смотрѣли глубже въ жизнь... Онъ ясно видѣлъ, что всѣ люди плутъ къ одной съ нимъ цѣли, ищутъ той же спокойной, сытой и чистой жизни, какой хочется и ему. И никто изъ людей не стѣсняется оттолкнуть съ своей дороги другого, если онъ мѣшаетъ ему; всѣ жадны, всѣ безжалостны и даже часто обижаютъ другъ друга, не имѣя въ этомъ надобности и безъ всякой пользы для себя, а какъ бы только ради одного удовольствія обидѣть человѣка. Иногда оскорбляютъ со смѣхомъ и рѣдко кто-нибудь жалѣеть обиженного. Отъ этихъ думъ торговля казалась ему скучнымъ дѣломъ, мечта о чистой маленькой лавочкѣ какъ будто таяла въ немъ, онъ чувствовалъ въ груди своей пустоту, а въ тѣлѣ вялость и лѣнь.

Особенно ясно чувствовалъ въ себѣ Илья грусть и тревогу послѣ посѣщенія церкви. Онъ рѣдко пропускалъ церковныя службы, съ удовольствіемъ посѣщая и обѣдни, и всенощныя. Онъ стоялъ гдѣ-нибудь въ углу и слушалъ пѣніе. Люди стояли неподвижно, молча, и было въ ихъ молчаніи что-то единодушное, какъ будто каждый человѣкъ упорно думалъ о томъ же, о чемъ думали и всѣ другіе. Волны пѣнія носились по храму вмѣстѣ съ облаками ладана, и порой Ильѣ казалось, что и онъ вмѣстѣ съ звуками поднимается вверхъ, плаваетъ съ ними. Въ торжественномъ и важномъ настроеніи, которое, наполняя храмъ, миротворно вѣяло на душу, было что-то совершенно чуждое суетѣ жизни, непримиримое съ ея стремленіями... Онъ замѣтилъ, что и въ его сердцѣ живетъ нѣчто, всегда наблюдающее за нимъ. Оно пугливо скрывается гдѣ-то въ немъ и безмолвно въ суетѣ жизни, но когда онъ приходитъ въ церковь, оно тихо растетъ въ груди и вызываетъ въ ней что-то особенное, тревожное, противорѣчивое его мечтамъ о чистой жизни. Въ эти минуты ему всегда вспоминались рѣчи старика-тряпичника о Богѣ:

«Господь все видитъ, всему мѣру знаетъ! Кромѣ Его—ничего!»

— Какъ чувствовалъ себя Илья, сбѣлавшись разносчикомъ-торговцемъ? Какъ онъ велъ себя? О чемъ мечталъ?—Какъ измѣнилось его душевное настроеніе, когда онъ испытывалъ непріятныя впечатлѣнія? На какихъ тѣмныхъ сторонахъ жизни тогда останавливалось его вниманіе? Какое зло видѣлъ онъ въ людяхъ? Что онъ тогда чувствовалъ?—Когда и гдѣ особенно овладѣвала имъ грусть и тревога? Какія думы и чувства переживалъ онъ въ церкви, слушая богослуженіе?—Напишите планъ этого разсказа.

Умственно-словесныя упражненія.

— 1. Какая *потребность души*, вложенная въ нее Богомъ, сближаетъ людей? Какія *чувства* невольно возбуждаются въ душѣ при видѣ больныхъ, несчастныхъ, страдающихъ людей? Какъ поддерживать и развивать въ самомъ себѣ и въ другихъ эту потребность жалѣть и утѣшать страдающихъ?—2. Кого слѣдуетъ жалѣть и любить, какъ *ближняго*, по ученію Христа-Спасителя? Какъ должно относиться къ недостаткамъ другихъ людей и ко злу въ жизни? Гдѣ люди находятъ себѣ утѣшеніе и душевный покой? Почему *религиозное чувство* успокаиваетъ и просвѣтляетъ душу?

Планъ для сочиненія „О любви къ ближнему“.

— 1. Притча Христа Спасителя о милосердомъ Самарянинѣ.—2. Стихотвореніе г-жи Жадовской о ближнемъ.—3. Выводы о томъ, кто намъ ближній.—4. Примѣры изъ жизни: дружная жизнь и ея послѣдствія, враждебная жизнь и ея послѣдствія; доброе дѣло и его послѣдствія, злое дѣло и его послѣдствія.

23. Князь Шуйскій.

Сцена изъ драматической хроники А. Н. Островскаго.

Въ домѣ Шуйскаго. *Шуйскій* и купецъ *Коневъ*.

Шуйскій. Чтѣ, Коневъ, ты скажешь?

Коневъ. Да чтѣ сказать! Въ міру погибла правда, просторъ врагу. Бѣсовское мечтанье ослабило проклятую Москву.

Ослабъ народъ—и смотритъ, да не видитъ:

Царевичемъ разстригу величаютъ.

Шуйскій. Неужто всѣ?

Коневъ.

Да, почитай, что всѣ:

Брестьяне сплошь, торговцы мелочные,

Разносчики и площадная голъ

Отъ радости ликують, даровое

Зачуявши вино. Изъ нашей братьи

Торгующихъ, бояринъ, двое только

Шатаются: и вѣрятъ, и не вѣрятъ.

Привелъ къ тебѣ.

Шуйскій.

Да люди-то надежны ль?

Конёвъ. Церковные строители, любимцы
И ближніе святому *патріарху*,
Ревнители о православной *церкви*.
Шуйскій. Ну, милости прошу. Пускай войдутъ.
Конёвъ (растворивъ дверь).
Не бойтесь боярина, идите!

Входятъ двое *купецъ*.

Шуйскій. Какое ваше дѣло?

1-й купецъ. Мы, сироты,
За спасеньемъ пришли къ тебѣ, бояринъ.

Шуйскій. Чего же вамъ?

1-й купецъ. Пришли за утвержденьемъ,
На чемъ стоять...

2-й купецъ. Ты, вмѣсто патріарха,
Отцомъ намъ будь! *Наставь* и *накажи!*

Шуйскій. Какого же вы, братцы, наказанья
Желаете?

Конёвъ. Увѣрь ты ихъ, бояринъ,
Не върятъ мнѣ, что воръ, разстрига, Гришка,
Богдановъ сынъ, *Отрепьевъ*, по совѣту
Діаволу на *царствъ* утвердился.

1-й купецъ. Бояринъ, такъ?

Шуйскій. Чего же вамъ еще?

2-й купецъ. *Отрепьевъ* ли?

Шуйскій. *Отрепьевъ.*

1-й купецъ. *Побожися!*

Дай руку!

Шуйскій. Вотъ рука, зачѣмъ божиться!
Я цѣловалъ *икону* всенародно
И съ *лобнаго* сказалъ, что онъ *Отрепьевъ*.

Конёвъ. Ну, слышали?

1-й купецъ. Спасибо, князь *Василій*

Ивановичъ! Не погнѣвись за нашу
Любовь къ тебѣ и *дѣрзости!* Мы за ласку
Боярскую челомъ тебѣ! *Напередки*
Не оставляй насъ, мужиковъ.

2-й купецъ. Бояринъ,

А жить-то какъ? Что скажешь,

Тому и быть.

Шуйскій. Живите, какъ хотите.

Терпи, поколь потерпится.

1-й купецъ. А если...

Шуйскій. Никто какъ *Богъ*, и *конченъ* разговоръ!..

Всѣ *купцы* уходятъ.

Шуйскій (одинъ). Сегодня *трое*, завтра будетъ *больше*,
А черезъ мѣсяцъ вся Москва—*моя*.

Безвѣстный царь, бродяга безымѣнный,
 Душой полякъ: какъ дѣвка, малодушень;
 Какъ малолѣтокъ, падокъ на утѣхи;
 Какъ скоморохъ, безъ разума проворень;
 Какъ пьяный дьякъ, болтаетъ безъ умолка.
 Онъ вскормленникъ прямой пановъ хвастливыхъ!
 Не домождать, онъ прыть свою покажетъ,
 И скоро людъ московскій, православный,
 Безчинія такого на престолъ
 Насмотрится, чего во снѣ не снилось!
 Забвенія отеческихъ преданій,
 Божества иноземцевъ надъ святыней,
 На грозномъ тронѣ шутовскихъ забавъ
 Народъ не любитъ... Рано или поздно,
 Бродяга, царь московскій самовольный,
 Поплатится удалой головой.
 Потомъ... потомъ... я—царь. Начнется снова
 И благолѣпіе, и чинность, и порядокъ.
 По-старому мы царствовать начнемъ,
 По-старому, въ день нашего вѣнчанья,
 По всей Русіи, подъ колокольный звонъ,
 Польются милости народу щедро;
 По-старому грозить полякамъ будемъ;
 По-старому... боярская крамола!
 О, Господи! измѣны да опалы!
 Боятся ихъ? Рожденному на тронѣ
 Тяжка она—корона Мономаха!
 А мнѣ—рабу, холопу Годунова,
 Почувствовать себя хоть разъ владыкой,
 Почувствовать, что между мной и Богомъ
 Ни власти нѣтъ, ни силы! О, какихъ же
 Тревогъ, заботъ я побоюсь, какими
 Крамолами во мнѣ смутится сердце!
 Рѣшился я! Отнынѣ каждый подмыслъ
 И каждый шагъ ведутъ меня къ престолу;
 Умомъ, обманомъ, даже преступленьемъ
 Добьюсь вѣнца. О, Господи, помилуй
 Насъ, грѣшниковъ!

— Паны—польскіе баре.—Корона Мономаха—шапка греческаго императора Константина Мономаха, которая перешла къ Московскимъ царямъ, вмѣстѣ съ другими царскими регалиями, когда царь Иванъ Васильевичъ III вступилъ въ бракъ съ греческой царевной Софіей.

— Изложите содержаніе этой сцены въ видѣ разсказа.—О чемъ Шуйскій разговариваетъ съ купцами? На что осторожно подбиваетъ ихъ?—Къ чему онъ стремится? О чемъ мечтаетъ?—Какимъ человѣкомъ рисуется въ этой сценѣ бояринъ Василій Ивановичъ Шуйскій?

24. Смутное время.

Н. И. Костомарова.

Царь Борисъ умеръ скоропостижно въ 1605 году. Сынъ его Феодоръ нарекася царемъ. Но тутъ все войско, которое воевало противъ названнаго Дмитрія, передалось ему. Московскіе люди низвели Феодора Борисовича съ престола, а потомъ, по тайному приказанію названнаго Дмитрія, умертвили вмѣстѣ съ его матерью. Названный Дмитрій сѣлъ на престолъ. Онъ долженъ былъ исполнить слово, которое далъ въ Польшѣ пану Юрію Мнишку, и жениться на его дочери, Маринѣ. По этому поводу Мнишекъ съ дочерью его и съ роднею пріѣхалъ въ Москву, а съ нимъ прибыли туда тысячи двѣ слишкомъ поляковъ. Здѣсь, во время свадебныхъ праздниковъ, поляки стали вести себя нагло, оскорблять народъ, не оказывали должнаго уваженія къ вѣрѣ и русскимъ обычаямъ. Народъ негодовалъ. Пользуясь этимъ, бояре возбуждали народъ бить поляковъ, сами напали на дворецъ и убили самозванца, называвшаго себя Дмитріемъ. Выбрали царемъ князя Василія Ивановича Шуйскаго. Но народъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Василій сѣлъ на престолъ неправильно: не вся земля черезъ своихъ выборныхъ людей избрала его на царство, а прокричали его царемъ и посадили на престолъ благопріятели его и нахлѣбники въ Москвѣ. Начались смуты, бунты. Появились бродяги, называвшіе себя царскими именами, и волновали народъ.

Москвичи низложили царя Василія съ престола и порѣшили пригласить на царство польскаго королевича Владислава. Польское войско подступило къ Москвѣ. Но тогдашній глава духовенства патріархъ Гермогенъ, какъ ему и подобало, яко верховному пастырю, сталъ возбуждать народъ на защиту вѣры. Поляки никакъ не могли его обойти и обмануть. Съ самаго начала Гермогенъ одинъ имъ не вѣрилъ, не терпѣлъ латинства, былъ противъ выбора Владислава, началъ писать грамоты и призывать православный русскій народъ на оборону своей вѣры.

Вскорѣ выступилъ на дѣло спасенія Руси Діонисій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря. Былъ онъ прежде священникомъ, потомъ пошелъ въ монахи и выбранъ былъ братією Троицкаго Сергіева монастыря въ архимандриты. Принявши этотъ санъ, Діонисій тотчасъ отличился дѣлами милосердія. Тогда вездѣ около Москвы поляки ходили по русскимъ селеніямъ и мучили народъ. Въ монастырь приходили мученые крестьяне. Діонисій устроилъ для нихъ больницы, гдѣ нѣкоторые выздоравливали, а другіе умирали и удостоивались христіанскаго погребенія. Діонисій составилъ грамоту, посадилъ у себя въ кельѣ переписчиковъ, приготовилъ такимъ образомъ много списковъ и разослалъ ихъ въ разныя стороны съ людьми, приходившими въ обитель. Съ нимъ трудился тогда келарь Авраамій Палицынъ. Авраамій происходилъ изъ знатнаго рода; вступивши въ монашество, получилъ онъ должность келаря въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ.

— Польша тогда была самостоятельнымъ королевствомъ. Поляки—народъ славянскаго племени, но иного съ нами, русскими, христіанскаго вѣроисповѣданія: не православнаго, а католическаго. Польскіе короли боялись усиленія Московскаго государства и постоянно стремились, какъ бы Москву присоединить къ Польшѣ, а русскій народъ обратить въ католическую вѣру.—Гермогенъ былъ схваченъ поля-

ками и заточенъ въ тюрьму; его оскорбляли и томили голодомъ, отчего онъ вскорѣ и скончался.—**Латинство**—католическое вѣроисповѣданіе: у католиковъ богослуженныя книги и всѣ богослуженія на латинскомъ языкѣ.

— Разскажите о царствованіи и о гибели Самозванца.—Разскажите о царствованіи Василія Ивановича Шуйскаго.—Разскажите о дѣлѣ патріарха Гермогена, архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына.

25. Изъ жизни Діонисія, архимандрита Троице-Сергіевской лавры.

С. М. Соловьева.

Однажды въ Москвѣ—на рынокъ, гдѣ продавались книги, пришелъ молодой монахъ, высокій, стройный, красивый. Глаза всѣхъ обратились на него, и одинъ изъ присутствовавшихъ обратился къ нему съ неприличными словами. Монахъ, вмѣсто того, чтобы осердиться, глубоко вздохнулъ, облился слезами и сказалъ ему: «Да, братъ! я въ самомъ дѣлѣ такой грѣшникъ, какъ ты подумалъ обо мнѣ. Богъ тебѣ открылъ обо мнѣ правду. Если бы я былъ настоящій монахъ, то не бродилъ бы по этому рынку, не скитался бы между мірскими людьми, а сидѣлъ бы въ своей кельѣ: прости меня грѣшнаго, Бога ради, въ моемъ безуміи». Всѣ присутствовавшіе, тронутые этими рѣчами, обратились съ крикомъ на человѣка, который осмѣлился оскорбить достойнаго инока, называли его дерзкимъ, невѣждою. «Нѣтъ, братья, говорилъ имъ монахъ, дерзкій и невѣжда-то я, а не онъ; всѣ слова его обо мнѣ справедливы; онъ посланъ отъ Бога на мое утвержденіе, чтобы мнѣ впередъ не скитаться по рынку, а сидѣть въ кельѣ». Съ этими словами монахъ ушелъ; обидчикъ бросился за нимъ просить прощенія. Этотъ монахъ былъ изъ Старицкаго богородичнаго монастыря, именемъ Діонисій.

— Этотъ самый Діонисій впоследствии былъ архимандритомъ Троице-Сергіевской лавры и въ смутное время разсылалъ грамоты, призывавшія народъ русскій спасать отечество. Онъ скончался въ 1632 году.

— Какимъ человѣкомъ представляется знаменитый архимандритъ Діонисій въ молодости по этому разсказу?

26. Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ.

Сцены изъ хроники А. Н. Островскаго.

Октябрь 1611 г.

Площадь въ Кремлѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, недалеко отъ собора. Начинаеть разсвѣтать. У паперти кучка слѣпыхъ.

Слѣпые (запѣваютъ).

Живаль себѣ *славенъ* на вольномъ свѣту,
Пиваль, ѣдалъ *сладко*, носилъ *хорошо*,
Золотыя одѣжи *богатъ* надѣваль,
Про *милость* про Божью *богатъ* не даваль,
Про *нищую* братью *богатъ* забываль.

А былъ у богатаго *убогій* братецъ:
Восползетъ убогій къ богатому на дворъ,
Закричитъ убогій *громкимъ* голосомъ...

Заря занимается. Народъ выходитъ изъ собора, всѣ утирають слезы. Слышны голоса: «Подайте слѣпому, убогому! Сотворите святую милостыню!» Мальчики уводятъ слѣпыхъ на паперть.

Подходятъ двое.

1-й. Экій плачъ! Эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-й. Да и было отчего. Все тебѣ, какъ на ладонкѣ, видно, какъ Москва гибнетъ, какъ *вѣру* православную попрають. Какъ-же тутъ не заплакать! Чтѣ мы, каменные, что ли! (Проходятъ).

Старикъ и женщина.

Старикъ. Гибнетъ, говоритъ, все наше государство! гибнетъ *вѣра* православная! Легко сказать—гибнетъ *вѣра* православная! Каково это слово! Скажи ты мнѣ, каково слышатъ!

Женщина. Тяжко-то оно слышать *тяжко*, а хорошо, кабы *почаще* намъ эти слова напоминать! А то *живемъ* тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой мѣки не терпимъ; этакъ не то что своихъ *ближнихъ*, и *Бога-то* забудешь. (Проходятъ).

Проходятъ четверо.

1-й. Мы за *вѣру* православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й. А кто-же прочь? Да хоть *сейчасъ* умирать!

Двѣ женщины.

1-я. Ни въ жизнь столько слезъ не видала. Ни на однихъ *похоронахъ* того не бываетъ.

2-я. Ужъ и не говори! Такъ *рыкой* и разливались. Ангѣлы-то съ небеси, чай, *смотрятъ* да *радуются*. (Проходятъ).

Выходитъ народъ и становится стѣнами, образуя улицы для выходящихъ изъ собора. Выходитъ воевода *Алябевъ* съ дьяками.

Воевода (утирая слезы).

Вы *видѣли*, какъ плакалъ весь народъ,

Вы *слышали* тяжелыя рыданья!

Какія слезы! *Боже!* Правъ Кузьма:

Съ такимъ народомъ можно дѣло дѣлать

Великое. Онъ кротокъ, какъ дитя,

Онъ *плачетъ*. Но, *взгляните*, эти слезы—

Не *зныканье* старухъ и стариковъ:

Въ нихъ сила *страшная*; омывшись ими,

Онъ *чистъ* и *твердъ*, какъ камень самоцвѣтный;

Онъ *сбросилъ* тяжесть помысловъ житейскихъ,

И суеты, и будничныхъ работъ,

И вышелъ непороченъ: хотъ на битву
Веди его, хотъ въ монастырь честной,
Хотъ на небо...

Вотъ ты увидишь,
Что этотъ день начало избавленья
Отъ всѣхъ напастей, обстоящихъ насъ.
Народъ проснулся. Даромъ такъ не плачутъ.
Поспѣ ты мнѣ: заря освобожденья
Здѣсь въ Нижнемъ занялась на всю Россію,
Взойдетъ и солнце.
Дьякъ (воеводѣ). Какъ бы намъ твоими
Устами мѣдъ пить.

Воевода. Дастъ ли Богъ дожить?
А доживемъ—увидимъ. Эко чудо!
Все изъ ума нейдетъ. Какія слезы!
Всѣ плакали, отъ мала до велика. (Проходятъ).

Входятъ: Аксёновъ, Тёмкинъ и Губанинъ, торговые люди, Поспѣловъ, боярскій сынъ.

Поспѣловъ. Выходишь отъ обѣдни, помолясь
Съ усердіемъ и дѣсьта поплакавъ,
И такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ;
И подъ ногами ты земли не чуешь;
И ногъ не слышишь; и заря-то ярче
Горитъ на небѣ; точно сладкій медъ
Пьешь воздухъ утренній. Такое диво!
Какая лёгкость для души молитва!
Взялся-бы съ мѣста, да и полетѣлъ!
А день придетъ—забота за заботой
Навалятся, опять потяжелѣешь.
Аксёновъ. Вѣстимо, утромъ человекъ помяче,
Пока не заболтался въ суетѣ;
И разумъ крѣпче, да и воля твёрже,
И особливо помолясь усердно.
Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарычъ
Сказать народу, чтобъ не расходился.
Пожалуй, послѣ всѣхъ и не сберешь,
Да и сердца-то орубить успѣютъ.
Теперь въ соборѣ заказалъ молебнъ
Онъ Ангелу-Хранителю Космъ-
Безсребреннику. Вы поговорите
Съ народомъ-то, пока молебнъ кончатъ.

Тёмкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу—одинъ въ одну сторону, другой въ другую.

Тёмкинъ. Почтенные! Маленько подождите.
Кузьма Захарычъ хотеть говорить.
Губанинъ. Коли не въ трудъ, повремените малость:
Кузьма Захарычъ приказалъ просить.

(Мининъ выходитъ изъ собора).

Мининъ (съ лобнаго мѣста).

Друзья и братья! Русь святая гибнетъ!

Друзья и братья! Православной вѣрѣ,
Въ которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоитъ.

Святители, молитвенники наши,
О помощи взываютъ, молятъ слезно,
Вы слышали ихъ слезное прошенье!

Поможемъ, братья, родинѣ святой!

Чтожъ, развѣ въ насъ сердца окаменѣли?

Не все-ль мы дѣти матери одной?

Не все-ль мы братья отъ одной купели?

Голоса. Мы все, Кузьма Захарычъ, все хотимъ

Помочь Москвѣ и вѣрѣ православной!

Мининъ. И еще, братья, похотимъ помочь,

Не пожалѣемъ нашихъ достоянй!

Не пощадимъ казны и животовъ!

Мы продадимъ дворы свои и дома!

А будетъ мало: женъ, дѣтей заложимъ!

Голоса. Заложимъ женъ! Дѣтей своихъ заложимъ!

Мининъ. Что мѣшкать даромъ, время насъ не ждетъ.

Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы:

Изыщемъ, братія, честнаго мужа,

Которому то дѣло за обычай,

Вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править.

Кто воеводой будетъ?

Голоса. Князь Дмитрій

Михайловичъ Пожарскій!—Князь Пожарскій!

Другого намъ не надо!

Мининъ. Воля Божья!

Пожарскаго избрали мы всемъ миромъ,

Ему и править нами. Гласъ народа—

Гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ

Просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ на спѣхъ.

Теперь, друзья, несите, кто что можетъ,

На дѣло земское, на помощь ратнымъ.

Я, Господи благослови начало,

Свои, копѣенныя и трудовыя,

Все, до послѣдняго рубля, кладу.

Голоса. И мы, и мы,—все за тобой готовы

Отдать свою копѣйку трудовую!...

Что деньги! Деньги дѣло наживное;

Какъ живы будемъ, наживемъ опять.

Мининъ. Да изъ собора я послалъ Нефѣда,

Чтобъ изъ дому несли, что подороже...

Голоса. Все отдадимъ!—Теперь не до нарядовъ!
Въ нарядахъ суета мірская ходитъ!

Начинаются приношенія.

Мининъ. Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну!
Ты, дѣдушка,—не знаю, какъ назвать-то,
Постой у денегъ! Принимайте вѣстятъ!

Аксеновъ и старикъ всходятъ на лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходить... Народъ болѣе и болѣе тѣснится у лобнаго мѣста. Начинаютъ приносить даже вещи.

Входитъ Колзаковъ, стрѣлецкій сотникъ.

Колзаковъ (Минину). А я что дамъ? До нитки домотался!
А надо бы беречь на черный день!
И у меня добра довольно было,
Да сплыло все. Теперь людямъ завидно.
Не то завидно, милый человекъ,
Что хорошо живутъ, да чисто ходятъ;
А то завидно, что добро несутъ,
А мнѣ вотъ нечего. И одежонка
Вся тутъ... Да! Погоди! Тельникъ на шеѣ,
Серебряный, большой. Ну, слава Богу!
Нашлось-таки, что Господу отдать!
Возьми! Возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни
Пойдетъ на дѣло и моя копейка!

Входитъ Марѳа Борисовна, богатая вдова; за ней несутъ сундуки и ларцы.

Марѳа Бор. Богатое наслѣдство мнѣ осталось
Отъ мужа моего и господина.
Отцы и дѣды прежде накопили,
А онъ, своимъ умомъ и счастьемъ, много
Бъ отцовскому наслѣдью прибавилъ,
И умеръ въ раннихъ лѣтахъ; не судилъ
Ему Господь плоды трудовъ увидѣть,
Покрасоваться нажитымъ добромъ.
Благословенья не было отъ Бога
Мнѣ на дѣтей,—однимъ-одна осталась
Хозяйкою несчетнаго добра,
Добра чужого,—я съ собою мало
Въ домъ принесла. Искала я родныхъ;
Родни его ни близкой не осталось,
Ни дальней. Вздумала я—догадалась
Раздать казну за упокой души,
И весело мнѣ стало, что заботу
Такую дорогую Богъ послалъ.
И вотъ, благословясь, я раздавала...
И не могла раздать. Все прибавлялось,—
То долъ несутъ, то кортому съ угодій.

И не внуши вамъ *Богъ* такого дѣла,
 Ни въ жизнь бы мнѣ не расчитаться съ долгомъ.
 Тутъ много тысячъ! *Сытые, не считайте!*
 На добрыя дѣла, на обиходъ
 Еще немного у меня осталось.
 Если нужда вамъ будетъ, такъ возьмѣте.
 А мнѣ на что! Съ меня и такъ довольно—
 Однихъ *угодій* хватить на прожитокъ.

Уходитъ. Народъ все больше прибываетъ.

Одинъ. Вотъ шесть *алтынъ*, двѣ *денги!*

Другой.

Зипунйшко!

Голоса. Вотъ наши деньги изъ *кваснаго* раду!—

Изъ *рукавичнаго!*—Отъ *ярославцевъ!*—

— *Костромичи* собрали—принимайте!...

Постыловъ. Вотъ праздникъ, такъ ужъ *праздникъ!* Ну, веселье!

Мининъ. И я смотрю: *душа* во мнѣ растеть.

Не *явно-ли* благословенье Божье!

Теперь у насъ и *войско*, и *казна*,

И *полководецъ*. Недалѣко время,

Когда, вооружась и окрылатѣвъ,

Какъ *непоборные орлы*, помчимся

И *гранемъ* на враговъ. Пусть *лютый врагъ*,

Какъ *левъ*, зіяеть, *бѣсомъ* вооружаемъ;

Не *страшенъ* намъ *злехитрый ковь* его!

За насъ *молитвы* цѣлаго народа,

Дѣтей и *женъ* и *старцевъ* многолѣтнихъ,

И *пѣнье иноковъ*, и *клиръ* церковный,

Елей *лампадъ*, *курение кадиль!*

За насъ *угодники* и *чудотворцы*,

И *легіоны грозныхъ силъ* небесныхъ,

Полкъ *ангеловъ* и *Божья* благодать!

— Козьма Захаревичъ Мининъ былъ посадскій староста въ Нижнемъ Новгородѣ.—
 Святители—патріархъ Гермогенъ, архимандритъ Троице-Сергіевой лавры Діонисій и
 келарь лавры Авраамій Палицынъ: они разсылали по городамъ грамоты, призывая
 русскій народъ спасать отечество. Чтеніе такой-то грамоты въ соборѣ Н.-Новгорода
 и вызвало общія слѣзы.—Нефѣдъ—сынъ Минина.—Стрѣлецкій сотникъ: стрѣльцами
 въ Московскомъ государствѣ называлось постоянное наѣмное войско.—Кортома—
 оброкъ за землю.—Угодья—полевая земля, луга и т. п.

— Гдѣ и когда происходитъ дѣйствіе?—О чемъ говорятъ люди, выходящіе
 изъ собора? Что узнаемъ мы изъ ихъ разговоровъ о положеніи Русской земли
 и о нихъ самихъ?—Разскажите объ этихъ людяхъ, не приводя ихъ словъ.—
 О чемъ говорятъ *Аксѣновъ*, *Тѣмкинъ*, *Губанинъ*? Что узнаемъ изъ ихъ словъ
 о Козьмѣ Захаревичѣ *Мининѣ*?—Разскажите о нихъ, не приводя ихъ словъ.—
 О чемъ говорилъ *Мининъ* народу? Какое впечатлѣніе произвели на народъ его
 слова?—Какъ это впечатлѣніе обнаружилось въ дѣйствіи?—Разскажите все, что

узнали, о *Колзаковъ*, о *Марѣ Борисовнѣ*, о *Мининѣ*.—Что *общаго* между всѣми этими людьми въ эту минуту? О чемъ всѣ они думаютъ, что чувствуютъ, чего желаютъ? Въ комъ эта *дума* объ отечествѣ, эта *любовь* къ отечеству, это *желаніе* спасти его обнаруживается особенно сильно и какъ именно?—Изложите содержаніе этого *драматическаго* сочиненія въ видѣ простаго *разказа*.

27. Воцареніе Михаила Ѳеодоровича Романова.

А. С. Пушкина.

Москва была освобождена Пожарскимъ, польское войско удалилось... Отечество отдохнуло и стало думать объ избраніи себѣ новаго царя. Выборные люди отъ всего государства стеклись въ разоренную Москву и приступили къ великому дѣлу. Долго не могли рѣшиться. Вдругъ, посреди преній и всеобщаго недоумѣнія, произнесено было имя Михаила Романова.

Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ сынъ знаменитаго боярина Ѳеодора Никитыча, нѣкогда сосланнаго царемъ Борисомъ и неволею постриженнаго въ монахи, изъ монастырскаго заточенія возведеннаго на степень митрополита ростовскаго. Отецъ Ѳеодора Никитыча, Никита Романовичъ, былъ женатъ на сестрѣ царя Іоанна Васильевича и, слѣдовательно, юный Михаилъ Ѳеодоровичъ по женскому колѣну происходилъ отъ Рюрика. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ испыталъ онъ превратности судьбы. Младенцемъ раздѣлялъ онъ заточеніе съ матерію своею, Ксенією Ивацовой, въ 1600 году подъ именемъ инокини Марѣи постриженной въ пустынномъ Онѣжскомъ монастырѣ. Лжедмитрій, опредѣливъ имъ приличное роду ихъ содержаніе, перевелъ ихъ въ костромской Іпатіевскій монастырь.

Планъ для сочиненія „О воцареніи дома Романовыхъ“.

1. Дмитрій царевичъ.—2. Самозванцы.—3. Поляки.—4. Патріархъ Гермогенъ, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ.—5. Дѣло Минина.—6. Побѣда Пожарскаго.—7. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

28. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

В. И. Водовозова.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, кроткій и набожный, вступилъ на царство изъ монастыря 17-ти лѣтъ отъ роду и не имѣлъ необходимой для управленія опытности. Тогда всѣмъ распорядились родственники его матери, инокини Марѣи, Салтыковы, люди своекорыстные и неспособные. Но дѣло пошло лучше, когда вернулся изъ польскаго плѣна отецъ Михаила, Филаретъ. Избранный въ патріархи, онъ сталъ завѣдывать всѣми и церковными, и мірскими дѣлами. Удаливъ Салтыковыхъ, онъ старался ввести болѣе порядка въ управленіи, строго преслѣдовалъ лихоимство воеводъ. Много было заботъ объ охранѣ мирныхъ русскихъ людей и отъ разбойниковъ, и отъ внѣшнихъ враговъ, особенно отъ шведовъ, поляковъ и татаръ... Въ то время у насъ не было постояннаго войска, а въ случаѣ войны—бояре и дворяне выставляли со своихъ

помѣстій извѣстное число вооруженныхъ людей, или сами шли на службу. Но начало постоянному войску было положено учрежденіемъ стрѣльцовъ, число которыхъ старались увеличить, призывая въ это войско людей, умѣвшихъ хорошо стрѣлять. Стрѣльцы пользовались большими правами, имѣли свой судъ и управлялись своими головами; они жили въ Москвѣ, откуда ихъ посылали на службу въ разные города. Для обученія военному искусству призывали иностранцевъ, принимали на службу и цѣлыя иностранные отряды и выписывали изъ за-границы ружья.

Въ Москвѣ число иноземцевъ стало увеличиваться; при царскомъ дворѣ жили на жалованьи иноземные лѣкаря, аптекаря, часовщики и другіе мастера. Нѣкоторые изъ иностранцевъ развѣдывали руду, строили желѣзные и мѣдные заводы.

Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался въ 1645 г., и на престолъ вступилъ сынъ его, Алексѣй Михайловичъ.

— Расскажите о царствованіи Михаила Ѳеодоровича Романова и о заслугахъ патріарха Филарета.

29. Боярская жизнь въ древней Руси.

Изъ народнаго стихотворенія.

Соизвольте *выслушать*, люди добрые, слово вѣстное,
 Какъ въ стары годы *прежніе* жили люди *старые*.
 Живали-то старики *не по-нашему*,
 Не по-нашему, *по-заморскому*.
 Вставали *ранымъ-раненько*, съ утренней зарей;
 Умывались *ключевой водой* со *блгой росой*;
 Молились *всѣмъ святымъ* и *угодникамъ*;
 Кланялись *всѣмъ роднымъ*, отъ востока до запада;
 Выходили на *красень* крылецъ со рѣшеточкой,
 Созывали *слугъ вѣрныхъ* на *добры дѣла*.
 Старики *судъ* рядили, молодые *слушали*;
 Старики придумывали *крѣпкія думушки*,
 Молодые бывали на *посылушкахъ*..
 А что было, то *быльемъ* поросло,
 А что будетъ, то будетъ *не по-старому*, а *по-новому*.

— Слово вѣстное—извѣстіе.—Крылецъ—крыльцо.—На посылушкахъ—исполняли то, что придумывали, что рѣшали старики.

— Какъ изображается въ этомъ стихотвореніи *боярская жизнь* въ древней Руси?—Что было въ этой жизни хорошаго?—Такова ли теперь жизнь русскихъ людей?—Можетъ ли быть, чтобы людская жизнь всегда была одинакова?—Какъ объ этомъ говорится въ стихотвореніи?

30. Нѣвѣства при дворѣ Царя Алексѣя Михайловича.

Г. П. Давилевскаго.

Прошло много лѣтъ со вступленія на престолъ царя Алексѣя Михайловича. Новыя времена были не за горами. Носились странныя слухи. Молва передавала вѣсти о потѣшныхъ теремахъ въ Кремлѣ и въ селѣ Коломенскомъ. Иноземцы отписывали на родину о присылкѣ Московскому двору новыхъ заморскихъ игрушекъ и выхваляли щедрость и общедоступность царя... Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, любимецъ царя, въ тишинѣ своихъ палатъ изыскивалъ способы къ отпечатанію разумныхъ книжекъ. А въ теремномъ царскомъ саду его же холопами сооружалась потѣшная площадка и прудъ для младшаго царевича, четырехлѣтняго младенца Петра; на площадкѣ устанавливались деревянныя пушки, а на прудѣ пускались маленькіе катеръ и шлюпка.

Къ царскимъ забавамъ приглашались и заморскіе послы. Царь не разумѣлъ чужеземныхъ языковъ, послы же не понимали по-русски; но посредствомъ переводчиковъ дѣло улаживалось, и заморскіе гости, возвращаясь домой, не могли нахвалиться царскими ласками и царскими угощеніями... Царь говорилъ съ ними о торговлѣ и о чужихъ странахъ, о наукѣ и о морскомъ дѣлѣ; говорилъ, что намѣренъ улучшить у себя воинское и сѣудное дѣло; говорилъ, что онъ уже охладѣваетъ къ охотѣ, и спрашивалъ, какъ бы ему завести настоящей театръ съ комедіантами, такой, какой, по слухамъ, заведенъ у польскаго короля... Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ заморскія игры и забавы, но не было для него ничего слаще, какъ слушать, въ часы отдыха, разнообразныя и поучительныя повѣствованія русскихъ странниковъ. «Въ ихъ рѣчахъ о старинѣ, говорилъ онъ, складные уроки для новаго времени; а въ разказахъ о новомъ времени познаешь то, чего не увидѣть своими глазами!» Лучшаго изъ своихъ повѣствователей, Венедикта Тимофеева, царь оплакалъ и проводилъ, какъ друга, до могилы. Онъ поистинѣ былъ скрижалю лѣтъ давно минувшихъ и услаждалъ царскіе досуги былинами о кievскихъ и новгородскихъ князьяхъ и богатыряхъ и о татарщинѣ... Когда иностранцы расходились съ царскихъ вечеровъ, два стрѣльца вносили и ставили на столъ передъ царемъ невысокій желѣзный ящикъ, съ ликами святыхъ угодниковъ по сторонамъ и съ скважиною въ крышкѣ. Ящикъ былъ запертъ на замокъ, ключъ отъ котораго висѣлъ у царя за поясомъ... Этотъ ящикъ прикрѣплялся къ столбу, у оконъ, для всѣхъ проходящихъ.

«А, челобитныя! Это по твоей части, Фролъ Демьяновичъ!» говорилъ Царь, обращаясь къ низенькому сѣдому старичку, правившему сѣудными дѣлами, и подавая Демьянычу для прочтенія челобитныя, опущенныя въ ящикъ съ утра того дня.

Старичекъ читалъ: «Челобитная на Степанка, да на Иванка, да на Алексѣйку Карнаухова, да на Никитку Груздева. Бьютъ тебѣ, великому царю и государю всея Русіи, сироты твои, крестьяне, Артѣмка, да Лука, да Кости Суздальскіе. А намъ, господине, жалоба на нихъ, что взяли они у насъ и оттягали прудъ и меленку, а гуси ихъ огороды наши, и сады, и грядки портятъ. Смилуйся, батюшка, и защити!»

— Отпиши, Демьянычъ, къ воеводѣ, чтобъ собралъ и выслушалъ челобитчиковъ, и дѣло бы рѣшилъ, и намъ бы отписалъ.

Старикъ продолжалъ: «Челобитная тебѣ, великому царю и многомиловцу, сирыхъ защитнику и правды поборнику, на ярославскаго воеводу, на грабителя и губителя. Заграбилъ онъ у насъ, сиротъ, и у немощныхъ, и убогихъ, всякое состояніе и гонить всѣхъ и губить. Донесеніе смиреннаго раба и богомольца твоего инока Евстигнея».

Долго царь не произносилъ рѣшенія. На послѣдокъ онъ сказалъ:

— Нарядить сейчасъ гонца за воеводу, везти сюда его неуклонно. Давно я считаю за нимъ грѣхъ и добираюся до него. Инока же Евстигнея подъ стражу взять и держать до конца дѣла. Правъ будетъ—дать ему мѣсто архимандрита, али вотчину изъ воеводскихъ, а нѣтъ—такъ батогъ! Смотри, Демьянычъ, не покривить душою! Гляди, чтобъ судьи судили поистинѣ, правили бы дѣло по правдѣ и отнюдь бы не стыдились лица сильныхъ!—Старикъ читалъ далѣе:

«Батюшка царь, берегись! Тебя извести хотятъ! Андрейко Лодіевъ да Сухоня Василій, да попovichъ Серѣжка, на торгу, на Москвѣ-рѣкѣ, онамедни ходили и хвалились извести тебя, и всякія зелья собирали, и злобныя словеса говорили, и тебя, и твоихъ бояръ корили, и царское твое имя поносили...»

Царь не дослушалъ:

— Брось, Демьянычъ, эту ябеду, да и самъ не читай, кто ее писалъ! Мало ли что языки мелютъ! Одни корятъ и хулятъ, другіе хвалятъ! Коли смотрѣть на собаку, что лаеетъ, такъ еще подумаетъ, что на льва похожа.

Демьянычъ прочелъ еще двѣ-три незначительныя челобитныя. Въ одной погорѣлые крестьяне просили помощи, а въ другой жена жаловалась на мужа. Царь велѣлъ произвести слѣдствіе, пожаловать погорѣлыхъ крестьянъ; а обвиняемаго мужа, коли окажется виноватымъ, постращать хорошенько, чтобы жилъ въ мирѣ и согласіи съ женою.

Царь снова заперъ челобитный ящикъ, отдалъ Фролу Демьяновичу и пошелъ въ опочивальню. Тамъ онъ зажегъ лампадку у образа Казанской Богородицы и долго молился.

— Царь Алексѣй Михайловичъ, сынъ перваго русскаго царя изъ рода Романовыхъ, Михаила Феодоровича, царствовалъ болѣе 30 лѣтъ (1645—1676). Благочестивый и набожный, ласковый и заботливый, онъ всегда оставался истинно-русскимъ православнымъ человѣкомъ, но не чуждался иностранцевъ, а старался перенимать у нихъ все полезное и хорошее. При немъ уже началось то сближеніе Россіи съ образованными народами Западной Европы, которое вскорѣ совершилъ его сынъ, Петръ Великій.—Судное дѣло улучшить—установить правосудіе, правду и милость на судѣ; по волѣ царя Алексѣя Михайловича, русскіе законы были приведены въ порядокъ, исправлены, дополнены и изданы подъ названіемъ «Соборнаго Уложенія».—Охота за дикими птицами и звѣрями была любимой забавой царя Алексѣя Михайловича.—Театръ былъ забавой, которую русскіе переняли у иностранцевъ. Первые театральныя представленія были устроены при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ его любимымъ бояриномъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ. Матвѣевъ былъ человѣкъ начитанный и съ большимъ умомъ.—Челобитныя—жалобы, прошенія, отъ «бить челомъ», т. е. жаловаться, просить о чемъ-нибудь.

— Напишите *планъ* этого разсказа.—Какимъ человѣкомъ и какимъ царемъ представляется въ разсказѣ Алексѣй Михайловичъ?—Какія новшества появились на Руси по волѣ царя?

31. Спаситель.

Л. А. Мея

Какъ *любилъ* государь, православный царь,
Алексѣй—государь—свѣтъ *Михайловичъ*.
 Какъ *любилъ* государь—больно *жаловалъ*
 Ту *потѣху* свою государскую,
 Ту *охоту* свою соколиную.
 Да *любилъ* государь позабавиться—
 Заоблавить въ дубравѣ сохатаго,
 Аль расправить плечо неподатное
 И *медведя* поднять на рогатину.
 Вотъ и было къ *веснѣ*, о грачевникѣ,
 Приѣзжаетъ *Государь* со боярами
 Въ свою *отчину* городъ—Звенигородъ—
 Помолиться святому Угоднику,—
 Въ келью сталъ къ самому *настоятелю*.
 Будетъ такъ о *полуднѣ* на третій день,
Мужичекъ и приходитъ къ келейнику:
 «Обошелъ я *медведя* для батюшки,
 Для царя *Алексѣя* Михайловича,
 Тамъ и тамъ: *матердой* да *породливый*,
 Только *царской* рукѣ и *угодливый*.
 Доложили *царю*—*усмѣхается*,
 А съ самимъ съ собой *думушку* думаетъ:
 «Аль пойти—въ *одиночку* помѣряться,
 Въ *молодецкой* *удачѣ* провѣряться?»
 И *пошелъ*... За плечами *рогатина*,
 А у пояса *ножъ* *златокованный*...
 И *пошелъ* монастырскою *пѣщюю*...
 Видитъ—*трѣпка* проложена подъ снѣгу,
 И промерзлые сучья *надломлены*—
 «Быть *сюда!*» И *пошелъ*, *незадумавшись*,
 По *тропѣ* снѣговой, межъ березами.
 Что ни *шагъ*, то нога *оступается*,
 Въ снѣгъ уходитъ по-берцу, а *дохобень*
 Заметаетъ сугробы, а *инеемъ*
 Вся *бобровая* шапка осыпана...
 Засвѣтилась *полянка*... Подъ соснами
 Куча *хвороста* снѣгомъ *надавлена*,
 Бѣлый паръ такъ и *вѣлится* въ отдушину;
 Тутъ берлога. И Царь *споровляется*:
 У рогатины *жадо* осматривалъ,
Поясокъ свой шелковый *подтягивалъ*,
 Съ плечъ спустилъ *соболѣнный* свой *дохобень*
 И *задумалъ* загадку *мудреную*:
 «Быть не быть, а *свалить* *косолапаго*...

Не управлюсь — и *Русь* не управится,
А управлюсь — на *вѣки* прославится.»

И поднѣлъ онъ *корягу* изъ-подъ снѣга,
И ударилъ корягой по хвѣросту:
И медвѣдь заревѣлъ, инда *дерево*
Надъ берлогой его *закачалось*, —
Показалъ онъ башку *желтоглазую*,
Вылѣзъ вонъ изъ берлоги съ *олядкою*,
Дыбомъ сталъ и *полѣзъ* на охотника,
А полѣзъ — угодилъ на *рогатину*;
Подъ косматой лопаткою *хрѣстнуло*,
Чернобурая шерсть *побагровѣла*.
Обозмилъ медвѣдь и *рогатину*
Перешибъ *пополамъ*, словно жердочку,
И подмялъ *подъ себя* онъ охотника;
И *налегъ* на него всею тушею.
Не *сробѣлъ* Государь — руку къ *поясу*, —
Хвать! анъ *ножъ-то* его *златокованный*
И *сорвался* съ цѣпочки *серебряной*.
Воздохнулъ Государь — и въ послѣднее
Оспнилъ онъ себя *крестнымъ знаменьемъ...*

Вдругъ *скользнула* съ плеча его *царскаго*
Стопудовая лапа медвѣжая;
Разогнулись *когти* и *замерли*,
И медвѣдь *захрипѣлъ*, какъ *удавленный*,
И *свалился* онъ на бокъ *колодою*.
Глянулъ Царь — видитъ *старца* *маститаго*:
Ряса ѱнока; *взглядъ благовѣстника*;
Въ шуйцѣ *крестъ* *золотой*, а *десницею*
Опустилъ онъ *топоръ* *окровавленный*.
Поднялся Государь — *нѣту ѱнока*,
Какъ *во снѣ* приходилъ — и *никѣмъ* *кого*
На полянкѣ и между *деревьями*,
Только *звѣрь* *околѣлый* *валяется*,
И *башка* у него *вся* *раскроена*.

Постоялъ Государь, *поглядѣлъ* *кругомъ*
И пошелъ въ *монастырь*, *призадумавшись*.
А пришелъ, все *сказалъ настоятелю*.
И велѣлъ *привести чѣстныхъ цюковъ*
Передъ *очи* его *государевы*:
Всѣ *пришли*, а его *избавителя*
Между *чѣстными старцами* *не было*.
Царь и *крѣпче* того *призадумался*.
«*Помощь свыше*, *десница Господняя!*»
Молвилъ онъ и пошелъ въ *церковь* *Божію*.
Тамъ на *царское мѣсто*, у *кѣлироса*,
Становился и началъ *молитися*

Передъ образомъ свѣтлымъ Угодника;
 Да какъ *лянулъ* на ликъ Преподобнаго—
 Такъ и *палъ* на чело свое царское:
Понялъ—кто былъ его избавителемъ.
 На другой день, за *ранней* обѣдней,
Отслужилъ онъ молебень Угоднику
 И вернулся къ *Москвѣ* бѣлокаменной.
 А вернувшись къ *Москвѣ* бѣлокаменной,
 Ко *двору* своему златоверхому,
Приходилъ Государь, не откладывая,
 Въ терема къ *государынь* ласковой,
 Что своей ли Натальѣ Кирилловнѣ,
 Слѣзно съ ней обнимался, *здоровался*,
 И *сажалъ* Государь, ухмыляючись,
 На колѣни меньшого *царевича*,
 Государя *Петра Алексича*,
 Цѣловалъ, миловалъ, *приговаривалъ*:
 «Охъ ты, *дитятко*, сердце строптивое,
Спозарамокъ въ тебѣ, мое дитятко,
Расходилася кровь богатырская,
 На румяныхъ щекахъ *заалтлася*,
 Въ соколиныхъ очахъ *загортлася*.
Подростѣшь ты, случится *безвременье*—
Разобидятъ завѣстники-недрузи,
 Аль наступятъ на *Русь*, на кормилицу,
 И пойдѣшь ты *войною* на враговъ,
 Не надѣйся на *силу* могучую,
 А надѣйся на *милость* Господнюю,
 Да попомни ты слово *отцовское*:
 Охраняютъ святыя *угодники*
 И *Господь* благодатью пожаловалъ
 Домъ *честной* Пресвятой Богородицы,
 Вседержавную *Русь* православную!»

— Заоблавить звѣря—устроить облаву, чтобы звѣрь не ушелъ.—Соколиная охота—охота съ соколомъ: соколъ—сильная хищная птица съ зоркими глазами и быстрымъ полѣтомъ; соколовъ приучали для охоты за птицами.—Сохатый—лось, крупное двукопытное животное съ большими рогами, которое и теперь водится въ сѣверныхъ лѣсахъ.—Рогатина—острая пика, съ какою смѣлые охотники одинъ на одинъ ходятъ на медвѣдя.—Грачевникъ—пора, когда прилетаютъ грачи, вѣстники весны.—Звенигородъ—нынѣ уѣздный городъ Московской губернии.—Угоднику: близъ Звенигородскаго (память его празднуется 3 декабря).—Охобень—широкая верхняя одежда.—Наталья Кирилловна, урожденная Нарышкина, была вторая супруга царя Алексѣя Михайловича, отъ которой родился царевичъ Пѣтръ, будущій императоръ Пѣтръ Великій.

— Изложите народное *преданіе*, которымъ воспользовался поэтъ, чтобы дать живой образъ царя Алексѣя Михайловича.—Какія черты характера царя особенно ярко рисуются въ этомъ разсказѣ и въ чемъ именно?

32. Казачество и Малороссія.

Изъ книги «Въ школь и дома».

Во время татарскаго разоренія на Руси было много людей бездомныхъ, обездоленныхъ. Такіе люди, прозванные *казаками*, стали уходить въ южно-русскія степи. Они собирались въ шайки, выбирали изъ своей среды начальника (*атамана*) и занимались то войной съ татарами и турками, то разбоемъ и грабежомъ. Къ нимъ присоединялись разные бѣглецы и удалцы, которымъ хотѣлось погулять на волѣ. Казачество росло. Главныя казацкія селенія были по нижнему теченію Дона, по Днѣпру, по Яику (Уралу).

Казаки, поселившіеся по Днѣпру, образовали Малороссійское или Украинское казачество, и вся страна по среднему теченію Днѣпра, съ городомъ Кіевомъ, стала называться Малороссіей. Безсемейные же удалцы изъ малороссійскихъ казаковъ уходили на Днѣпровскіе острова; здѣсь образовалось удалое казацкое братство—*Запорожская стѣчь*. Запорожцы вели войну съ татарами, съ турками, съ поляками.

Малороссія добровольно подчинилась польскому королю, но поляки оскорбляли и притѣсняли православную вѣру, хотѣли сдѣлать казаковъ крѣпостными работниками польскихъ помѣщиковъ (пановъ). Малороссія поднялась противъ Польши; къ ней пристала и Запорожская стѣчь. Началась война, и не мало между казаками было героевъ, положившихъ жизнь за вѣру и отечество. Когда гетманомъ (главнымъ атаманомъ) сдѣлался Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, казаки стали одолевать поляковъ, а когда за Малороссію заступился Московскій царь Алексѣй Михайловичъ, тогда польскому королю пришлось навсегда отказаться отъ правъ на Малороссію: она вошла въ составъ Русскаго государства (1654 г.).

— Какъ на Руси образовалось *казачество*?—Гдѣ были главныя казацкія селенія? Что такое *Запорожская стѣчь*?—Изъ-за чего Малороссійское казачество вело упорную борьбу съ Польшей? Чѣмъ эта борьба окончилась?—Напишите *планъ* этой статьи.

33. Молодые казаки ѣдутъ въ Запорожье.

Н. В. Гоголя.

« Бульба тѣшилъ себя заранѣе мыслью о томъ, какъ онъ явится съ двумя сыновьями своими на Стѣчь и скажетъ: «Вотъ посмотрите, какихъ я молодцовъ привелъ къ вамъ!»...

— Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!—сказалъ Бульба.—Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову; а не то—пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ, и на огнѣ спасаетъ.

Мать слабая, какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, на дѣла имъ, рыдая, на шею.

— Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ.

Далѣ она не могла говорить. «Ну, пойдѣмъ, дѣти!» сказалъ Бульба...

Какъ увидѣла мать, что и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшему. Она схватила его за стремя, она прильнула къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, со всею легкостью дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала она за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ нихъ съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностью. Ее опять увели... Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который съ своей стороны былъ тоже нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю; только видны были надъ землею двѣ трубы скромнаго ихъ домика, да вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазали какъ бѣлки; еще стлался передъ ними тотъ дугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни, отъ лѣтъ, когда валялись по росистой травѣ его... Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла. Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все! Все три всадника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ... Сыновья его были заняты другими мыслями...

А между тѣмъ степь уже приняла ихъ въ свои зеленыя объятія, и высокая трава, обступивши, скрыла ихъ, и только черныя казачьи шапки одишь мелькали между ея колосьями...

Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, была зеленою, дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растений. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничего въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтико-образными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями ширыяли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячею разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ вѣсть въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она повернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ...

Черезъ три дня они были уже недалеко отъ мѣста, бывшаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухъ вдругъ заходило; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе, и наконецъ охватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра,

гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ, наконецъ, свое. Казаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и, черезъ три часа плаванія, были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣчь, такъ часто перемѣнявшая свое жилище.

— Тарасъ Бульба былъ казачій полковникъ, непримиримый врагъ поляковъ, всю жизнь боронившійся за родную страну и православную вѣру.

— Раздѣлите рассказъ на части и опредѣлите кратко содержаніе каждой части, чтобы получился планъ рассказа.

34. Геройская смерть казака.

Н. В. Гоголя.

Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ съ своимъ полкомъ, выжегъ восемна-
дцать мѣстечекъ, близъ сорока костѣловъ и уже доходилъ до Кракова. Много избилъ онъ поляковъ, разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе замки... «Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!» (его сынъ, замученномъ поляками) приговаривалъ только Тарасъ...

Шесть дней уходили казаки проселочными дорогами отъ всѣхъ преслѣ-
дованій; едва выносили кони необыкновенное бѣгство и спасали казаковъ... Но Потоцкій неумоимо преслѣдовалъ ихъ и настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для роздыха оставленную развалившуюся крѣпость.

Надъ самой кручей у Днѣстра-рѣки виднѣлась она своимъ оборваннымъ валомъ и своими развалившимися останками стѣнъ. Щербнемъ и разбитымъ кирпичомъ усѣяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Тутъ-то, съ двухъ сторонъ, прилежащихъ къ полю, обступилъ казаковъ Потоцкій. Четыре дня бились и боролись казаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, рѣшился Тарасъ пробиться сквозь ряды. И пробились-было уже казаки и, можетъ быть, еще разъ послужили бы имъ вѣрно быстрые кони, какъ вдругъ, среди самаго бѣга, остановился Тарасъ и крикнулъ: «стой! выпала люлька съ табакомъ,—не хочу, чтобы и люлька досталась вражѣмъ ляхамъ!» И нагнулся старый атаманъ и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную спутницу на моряхъ и на сушѣ, и въ походахъ, и дома. А тѣмъ временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи. Двинулъ-было онъ всѣми членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдукъи. «Эхъ, старость, старость!» сказалъ онъ, и заплакалъ старый казакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла силу. Мало не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ. «Попалась ворона!» кричали ляхи. «Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собацѣ, лучшую честь воздать.» И присудили—сжечь его живого на виду всѣхъ. Тутъ же стояло нагое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули Тараса желѣзными цѣпями къ древесному стволу; гвоздемъ прибили ему руки и, приподнявъ его повыше, чтобы отовсюду былъ виденъ казакъ, принялись тутъ-же раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его; глядѣлъ

онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки, — ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе, кричалъ онъ, горку, что за лѣсомъ: туда не подступать они!» Но вѣтеръ не донесъ его словъ. «Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что!» говорилъ онъ отчаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре **к о р м ы**, собралъ всю силу голоса и зѣчно закричалъ: «къ берегу! къ берегу, хлопцы, спускайтесь подгорной дорожкой, что налѣво. У берега стоятъ чѣлны, всѣ забирайте, чтобы не было погони.» На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны казаками. Но за такой совѣтъ достался ему тутъ же ударъ обухомъ по головѣ, который переверотилъ все въ глазахъ его...

Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и глянулъ на Днѣстръ, уже казаки были на чѣлнахъ и гребли вѣслами; пули сыпались на нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у стараго атамана. «Прощайте, товарищи! кричалъ онъ имъ сверху: вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Чтѣ взяли, чортовы ляхи? думаете есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Постоите же, придетъ время, узнаете вы, чтѣ такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымается изъ Русской земли царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему!»

А уже огонь подымался надъ костромъ, захватилъ его ноги и разостлался пламенемъ по дереву.

— **Кастель** — католическая церковь. — **Геройская смерть** — смерть героя. — **Герой** — человекъ, который забываетъ о себѣ, думая о другихъ, о родинѣ, объ отечествѣ, о вѣрѣ, жертвуя для нихъ своимъ благополучіемъ, своей жизнью. — **Краковъ** — польскій городъ. — **Замонъ** — домъ, укрѣпленный для защиты стѣнами, башнями, рвомъ. — **Ляхи** — поляки. — **Потоцкій** — смѣлый польскій военачальникъ. — **Днѣстръ** — рѣка, впадающая въ Черное море. — **Люлька** — трубка (у малороссовъ). — **Гайдуки** — простые воины или слуги. — **Корма** — задняя часть лодки. — **Чѣльнъ** — лодка.

— Почему Тарасъ Бульба намъ представляется *героемъ*? — Въ чемъ его *героизмъ*?

35. Петръ Великій.

Изъ книги «Въ школь и дома».

Петръ родился 30 мая 1672 г. и послѣ смерти отца остался ребенкомъ. Царствомъ управляла его сестра, царица Софія Алексѣевна, а царевичъ жилъ со своей матерью въ селѣ Преображенскомъ, подъ Москвой. Съ дѣтства въ немъ обнаруживалась необыкновенная жажда знанія и любовь къ книжному ученью. Онъ познакомился съ иностранцами, жившими въ Москвѣ, многому отъ нихъ научился и наслушался рассказовъ о томъ, какъ живутъ люди въ чужихъ земляхъ. Нравилась ему та жизнь, и рано онъ сталъ думать о просвѣщеніи русскаго народа, о сближеніи Россіи съ образованными народами западной Европы. Прежде всего ему казалось необходимымъ завести въ Россіи правильное, хорошо обученное войско и корабли для мореплаванія (флотъ). Онъ собралъ подростковъ, обучилъ ихъ и устроилъ потѣшное войско.

Нашелъ онъ случайно въ амбарѣ, въ селѣ Измайловѣ, верстахъ въ 7 отъ Москвы, заброшенный иностранный ботикъ (лодку); ему сказали, что эта лодка можетъ ходить на парусахъ и по вѣтру, и противъ вѣтра, только надо ее починить. Лодку починили и спустили на рѣку Яузу; Петръ плавалъ на ней и научился ея управлять. Вскорѣ онъ завелъ цѣлый потышный флотъ на Переяславскомъ озерѣ, а потомъ захотѣлъ видѣть и море. Онъ поѣхалъ въ г. Архангельскъ, осматривалъ иностранные корабли на Бѣломъ морѣ, разговаривалъ съ моряками и учился корабельному дѣлу.

Семнадцати лѣтъ Петръ устранилъ сестру и захотѣлъ самъ управлять царствомъ. Стали было противъ него бунтовать стрѣльцы, но онъ справился съ ними и немедленно занялся устройствомъ правильнаго войска по иностраннымъ образцамъ. Вторымъ дѣломъ его была постройка флота. Тогда у Россіи были только два моря: холодное Бѣлое море, которое полгода покрыто льдами, и Каспійское—не море, а большое озеро, изъ котораго нѣтъ выхода. Вотъ Петръ и задумалъ было завладѣть Азовскимъ моремъ, которымъ владѣли турки. Онъ приказалъ строить корабли въ Воронежѣ, на рѣкѣ Воронежѣ, притокѣ Дона. Но эти корабли оказались плохи. Тогда Петръ отправилъ молодыхъ людей (человѣкъ 50) въ западныя государства учиться кораблестроенію, а потомъ задумалъ и самъ поучиться у иностранцевъ. Было снаряжено посольство къ иноземнымъ государямъ; самъ царь присталъ къ этому посольству подъ именемъ простаго дворянина Петра Михайлова. Петръ побывалъ въ разныхъ государствахъ, все изучалъ, ко всему присматривался, знакомился съ учеными людьми, работалъ съ простыми работниками. Особенно усердно учился онъ корабельному дѣлу, но и во всякомъ дѣлѣ былъ самымъ усерднымъ и понятливымъ ученикомъ.

Возвратившись въ Москву, Петръ смѣло принялся все передѣлывать въ своемъ царствѣ по своему. Онъ открывалъ школы, устраивалъ мастерскія, обучалъ войско, заставлялъ русскихъ людей жить не по старинѣ, а по новому, учиться, работать, перенимать у иностранцевъ все хорошее и полезное. И во всемъ онъ показывалъ примѣръ на самомъ себѣ. «Я и царь, говорилъ онъ, а у меня отъ работы мозоли на рукахъ». Забота о томъ, какъ бы приобрѣсти море, удобное для плаванія и для сближенія съ западной Европой, не оставляла царя. Теперь онъ задумалъ отнять у Швеціи восточные берега Балтійскаго моря, которые въ старину принадлежали Россіи. Онъ началъ войну съ Швеціей. Но войско шведскаго короля, смѣлаго Карла XII-го, было обучено лучше. Карлъ побилъ русскихъ и ушелъ въ Польшу. Тамъ онъ пробылъ три года, а Петръ въ это время успѣлъ собрать и обучить новое войско. Съ этимъ войскомъ онъ завоевалъ берега Балтійскаго моря, а чтобы навсегда закрѣпить ихъ за Россіей—заложилъ при устьѣ рѣки Невы городъ Санктъ-Петербургъ (т.-е. городъ Святого Петра), свою новую столицу (1703 г.), въ томъ же году къ Петербургу прибылъ первый иностранный корабль съ виномъ и солью: началась въ Россіи морская торговля, началось и сближеніе Россіи съ западной Европой. Когда Карлъ узналъ о завоеваніяхъ Петра, онъ двинулся со своимъ войскомъ въ Россію; въ Малороссіи къ нему при-

соединился измѣнившій Петру малороссійскій гетманъ Мазепа съ отрядомъ казаковъ. Петръ со своимъ войскомъ двинулся туда же, и у города Полтавы произошла кровавая битва. Шведы были разбиты и побѣжали. Такъ то Петръ приобрѣлъ для Россіи Балтійское море. Съ этого времени русскіе государи стали называться Всероссійскими Императорами, а русское государство—Россійской Имперіей.

Война не мѣшала Петру заниматься внутренними преобразованіями и просвѣщеніемъ народа. Для завѣдыванія различными дѣлами государства онъ учредилъ 12 коллегій, а для общаго наблюденія за ними Сенатъ. Всѣ церковныя дѣла онъ поручилъ Святѣйшему Синоду. Для печатанія книгъ онъ ввелъ гражданскую азбуку. Много сдѣлалъ Петръ для блага Россіи, а потому народъ русскій и прозвалъ его Великимъ.

Осенью въ 1724 году Петръ увидѣлъ на Невѣ лодку, которую бурей бросило на мель. Онъ бросился спасать погибающихъ людей, погибшіе были спасены, но Царь сильно простудился, захворалъ и 28 января 1725 года скончался.

— Переяславское озеро въ нынѣшней Владимирской губерніи.—Швеція или Шведское королевство находится на западѣ отъ Россіи за Балтійскимъ моремъ.

— Напишите *планъ* статьи.—Почему царя Петра называютъ *Великимъ*?— Въ чемъ его *величіе*?—Какія *преобразованія* совершилъ онъ въ своемъ государствѣ и въ чемъ заключается *благо* этихъ преобразованій?

36. Чудный царь

М. Н. Языкова.

Былъ *чудный* царь, великій *безпримѣрно*;
 Задумалъ онъ *народъ свой* просвѣтить,
 Народъ, привыкшій *въ захолустьи* жить,
 Почти *безкнижный*, очень *суевѣрный*
 И *закосяблый* въ *рабствѣ*. Какъ съ нимъ быть?
 Царь былъ *премудръ*, и началъ онъ *сначала*:
 Сталъ *самого себя* онъ просвѣщать,
 И *благодать* Господня *возсіла*
 Ему, *наукъ живая* благодать.
 Но этого казалось *недовольно*
 Тому *царю*, *единому* въ *царяхъ*:
Оставилъ онъ *вѣнецъ* и *градъ* престольный,
 Пошелъ *узнать* въ *далекихъ* сторонахъ
Все нужное для своего народа;
 И все узналъ онъ *собственнымъ* трудомъ,
 И ко своимъ *пришелъ*, равно знакомъ
 Съ *вождемъ царствъ* и *звѣзднымъ* чертежомъ,
 Съ *порядкомъ битвъ* и *стрѣлкой морехода*,
 Съ *ножомъ врачъ*, съ *кирдѣй* и *долотомъ*!

— По какимъ признакамъ въ этомъ чудномъ царѣ можно узнать Петра Великаго?—Выберите эти признаки изъ стиховъ и подкрѣпите каждый несомнѣнными историческими дѣянiями (фактами).

37. Дѣдушка русскаго флота.

В. И. Водовозова.

Петръ, еще мальчикомъ, съ горячею любознательностью все выспрашивалъ, высматривалъ, не могъ ни на минуту успокоиться.

Разъ въ селѣ Измайловѣ, близъ Москвы, забрелъ онъ въ амбаръ, гдѣ свалены были старыя вещи, и видитъ какой-то особенный ботъ (лодку). «Что это за ботъ? Какъ на немъ ѣздить?» спрашиваетъ мальчикъ. Иноземецъ, бывшій съ нимъ, растолковалъ ему, что на этомъ ботѣ можно *лавировать*: ѣздить и противъ вѣтра на парусахъ. «Какъ такъ?» Сейчасъ надо узнать на дѣлѣ. «Кто бы показалъ, какъ это сдѣлать?» Петру сказали, что въ Нѣмецкой слободѣ, подъ Москвой, еще живетъ старикъ Барстенъ-Брандтъ, вызванный изъ Голландiи при его отцѣ, царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, для постройки судовъ. Брандтъ принялся за работу, и скоро Петръ съ наслажденiемъ катался на рѣчкѣ Яузѣ въ исправленномъ ботѣ.

Впослѣдствiи Петръ назвалъ этотъ ботикъ «дѣдушкою русскаго флота».

38. Петръ Великiй на Бѣломъ морѣ.

Н. А. Полевого.

Мая 1-го 1694 г. выѣхалъ Царь изъ Москвы, проплылъ, не останавливаясь, мимо Холмогоръ и 18-го былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился архіепископъ Афанасiй и долженъ былъ отправиться, вмѣстѣ съ Царемъ, въ Соловецкiй монастырь, хотя и боялся морского пути. Передъ отъѣздомъ служили молебень. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и 30 мая, въ 3 часа пополудни, отплылъ съ Афанасiемъ и свiтою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ Царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, возсталъ страшная буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ Царь. Всѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ... По счастью, на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимофеевъ. Царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ гибели—направить корабль къ ближайшей гавани. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ и началъ вмѣшиваться въ распоряженiя. «Поди прочь!» закричалъ разсерженный Антипъ: «я знаю, что дѣлать. Если ты мнѣ отдашь руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло?» Смирненне отошелъ отъ него Царь. Антипъ искусно управилъ судно къ берегу и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, коими усѣянъ входъ въ гавань. «Помнишь-ли, прiятель, какъ ты отпотчивалъ меня въ морѣ?» смѣясь, спросилъ тогда Царь у Антипа. Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его. «Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшиваясь не въ свое дѣло», отвѣчалъ Царь, поцѣловалъ Антипа и подарилъ ему на память свое мокрое дорожное платье.

— Холмогоры—городокъ на Сѣверной Двинѣ.—Свита—люди, сопровождающіе Царя.—Яхта—небольшое морское судно.—Гавань—мѣсто, удобное для стоянки кораблей и другихъ судовъ.—Лѣцманъ—человѣкъ, поставленный распорядителемъ какого-нибудь судна, руководителемъ его.

39. Царь-работникъ.

А. С. Пушкина.

Въ надеждѣ славы и добра
 Гляжу впередъ я безъ боязни.
 Начало славныхъ дней Петра
 Мрачили мятежи да казни.
 Но правдой онъ привлѣкъ сердца,
 Онъ нравы укротилъ наукой,
 И былъ отъ буйнаго стрѣльца
 Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.
 Самодержавною рукой
 Онъ смѣло сбѣялъ просвѣщенье,
 Не презиралъ страны родной:
 Онъ зналъ ея предназначенье.
 То академикъ, то герой,
 То мореплаватель, то плотникъ,
 Онъ всеобъемлющей душой
 На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

— Мятежи въ началѣ царствованія Петра были дѣломъ буйныхъ стрѣльцовъ.— Казни сопровождали усмиреніе стрѣлецкаго бунта.—Князь Яковъ Ѡ. Долгорукій, сенаторъ, всегда говорилъ Царю правду въ глаза безъ страха, даже спорилъ съ нимъ. Царь очень уважалъ его за эту правдивость и говорилъ: «Князь Яковъ мнѣ въ Сенатѣ прямой помощникъ; онъ судить дѣльно и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, несмотря на лицо».—Академикъ—всѣми признанный учёный, членъ Академіи наукъ.—Академія наукъ—собраніе ученыхъ для дружныхъ занятій науками. Петръ задумалъ учредить такую академію въ Петербургѣ, но не успѣлъ. Россійская академія наукъ, существующая и нынѣ, была открыта, по мысли Петра, въ царствованіе его супруги, Императрицы Екатерины 1-ой, въ 1726 году.

40. Петръ 1-й и мужикъ.

Народное преданіе.

Наѣхалъ разъ Царь Петръ на мужика въ лѣсу. Мужикъ дрова рубить. Царь говоритъ: «Божья помощь, мужикъ!» Мужикъ отвѣчаетъ: «и то мнѣ нужна Божья помощь». Царь спрашиваетъ: «а велика ли у тебя семья?»—У меня семьи два сына и двѣ дочери.—«Ну, не велико твое семейство. Куда же ты добро кладешь?»—А я его на три части дѣлю: во-первыхъ, долгъ плачу, въ другихъ, въ долгъ даю, въ третьихъ, въ воду мечу.

Царь подумалъ и не знаетъ, чтò это значитъ. А мужикъ говоритъ: «долгъ плачу—родителей кормлю, въ долгъ даю—сыновою кормлю, а въ воду мечу—дочерей рощу».

Царь и говорить: «умная твоя голова, старикъ; теперь выведи меня изъ тѣсу въ поле, я дороги не найду».

— Мнѣ, сударь, водить некогда: намъ въ крестьянствѣ день дорого стоить.—«Ну, дорого стоить, такъ я заплачѹ».—А заплатишь,—поѣдемъ.

Сѣли на однокѣлку, поѣхали. Сталъ дорогою Царь мужика спрашивать: «далече-ли ты, старикъ, бывалъ?»—«Кое-гдѣ бывалъ».—А видалъ-ли Царя?—«Царя не видалъ, а надо бы посмотрѣть».—Такъ вотъ, какъ выѣдемъ въ поле,—и увидишь Царя.—«А какъ я его узнаю?»—«Всѣ безъ шапокъ будутъ, одинъ Царь въ шапкѣ».—Вотъ пріѣхали. Увидѣлъ народъ Царя, всѣ поснимали шапки. Мужикъ пѣлитъ глаза, а не видитъ Царя.

Вотъ онъ и спрашиваетъ: «а гдѣ же Царь?» Говоритъ ему Петръ Алексѣвичъ: «видишь, всѣ безъ шапокъ, только мы съ тобой въ шапкахъ, кто нибудь изъ насъ да Царь, либо ты, либо я».

— Какое народное понятіе о Царѣ Петрѣ отразилось въ этомъ преданіи?

41. Петръ Великій на берегу Невы.

А. С. Пушкина.

На берегу пустынныхъ волнъ	<i>Кругомъ шумѣлъ.</i>
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,	И думалъ Онъ:
И вдалъ глядѣлъ.	«Отсель грозить мы будемъ шведу;
Предъ нимъ широко	Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
<i>Рѣка</i> неслася. Бѣдный чѣмъ	<i>На</i> зло надменному сосѣду.
По ней стремился одиноко.	<i>Природой</i> здѣсь намъ суждено
По <i>миштымъ</i> , топкимъ берегамъ	<i>Въ Европу</i> прорубить окно,
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,	Ногою <i>твёрдой</i> стать при морѣ.
Пріютъ <i>убогаго</i> чухонца,	Сюда, по <i>новымъ</i> имъ волнамъ,
И <i>лѣсъ</i> , <i>невѣдомый</i> лучамъ	Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,—
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,	И <i>запируемъ</i> на просторѣ».

— Убогіе чухонцы—бѣдные жители Балтійскаго побережья.—Окномъ въ Европу здѣсь называется городъ Петербургъ: какъ черезъ окно проходить въ комнату свѣтъ солнца, такъ черезъ Петербургъ долженъ былъ пройти и дѣйствительно прошелъ къ намъ свѣтъ науки.—Стать твердою ногою при морѣ,—т. е. укрѣпиться у моря.—Всѣ флаги—корабли всѣхъ народовъ, съ всевозможными флагами.

— Какія двѣ картины даетъ поэтъ?—Петръ (Онъ) *глядѣлъ* и *думалъ*: не опредѣляется ли этими словами *содержаніе* картинъ, изображаемыхъ поэтомъ?—Не припомните-ли другихъ примѣровъ, чтобы поэтъ изображалъ *внутренній міръ* другого человѣка?

42. Петръ Великій и Неплюевъ.

В. О. Ключевского.

Неплюевъ рассказываетъ, какъ онъ съ товарищами въ 1720 году, по окончаніи заграничной вѣлочки, держалъ экзаменъ передъ самимъ Царемъ... Неплюевъ ждалъ представленія Царю, какъ страшнаго суда. Когда дошла до

него очередь на экзаменѣ, Петръ самъ подошелъ къ нему и спросилъ: «Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ?» Тотъ отвѣчалъ, что старался по всей своей возможности, но не можетъ похвалиться, что всему научился, и говоря это, сталъ на колѣни. «Трудиться надобно», сказалъ на это Царь, и оборотивъ къ нему ладонью правую руку, прибавилъ: «Видишь, братецъ, я и Царь, а у меня на рукахъ мозоли, а все для того—показать вамъ примѣръ и хотя бы подѣ старость видѣть себѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству. Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ, только не робѣй; что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи». Царь остался доволенъ отвѣтами Неплюева и потомъ, ближе узнавъ его на корабельныхъ постройкахъ, отозвался о немъ: «Въ этомъ маломъ путь будетъ». Петръ замѣтилъ въ немъ дипломатическія способности и въ слѣдующемъ же году прямо назначилъ его на трудный постъ резидента въ Константинополь. При отпускѣ въ Турцію, Петръ поднялъ упавшаго ему въ ноги со слезами Неплюева и сказалъ: «Не кланяйся, братецъ! Я вамъ отъ Бога приставленъ, и должность моя смотрѣть, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. Будешь хорошо служить, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь»... «Прости, братецъ!» прибавилъ Царь, поцѣловавъ Неплюева въ лобъ: «приведетъ ли Богъ свидѣться?» Они уже не свидѣлись. Этотъ умный и неподкупный служака, получивъ въ Константинополь вѣсть о смерти Петра, отмѣтилъ въ своихъ запискахъ: «Ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе мнѣ и грѣшно было-бы: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ насъ узнавать, что и мы люди». Послѣ, переживъ шесть царствованій и доживъ до седьмого, онъ, по отзыву его друга, Голикова, не переставалъ хранить безпредѣльное почитаніе къ памяти Петра Великаго и имя его не иначе провозносилъ, какъ священное, и почти всегда со слезами.

— Дипломатическія способности—умѣнье вести переговоры съ иностранными правительствами, убѣждать ихъ и мирно устроить государственныя дѣла съ выгодой для отечества.—Трудный постъ резидента—трудная должность быть представителемъ правительства, отстаивающимъ выгоды своей страны и своего народа.

— Что узнаемъ мы о Царѣ Петрѣ изъ этого разсказа?—Сравните изложенные въ немъ факты съ народнымъ преданіемъ, которое прочитали перелѣ этимъ.—Кивкими словами Неплюевъ опредѣляетъ сущность великаго дѣла, совершеннаго Царемъ Петромъ Великимъ?

43. Пиръ Петра Великаго.

А. С. Пушкина.

Надъ Невою *рѣзо* вьются
 Флаги *пестрые* судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
 Пѣсни *дружныя* гребцовъ;
 Въ царскомъ домѣ *пиръ* веселый;
 Рѣчь гостей *звѣзнь*, шумна,
 И Нева *пальбой* тяжелой

Далеко потрясена.
 Что пируетъ Царь великій
 Въ *Петербургъ*-городѣ?
 Отчего *пальба* и *клики*
 И эскадра на *рѣкѣ*?
 Озаренъ ли *честью* новой
 Русскій *штыкъ* иль русской *флагъ*?

Побѣжденъ-ли *шведъ* суровый?
Мира-ль просить грозный врагъ?
 Иль въ отъятый край у шведа
 Прибыль Брандтовъ утлый боть,
 И пошелъ на встрѣчу *одна*
Всей семьей нашъ юный флотъ,
 И воинственные внуки
 Стали *въ строй* предъ старикомъ,
 И раздался въ честь *науки*
Пьсенъ хоръ и *пушекъ* громъ?
 Годовщину ли Полтавы
 Торжествуетъ *Государь*,
 День, какъ *жизнь* своей державы
 Спасъ *отъ Карла* русскій Царь?
Родилъ-ль Екатерина?
Именинница-ль она,
 Чудотворца-исполина

Чернобровая жена?
 Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;
 Виноватому *вини*
 Отпуская, *веселится*,
Кружку пѣнить съ нимъ *одну*,
 И *въ чело* его цѣлуется,
 Свѣтель *сердцемъ* и *лицомъ*,
 И *прощенье* торжествуетъ,
 Какъ *побѣду* надъ врагомъ.
 Оттого-то шумъ и клики
 Въ *Петербургъ*-городкѣ,
 И *пальба*, и громъ *музыки*,
 И *эскадра* на рѣкѣ.
 Оттого-то въ часъ веселый
 Чаша *царская* полна,
 И Нева *пальба* тяжёлой
 Далекѣ потрясена.

— Эскадра—нѣсколько военныхъ судовъ.—Брандтовъ утлый боть—тотъ ботикъ, который Петръ нашель въ амбарѣ, а Брандтъ исправилъ, по желанію Петра.—Годовщина Полтавы, т. е. битвы подъ Полтавой (27 іюня).

— Какъ поэтъ изображаетъ *праздникъ* (ширъ) въ Петербургѣ?—Какія *предположенія* онъ высказываетъ о причинахъ праздника, въ формѣ вопросовъ?—Какой даетъ онъ *ответъ* на эти вопросы?—Что это за *примиренье* съ подданнымъ? Какіе *нелады* могли быть у Царя-просвѣтителя съ невѣжественными подданными? Въ чемъ провинились передъ нимъ подданные? Чѣмъ они могли заслужить *прощенье* Царя? Почему Царь торжествуетъ это прощенье, какъ побѣду надъ врагомъ? Какого врага онъ тутъ побѣдилъ? Шведы были для него *внѣшнимъ* врагомъ, а невѣжество русскихъ людей? Радостна была для него побѣда надъ Шведами, а побѣда надъ *внутреннимъ* врагомъ?—Какое-же радостное для Петра событіе поэтъ изображаетъ въ видѣ праздничнаго пира?—Раздѣлите стихотвореніе на части и опредѣлите кратко содержаніе каждой части.—Опредѣлите главную мысль стихотворенія.

44. Любовь Петра Великаго къ отечеству.

В. О. Ключевского.

Нигдѣ и никогда не покидала Петра мысль объ отечествѣ; въ радостныя и скорбныя минуты она ободряла его и направляла его дѣйствія, и о своей обязанности служить отечеству, чѣмъ только можно, онъ говорилъ просто, какъ о дѣлѣ серьезномъ, но естественномъ и необходимомъ. Въ 1704 г. русскія войска взяли Нарву, смывъ позоръ перваго пораженія. На радостяхъ Петръ говорилъ находившемуся въ походѣ сыну Алексѣю, какъ необходимо ему, наслѣднику, для обезпеченія торжества надъ врагомъ, слѣдовать примѣру отца, не бояться ни труда, ни опасности. «Ты долженъ любить все, что служить ко благу и чести отечества, не щадить трудовъ для общаго блага; а

если совѣты мои разнесеть вѣтеръ, я не признаю тебя своимъ сыномъ». Однажды какой-то знатный господинъ улыбнулся, видя, съ какимъ усердіемъ Петръ, любя дубъ, какъ корабельное дерево, сажалъ желуди по петергофской дорогѣ. «Глупый человекъ, сказалъ ему Петръ, замѣтивъ улыбку и догадавшись о ея значеніи: ты думаешь, не дожить мнѣ до матерыхъ дубовъ? Да вѣдь я не для себя тружусь, а для будущей пользы государства». Въ концѣ жизни, больнымъ отправившись въ дурную погоду осматривать работы на Ладожскомъ озерѣ, онъ говорилъ лейбъ-медику Блюментросту: «Болѣзнь упряма,—природа знаетъ свое дѣло; но и намъ надлежитъ пещись о пользѣ государства, пока силы есть».

— Дѣло серьезное—важное дѣло.—Нарва—городъ у Финскаго залива: здѣсь войско Петра было разбито Шведскимъ королемъ Карломъ XII, а въ 1704 году русское войско овладѣло этимъ городомъ.—Петергофская дорога изъ Петербурга въ г. Петергофъ, на берегу Финскаго залива.—Матерые дубы—старые, годные для постройки кораблей.—Лейбъ-медики—лѣкарь, состоящій при Государѣ.

— Какая дума руководила Царемъ Петромъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ?—Какое чувство всегда наполняло его великую душу?—Какіе случаи изъ жизни Петра, обнаруживающіе его любовь къ отечеству, приводятся въ этой статьѣ?

Планъ для сочиненія: „Что сдѣлалъ для Россіи Царь Петръ Великій?“

1. Ученіе Петра дома и въ чужихъ земляхъ. Стихотвореніе Языкова.—
2. Устройство правильнаго войска: какъ было до Петра? что сдѣлалъ онъ?—
3. Война съ Шведами и основаніе Петербурга. Картина Пушкина: Петръ на берегу Невы.—
4. Флотъ и морская торговля: какъ было до Петра? что сдѣлалъ онъ?—
5. Сближеніе Россіи съ другими народами: какъ было до Петра? что сдѣлалъ онъ?—
6. Науки и просвѣщеніе: какъ было до Петра? что сдѣлалъ онъ?—
7. Наученіе русскихъ людей труду: какъ было до Петра? что сдѣлалъ онъ?—
8. Что побуждало Петра всю жизнь неутомимо работать? Какъ говорить объ этомъ Пушкинъ? Какъ говорить самъ Петръ? Какъ говорилъ Неплюевъ?—
9. Кончина Петра.

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

1. Что узнали мы про Самозванца и про Василя Ивановича Шуйскаго?—
  2. Что мы узнали про смутное время на Руси?—
  3. Что мы узнали про патриарха Гермогена, архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Галицына?—
  4. Какое дѣло и какъ совершили Мининъ и Пожарскій?—
  5. Какъ произошло воцареніе дома Романовыхъ?—
  6. Какія новшества стали замѣчаться въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ?—
  7. Почему Царя Петра Алексѣевича называютъ Великимъ? Какія великія дѣла совершилъ онъ для блага Россіи?
-

Ко второй группѣ чтеній, стр. 99—103.

ЧЕТВЕРТАЯ ГРУППА ЧТЕНІЙ.

1. На стеклянномъ заводѣ.

Изъ разсказа В. І. Дмитріевой.

Это былъ огромный, длинный сарай съ двумя дверями, отворенными настежь другъ противъ друга. Средина была ярко освѣщена, а углы тонули въ сумракѣ, среди котораго смутно вырисовывались деревянные столбы, поддерживавшіе зданіе. Ослѣпительно яркій свѣтъ вырывался изъ двухъ печей, въ которыхъ стояли котлы съ расплавленнымъ стекломъ; бѣлыя искры летѣли отъ нихъ во все стороны и потухали въ воздухѣ.

Рабочіе съ длинными трубками сновали передъ котлами; одни выдували огромные огненные пузыри и махали ими надъ головой; другіе опускали ихъ въ формы, смазанныя масломъ, и расплавленное стекло, размѣтывая вокругъ себя огненные искры, съ шипѣньемъ превращалось въ солонки, лампадки, червильницы; третьи, наконецъ, со страшной быстротой крутили въ воздухѣ огненные шары, и изъ нихъ выходили огненные графины, бутылки, стаканы.

Толстый, одутловатый, съ запухшими глазами рабочій, въ замазленномъ фартукѣ, съ растѣгнутымъ воротомъ рубахи, сидѣлъ около самой печи и только и дѣлалъ, что обрѣзывалъ огромными ножницами огненные шары, которые подавалъ ему мальчикъ, и изъ-подъ ножницъ выползали красныя змѣи, постепенно чернѣли и звенящими осколками падали на полъ, а въ рукахъ толстяка оставалось блюдо, и другой мальчикъ щипцами подхватывалъ это блюдо и несъ въ каліильную печь.

— Расплавленное стекло—жидкая стеклянная масса. Стекло готовится на стеклянныхъ заводахъ изъ песку, извести и поташу. Песокъ—смѣсь мелкихъ зеренъ очень твердаго камня кварца и мелкихъ листочковъ слюды. Известь добывается изъ известковыхъ камней, которые кладутъ въ огромную разоженную печь. Поташъ—сѣрый солѣный порошокъ, который получается изъ золы, когда ее растворяютъ въ водѣ. Смѣсь песку, извести и поташу насыпаютъ въ посуду изъ огнеупорной глины и ставятъ въ печь; смѣсь размягчается; тогда ее перекладываютъ въ другую посуду и ставятъ въ особыя печи, раскаленные до красна; получается жидкая и прозрачная тягучая масса: это и есть *жидкое стекло* (стеклянное тѣсто).—*Каліильная печь*—особая печь, въ которой снова нагрѣваютъ литыя стеклянныя вещи, потомъ постепенно охлаждаая ихъ: такъ стекляннымъ вещамъ придается надлежащая крѣпость. —

— Опишите стеклянный *заводъ* и *работу* на немъ по этому разсказу. — Раздѣлите разсказъ на *части* и *опредѣлите* содержаніе каждой части. — Обыкновенное стекло *прозрачно* (что это значить?) и *хрупко* (что это значить?), а все таки оно тѣло не жидкое, а какое?—Какая *перемѣна* происходитъ съ *твердымъ* оловомъ и со всякимъ твёрдымъ металломъ, когда его подвергаютъ дѣйствию сильнаго жара? Можно-ли расплавленному воску, олову, желѣзу приписывать признакъ *твёрдости*? Какимъ признакомъ теперь замѣнились

этотъ признакъ? Какое же *явленіе* замѣчаемъ мы въ твердыхъ металахъ, когда они подвергаются дѣйствию жара?—Какая перемѣна признаковъ, какія *явленія* происходятъ въ рѣкѣ—зимой и весной? Какія *явленія* мы замѣчаемъ въ воздухѣ, въ лѣсу, въ нашей одеждѣ, въ знакомыхъ людяхъ, въ самихъ себѣ?

2. Самокрутка.

Разсказъ гр. Л. Н. Толстого.

Одинъ мужикъ выучился мельничному мастерству и сталъ дѣлать мельницы водяныя, вѣтряныя и конныя. Потомъ онъ задумалъ сдѣлать такую мельницу, чтобы не нужно было ни воды, ни вѣтра, ни лошадей: онъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы тяжелый камень спускался книзу и своей тяжестью вертѣлъ колесо, и опять бы поднимался кверху, и опять бы спускался—такъ, чтобы мельница ходила сама.

Мужикъ пошелъ къ барину и сказалъ: «я придумалъ такую мельницу-самокрутку, что сама будетъ ходить безъ воды и безъ лошадей; только разъ завести, она и будетъ ходить до тѣхъ поръ, пока не остановишь. Нѣтъ только у меня денегъ на лѣсъ да на чугуны. Дай мнѣ, баринъ, триста рублей денегъ, я тебѣ первому сдѣлаю такую мельницу».

Баринъ спросилъ у мужика, знаетъ ли онъ грамотѣ. Мужикъ сказалъ, что не знаетъ. Тогда баринъ сказалъ: «вотъ если бы ты зналъ грамотѣ, я бы тебѣ книжку далъ, и ты бы прочелъ о такой мельницѣ и увидалъ бы, что такой мельницы сдѣлать нельзя, что много людей учѣныхъ посходили съ ума—все выдумывали такую мельницу, чтобы сама ходила».

Мужикъ не повѣрилъ барину...

Баринъ сказалъ: «чѣмъ же ты подымеешь камень, когда онъ спустится?»

Мужикъ сказалъ; «самъ по колесу поднимется». Баринъ сказалъ: «поднимется, да ниже, а въ другой разъ поднимется еще ниже и станетъ, какія ты колеса не прилаживай. Все равно, какъ если на салазкахъ съ большой горы съѣдешь—на маленькую поднимешься, а съ маленькой назадъ на большую никакъ не поднимешься». Мужикъ не повѣрилъ, а пошелъ къ купцу и общалъ ему сдѣлать мельницу безъ воды и лошадей. Купецъ далъ денегъ. Мужикъ строилъ, строилъ, простроилъ всѣ 300 рублей, а мельница не ходитъ. Тогда мужикъ сталъ свое имѣніе продавать и все простроилъ.

А купецъ говоритъ: «давай мнѣ мельницу, чтобы сама ходила безъ лошадей, или деньги давай назадъ».

Пришелъ мужикъ къ барину и разсказалъ о своемъ горѣ.

Баринъ далъ ему денегъ и говоритъ: «оставайся у меня работать, строй ты мнѣ мельницы, только водяныя да конныя—на это ты мастеръ, а впередъ за то не берись, чего и поумнѣ тебя люди не сдѣлали.

— Изложите кратко *содержаніе* прочитаннаго разсказа.—Хорошее-ли дѣло задумалъ мужикъ?—Чего не хватало ему, чтобы онъ понялъ невозможность исполнить это хорошее дѣло?—Можно-ли все узнать и до всего дойти собственнымъ опытомъ и умомъ?—Откуда можно получать *знанія* и выводы *опыта* другихъ

людей?— Отчего происходят многія заблужденія и ошибки людей?— Въ чемъ же польза науки?—

Планъ для сочиненія: „Какъ полезна бываетъ наука для жизни“.

1. Примѣры ошибокъ и заблужденій—изъ жизни или изъ прочитаннаго.—
2. Зло, происходящее отъ этихъ ошибокъ и заблужденій.—
3. Объясненіе причины этихъ ошибокъ и заблужденій.—
4. О томъ, что даетъ людямъ наука.—
5. Выводъ о пользѣ науки.

3. Весенній дождь.

А. А. Фета (Шеншина).

Еще *свѣтло*,—передъ окномъ
Въ разрывы облакъ *солнце* блещетъ,
И *воробей* своимъ крыломъ,
Въ *пескѣ купаяся*, трепещетъ,—

А ужъ отъ *неба* до *земли*,
Качаясь, движется *завѣса*,

И будто въ золотой *пыли*
Стоитъ за *ней* опушка *лѣса*.

Двѣ *капли* брызнули въ стекло,
Отъ *лишь* душистымъ *мѣдомъ* тянетъ,
И что-то *къ саду* подошло,
По *свѣжимъ листьямъ* барабанить.

— Какое *явленіе* природы изображаетъ поэтъ въ этомъ стихотвореніи?—
Объясняетъ онъ происхожденіе этого явленія, или только *изображаетъ* его?—
Настолько-ли вѣрно это изображеніе, чтобы мы, читая эти стихи, какъ-бы пережили изображаемое явленіе природы?—Какими-же особенностями отличается *поэтическое* изображеніе явленій природы и жизни?

4. Водяные пары въ воздухѣ.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Вода рѣкъ, озеръ, морей постоянно испаряется, а потому въ воздухѣ всегда много невидимыхъ водяныхъ паровъ. Осенью и зимою воздухъ холоднѣе земной поверхности, а потому водяные пары надъ землею сгущаются, становятся видимыми и представляются намъ въ видѣ *тумана*.

Но воздухъ, который находится надъ землею—чѣмъ выше, тѣмъ холоднѣе, а потому водяные пары и во всякое время охлаждаются, образуя туманы высоко надъ землею. Такіе туманы называются *облаками* и *тучами*.

Облака двигаются надъ нами то въ одну, то въ другую сторону, то опускаются, то поднимаются. Вотъ когда они попадаютъ въ болѣе холодный воздухъ, тогда пары начинаютъ сильно сгущаться и превращаются въ водяныя капельки; капельки эти все увеличиваются и наконецъ становятся такъ тяжелы, что не могутъ держаться въ воздухѣ. Тогда онѣ падаютъ на землю: идетъ *дождь*. Зимою водяные пары въ облакахъ замерзаютъ раньше, чѣмъ успѣютъ образоваться водяныя капли. Тогда идетъ *снѣгъ*.

Иногда лѣтомъ падаютъ на землю не водяныя капли, а кусочки замерзшаго дождя: это *градъ*, который иногда побиваетъ хлѣбъ въ поляхъ, стекла въ домахъ и даже скотъ на пастбищѣ.

Иногда вечеромъ и ночью земля такъ охлаждаетъ лежащій на ней воздухъ, что невидимые пары сгущаются и садятся маленькими водяными каплями на траву и на листья деревьевъ: это *роса*. Осенью и зимою земля такъ сильно охлаждается, что осѣвшая роса замерзаетъ, и тогда ее называютъ *инеемъ*.

— Напишите *планъ* этой статьи.—Соотвѣтствуетъ-ли ея заглавіе содержанию,—почему?—Изображаются-ли въ ней *явленія* природы? Читая ее, переживаемъ-ли эти явленія? *Объясняется*-ли въ ней происхожденіе этихъ явленій: что такое *туманъ*? что такое *облака* и *тучи*? какъ образуются туманы, облака, тучи? отчего бываетъ *дождь*, *снѣгъ*, *роса*?—Пары сгустились и превратились въ капельки: это *причина* дождя.—Идетъ дождь: это *слѣдствіе* какой причины?—Какія *причины* производятъ вѣтеръ?—Крылья мельницы вертятся: это *слѣдствіе* какого явленія (какой причины)?—По какой *причинѣ* вода въ рѣкѣ течетъ, а не стоитъ, какъ въ прудѣ?—Ледъ легче воды: какія происходятъ отъ этого (отъ этой *причины*) полезныя для насъ *слѣдствія*?—Можетъ-ли быть какое-нибудь дѣйствіе безъ *причины*?—Можетъ-ли быть какое-нибудь явленіе безъ *слѣдствій*?—Можно-ли эту статью назвать *поэтическимъ* сочиненіемъ? Почему нельзя?

Планъ для сочиненія „Пожаръ лѣтомъ въ деревнѣ“.

1. Начало и *причины* пожара.—2. *Причины*, почему пожаръ нельзя было остановить: вѣтеръ, сухая погода, обиліе соломы, тѣснота построекъ, нѣтъ садовъ и деревьевъ между постройками, пожарныя орудія въ плохомъ состояніи, народъ въ полѣ.—3. Распространеніе и *слѣдствія* пожара: направленіе огня, гибель хатъ и другихъ построекъ, гибель домашняго имущества, гибель хлѣба въ зернѣ и въ кладушкахъ, гибель сѣна и соломы, гибель домашнихъ животныхъ, бѣдствія погорѣльцевъ.

5. Урожай.

А. В. Кольцова.

Краснымъ помылемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется.
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше *темя горъ*,
Нагустилъ его
Въ *тучу* черную.
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Что *задумалась*,
Словно вспомнила

Свою *родину*.
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ *стороны*
Свѣта бѣлаго.
Ополчается
Громомъ, бурей,
Огнемъ-*молніей*,
Дугой-радугой.
Ополчилась—
И *расширилась*,
И *ударила*,
И пролилася
Слезой крупною—
Проливнымъ дождемъ

На земную грудь,
 На широкую.
 И съ горы небесъ
 Глядитъ солнышко:
Напилась воды
 Земля досыта.
 На поля, сады,
 На зеленые,
 Люди сельскіе
 Не насмотрятся.
 Люди сельскіе
 Божьей милости
 Ждали съ трепетомъ
 И молитвою.
 За-одно съ весной
 Пробуждаются
 Ихъ завѣтныя
 Думы мирныя.
 Дума первая:
 Хлѣбъ изъ закрома
 Насыпать въ мѣшки,
 Убирать возѣ.
 А вторая ихъ
 Была думушка:
 Изъ села гужомъ
 Въ пѣру выѣхать.
 Третью думушку
 Какъ задумали,—
 Богу-Господу
 Помолилися:
 Чѣмъ свѣтъ по полю
 Всѣ разѣхались—
 И пошли гулять
 Другъ за дружкой,
 Горстью полною
 Хлѣбъ раскидывать;
 И давай пахать
 Землю плугами,
 Да кривой сохой

Перепахивать,
 Бороны зубьемъ
 Порасчѣсывать.
Посмотрю пойду,
 Полюбуюся,
 Что послалъ Господь
 За труды людѣмъ:
 Выше пояса
 Рожь зернистая
 Дремитъ колосомъ
 Почти до-земли;
 Словно Божій гость,
 Во всѣ стороны
 Дню веселому
 Улыбаются.
 Вѣтерокъ по ней
 Плыветъ—лѣснится,
 Золотой волной
 Разбѣгается.
 Люди семьями
 Принялися жать,
 Косить подъ корень
 Рожь высокую.
 Въ копыны частыя
 Снопы сложены;
 Отъ возовъ всю ночь
 Скрипитъ мѣзыка.
 На гумнахъ вездѣ,
 Какъ князя, скірды
 Широко сидятъ
 Поднявъ головы.
 Видитъ солнышко—
 Жатва кончена:
 Холодный оно
 Пошло къ осени.
 Но жарка свѣча
 Поселянина
 Предъ иконою
 Божьей Матери.

— Какія картины и въ какомъ порядкѣ изображаетъ поэтъ въ этомъ стихотвореніи? — Какія явленія природы составляютъ предметъ первой картины? Какими рисующими и переносными выраженіями они изображаются: заря *вспыхнула*—сравненіе съ огнемъ, туманъ *стелется*—признакъ по сходству переносится на туманъ съ холста, туча *понахмурилась*—признакъ переносится на тучу съ человѣка, туча *олицетворяется*, и т. д. Выберите и объясните еще нѣсколько рисующихъ выраженій.—Какія весеннія думы и работы крестьянъ-земледѣльцевъ

изображаются во второй картинѣ? Какими словами вторая картина связана съ первой („Люди сельскіе Божьей милости“... и т. д.)?—Что составляетъ предметъ третьей картины, которую поэтъ любитъ? Какими словами эта картина связана со второй?—Какія работы изображаются въ четвертой картинѣ? Объясните заключительныя строки стихотворенія: солнце стало холоднѣе, но „жарка свѣча поселянина предъ иконою Божьей Матери“.—Какое *чередованіе* замѣчается въ содержаніи картинъ стихотворенія: утро, гроза и дождь (явленія природы), пашня и посѣвъ (человѣческой трудъ), послѣвпная рожь (явленіе природы), жатва и уборка хлѣба (человѣческой трудъ).—Такимъ образомъ—*урожай* въ стихотвореніи представляется *слѣдствіемъ* какихъ *причинъ*?—

6. Какъ люди плаваютъ по воздуху.

Изъ статьи гр. Л. Н. Толстого.

Если взять надутый пузырь и опустить его въ воду, а потомъ пустить, то пузырь выскочитъ на верхъ воды и станетъ по ней плавать. Точно такъ же, если кипятить чугунокъ воды, то на днѣ, надъ огнемъ, вода дѣлается легучею, *газомъ*, и какъ соберется паръ, немножко водяного газа, онъ сейчасъ пузыремъ выскочитъ наверхъ. Сперва выскочитъ одинъ пузырь, потомъ другой, а какъ нагрѣется вся вода, то пузыри выскакиваютъ не переставая: тогда вода *кипитъ*.

Какъ изъ воды выскакиваютъ наверхъ пузыри, надутые легучею водой, потому что они легче воды, такъ изъ воздуха выскочитъ на самый верхъ воздуха пузырь, надутый горячимъ воздухомъ или газомъ *водородомъ*, потому что горячій воздухъ легче холоднаго воздуха, а водородъ легче всѣхъ газовъ.

Почти сто лѣтъ тому назадъ, французы братья *Монгольфьеры* выдумали воздушные шары. Они сдѣлали шаръ изъ полотна съ бумагой, напустили въ него горячаго воздуха; шаръ полетѣлъ. Тогда они сдѣлали другой шаръ, побольше, подвязали подъ шаръ барана, пѣтуха и утку, и пустили. Шаръ поднялся и спустился благополучно. Потомъ уже поддѣлали подъ шаръ лодочку, и въ лодочку сѣлъ человѣкъ. Шаръ взлетѣлъ такъ высоко, что скрылся изъ виду; полеталъ и потомъ спустился благополучно. Потомъ придумали наполнять шары водородомъ и стали летать еще выше и скорѣе. Для того, чтобы летать на шарѣ, подвязываютъ подъ него лодочку, и въ эту лодочку садятся по двое, по трое и даже по восьми человѣкъ и берутъ съ собою питье и ѣду.

Для того, чтобы спускаться и подниматься, когда хочешь, въ шарѣ сдѣланъ клапанъ, и этотъ клапанъ можно открывать и закрывать, если потянуть за веревку. Когда шаръ слишкомъ высоко поднимется, можно открыть клапанъ,—газъ выйдетъ, шаръ сожмется и станетъ спускаться. Кромѣ того, на шарѣ всегда есть мѣшки съ пескомъ. Если сброситъ мѣшокъ, шару будетъ легче, и онъ пойдетъ вверхъ. Если тотъ, кто летитъ, хочетъ спуститься и видить, что внизу не ладно,—или рѣка, или лѣсъ, онъ высыпаетъ песокъ изъ мѣшковъ, и шаръ становится легче и опять поднимается.

— Напишите *планъ* этой статьи. Изложите подробно ея содержаніе.—По какой *причинѣ* надутый воздухомъ пузырь плаваетъ по водѣ, а камень тонетъ?

По какой *причинѣ* изъ воды выскакиваютъ пузыри, когда воду нагрѣваютъ? Какое будетъ *слѣдствіе*, если въ воздухъ пустить пузырь, надутый горячимъ воздухомъ или водородомъ? Люди на шарѣ поднимаются высоко надъ землей: отъ какихъ *причинъ* можетъ происходить это *слѣдствіе*?—Когда братья *Монгольфьеры* наполняли шаръ горячимъ воздухомъ, для чего они это дѣлали? Непремѣнно ли они должны были это сдѣлать, или могли и не дѣлать этого, если бы не хотѣли, если бы не добивались определенной *цѣли*? Какую-же *цѣль* они опредѣлили себѣ сознательно и произвольно?—А шаръ, наполненный горячимъ воздухомъ, можетъ ли сознательно и произвольно подыматься или не подыматься вверхъ?—Можетъ ли у него быть *цѣль*? Однако-же его наполнили горячимъ воздухомъ именно для того, чтобы онъ поднялся: у него *цѣли* не было, а кто далъ ему такое *назначеніе*?

7. Отчего бываютъ звуки?

В. В. Лункевича.

Встряхните сильно въ воздухъ платкомъ—воздухъ заколышется и послышится трескъ; проведите быстро по воздуху хлыстомъ—воздухъ заколышется, и хлысть хлопнетъ; проведите такъ же быстро по воздуху тоненькимъ прутомъ—воздухъ снова придетъ въ движеніе, и прутъ свиснетъ. Все это—трескъ, хлопанье, свистъ—называется *звукомъ*. Всякій разъ, какъ мы слышимъ какой-нибудь звукъ, воздухъ вокругъ насъ колыхается; колыхается онъ примѣрно такъ-же, какъ движется кругами вода въ прудѣ въ то время, когда въ воду шлепнется камень. Мы слышимъ свистъ, ревъ и завыванье вѣтра оттого, что воздухъ сильно волнуется, и колыханія его доходятъ до нашихъ ушей въ видѣ звука. Мы слышимъ звукъ струны на балалайкѣ только потому, что туго натянутая струна быстро качается вправо и влѣво: колебанія струны приводятъ въ быстрое сотрясеніе воздухъ, воздухъ колыхается, и колыханіе его доходить до нашихъ ушей въ видѣ звука.

Чѣмъ сильнѣе колыхается вокругъ насъ воздухъ, тѣмъ сильнѣе, то есть громче, и звуки, которые мы слышимъ. Отъ выстрѣла изъ пушки воздухъ колыхается сильно, точно море въ бурю; когда-же стрѣляютъ изъ ружья, то волненіе воздуха гораздо слабѣе: его можно сравнить съ волненіемъ на рѣкѣ. Поэтому грохотъ пушечнаго выстрѣла куда громче и оглушительнѣе того шума, который производитъ ружейный выстрѣлъ.

— Отчего происходятъ *звуки*, которые мы слышимъ? Какая *причина* ихъ? На балалайкѣ колеблется струна: какая *причина* этого колебанія? какое *слѣдствіе* этого колебанія испытываемъ мы?—Воздухъ служить намъ для дыханія, онъ-же производитъ звуки: что-же, это его сознательная и произвольная *цѣль*, или *назначеніе*? Кѣмъ дано ему это назначеніе?

8. Паръ работаетъ.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Паровозъ везетъ по желѣзной дорогѣ большія тяжести и множество людей. *Пароходы* перевозятъ такія тяжести по большимъ рѣкамъ и морямъ. *Паровыя* машины на заводахъ и фабрикахъ замѣняютъ сотни человѣческихъ рукъ.

Самыя названія эти (*паровозъ, пароходъ, паровая машина*) показываютъ, что рабочею силою тутъ служить *паръ*. Да, тотъ самый водяной паръ, какой поднимается отъ горшка со щами или отъ кипящаго самовара.

Въ водяномъ парѣ большая сила. Поставьте на огонь котелокъ съ водою и прикройте его крышкой въ то время, когда вода закипитъ, — крышка будетъ приподниматься: ее приподнимаетъ водяной паръ, который образуется въ котелкѣ отъ нагрѣванія воды. Если же кипятить воду въ котелкѣ съ крѣпко припаянной къ нему крышкой, то сила пара отъ нагрѣванія постепенно такъ увеличится, что разорветъ котелокъ.

Когда люди узнали о силѣ водяного пара, они стали думать о томъ, чтобы заставить эту силу работать, какъ работаетъ текучая вода на водяныхъ мельницахъ или вѣтеръ на вѣтряныхъ мельницахъ.

Первую паровую машину изобрѣлъ французъ *Павинъ* въ 1707 году: водяной паръ подымалъ въ большой широкой желѣзной трубкѣ (*цилиндрѣ*) толстый кружокъ съ ручкой (*поршень*); когда-же воду переставали нагрѣвать, поршень опускался; такъ можно было подымать и опускать поршень, то подставляя подъ цилиндръ съ водою горящую лампу, то убирая ее. Это была самая простая *паровая машина*, которую примѣняли къ водокачалкамъ. Ее много усовершенствовалъ англичанинъ *Джемсъ Уаттъ*, такъ что стало возможнымъ силою пара замѣнять человѣческія силы на фабрикахъ и заводахъ; а другой англичанинъ *Георгъ Стефенсонъ*, около 70-ти лѣтъ тому назадъ, первый примѣнилъ паровыя машины къ перевозкѣ тяжестей и построилъ въ Англіи первую желѣзную дорогу. Теперь уже по всему міру паровозы мчатъ множество людей и товаровъ со скоростью 30, 40 и болѣе верстъ въ часъ; по рѣкамъ и морямъ бѣгаютъ малые и большіе пароходы; паровыя машины приводятъ въ движеніе огромныя паровыя мельницы, различныя машины и станки на заводахъ и фабрикахъ, въ типографіяхъ, гдѣ печатаются книги, земледѣльческія орудія на поляхъ, молотилки и т. под.

— Напишите *планъ* этой статьи. — Паровозъ везетъ людей и тяжести отъ одного города до другого. Сознательно-ли и произвольно онъ это дѣлаетъ, или онъ только исполняетъ чье-либо *назначеніе*, данное ему съ опредѣленною *цѣлью*? Кто далъ ему такое назначеніе? — Въ чемъ же разница между *цѣлью* и *назначеніемъ*? У кого можетъ быть *цѣль*? — Ласточки и другія птицы осенью летятъ на югъ, въ теплыя страны. Лисица забирается въ курятникъ. Дятель бьетъ клювомъ въ кору дерева. Паукъ раскидываетъ паутину. Крестьянинъ пашетъ землю и сѣетъ хлѣбныя зѣрна. Родители посылаютъ дѣтей въ школу. Начальники смотрятъ за порядкомъ. Стремясь къ опредѣленной *цѣли*, всѣ животныя и люди, не выполняютъ ли и своего *назначенія*, опредѣленнаго Свыше волею Того, Кто сотворилъ міръ и установилъ въ немъ незыблемый порядокъ? — Но сознаютъ ли животныя это высшее *назначеніе*, которое выполняютъ, достигая своихъ цѣлей? А человекъ?

9. По желѣзной дорогѣ.

Я. П. Полонскаго.

*Мчатся, мчатся желѣзныя конѣкъ: Паръ клубится, несѣтся дымогъ.
По желѣзу жельзо гремитъ, Мчатся, мчатся желѣзныя конѣкъ*

Живое Слово. Ч. II.

Подхватилъ, *посадила* да и мчить.

Вонь и *родина!* Вонь въ сторонѣ
Тёсомъ крытая *кровля* встаетъ,
Тёмный *садикъ*, *скирды* на гумнѣ;
Тамъ *старушка* одна, чай, по мнѣ
Изнываетъ, родимаго ждѣть.

Залаянулъ бы я къ ней въ уголокъ,
Отдохнулъ бы въ тѣни тѣхъ берёзъ,
Гдѣ такъ много посяно грёзъ.
Мчится, мчится желѣзный конёкъ
И, свистя, катитъ *сотни* колёсъ.

Вонь *вдали*, на закатѣ пестрятъ

Колокольни, *дома*, *городокъ*.
Однокашникъ мой тамъ, говорятъ,
Вѣчно борется, *жизни* не радъ...
И къ нему завернуть бы я могъ.

Поболталъ-бы я съ нимъ *хоть*
часокъ!

Хоть не много имъ прожито лѣтъ,
Да не мало испытано бѣдъ...

Мчится, мчится желѣзный конёкъ,
Свѣтъ искры летучія вслѣдъ.

— Однокашникъ—товарищъ по воспитанію, по школѣ.

— Какой такой „желѣзный конёкъ“?—Какой главный предметъ стихотворенія: описаніе ли желѣзной дороги, или изображеніе *внутренняго міра* чело-вѣка, ѣдущаго по желѣзной дорогѣ?—Что думалъ и чувствовалъ этотъ чело-вѣкъ? Чѣмъ были вызваны эти думы и чувства?

10. Вредный воздухъ.

Разсказъ гр. Л. Н. Толстого.

Въ селѣ Никольскомъ, въ праздникъ, народъ пошелъ къ обѣднѣ. На барскомъ дворѣ остались скотница, староста и кѣноухъ. Скотница пошла къ колодецу за водой. Колодецъ былъ на самомъ дворѣ. Она вытащила бадью, да не удержала. Бадья сорвалась, ударилась о стѣнку колодца и оторвала верёвку. Скотница вернулась въ избу и говорить старостѣ:

— Александръ, слазай, батюшка, въ колодецъ, я бадью упустила.

Александръ сказалъ:

«Ты упустила, ты и доставай». Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полѣзетъ,—только, чтобы онъ спускалъ ее. Староста посмѣялся ей и сказалъ:

«Ну, пойдемъ. Ты теперь натошакъ, такъ я удержу; а послѣ обѣда и не удержать».

Староста привязалъ палку къ веревкѣ, и баба верхомъ сѣла на нее, взялась за веревку и стала слѣзать въ колодецъ, а староста за колесо сталъ спускать ее. Въ колодецѣ было всего шесть аршинъ глубины, и только на аршинъ стояла вода. Староста спускалъ за колесо потихоньку и все спрашивалъ: «еще, что-ли?» Скотница кричала оттуда: «еще немного!»

Вдругъ староста почувствовалъ, что веревка ослабла; онъ обликнулъ скотницу, но она не отвѣчала. Староста поглядѣлъ въ колодецъ и увидѣлъ, что баба лежитъ въ водѣ головой и кверху ногами. Староста сталъ кричать и звать народъ; но никого не было. Пришелъ только одинъ кѣноухъ. Староста велѣлъ ему держать колесо, а самъ вытянулъ веревку, сѣлъ на палку и полѣзъ въ колодецъ.

Только что кѣноухъ спустилъ старосту до воды, съ старостой сдѣлалось то-же самое. Онъ бросилъ веревку и упалъ головой внизъ на бабу. Кѣноухъ

сталъ кричать, потомъ побѣжалъ въ церковь за народомъ. Обѣдня отошла, и народъ шелъ изъ церкви. Всѣ мужики и бабы побѣжали къ колодцу. Всѣ столпились у колодца и всякій кричалъ свое, но никто не зналъ, что дѣлать. Молодой плотникъ Иванъ пробился сквозь толпу къ колодцу, схватилъ веревку, сѣлъ на палку и велѣлъ себя спускать. Иванъ только привязалъ себя къ веревкѣ кушакомъ. Двое спускали его, а другіе всѣ смотрѣли въ колодець, что будетъ съ Иваномъ. Какъ только онъ сталъ доходить до воды, онъ бросилъ веревку руками и упалъ бы головой, но кушакъ держалъ его. Всѣ закричали: «тащи его назадъ!»—и Ивана вытащили. Онъ, какъ мертвый, висѣлъ на кушакѣ, голова его тоже висѣла и билась о края колодца. Лицо было синеватое. Его вынули, сняли съ веревки и положили на землю. Думали, что онъ мѣртвай; но онъ вдругъ тяжело дохнулъ, сталъ перхатъ и ожилъ.

Тогда хотѣли лѣзть еще, но одинъ старый мужикъ сказалъ, что лазить нельзя, потому что въ колодцѣ дурной воздухъ, и что этотъ дурной воздухъ убиваетъ людей. Тогда мужики побѣжали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другіе ихъ унимали, а мужики цѣпляли въ колодцѣ баграми и старались вытащить мѣртвахъ. Раза два они дотаскивали старосту до половины колодца за его платье; но онъ былъ тяжелъ, платье прорывалось, и онъ срывался. Наконецъ зацѣпили его въ два багра и вытащили. Потомъ вытащили и скотницу. Оба уже были совсѣмъ мѣртвае и не оживили.

Потомъ, когда стали разматривать колодець, то узнали, что точно внизу колодца былъ дурной воздухъ.

Воздухъ этотъ бываетъ такой тяжѣлый, что въ немъ ни человѣкъ и ни какое животное жить не можетъ. Спустили въ колодець кошку, и какъ она дошла до того мѣста, гдѣ стоялъ дурной воздухъ, она сейчасъ умерла. Мало того, что животное жить не можетъ,—свѣча тамъ горѣть не можетъ. Спустили свѣчу, и какъ она дошла до того мѣста, сейчасъ потухла.

— Дурной воздухъ—тотъ, который не годенъ для дыханія и горѣнія, въ которомъ мало *кислорода*, а много *углекислоты*, тяжелаго газа; въ углекислотѣ не можетъ ни одно животное дышать; не можетъ и огонь горѣть. Бываютъ подъ землей такія мѣста, гдѣ собирается много углекислоты: кто попадетъ въ такое мѣсто, сейчасъ умретъ.

— Изложите содержаніе разсказа. Раздѣлите его на части и опредѣлите кратко содержаніе каждой части.—Отчего люди въ глубинѣ этого колодца задыхались и умирали, а свѣча тухла?—Какой воздухъ можно назвать *хорошимъ*, какой *дурнымъ*?

Планъ для сочиненія „О воздухѣ“.

— 1. Что за *тѣло* воздухъ?—2. Изъ какихъ *газовъ* онъ состоитъ?—3. Для чего намъ нуженъ воздухъ?—4. Гдѣ есть воздухъ?—5. О вѣтрѣ и о пользѣ отъ вѣтра.—6. Отчего воздухъ портится и какъ его очищать?

11. Гроза въ Петербургѣ.

Изъ статьи В. А. Жуковскаго.

День былъ утомительно душенъ; къ ночи все небо задёрнулось громовыми тучами; воздухъ давилъ какъ свинець; тучи шумѣли; Нева подымалась, и былъ въ волнахъ ея голось. Наконецъ запылала гроза. Молніи за молніями, зажигаясь въ тысячѣ мѣстахъ, какъ будто стояли надъ городомъ, однѣ зубчатыми стрѣлами крестили небо, другія вспыхивали, какъ багровые снопы, иныя широкимъ пожаромъ зажигали цѣлую массу облаковъ, и въ этомъ безпрестанномъ, быстромъ переходѣ изъ мрака въ блескъ чудеснымъ образомъ являлись и пропадали зданія, кровли и башни, и вырѣзывались на яркомъ свѣтѣ шатающіяся мачты кораблей, и сверкала громада колонны (памятника Императору Александру 1-му), которая вдругъ выходила вся изъ темноты, бросала минутную тѣнь на озарѣнную кругомъ площадь и вмѣстѣ съ нею пропадала, чтобъ снова блеснуть и исчезнуть.

Эта ночная гроза только очистила небо. Солнце на другой день возшло великолѣпно; на свѣтлой лазурѣи еще бродили разорванные облака, но они не скрывали ни неба, ни солнца.

— Лазурью здѣсь названо свѣтло-голубое небо, а собственно лазурью называется драгоценный голубой или синій камень.

— Какое *явленіе* природы здѣсь описано? Дается-ли здѣсь *объясненіе* этого явленія, раскрываются-ли *причины*, его производящія, или только дается *описаніе* его и впечатлѣнія, имъ производимаго?— Въ какомъ порядкѣ излагается описаніе? Напишите *планъ* его.

12. Громъ и молнія.

В. В. Лункевича.

На берегахъ Балтійскаго моря, среди разноцвѣтныхъ камней, можно иногда найти небольшіе куски жѣлтой смолы. Это *янтарь*. Набѣгающія на берегъ волны выбрасываютъ его изъ морскихъ пучинъ. Давнымъ давно, 2500 лѣтъ тому назадъ, греческій мудрецъ *Талесъ* замѣтилъ, что если натереть сильно кусокъ янтаря сукномъ, то янтарь станетъ притягивать къ себѣ пушинки, соломинки, древесныя опилки, кусочки бумаги и другіе такіе же легкіе предметы. Въ немъ, значитъ, отъ тренія обнаруживается какая-то сила, которая заставляетъ тянуться вверхъ различные легкіе предметы. Янтарь греки называли *электронъ*; оттого-то и силу, которая появляется въ янтарѣ отъ тренія, окрестили именемъ *электричества*...

Теперь извѣстно, что не только янтарь, но и сургучъ, смола, сѣра и стекло также обнаруживаютъ электрическую силу, если натереть ихъ хорошо сукномъ, шерстяной матеріей, мѣхомъ...

Потрите кускомъ сукна сургучъ или гуттаперчевый гребень и поднесите его въ темнотѣ къ своей рукѣ: между сургучомъ и вашей рукой мгновенно проскочитъ блестящая искра и въ то же время послышится слабый трескъ. Это не огонь, это не изъ тѣхъ искръ, какія выскакиваютъ изъ

пылающаго костра,—нѣтъ, это искра безъ огня: ее производить та самая сила, которую назвали электричествомъ; поэтому такая искра называется электрической искрой...

Учёные люди узнали наблюдениями и опытами, что *молнія* тоже электрическая искра, а *громъ*—трескъ, какой получается отъ всякой электрической искры...

Но откуда берется въ воздухъ электрическая искра? Развѣ въ воздухѣ есть электричество?—Есть, но особенно много его и въ воздухѣ, и въ облакахъ, и въ землѣ, и въ насъ самихъ, и всюду кругомъ насъ—во время грозы и передъ грозой. Откуда оно берется?

Окружающій насъ воздухъ постоянно движется, различные слои его трутся другъ о друга, трутся о поверхность воды и земли. Отъ такого тренія въ воздухѣ образуется и накапливается электричество. Но это еще не все. Вода въ океанахъ, моряхъ, озерахъ и рѣкахъ постоянно испаряется; отъ постоянного испаренія и въ парахъ, и въ воздухѣ опять-таки образуется электричество.

Наконецъ—воздухъ получаетъ электричество и изъ земли. Въ землѣ, во всякомъ мѣстѣ ея, есть электричество. Оно медленно переходитъ изъ земли въ воздухъ такъ-же, примѣрно, какъ уходитъ въ воздухъ тепло изъ нагрѣтаго куска желѣза.

Въ знойный лѣтній день, когда солнце сильно нагрѣваетъ воду, въ воздухѣ много накапливается паровъ. Пары охлаждаются, сгущаются и становятся видимыми. Это ужъ облака и тучи. Они, какъ говорится, *заряжены* электричествомъ, которое образовалось отъ сильнаго испаренія воды. Вскорѣ электричество начинаетъ давать большія искры—*молнии*. Молнія, блеснувшая изъ тучи, приводитъ въ сотрясеніе воздухъ, а также и водяные пары, изъ которыхъ состоятъ облака, и мы слышимъ какой-то рѣзкій грохотъ, доносящійся до насъ съ неба. Это и есть *громъ*.

Молнія и громъ бываютъ въ одно и то же время; но почти всегда мы сперва видимъ молнію, а затѣмъ уже слышимъ громъ. Когда молнія сверкнетъ тутъ-же, недалеко отъ насъ, тогда вмѣстѣ съ ея свѣтомъ слышенъ короткій, очень рѣзкій и оглушительный ударъ грома. Когда-же молнія образуется далеко отъ насъ, то громъ бываетъ слышенъ лишь нѣсколько времени спустя послѣ молніи. Чѣмъ дальше молнія, тѣмъ позже послышатся раскаты грома и тѣмъ глуше будутъ казаться они. Вотъ отчего это происходитъ: свѣтъ доходитъ до насъ почти мгновенно, а звукъ движется медленнѣе, проходя около 160 саж. въ секунду (свѣтъ проходитъ въ секунду 280.000 верстѣ). Потому-же—тотъ, кто стоитъ подлѣ пушки или ружья, въ одно и то же время видитъ блескъ огня и слышитъ выстрѣлъ, а издали всегда кажется, что сначала блеснетъ огонь среди порохового дыма, и только потомъ, черезъ нѣсколько времени, доносится выстрѣлъ.

— Гуттаперча—густой сокъ дерева, растущаго въ жаркихъ странахъ.

— Напишите *планъ* этой статьи.—Содержится-ли въ ней *описаніе* грозы или *объясняется* происхожденіе ея, раскрываются *причины*, производящія грозу?—Оказывается, что громъ и молнія—*слѣдствіе* какихъ *причинъ*?—Какъ назы-

вается сила, производящая грозу? Почему она так называется? Какъ можно вызвать эту силу въ сургучѣ, въ гуттаперчевомъ гребнѣ и т. п.? Какъ она обнаруживается? Какъ она сама собой, безъ всякаго сознательнаго участія человека, возбуждается и накопляется въ воздухѣ? Въ какихъ *явленіяхъ* она обнаруживается? По какой *причинѣ* мы раньше видимъ молнію и нѣсколько позже слышимъ громъ? Извѣстно ли намъ какое-нибудь *назначеніе*, которое выполняется грозой и определено Свыше?—Припомните какія-нибудь явленія, *назначеніе* которыхъ намъ извѣстно. Припомните какія-нибудь явленія, *назначенія* которыхъ мы не знаемъ. Припомните какія-нибудь дѣйствія, совершаемыя съ определенной сознательной *цѣлю*.

13. Какъ грозой убило пастуха.

Разсказъ крестьянина, изъ стихотворенія Н. А. Некрасова.

«Ну, ужъ и *буря* была!
 Какъ еще мы *уирьмили!*
Колоколъ-то, колоколъ—
 Словно *о Пасхѣ* гудѣли!
 Наши рѣченки водой
 Нѣлило *на три* аршина,
 Съ поля бѣжала домой,
 Словно *шалная*, скотина:
 Съ ногъ ее вѣтеръ *валилъ...*
Крышко намъ жаль *мальчугана!*
 Этакой *клопъ*, а отбилъ
 Этто у волка *барана!*
 Стали *Волчкомъ* его звать—
Любо! Встаетъ съ *птухами*,
Пѣсни начнетъ *распѣвать*,
 Весь уберѣтся *цвѣтами*,
 Ходить *проворный* такой.
 Матка его *проводила:*
Поберегися, родной,
 Слышишь, *какая* завывала!—
 «*Буря-ста* мнѣ ни *почемъ*,

Я, говорить, не *ребенокъ!*»
 Да *размахнулся* кнутомъ—
 И *повалился* съ *ножонокъ!*...
 Мы *посмѣялись* тогда.
Пуще гроза *расходилась...*
 Слышимъ—нежданно *бѣда*
 Съ нашимъ *Волчкомъ* *приключилась...*
 Онъ, какъ на *выгонъ* *пришѣлъ*,
 Съѣлъ подъ *рогожей* на *кочку*,—
 Ну, а *Господь* и *навѣлъ*
 Громъ въ эту *самую* *точку!*
 Взяли—не *въ полъ* *бросать*,
 Да какъ *рогожу* *открыли*,
 Такъ не *одна* его *мать*—
Всѣ наши *бабы* *завыли*.
Уломился *Волчокъ*,
Спитъ себѣ. *Кровь* на *рубашкѣ*,
 Въ *лѣвой* *ручѣнкѣ*—*рожокъ*,
 А на *шляпѣнкѣ*—*вѣнокъ*
 Изъ *васильковъ* да изъ *кашки...*»

— Громъ: по народнымъ понятіямъ, ударъ грома иногда убиваетъ людей. На самомъ дѣлѣ убиваетъ та электрическая искра, которую мы называемъ молніей и которая сопровождается громомъ. Вообще гроза нерѣдко причиняетъ большія бѣдствія: молнія зажигаетъ зданія, расщепляетъ деревья, убиваетъ людей и животныхъ. Для огражденія зданій отъ молніи учёные люди придумали *громоотводы*: на крышѣ укрѣпляютъ остроконечный металлическій шестъ, отъ котораго идетъ по крышѣ металлическій пруть, спускается по стѣнѣ и уходитъ въ землю, напримѣръ—въ колодець. Молнія обыкновенно ударяетъ въ высокіе предметы, особенно въ остроконечные: вотъ она и ударяетъ въ остріе шеста, бѣжитъ по металлическому пруту и уходитъ въ землю, не причиняя зданію никакого вреда.

— Изложите кратко *событіе*, о которомъ рассказываетъ крестьянинъ.— Какое впечатлѣніе произвела смерть маленькаго пастуха на этого крестьянина и на всѣхъ очевидцевъ? Въ какихъ словахъ выражается это впечатлѣніе? *Слѣдствіемъ* какой *причины* была эта смерть? *Слѣдствіемъ* какой *причины* была молнія, убившая мальчика? Могла-ли молнія имѣть сознательною *цѣлью* убійство мальчика? Знаемъ-ли мы ту Высшую *цѣль*, которая опредѣлила молніи такое *назначеніе*?

14. Безшумная гроза.

В. В. Лункевича.

Въ самыхъ холодныхъ странахъ земли,—тамъ, гдѣ зима продолжается 8—10 мѣсяцевъ, гдѣ снѣгъ и лёдъ никогда не прекращаются, не бываетъ настоящихъ грозъ. Тамъ, послѣ долгаго дня, наступаетъ долгая ночь. Солнце втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ совсѣмъ не показывается. Только луна и звѣзды видны на небѣ въ эту долгую, морозную ночь. И вотъ въ это самое время наступаютъ здѣсь тихія, безшумныя грозы...

Представьте себѣ морозную звѣздную ночь. По небу плыветъ легкій туманъ, сквозь который падаетъ на снѣжную равнину слабый свѣтъ звѣздъ и луны. Но вотъ на горизонтѣ показывается первый проблескъ сіянія въ видѣ неясной зари. Свѣтъ становится замѣтнѣе, и вскорѣ на небѣ загорается свѣтлая дуга желтовато-бѣлаго цвѣта, какъ бы перекинутая съ одного конца земли на другой. Дуга дѣлается все ярче и ярче, и свѣтъ луны передъ нею кажется какимъ-то жѣлтымъ и тусклымъ. Дуга растетъ. Вотъ она уже раза въ три шире обыкновенной радуги. Тутъ, вслѣдъ за первою дугою, появляется вторая, третья, четвертая. Всѣ онѣ свѣтятъ сначала ровнымъ, однообразнымъ свѣтомъ. Вдругъ изъ нихъ начинаютъ вырываться цѣлыя снопы ослѣпительно-яркихъ лучей, то зеленыхъ, то золотистыхъ, то пурпуровыхъ. Лучи эти играютъ, переливаются... Временами края дуги приподнимаются, и тогда она сіяетъ и блещетъ, точно разноцвѣтная лента. Лента волнуется, извивается, свѣртывается и образуетъ красивыя, широкія складки, какъ будто ее колышетъ все время легкій вѣтерокъ. Нѣсколько времени спустя, она снова развѣртывается и раздѣляется на-двое. Сіяніе меркнетъ и вновь загорается, а бѣлоснѣжная равнина то вдругъ освѣщается яркими переливами свѣта, то покрывается мракомъ. Дуги уже трепещутъ. Свѣтъ ихъ замираетъ, хотя минутами вспыхиваетъ блѣднымъ мерцаніемъ. Вскорѣ и этого не видно. Все угасло. Сѣверная безшумная гроза миновала.

Сѣверное сіяніе длится обыкновенно нѣсколько часовъ. Бываютъ и такіе случаи, когда оно не прекращается втеченіе 35—40 часовъ. А однажды, въ 1859 году, оно продолжалось безъ перерыва цѣлую недѣлю.

Свѣтъ сѣвернаго сіянія—это электрическій свѣтъ. Онъ образуется изъ свѣта миллионовъ электрическихъ искръ, которыя быстро слѣдуютъ одна за другою. Электрическія искры сѣвернаго сіянія получаютъ отъ электричества, которое въ холодныхъ странахъ, какъ и вездѣ, накапливается въ воздухѣ, въ землѣ и въ облакахъ. Въ другихъ, болѣе теплыхъ, странахъ электричество показываетъ себя въ видѣ грозныхъ, разрушительныхъ молній, которыя сопровождаются оглушительнымъ трескомъ; здѣсь-же, въ странахъ холодныхъ,

оно образуетъ безшумную грозу: не видно молній, не слышно раскатовъ грома, а блещетъ лишь въ воздухѣ чудное сіяніе.

— Горизонтомъ называется та линія, гдѣ для нашего глаза земля какъ будто сходится съ небеснымъ сводомъ.—Пурпуровый—ярко-красный.

— Напишите *планъ* статьи.—Гдѣ бывають грозы безъ грома?—Какъ называется эта *безшумная* гроза? Чѣмъ она отличается отъ нашихъ грозъ? Какое *зрѣлище* она представляетъ? Не помните-ли изображенія *сверхнаго сіянія* въ стихахъ?

15. О телеграфѣ.

Изъ статьи гр. Л. Н. Толстого.

Прежде электричество дѣлали тѣмъ, что натирали стекло или сургучъ. А учёный *Вольта* сталъ дѣлать его тѣмъ, что желѣзо и мѣдь сводилъ вмѣстѣ. Онъ пробовалъ сводить вмѣстѣ желѣзо и мѣдь и другіе металлы и дошелъ до того, что изъ одного соединенія металловъ: серебра, платины, цинка, олова, желѣза—онъ производилъ электрическія искры.

Послѣ Вольты придумали еще усилить электричество тѣмъ, что промежъ металловъ стали наливать разныя жидкости, воду и кислоты. Отъ этихъ жидкостей электричество стало еще сильнѣе, такъ что ужъ не нужно—какъ прежде дѣлали—тереть, чтобы было электричество, а стидѣть только положить въ одну чашку кусковъ разныхъ металловъ и налить жидкостей, и въ этой чашкѣ будетъ электричество, и будетъ выходить искра изъ проволоки.

Когда придумано было это электричество, стали его прилагать къ дѣлу: придумали свѣтъ электрической и придумали электричествомъ съ мѣста на мѣсто передавать знаки (*телеграфъ*).

Кладутъ куски разныхъ металловъ въ стаканчики; въ нихъ наливають жидкости. Въ стаканчикахъ набирается электричество, и это электричество проводятъ по проволокамъ въ то мѣсто, куда хотять (изъ города въ городъ и т. под.), а изъ того мѣста проволоку проводятъ на землю. Электричество въ землѣ бѣжитъ опять назадъ къ стаканчикамъ и поднимается къ нимъ изъ земли по другой проволокамъ, такъ что электричество между двухъ мѣстъ, не переставая, ходитъ кругомъ, какъ въ кольцѣ,—по проволокамъ въ землю и назадъ по землѣ, и опять по проволокамъ, и опять по землѣ. Если по проволокамъ пустить электричество и проволокой этой обмотать кусокъ желѣза, то желѣзо это сдѣлается *магнитомъ* и будетъ къ себѣ притягивать другое желѣзо.

Телеграфъ дѣлають такъ: пустятъ электричество по проволокамъ и проволокой этой обмотають желѣзный столбикъ. А надъ столбикомъ придѣланъ на перевѣсѣ желѣзный молоточекъ. И пока электричество ходитъ по проволокамъ, желѣзный столбикъ, обмотанный проволокой, притягиваетъ къ себѣ желѣзный молоточекъ. Какъ только на другомъ концѣ—хоть за 100 верстъ—разведутъ концы проволоки врозь, электричество перестаетъ ходить кругомъ, и желѣзный столбикъ перестаетъ быть магнитомъ, и молоточекъ отъ него отпадаетъ. Какъ сведутъ опять концы, такъ молоточекъ притягивается. И

такъ можно съ одной станціи на другую постукивать молоточкомъ. И по этимъ стукамъ уговорены знаки.

— Напишите *планъ* статьи.—Какъ люди упростили добываніе *электричества*?—Какъ они придумали усиливать это упрощенное электричество?—Какъ они примѣнили его къ своимъ житейскимъ надобностямъ?—Что такое *телеграфъ*? Какъ устраиваютъ телеграфъ?—Къ какой сознательной *цѣли* были направлены дѣйствія и выдумки людей, придумавшихъ телеграфъ? Какое *назначеніе* они опредѣлили для разныхъ предметовъ, устроивая телеграфъ: для металловъ въ стаканчикѣ, для жидкостей, для проволоки, для куска желѣза, для молоточка?

16. О разныхъ цвѣтахъ предметовъ.

С. А. Порѣцкаго.

Вы, конечно, видали, какъ солнечный лучъ, проходя черезъ граненый стаканъ или графинъ, образуетъ на полу, на стѣнѣ, на столѣ «зайчикъ»—свѣтлое пятно радужныхъ цвѣтовъ. Мы можемъ получить такой «зайчикъ» болѣе яснымъ, если пропустимъ солнечный лучъ черезъ маленькое отверстіе въ стѣнѣ въ темную комнату и заставимъ его пройти сквозь стеклянный трехсторонній брусочекъ,—такъ называемую *призму*. На стѣнѣ получится тогда свѣтлая полоска, окрашенная въ радужные цвѣта: на одномъ концѣ она будетъ краснаго цвѣта, затѣмъ оранжеваго, желтаго, зелѣнаго, голубого, синяго и, наконецъ, на другомъ концѣ, фіолетоваго. Совершенно тѣ-же цвѣта и въ томъ-же порядкѣ замѣчаемъ мы и въ радугѣ. Такая радужная полоска называется *спектромъ*. И такъ, солнечный лучъ оказывается не простымъ: онъ состоитъ изъ лучей различныхъ цвѣтовъ. Когда всѣ эти цвѣта смѣшаны между собою и попадаютъ вмѣстѣ въ нашъ глазъ, свѣтъ кажется намъ бѣлымъ; стеклянная призма раздвигаетъ эти лучи, и мы видимъ тогда отдѣльные цвѣта.

Когда свѣтъ падаетъ на какой-нибудь предметъ, онъ отражается отъ этого предмета назадъ подобно тому, какъ отскакиваетъ назадъ мячикъ, ударившись въ стѣну. Но не весь падающій на предметъ свѣтъ отражается отъ него назадъ: часть свѣта, а иногда и весь свѣтъ можетъ уходить въ самый предметъ, поглощаться имъ. Если предметъ отразитъ отъ себя всѣ лучи, къ намъ въ глазъ попадетъ опять смѣсь всѣхъ цвѣтныхъ лучей; смѣсь эта даетъ бѣлый свѣтъ, и предметъ тогда кажется намъ бѣлаго цвѣта. Если предметъ поглощаетъ всѣ лучи, отъ него совсѣмъ не будетъ итти въ нашъ глазъ свѣта; такой предметъ кажется намъ чернымъ. Если же предметъ отражаетъ отъ себя только часть лучей, на примѣръ, одни только красные лучи, а всѣ остальные поглощаетъ, къ намъ будутъ итти отъ него только красные лучи, и предметъ этотъ покажется намъ краснаго цвѣта. Значитъ, цвѣтъ какой-нибудь вещи не есть что-нибудь, находящееся въ самой этой вещи: всякій предметъ такого цвѣта, каковаго цвѣта тѣ лучи, которые онъ отражаетъ отъ себя.

Если предметъ прозраченъ, то онъ одну часть свѣта поглощаетъ, а другую часть пропускаетъ сквозь себя. И опять-таки цвѣтъ прозрачнаго предмета зависитъ не отъ тѣхъ лучей, которые онъ задерживаетъ въ себѣ,

а отъ тѣхъ, которые онъ пропускаетъ—отъ тѣхъ лучей, которые, пройдя безпрепятственно сквозь предметъ, попадутъ въ нашу глазъ.

— Радужные цвѣта—тѣ цвѣта, какіе мы видимъ въ радугѣ на небѣ.—Оранжевый—красно-желтый цвѣтъ.—Фиолетовый—синева-красный цвѣтъ.

— Напишите *планъ* статьи.—Какъ можно получить солнечный *спектръ*? Изъ какихъ отдѣльныхъ лучей состоитъ солнечный лучъ? По какой *причинѣ* предметы кажутся намъ разныхъ *цвѣтовъ*? Почему мѣлъ *благое* цвѣта, а уголь *чернаго*? Почему прозрачное стекло—одно *красное*, другое *синее*, и т. д.?

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

1. Опишите какія-нибудь *явленія*, происходяшія съ знакомыми вамъ предметами, въ природѣ, въ жизни: домъ разрушается, рожь цвѣтетъ, наливается, поспѣваетъ, деревья теряютъ листья, птица вьетъ гнѣздо, на небѣ собираются облака и тучи, идетъ дождь, сверкаетъ молнія, гремитъ громъ, у работника съ годами слабѣютъ силы, лѣнливый работникъ бѣднѣетъ, разоряется, бѣдетствуетъ, и т. под. 2. Возьмите какое-нибудь *явленіе* природы или человѣческой жизни, съ которымъ вы хорошо знакомы, опишите его, объясните *причины* этого явленія и укажите его *слѣдствія*. 3. Припомните нѣсколько дѣйствій съ опредѣленною *цѣлью*, опишите эти дѣйствія и объясните цѣль каждаго изъ нихъ. 4. Припомните нѣсколько дѣйствій и явленій, въ которыхъ не можетъ быть сознательной цѣли производящаго ихъ предмета, а только выражается данное ему *назначеніе*, и опредѣлите назначеніе каждаго изъ нихъ.

17. Бѣда молодца.

А. В. Кольцова.

На селѣ своемъ жилъ молодецъ,
Ничего не зналъ—не *впдывалъ*,
Со друзьями *гулялъ-бразничалъ*,
По *всему селу* роскошничалъ.

Въ день *воскресный*, съ утра до ночи,
Въ хороводѣ *тѣсни* игрывалъ;
Вмѣстѣ съ *дѣвицей-красавицей*
Пляски *новыя* выдумывалъ...

На погибель мою *староста*
За сынка *впередъ* посватался,—
И его *казна* несмѣтная
Повернула все *по-своему*.

Тошно, грустно было на сердцѣ,
Какъ изъ *церкви* мою милую,
При народѣ, взялъ онъ *за руку*,
Съ *похвалбою* поклонился мнѣ...

Я стоялъ, глядѣлъ, *задумался*;
Снявши шапку, хватилъ *объ землю*,

И пошелъ себѣ *зауменьемъ*
Подъ его окошки *красныя*...

Вотъ приходитъ *полночь* мѣртвая;
Разошлись гости пьяные,
Добры-младцы разошлись,
И ворота *затворились*.

Въ эту пору *для пріятеля*
Заварилъ я брагу *хмельную*,
Заигралъ я свадьбу *новую*,
Что бесѣду *небывалую*.

Аль *ни дымъ* пошелъ поды облаки,
Аль *ни пламя* закрутилося;
По сосѣдямъ—черезъ *улицу*—
На *мою* избушку бросилосъ.

Гдѣ стоялъ его *богатый* домъ,
Гдѣ была *избушка бѣдная*,
Утромъ *все* съ землей сравнялося,
Только *уголья* чернѣлися.

Съ той поры я съ горемъ-нуждою За дневной кусокъ работаю,
По чужимъ угламъ скитаюся, Кровнымъ потомъ умываюся.

— Изложите содержаніе стихотворенія въ третьемъ лицѣ. — Въ чемъ заключалась *бѣда*, о которой рассказываетъ „молодецъ“? — Хорошій-ли способъ выбралъ онъ утѣшить себя въ бѣдѣ, избыть свою кручину? — Легче-ли? ему стало на душѣ, когда онъ сжѣгъ домъ своего нѣдруга? — Не должна-ли была усилиться его кручина отъ сознанія, что онъ сдѣлалъ зло другимъ людямъ, да не только нѣдругу своему, а еще и сосѣдямъ, которые совсѣмъ неповинны въ его бѣдѣ? — Какую долю приготовилъ онъ самъ себѣ своимъ злымъ дѣломъ? Какъ объ этомъ говорится въ стихахъ? — Какъ должно относиться къ нѣдругамъ по ученію Христа Спасителя? — Чѣмъ можно объяснить злое дѣло молодца: какія *думы* и *чувства* овладѣли его *волей* и направили ее на злое дѣло — погибельное и для другихъ, и для него самого? — Значить, достаточно-ли сильна была его *воля*, если онъ не могъ справиться съ дурными думами и злыми чувствами?

18. Самосохраненіе и чувство долга.

Г. А. Мачтета.

Турки тѣснили насъ со всѣхъ сторонъ. Все смѣшалось въ какую-то безпорядочную бѣгущую кучу: артиллерія, обозъ, пѣхота, и все это толкало, тѣснило другъ друга, увеличивая смятеніе. Въ это время докторъ возился на одномъ изъ перевязочныхъ пунктовъ за холмомъ, откуда ничего не было видно, куда долеталъ только гулъ этой отчаянной человѣческой бойни. Къ нему тащили жертву за жертвою, и онъ, по обычаю, ворча и ругаясь, ходилъ между рядами несчастныхъ, облитыхъ кровью, искалѣченныхъ людей, перевязывая и въ то же время успокоивая, поддерживая добрымъ, участливымъ словомъ...

— Бѣгите! Непрiятель! —

Это прокричалъ намъ одинъ изъ офицеровъ, прискакавшій внезапно на взмыленной лошади, весь блѣдный и запыхавшійся... Оба фѣльдшера бросились бѣжать, и мы, повинувъсь какому-то странному влеченію, бессознательно бросились за ними, перескакивая черезъ раненыхъ, искалѣченныхъ людей... Помню, что раненые подняли вопль, прося не бросать ихъ, умоляя всѣми святыми спасти ихъ отъ турокъ, съ невѣроятными усиліями хватая наши ноги, платья, лоя ваши руки... Мы вдругъ почему-то опомнились и остано-вилась блѣдные, дрожащіе, задыхающіеся...

— Бѣгите-же, говорю вамъ! —

— А раненые? обернулся докторъ къ офицеру, еле переводя духъ.

Тотъ пожалъ плечами въ отвѣтъ.

— Слѣзайте! крикнулъ ему докторъ...

— Да непрiятель на носу! — торопиль офицеръ, колебался.

— Слѣзайте! Они несчастнѣе насъ съ вами, — указывалъ докторъ на раненыхъ, — ваша помощь нужна!

Его мужественный, хотя и задыхающійся голосъ, его примѣръ вернули намъ самообладаніе. Офицеръ слѣзъ, и мы все вмѣстѣ подъ крики док-

тора: тише, осторожи́те!—быстро укладывали раненыхъ въ фуру; но ихъ оказалось слишкомъ много. Когда биткомъ набитая фура двинулась, нѣсколько человекъ оставалось все еще на землѣ, продолжая громко молить спасти и ихъ.

— Ну, скачите, — лихорадочно обернулся опять докторъ къ офицеру: приведите еще фуру. —

— Да вы съ ума сошли.. Я говорю вамъ: бѣгите!—разсердился тотъ.

— Не могу! Понимаете, не могу!

— И фуры взять нѣгдѣ. Гдѣ ее теперь достанешь?—

— Гдѣ хотите... Телѣгу, лафетъ, — все равно.

— Бѣгите, говорю вамъ!

— Бѣгите себѣ! Я...я...я, задыхаясь, говорилъ докторъ: я не оставлю больныхъ.

Блѣдный, дрожащій, съ плотно сжатыми зубами, онъ усѣлся на землю и развернулъ флагъ съ Краснымъ Крестомъ.

Офицеръ покраснѣлъ. Ему, очевидно, стало неловко. Докторъ напомнилъ ему о долгѣ и мужествѣ. Вскочивъ на лошадь, онъ нерѣшительно натянулъ поводья.

— Хорошо, я постараюсь, но врядъ-ли!...

Впереди слышался уже грохотъ какой-то приближающейся громадной массы, и оттуда сыпались выстрѣлы... На холмѣ показался офицеръ верхомъ, изо всей мочи гнавшій какую-то обозную телѣгу.

— Скорѣй, скорѣй!—кричалъ онъ, задыхаясь: —Торопитесь!

Когда мы вѣхали на холмъ, вся долина влѣво была занята уже неприятельской пѣхотой. Залпъ за залпомъ раздавался сзади, и какая-то шальная пуля задѣла доктора въ ногу. Закачавшись, онъ грохнулся наземь.

— Ничего, — поблѣднѣвъ, какъ смерть, сказалъ онъ намъ, ощупывая ногу: пустяки, кость цѣла! —

— Проклятая пуля!—ворчали мы всѣ, укладывая и его въ телѣгу...

— Что ее ругать!—возразилъ онъ, сисясь улыбнуться и морщась отъ боли.

— Перевязочный пунктъ—мѣсто, куда несутъ раненыхъ для осмотра, перевязки ранъ и пр.—Фельдшеръ—помощникъ доктора.—Самообладаніе—способность владѣть и управлять собой, не поддаваться страху, побѣждать въ себѣ лѣнь, боязнь, утомленіе, когда это нужно; въ самообладаніи обнаруживается *воля* человека.—Фура—повозка для перевозки раненыхъ.—Лафетъ—подставка съ колесами, на которую по-мѣщаютъ пушку.

— Изложите *содержаніе* разсказа.—Гдѣ и когда было дѣло?—Чѣмъ занимался докторъ?—Какое извѣстіе принесъ прискакавшій офицеръ? Что послѣдовало за этимъ извѣстіемъ?—Почему докторъ отказался бѣжать: развѣ онъ не испытывалъ *страха* передъ неприятелемъ? Въ чемъ обнаружилась его твердая и добрая *воля*?—Какъ удалось ему возбудить чувство *долга* въ офицерѣ и направить его волю на добрый путь? Какъ удалось ему возвратить *самообладаніе* и другимъ людямъ? Въ чемъ обнаружилось это самообладаніе?—Выдержалъ-ли докторъ до конца силою своей *воли* самообладаніе?—Въ чемъ именно обнаружилась его благородная выдержка?

19. По прочтеніи псалма.

А. С. Хомякова.

Земля *трепещетъ*; по эфиру
 Катится *громъ* изъ края въ край.
 То *Божій* гласъ; онъ *судитъ* міру:
 «Израиль, Мой народъ, *внимай!*

Израиль! ты Мнѣ строишь *храмы*;
 И храмы *золотомъ* блестятъ,
 И въ нихъ курятся *фиміамы*,
 И день и ночь *огни* горять.

Къ чему мнѣ *вашихъ храмовъ* своды,
 Бездушный *камень*, прахъ земной?
 Я создалъ *землю*, создалъ *воды*,
 Я небо очертилъ *рукой!*

Къ чему мнѣ *злато*? Въ глубь земную,
 Въ *утробу* вѣковѣчныхъ скалъ,
 Я влилъ, какъ *воду* дождевую,
 Огнемъ *расплавленный* металлъ.

Къ чему *куренья*? Предо мною
 Земля со всѣхъ своихъ *концовъ*
 Кадитъ *дыханьемъ* подъ росую
Благоухающихъ цвѣтовъ.

Къ чему *огни*? Не Я-ль *свѣтила*
 Зажегъ надъ *вашей* головой?
 Не Я-ль, какъ *искры* изъ горнила,
 Бросаю *звѣзды* въ мракъ *ночной*?

Твой *скуденъ* даръ. Есть даръ *безцѣнный*,
 Даръ *нужный* Богу *твоему*;
 Ты съ *нимъ* явись, и, *примиренный*,
 Я *всѣ* дары твои *приму*:

Мнѣ нужно *сердце* чище *злата*,
 И *воля* крѣпкая въ *трудъ*;
 Мнѣ нуженъ *братъ* любящій *брата*,
 Нужна мнѣ *правда* на *судъ*!

— Чей *голосъ* слышится поэту въ *громъ* бури?—Къ кому обращается этотъ *голосъ*? Не должно-ли подъ Израилемъ разумѣть вообще вѣрующихъ людей?—Какіе дары людей Богъ признаетъ *скудными*? Какъ объ этомъ говорится въ стихахъ? Какой даръ Богъ признаетъ *безцѣннымъ* и чего требуетъ отъ людей, чтобы и всѣ ихъ дары были приняты? Какъ объ этомъ сказано въ стихахъ? Какое сердце *чище злата*? Какъ можетъ въ трудѣ обнаруживаться *крѣпкая воля*? Кого слѣдуетъ понимать подъ именемъ *брата*, котораго мы должны любить? Какъ обнаруживается *правда* на *судъ*?—

20. Человѣкъ сильной и доброй воли.

Изъ статьи К. Д. Ушинскаго.

Въ одной изъ гористыхъ мѣстностей Франціи, вдали отъ богатыхъ городовъ и большихъ путей сообщенія, расположено нѣсколько деревень... Жители здѣсь отличались невѣжествомъ, бѣдностью, грубостью нравовъ и вообще были очень несчастны.

Въ 1767 году сюда былъ назначенъ священникомъ Жанъ *Оберлейнъ*, человѣкъ еще очень молодой, сынъ бѣднаго учителя, но получившій хорошее воспитаніе. Прибывъ на мѣсто, Оберлейнъ скоро убѣдился въ жалкомъ положеніи своихъ прихожанъ. Другой, быть можетъ, искалъ бы случая убѣждать изъ такой глуши; но молодой священникъ думалъ, что здѣсь-то и нужна его дѣятельность, и положилъ *цѣлью* своей жизни: извлечь несчастныхъ изъ ихъ жалкаго положенія.

«Прежде всего надобно ихъ учить», сказалъ самъ себѣ Оберлейнъ: «люди, лишённые образованія, не могутъ понимать даже и своей собственной пользы; съ учрежденія школы должно начать преобразование моего прихода».

Но невѣжество жителей было такъ велико, что они допустили Оберлейна приступить къ постройкѣ школы не иначе, какъ получивъ отъ него обязательство не требовать отъ нихъ денегъ на содержаніе школы. Оберлейнъ далъ это обязательство и тридцать лѣтъ содержалъ школу на свои скудные средства. Но въ продолженіе этого времени школа, основанная Оберлейномъ, оказала свое дѣйствіе: прихожане поняли пользу ученія и уже сами учредили мало-по-малу пять школъ.

Но не одно обученіе дѣтей занимало Оберлейна. Онъ скоро сдѣлался ангеломъ-хранителемъ всѣхъ несчастныхъ своего прихода: то являлся утѣшителемъ въ семейства, пораженные какимъ-нибудь горемъ, то исправлялъ порочныхъ людей увѣщаніями, то помогалъ бѣднымъ, то посѣщалъ и лѣчилъ больныхъ.

Но онъ хотѣлъ по возможности уничтожить самыя *причины* бѣдствій, стараясь вводить между своими прихожанами разныя полезныя учрежденія. Его осыпали за это и насмѣшками, и угрозами, но онъ побѣждалъ всѣ препятствія своею твердостью, силою своей *воли*, такъ что самые злые противники дѣлались его сотрудниками. Оберлейнъ уговорилъ прихожанъ исправить дороги между деревнями прихода, а потомъ задумалъ проложить черезъ горы дорогу до города. Сдѣлать это было очень трудно; однако-же неутомимый священникъ не испугался затрудненій. Вооружившись ломомъ, онъ прилежно принялся за работу; примѣръ его подѣйствовалъ на всѣхъ, всѣ принялись за работу, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прекрасная дорога, версты въ три длиною, открыла для жителей прихода удобное сообщеніе съ городомъ. Горная рѣчка затопляла поля: священникъ и прихожане вырыли ей постоянное русло и построили на ней нѣсколько мостовъ.

Оберлейнъ много улучшилъ и хозяйство крестьянъ: подъ его руководствомъ они очистили поля отъ камней; онъ сообщалъ молодымъ людямъ полезныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ и постановилъ правиломъ, чтобы каждый молодой человѣкъ посадилъ собственными руками по-крайней мѣрѣ — два дерева. Крестьяне прихода знали только дикую яблоню; Оберлейнъ соб-

ственнымъ примѣромъ побудилъ ихъ воспитывать плодовые деревья лучшихъ сортовъ: онъ собственными руками развелъ садъ у самой дороги, такъ что всѣ, проходя мимо, могли видѣть плоды трудовъ его. Онъ научилъ крестьянъ удобрять землю, улучшилъ породу домашняго скота, ввелъ искусственные дуга (травосѣяніе) и искусственное орошеніе земли. Онъ учредилъ сберегательную кассу съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотъ, кто хочетъ принять въ ней участіе, обязательно посылалъ своихъ дѣтей въ школу; изъ этой кассы деньги выдавались въ долгъ безъ заклада и безъ процентовъ. Пожары часто истребляли жилища крестьянъ, и Оберлейнъ завелъ нѣсколько пожарныхъ трубъ, крючьевъ, лѣстницъ.

Всѣ дни своей жизни Оберлейнъ посвящалъ благу своихъ прихожанъ, и во всемъ приходѣ не было радости, которой онъ не былъ бы, хотя отчасти, виновникомъ; не было горя, котораго бы онъ, по возможности, не облегчилъ; не было ссоры, въ которой онъ не былъ-бы посредникомъ и примирителемъ.

Оберлейнъ прожилъ 86 лѣтъ и до конца своей жизни сохранилъ въ полной свѣжести всѣ свои душевныя силы, хотя ослабѣвшее тѣло и отказывалось служить ему.

— Кто былъ этотъ человѣкъ, обладавшій сильной и доброй волей?— Почему его воля названа *сильной*? Почему она названа *доброй*?— Выберите изъ разсказа всѣ свѣдѣнія о приходѣ, который достался Оберлейну, и о жизни его населенія до пріѣзда молодого священника.— Какую *цѣль* поставилъ Оберлейнъ для своей жизни?— Хорошая-ли была это цѣль и почему?— Достигъ-ли онъ этой цѣли?— Легкое-ли это было дѣло? Чего оно требовало, кромѣ ума и любящаго сердца?— Нѣтъ-ли въ разсказѣ указанія на обстоятельства жизни, которыя способствовали развитію въ молодомъ человѣкѣ сильной и доброй воли?— Что это значитъ, что Оберлейнъ получилъ *хорошее воспитаніе*? Значитъ, какіе примѣры онъ видѣлъ въ семьѣ и въ жизни? Бъ чему его приучали съ дѣтскихъ лѣтъ? Какіе давали наставленія и совѣты? Чего отъ него требовали?

Планъ для сочиненія „Сильная и слабая, добрая и злая воля“.

1. Разсказъ о молодцѣ, который не могъ справиться съ злыми думами и чувствами, по стихотворенію Кольцова.—2. Примѣры слабой и злой воли изъ жизни.—3. Разсказъ о жизни человѣка съ доброй и сильной волей изъ прочитаннаго.—4. Примѣры доброй и сильной воли изъ жизни.—5. Выводъ о томъ, какую волю можно назвать *доброй* и *сильной*.

21. Кулакъ Лукичъ и его воспитаніе.

И. С. Никитина.

Еще *ребенкомъ*, не стѣсненннй
Въ привычкахъ жизни обыденной,
Лукичъ *бездѣлье* полюбилъ.

Своимъ Карпушкой занятъ былъ
Торгашъ, *отецъ* его, немного,
Хоть и *твердилъ* сынишкѣ строго:

«А вотъ, Господь дастъ, *поживёмъ*,
Мы поглядимъ, *какимъ* добромъ
Воздашь отцу за *попеченье*.

Тутъ *можно* человѣкомъ быть:

Съ-измала началось ученье—

Псалтырь и всё... тутъ *можно* жить!

Я и читать вот не учился,
 Да *вышелъ* въ люди, сытъ, обутъ!...
 И подь хмѣлькомъ всегда бранился:
 «Ты, дескать, *бѣловень!* ты *плутъ!*»
 И сына за *сигдръ* поймаешь,
 Такъ, ни за что... «Ну *вотъ-моль* знай!»
 Дерётъ, дерётъ—до слёзъ таскаетъ
 И молвить: «Ну, ступай, *играй!*»

А мать свое *хозяйство* знала,
 Въ печи дрова со *счётомъ* жгла,
 Горшки да *чашки* берегла,
 И ей заботы было *мало*,
 Когда зимой по *цѣлымъ* днямъ,
 Забросивъ *книжку* и указку,
 Сынонь *катался* по горамъ...
Раздѣле! легкія салазки
 Со скрипомъ по *снѣгу* летять,
 На нихъ *бубенчики* звенять.

«Какъ *смѣлъ* ты утромъ не являться!»
 Ему *учитель* говорилъ.
 — У насъ *молебень* въ домѣ былъ,
 Мнѣ батюшка велѣлъ *остаться*.—
 «Ты до *обѣда* *идъ* ходилъ?
 Кричалъ отецъ: *часъ цѣлый* ждали»...
 — *Учитель* не пускалъ домой:
Задъ сидѣли—повторяли...—

Бывало, *лѣтнею* порой
 Тайкомъ залѣзетъ въ *садъ* чужой,
 Румяныхъ *яблокъ* наворуетъ,
 Тащить ихъ къ *матери*. «Гдѣ *взялъ?*»
 — А это мнѣ *Сеньдика* далъ.
 Вотъ *пишь!*—И мать его *цѣлуетъ*:
 Поди-моль *родила* сынка,
 Не съестъ безъ *матери* куска!
 Порой *грачей* въ *гнѣздѣ* поймаешь:
 «Эй, Сенька! у меня *грачи!*
 Давай *мѣнять* на калачи!»
 — Не *надо!*—Сенька *отвѣчаетъ*.
 «Ну, и не *надо...* *вотъ* имъ, *вотъ!*»
 И *идовы* грачамъ *свернётъ*,

Парнишку *больно* оттаскаетъ
 И *прибѣжитъ* домой—*ревётъ*.
 «О *чемъ* ты?» мать въ *испугъ* спросить.
 — Да вотъ *Сеньдика*, сынъ *голосить*:
 Моихъ *грачей* *закинулъ* въ ровъ
 И *надавалъ* мнѣ *тумаковъ*.—

Карпушка на *ноги* поднялся
 И *все* безъ дѣла *оставался*,
 Покамѣстъ *вздумалось* отцу—
 Въ науку *мудрую* къ купцу
 Его отдать. Тутъ *все* *разсѣты*—
 Торговыхъ *плутней* извороты
 Онъ *изучилъ*, и кошелёкъ
 Казной *хозяйскою*, какъ могъ,
Наполнилъ. Годы *шли*. Скончался
 Его *отецъ*; утасла *мать*...
 Невѣсту *доло-ли* сыскать?

И сынъ *женился*. Распрощался
 Съ *купцомъ*; заторговалъ *мукой*,
 И какъ по *маслу* годъ-другой
 Все шло. Но вдругъ за *пень* задѣло.
 Тутъ *неудача*, тамъ *сплошалъ*...
 Спустилъ, какъ *воду*, капиталъ—
 И *запилъ*: *горе* одолѣло!
 Искать *мѣстечка*—*стыдъ* большой,
 Искать *рѣшилъ*—*отказали*.
 А ремеслу не *обучали*.

Подумалъ—и *мазнулъ* рукой:
 „*Тѣфу*, чертъ возьми, да *что* за *горе!*“
 Пойду на *рынокъ* по утру,
 Такъ вотъ и *деньги!* Рынокъ—*море!*
 Тамъ *рыба* есть, умѣй *ловить!*
Достанетъ какъ-нибудь *прожить!*

И съ той поры, *лѣтъ* *тридцать*
 сряду,
 Онъ всякой *дрянью* *промышлялъ*,
 И *Лукича* весь *городъ* *зналъ*
 По разнымъ *плутнямъ*, по *наряду*,
 По *вѣчной* худобѣ *сапогъ*
 И по *загару* *смуглыхъ* щёкъ.

— Кто такой былъ *Лукичъ*? Чѣмъ онъ занимался? Какую получилъ онъ известность въ городѣ? Какъ объ этомъ говорится въ стихахъ? Каково ему жилось?—Неужели онъ родился такимъ плутомъ и вреднымъ человѣкомъ?—Какія обстоятельства жизни поставили его на эту дорогу?—Какія наклонности и привычки въ немъ развивали съ дѣтскихъ лѣтъ? Какіе онъ постоянно видѣлъ примѣры? Учили-ли его чему-нибудь доброму и полезному? Подкрѣпите ваши отвѣты

на эти вопросы фактами.—Можно-ли сказать, что Лукичъ получилъ хорошее *воспитаніе*?—Почему-же родители не дали ему хорошаго воспитанія и не учили его добру? Развѣ они не любили сына, или не желали ему добра?—Значить, *невѣжество* губительно не только для самого человѣка,—чѣмъ оно губительно и для его дѣтей?

22. Какъ воспитывался Чичиковъ.

Н. В. Гоголя.

Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло—непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворившимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ, больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безрестанно вздыхающій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная прѣпись передъ глазами: «Не лги, послушествоуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ»; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ; знакомый, но всегда суровый голосъ: «Опять задурилъ!», отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку, или хвостъ, и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ онъ едва сохранилъ блѣдную память. Но въ жизни все мѣняется быстро и живо, и въ одинъ день съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявшій сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка... Тащились они полтора дня слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города... Тутъ долженъ былъ онъ остаться (у родственницы) и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался въ дорогу. При разставаньи, слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе: «Смотри-же, Павлуша, учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего—угождай учителямъ и наставникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ, а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку; эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ, или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копейка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копейкой...» Павлуша съ другого-же дня принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отличался онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но

за то оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны... Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощеніе, потомъ продавалъ имъ-же. Еще ребенкомъ, онъ умѣлъ уже отказывать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копейки, —напротивъ, въ тотъ-же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращеніе, показавъ оборотливость почти необыкновенную. Слѣпилъ изъ воска снигиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, пустился на другія спекуляціи. Именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить—признакъ подступающаго голода, онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи, будто невзначай, уголь пряника или булки и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился наконецъ до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ ее очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшечекъ зашилъ и сталъ копить въ другой.

Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно... Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его позади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опретью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: «за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе.»—

— Чичиковъ былъ человекъ, который цѣлью для своей жизни поставилъ приобрѣтеніе, *приобрѣтатель*; онъ всю жизнь думалъ о наживѣ, при чемъ не разбиралъ средствъ для приобрѣтенія: обманывалъ, плутовалъ, унижался передъ сильными и богатыми людьми, придумывалъ разныя хитрыя спекуляціи и т. п.—*Спекуляція*—выгодное предпріятіе съ расчетомъ нажить побольше денегъ.—

— Когда въ Чичиковѣ возникло стремленіе къ *наживѣ*?—Какія вліянія дѣтской жизни вызвали и поддерживали въ немъ это стремленіе?—Было-ли у него въ дѣтствѣ что-нибудь такое, что могло-бы его интересовать и отвлекать отъ стремленія къ приобрѣтенію? Какъ жилось ему дома? Какія наученія принесъ онъ съ собой въ школу? Какъ воспользовался этими наученіями? Было-ли въ той школѣ что-нибудь такое, что могло-бы направить его на путь честнаго труда, добра и правды? Какъ уже въ школѣ онъ обнаружилъ и ловкость въ приобрѣтеніи, и неразборчивость въ выборѣ средствъ для приобрѣтенія, и умѣнье съ выгодой для себя угодить, поделужиться, кому надо, и равнодушіе ко всему, что не связано съ наживой?—Можно-ли *воспитаніе*, полученное Чичиковымъ, назвать хорошимъ? Чѣмъ оно дурно? Какихъ послѣдствій можно ожидать отъ

такого воспитанія? Можетъ ли оно приготовить для жизни честнаго работника, который работаль-бы не только для своей выгоды, но и на общую пользу, служиль-бы добру и правдѣ?

23. Орелъ и Пчела.

Басня И. А. Крылова.

Увидя, что Пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ однажды ей Орелъ съ презрѣньемъ:
«Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка
Со всей твоей работой и умъньемъ!
Вась въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ,
Да кто же послѣ разберетъ
И отличить твои работы?
Я, право, не пойму охоты—
Трудиться цѣлый вѣкъ, и чтожь имѣть въ виду?
Безвѣстной умереть со всѣми на рядѣ!
Какая рѣзница межъ нами!
Когда, расширяя шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатые подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ,
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться!»
Пчела отвѣтствуетъ: «Тебѣ хвала и честь.
Да прѣдлжитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.»

— Зевесъ—языческій богъ (въ древней Греціи).

— Вѣрно-ли въ этой баснѣ изображаются орелъ и пчела? — Подтвердите эту вѣрность изображенія словами басни.— Почему-же этотъ разсказъ мы называемъ басней?— Какіе люди похожи на этого орла?— Какіе похожи на пчелу?— Какіе изъ этихъ людей болѣе заслуживаютъ уваженія, лучше выполняютъ высшее назначеніе человѣка?— Какіхъ-же людей должно готовить хорошее воспитаніе?—

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

1. Кромѣ ума и любящаго сердца, что еще необходимо для человѣка, чтобы онъ въ своей жизни былъ вѣренъ долгу, добру и правдѣ? Въ чемъ обыкновенно обнаруживается сильная и добрая воля? Приведите изъ прочитаннаго примѣры слабой и злой воли. Приведите примѣры сильной и доброй воли.—

2. Какое значеніе имѣеть для человѣка *воспитаніе*? Покажите на примѣрахъ изъ прочитаннаго послѣдствія дурнаго и хорошаго воспитанія. — 3. Для чего трудится человѣкъ, который получилъ хорошее воспитаніе? Въ чемъ онъ находитъ *награду* и *утѣшеніе*? Какъ объ этомъ говорится въ баснѣ „Орелъ и Пчела“? —

24. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Изъ книги «Въ школахъ и дома».

Петръ Великій внесъ въ Русскую землю свѣтъ науки и книжнаго ученія, а Ломоносовъ завершилъ и закрѣпилъ великое дѣло Царя-Просвѣтителя. Онъ былъ первымъ русскимъ учёнымъ, положилъ начало русской наукѣ и русской словесности. Поэтому память его дорога всемъ грамотнымъ русскимъ людямъ.

Ломоносовъ былъ сынъ архангельскаго крестьянина-рыбака. Онъ родился и до 18-ти лѣтъ жилъ въ родной деревнѣ *Денисовкѣ*. Мальчикъ помогаль отцу въ рыбномъ промыслѣ, бываль въ Архангельскѣ и на Бѣломъ морѣ, не мало испыталъ трудовъ и опасностей; въ немъ рано проявились—стремленіе къ знанію, смѣлость, любовь къ труду и сильная настойчивая воля. Мать Ломоносова была родомъ изъ духовнаго званія, знала грамоту, обучила грамотѣ и сына,—и вотъ у мальчика явилась большая охота къ чтенію. Въ Денисовкѣ нашлось нѣсколько учебныхъ книгъ, которыя онъ прочиталъ и понималъ безъ всякой помощи. Но этого ему было мало. Дошли до него рассказы про Царя-Просвѣтителя Петра Великаго, который былъ на Бѣломъ морѣ, что этотъ Царь самъ много учился, любилъ учёныхъ людей и устроилъ хорошія школы въ Москвѣ и Петербургѣ. Вотъ и задумалъ юноша Ломоносовъ пробраться въ Москву, чтобы попасть въ школу. Мать его умерла, отецъ женился въ другой разъ. Мачеха не любила пасынка и наговаривала на него отцу; отецъ сердился, особенно за любовь сына къ книгамъ и къ ученю. Тяжелая жизнь въ семьѣ и жажда ученья заставили Ломоносова бѣжать. Пѣшкомъ, не зная дороги, безъ всякихъ средствъ, онъ пустился по дорогѣ въ Москву. На его счастье, по той же дорогѣ шель обозъ съ рыбой; извозчики были люди простые, но добрые, они подвезли его, и вотъ Ломоносовъ добрался до Москвы. Въ Москвѣ ему удалось попасть въ училище, и онъ принялся усердно за науки. Маленькіе школьники смѣялись надъ нимъ; жить ему было трудно, но онъ упорно шель къ своей цѣли. На Ломоносова въ училищѣ обратили особенное вниманіе. Когда онъ окончилъ курсъ, его послали на казенный счетъ продолжать занятія науками—сперва въ Кіевѣ, потомъ въ Петербургѣ, наконецъ за-границу, къ нѣмцамъ. Живя у нѣмцевъ, Ломоносовъ особенно усердно занимался науками о силахъ природы и, кромѣ того, старался обработать русскій книжный языкъ, чтобы на немъ можно было ясно и понятно излагать всякія полезныя знанія и мысли. Онъ сочинялъ и учебныя книги, и учёныя сочиненія, и стихи, какихъ до него еще не было на русскомъ языкѣ.

Когда Ломоносовъ возвратился въ Россію, онъ былъ назначенъ *профессоромъ* (т. е. учителемъ) въ Академію Наукъ. Въ Академіи были учителя-*профессоры* и ученики-*студенты*. Для преподаванія каждой науки былъ

особый профессоръ, который читалъ *лекціи* (уроки) молодымъ людямъ, а эти молодые люди готовились впоследствии быть тоже учителями.

Ломоносовъ писалъ самыя разнообразныя сочиненія на русскомъ языкѣ, чтобы пріохотить русскихъ людей къ занятіямъ науками и къ чтенію книгъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ старался втолковать русскимъ людямъ пользу науки и необходимость ученія.

Ломоносовъ умеръ въ Петербургѣ въ 1765 году и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Въ Архангельскѣ ему воздвигнутъ памятникъ.

Въ 1865 году, когда исполнилось сто лѣтъ со дня смерти Ломоносова, на его родинѣ основано «Ломоносовское» училище, а деревня Денисовка названа «Ломоносовкой». Такъ Россія увѣковѣчила память своего достойнаго сына.

25. Рыбакъ.

А. С. Пушкина.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студёнаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. — *Отрокъ*, оставь рыбака!
 Мрежи *иныя* тебя ожидаютъ, *иныя* заботы:
 Будешь *умы* уловлять, будешь помощникъ *царямъ*.

— Студёное—холодное (Бѣлое) море.—Мрежи—рыболовныя сѣти.

— Кого можно узнать въ этомъ *мальчикъ-рыбакъ*? По какимъ признакамъ и словамъ въ изображеніи поэта можно узнать Ломоносова?—Какія *иныя мрежи* его ожидали, какія *иныя заботы*? Какъ такъ и для чего онъ *уловлялъ умы*? Въ чемъ онъ былъ *помощникомъ царямъ*? — Изложите *жизнь* Ломоносова.— Определите главныя *черты его личности*. Въ чемъ обнаружилась его *потребность знанія*, его *любовь* къ наукѣ и къ отечеству, его *сильная воля*?— Определите его великія *заслуги* для отечества.

26. Хвала наукѣ.

Изъ стихотворенія М. В. Ломоносова.

О вы, которыхъ ожидаетъ
 Отечество изъ нѣдръ своихъ,
 И видѣть таковыхъ желаетъ,
 Бакихъ зоветь изъ странъ *чужихъ*,—
 О, ваши дни *благословенны!*
 Дерзайте нынѣ, ободренны,
 Раченьемъ вашимъ *показать*,
 Что можетъ *собственныхъ* Платоновъ
 И *быстрыхъ* разумомъ Невтоновъ
 Россійская земля родать.
 Науки *юношей* питаютъ,
 Отраду *старымъ* подають,
 Въ *счастливой* жизни украшаютъ,

Въ несчастный случай берегутъ;
 Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
 И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
 Науки пользуютъ *вездѣ*:
 Среди народовъ и въ пустынь,
 Въ градскомъ шуму, и наединѣ,
 Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

— Изъ нѣдръ своихъ—изъ среды своего народа.—Зоветь изъ странъ чужихъ: тогда приходилось въ Россію приглашать иностранныхъ ученыхъ людей, за неимѣніемъ своихъ.—Платонъ былъ греческій мудрецъ.—Ньютонъ (Ньютонъ) былъ великій англійскій ученый.—

— Къ кому Ломоносовъ обращается въ этихъ стихахъ?—Чего желаетъ онъ для отечества?—Какую силу приписываетъ онъ наукамъ?—Какія черты личности Ломоносова сказались въ этихъ стихахъ?

27. Ломоносовъ.

Изъ стихотворенія А. Н. Майкова.

Въ странѣ *урюмой* и *суровой*,
 Гдѣ *отливаясь* на снѣгахъ,
 По долгимъ зимамъ блескъ багровый
 Колышется на небесахъ;
 Гдѣ *идры льдовъ* вздымаютъ волны,
 Гдѣ *все*—лѣсовъ и неба ширь—
 Величьемъ дѣль *Господнихъ* полны,—
 Встаетъ *избранный* богатырь.
 Его избралъ Господь отъ *малыхъ*;
 Ему *открылся* въ блескъ льдовъ,
 Въ сіяньи *звѣздъ* и въ *здрахъ* алыхъ,
 Въ раскатѣ *волнъ*, въ шуму *тѣсовъ*,
 И, повелѣвъ оставить *стѣи*,
 Повелъ его изъ града *въ градъ*,
 Чтобъ Русь *познала* отъ черной крѣсти
 До свѣтлыхъ *княжескихъ* палатъ.
 Повелъ его на Западъ славный,
 Чтобъ *восприяла* онъ въ разумъ тамъ
 Все откровенное издавна
 Великимъ, *избраннымъ* мужамъ,
 Чтобъ отъ свѣтильника ихъ *знаній*
 Свѣтильникъ свой онъ *воспалилъ*
 И, *высоко* держа во длани,
 Весь край *родной* имъ озарилъ.

— Блескъ багровый на небѣ—сѣверное сіяніе.—Западъ—государства западной Европы, гдѣ Ломоносовъ пріобрѣталъ научныя знанія.

Планъ для сочиненія „Ломоносовъ“.

1. Жизнь Ломоносова на родинѣ и вліянія жизни, которыя возбудили въ немъ жажду знанія, трудолюбіе, смѣлость, сильную волю. — 2. Уходъ Ломоносова въ Москву и ученіе. — 3. Заслуги Ломоносова для отечества. Стихи Пушкина и Майкова. — 4. Какъ Россія увѣковѣчила память своего достойнаго сына?

28. Императрица Екатерина II.

Разсказъ Кутузова изъ сочиненія Г. П. Давилевскаго.

— Помню я, господа, лучшую мою награду, сказалъ Кутузовъ (это было въ 1812 году): награду за Мачинъ; я получилъ тогда георгиевскую звѣзду. Въ то время эта звѣзда была въ особой чести; я же былъ помоложе и полонъ надеждъ. Есть-ли еще здѣсь кто-нибудь, между вами, кто бы помнилъ тогдашняго молодого Кутузова? нѣтъ? Еще-бы... ну, да все равно. Вотъ и получилъ я завѣтную звѣзду. Матушка-же царица, блаженной памяти Екатерина, потребовала меня въ Царское-Село. Бду я; пріѣхалъ. Вижу, пріемъ заготовленъ парадный. Вхожу въ раззолоченныя залы, полныя пышными сановниками и придворными. Всѣ съ уваженіемъ, какъ и подобало, смотрятъ на храбраго и статнаго измайльскаго героя, скажу—даже красавца,—да, именно красавца! потому что я тогда, въ сорокъ шесть лѣтъ, еще не былъ, какъ теперь, старою вороной... Я же—ни на кого, иду и думаю объ одномъ,—у меня на груди преславная георгиевская звѣзда! Дошелъ до кабинета, смѣло отворяю дверь. Что-же со мной и гдѣ я?—вдругъ спросилъ я себя. Забылъ я, господа, и Георгія, и Измайль, и то, что я Кутузовъ. И ничего, какъ есть, передъ собою не взвидѣлъ, кромѣ небесныхъ, голубыхъ глазъ, кромѣ величаваго, царскаго взора Екатерины. Да, вотъ была награда! —

Кутузовъ съ трудомъ досталъ изъ кармана платокъ, отеръ имъ глаза и лицо и задумался. Всѣ почтительно молчали.

— Императрица Екатерина II-ая была супруга Императора Петра III-го и царствовала послѣ его смерти болѣе тридцати лѣтъ (1762—1796). Это было славное царствованіе. Императрица продолжала великое дѣло просвѣщенія Россіи, начатое Петромъ Великимъ, улучшала судъ, устанавливала лучшіе порядки для внутренняго управленія обширной Русской землей, устраивала учебныя и воспитательныя заведенія, покровительствовала наукамъ и литературѣ, сама писала и печатала нраво-учительныя сочиненія на русскомъ языкѣ. А ея славные полководцы: *Румянцевъ*, *Орловъ*, *Потѣкинъ* и особенно *Суворовъ*, одержали множество блестящихъ побѣдъ надъ врагами Россіи, преимущественно надъ турками. Румянцевъ съ 12-ю тысячами войска при р. Кагуль разбилъ 150-тысячную турецкую армию; Орловъ при Чесмѣ взорвалъ и сжегъ всѣ турецкіе корабли; изъ многихъ побѣдъ Суворова особенно славны: уничтоженіе стотысячной-турецкой армии при рѣкѣ Рымникъ и взятіе неприступной турецкой крѣпости Измаиль. Войны съ турками дали Россіи новыя земли: сѣверный берегъ Чернаго моря и полуостровъ Крымъ.—Кутузовъ, впоследствии спаситель Россіи отъ нашествія Наполеона (1812 г.), былъ однимъ изъ младшихъ генераловъ Екатерины II-ой, но уже и тогда отличался храбростью, умомъ и удачами. Особенное вниманіе обратилъ онъ на себя при взятіи Измаила. Тогда Суворовъ писалъ о немъ Императрицѣ Екатеринѣ: «онъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ

моей правой рукой». — **Мачинь**: подъ Мачиномъ русское войско въ 1791 году на голову разбило турокъ. — **Царское-Село**, нынѣ уѣздный городъ Петербургской губерніи, было любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Императрицы Екатерины II-ой.

29. Фелица. Императрица Екатерина II.

Изъ стихотворенія Г. Р. Державина.

Мурзамъ своимъ не подражая,
Пачасту ходишь ты *пѣшкомъ*,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ *покоемъ*,
Читаешь, пишешь предъ *налоемъ*,
И *вѣзмъ* изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь,
Подобно въ карты не *играешь*,
Какъ я отъ утра до утра.

Слухъ *идетъ* о твоихъ поступкахъ,
Что ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ, и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда,
Что ты въ напастяхъ *равнодушна*,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отеклась и *мудрой* слыть.
Еще-же говорятъ не *ложно*.
Что будто *завсегда* возможно
Тебѣ и *правду* говорить.

Неслыханное также дѣло
Достойное *тебя* одной,
Что будто ты народу *смѣло*
О *всемъ*, и *вьявь*, и *подъ* рукой,
И *знать*, и *мыслить* позволяешь,
И о *себѣ* не *запрещаешь*
И *быль*, и *нѣбыль* говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ *всѣхъ* милостей *зой* ламъ,
Всегда *склоняешься* *простить*.

— Державинъ былъ поэтъ, воспевавшій Императрицу Екатерину II-ую. — **Мурзы** — вельможи, знатные господа. — **Пишешь** — Императрица Екатерина II занималась литературой, сочиняла комедіи для театра и рассказы о современныхъ нравахъ. — **Крокодилъ** — чудовище, огромная ящерица жаркихъ странъ. — **Зои**лы — люди, которые занимаются злословіемъ.

— Расскажите все, что узнали о Императрицѣ Екатерины II-ой, ея жизни и царствованіи.

30. Суворовъ на Сенъ-Готаръ.

В. В. Юревича.

Ужасенъ видъ сѣдыхъ вершинъ
 Альпійскихъ горъ непроходимыхъ...
 Куда-жъ Суворовъ-исполнѣ
 Ведетъ бойцовъ неустрашимыхъ?
 Здѣсь *всѣмъ* живымъ природа врагъ:
 Пустыни, пропасти и кручи;
 Грозитъ здѣсь *смертью* каждый шагъ,
 Здѣсь подъ ногами ходятъ тучи.

И вотъ среди его полковъ
 Раздался дружно *ропотъ* шумный:
 «Поибнемъ *всѣ* мы въ царствѣ льдовъ...
 «Куда идетъ старикъ безумный?
 «Вѣдь *смерть* глядитъ со *всѣхъ* сторонъ,
 «Вѣдь не спасется *ни одинъ*!»
 И *ропотъ* ихъ *услышалъ* онъ,
 И *загорѣлся* взоръ орлиный.
 «*Могила* ройте мнѣ скорѣй!»
 Такъ рекъ имъ *вождь* непобѣдимый:
 «И легче *смерть* мнѣ встрѣтитъ въ ней,
 «Вдали *отъ родины* любимой,
 «Чѣмъ зрѣтъ *позоръ* своихъ сѣдинъ!»
 Но тутъ, какъ *громъ*, въ отвѣтъ герою
 Раздался *кликъ* его дружинъ:
 «*Веди*, отецъ! *Умремъ* съ тобою!»

— Альпійскія горы — на сѣверѣ Италіи и въ Швейцаріи; вершины ихъ всегда покрыты льдами и снѣгами. — Сенъ-Готаръ — одна изъ самыхъ высокихъ вершинъ. Суворовъ, съ русскими войсками, въ 1799 году, совершилъ поразительно трудный переходъ черезъ Альпійскія горы.

— Разскажите все, что узнали, про Суворова.

31. Два великана.

М. Ю. Лермонтова.

Въ шапкѣ *золота* литого
 Старый русскій великанъ
 Поджидалъ къ себѣ *другого*
 Изъ *далѣкихъ* чуждыхъ странъ.
 За горами, за долами
 Ужъ *время* о немъ разскажь,
 И *помянутся* главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И *пришелъ* съ грозой военной
 Трехнедѣльный удалецъ,
 И рукою дерзновенной
Хватъ за вражескій вѣнецъ.
 Но *улыбкой* роковою
 Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій — и упалъ.

Но упалъ онъ въ *дѣлннмъ* морѣ
На *невѣдомый* гранитъ,—

Тамъ, гдѣ *бура* на просторѣ
Надъ *пучиною* шумить.

— *Русскій великанъ*—русскій Императоръ Александръ I-й Павловичъ, внукъ Императрицы Екатерины II-й.—Трехнедѣльный удалецъ—Французскій Императоръ Наполеонъ I-й: онъ былъ не царскаго рода, самовольно захватилъ власть и объявилъ себя императоромъ. Въ стихотвореніи, въ сказочной формѣ, изображается борьба этихъ двухъ императоровъ. Наполеонъ всю жизнь воевалъ, самовластно распоряжался государствами Западной Европы, а въ 1812 году съ огромнымъ войскомъ вторгся въ Россію. Онъ шелъ черезъ Польшу на Смоленскъ и прямо на Москву. Этотъ походъ погубилъ Наполеона: въ 1814 году Императоръ Александръ Павловичъ, въ союзѣ съ другими государями Европы, занялъ столицу Франціи Парижъ, а Наполеонъ окончилъ жизнь на пустынномъ островѣ, среди необозримаго океана, въ ссылке.

32. Переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ въ 1812 году.

Я. П. Полонскаго.

Вотъ *Руси* граница, вотъ Нѣманъ. Французы
Наводятъ *понтѣны*; работа *кипитъ*...
И съ *грохотомъ* кѣтятся мѣдныя пушки,
И *стѣнетъ* земля отъ копытъ.

Чу! бьютъ въ *барабаны*... Склоняютъ *знамена*;
Какъ *громъ* далеко раздается: «вивать!»
За кѣмъ на коняхъ *короли-адъютанты*
Въ *парадныхъ мундирахъ* летятъ?

Надвинувъ свою *треугольную шляпу*,
Все въ *томъ же* походномъ своемъ *сюртукѣ*,
На *бѣломъ* конѣ *проскакалъ Императоръ*,
Съ *подзорной трубою* въ *рукѣ*.

Чело его *ясно*, движенья *спокойны*,
Въ *лицѣ* не *видать* *сокровенныхъ заботъ*.
Коня на скаку *осадила* онъ, и *видитъ*—
За Нѣманомъ *тѣча* *встаетъ*.

И *думаетъ* онъ: «Эта *темная туча*
Моей *свѣтозарной звѣзды* не *затмитъ!*»
И *мнится* ему въ то же время: *сверкая*,
Изъ *тучи перстъ Божій* *грозить*...

И, *душу* волнуя, *предчувствіе* *шепчетъ*:
«*Сомнѣтъ* *знаменѣ* твои *русскій народъ!*»
«*Впередъ!*—говоритъ ему *слава* и *геній*,
Впередъ, Императоръ, *впередъ!*»

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ,
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
И стѣнуть мосты отъ копытъ.

— Нѣманъ—извилистая и красивая судоходная рѣка, впадающая въ Балтійское море.—Понтоны—временный пловучій мостъ.—«Вивать»—восклицаніе, все равно, что «многія лѣта!»—Треугольную шляпу всегда носилъ Наполеонъ.—Подзорная труба—труба съ увеличительными стѣклами, въ которую смотрять, чтобы разсматривать дальніе предметы.—Короли-адъютанты: адъютантъ-офицеръ, состоящій при генералѣ, для исполненія его приказаній; при царской особѣ адъютантами состоятъ генералы. Наполеонъ, завоевывая разныя государства Европы, назначалъ королями своихъ любимыхъ генераловъ.

33. Москва передъ отечественной войной.

Г. П. Данилевскаго.

Москва начинала сильно смущаться. Газеты приносили тревожныя извѣстія. Война становилась очевидною и близкою. Всѣ знали, что Государь Александръ Павловичъ, быстро покинувъ Петербургъ, болѣе мѣсяца находился при арміи *Барклая-де-Толли* въ Вильнѣ. Но всѣ эти толки были еще шатки, неопредѣленны.

Вдругъ прошла потрясающая молва... Сперва по секрету, потомъ громко, наконецъ, заговорили, что Наполеонъ, безъ объявленія войны, съ громадными полчищами, нежданно вторгся въ предѣлы Россіи и уже безъ боя занялъ Вильну. 6-го іюля было доставлено воззваніе Императора къ Москвѣ и манифестъ объ ополченіи, при чемъ сталъ извѣстенъ обѣтъ Государя «не вкладывать меча въ ножны, пока хоть единый непріятельскій воинъ будетъ на Русской землѣ.»

16-го іюля и самъ Государь Александръ Павловичъ явился, наконецъ, среди ветревоженной и восторженно встрѣчавшей его Москвы. Государь, принявъ дворянство и купечество, оставался здѣсь не болѣе двухъ дней и поспѣшилъ обратно въ Петербургъ, откуда, по слухамъ, уже снаряжали къ вывозу въ Ярославль и въ Кострому главныя цѣнности и архивы. Москва заволновалась, какъ старый улей пчель, по которому ударили обухомъ. Москвичи заговорили о народной самооборонѣ. Началось формированіе ополченій. Всѣ ждали рѣшительной побѣды. Но прошло еще время, и 12 августа москвичи съ ужасомъ узнали объ оставленіи русскими войсками Смоленска. Путь французовъ къ Москвѣ становился облегченнымъ. Толковали о неурядицѣ въ русскомъ войскѣ, о раздорѣ между главными русскими вождями, *Багратиономъ* и *Барклаемъ-де-Толли*... Осторожнаго и медлительнаго Барклая-де-Толли, своими отступленіями завлекшаго Наполеона вглубь раздраженной страны, считали измѣнникомъ. Нѣкоторые презрительно переименовывали его имя: «Болтай да и только». Въ имени Багратиона искали видѣть настоящаго вождя и спасителя родины: «Богъ рати онъ».

Но послѣдовало назначеніе главнокомандующимъ всѣхъ армій опытнаго старца, недавняго побѣдителя турокъ, князя Кутузова. Эта мѣра вызвала общее одобреніе.

Москва въ это время, встрѣчая раненыхъ, привозимыхъ изъ Смоленска, болѣе и болѣе пустѣла.

34. Бородино.

М. Ю. Лермонтова.

< Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
 Москва, спалѣнная пожаромъ,
 Французу отдана?
 Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
 Да говорятъ—еще какія!
 Не даромъ помнитъ вся Россія
 Про день Бородинѣ!>
 — Да, были люди въ наше время,
 Не то, что нынѣшнее племя!
 Богатыри—не вы!
 Плохая имъ досталась доля:
 Не многие вернулись съ поля...
 Не будь на то Господня воля,
 Не отдали-бъ Москвы!
 Мы доло, молча, отступали...
 Досадно было,—боя ждали;
 Ворчали старики:
 < Что-жъ мы? на зимнія квартиры?
 Не смѣютъ что-ли командиры
 Чужіе изорвать мундиры
 О русскіе штыки?>
 И вотъ нашли большое поле:
 Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
 Построили редутъ.
 У нашихъ ушки на макушкѣ!
 Чуть утро осветило пушки
 И леса синія верхушки,—
 Французы тутъ какъ тутъ.
 Забилъ зарядъ я въ пушку тѣю,
 И думалъ: угощу я друга!
 Постой-ка, братъ мусью,
 Чтò тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
 Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
 Ужъ построимъ мы головою
 За родину свою!
 Два дня мы были въ перестрѣлкѣ...
 Чтò толку въ этакой бездѣлкѣ?
 Мы ждали третій день.
 Повсюду стали слышны рѣчи:
 < Пора добратся до картечи!>
 И вотъ на полѣ грозной сѣчи
 Ночная пала тѣнь.
 Прилѣгъ вздремнуть я у лафета,
 И слышно было до разсвѣта,

Какъ ликовалъ французъ.
 Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
 Кто кйверъ чистилъ, весь избитый,
 Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
 Кусая длинный усъ.
 И только небо засвѣтилось,
 Все шумно вдругъ зашевелилось,
 Сверкнулъ за строемъ строй.
 Полковникъ нашъ рожденъ былъ храмомъ,
 Слуга Царю, отецъ солдатамъ...
 Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
 Онъ спитъ въ землѣ сырой.
 И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
 < Ребята! не Москва-ль за нами?
 Умрѣте-жъ подъ Москвой,
 Какъ наши братья умирали!>
 И умереть мы обѣщали,
 И клятву вѣрности сдержали.
 Мы въ Бородинскій бой.
 Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
 Французы двинулись, какъ тучи,
 И все на нашъ редутъ.
 Уланъ съ пѣстрыми значками,
 Драгунъ съ конскими хвостами,—
 Всѣ промелькнули передъ нами,
 Всѣ побывали тутъ.
 Вамъ не видать такихъ сраженій!
 Носились знамена, какъ тѣни,
 Въ дыму огонь блестялъ.
 Звучалъ булатъ, картечь визжала,
 Рука бойцовъ колотъ устала,
 И ядрамъ пролетать мѣшала
 Гора кровавыхъ тѣлъ.
 Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
 Чтò значить русскій бой удалый,
 Нашъ рукопашный бой!
 Земля тряслась, какъ наши груди...
 Смѣшались въ кучу кòни, люди,
 И залпы тысячи орудій
 Слились въ протяжный вой...
 Вотъ смерклось. Были все готовы
 Заутра бой затѣять новый
 И до конца стоять.
 Вотъ затрещали барабаны,

И отступили басурманы...
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,

Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Не многие вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

— Бородино—село въ 108 верстахъ отъ Москвы; на поляхъ Бородина 26 августа 1812 года происходило знаменитое сраженіе между русскими и французами. Послѣ этого сраженія Кутузовъ съ русскимъ войскомъ отступилъ, а Наполеонъ со своимъ войскомъ занялъ Москву—и здѣсь нашелъ свою погибель.—Редуть—небольшое полевое укрѣпленіе съ пушками, окруженное валомъ и рвомъ.—Картечъ—снарядъ, наполненный пулями, которыми заряжаютъ пушки.—Биванъ—временное расположение войска для отдыха.—Киверъ—солдатскій головной уборъ изъ кожи.—Уланы, драгуны—конные полки; у улановъ пѣстрые значки, т. е. куски пестрой матеріи на пикахъ, у драгунъ пучки волосъ на каскахъ (на головныхъ уборахъ).—Знамена, знамя—кусокъ матеріи на древкѣ; у cadaго полка свое знамя.—Булатъ—сабля и всякое стальное оружіе.—Басурманы—иноврцы, иноземцы; тутъ такъ названы французы.

— Какая форма этого стихотворенія?—Какія лица ведутъ разговоръ?— По какимъ признакамъ можно узнать въ разговорѣ стараго солдата и новобранца?—Въ чемъ сущность вопроса, предложеннаго новобранцемъ?—Какъ опредѣлить коротко содержаніе отвѣта старика?—Въ какомъ порядкѣ идетъ его рассказъ о Бородинскомъ сраженіи?—Какая сила, какое чувство одушевляло русскихъ воиновъ и дѣлало ихъ богатырями?—

35. Сдача Москвы.

Г. П. Данилевскаго.

Настало второе сентября.

Въ Москву, днемъ и ночью, подходили подводы, наполненныя тысячами раненыхъ. «Кровавое Бородино» вдвигалось въ московскія улицы со Смоленской дороги, въ то время, какъ по Владимирской, Рязанской и Тульской уѣзжали, тѣсня другъ друга, разнообразныя кареты, коляски, брички и телѣги, съ послѣдними убѣгающими москвичами. Разнеслась вѣсть, что русская армія, послѣ бородинскаго боя, отступаетъ къ древней столицѣ. Всѣ ждали новой и окончательной битвы у воротъ Москвы. Близъ Воробьевыхъ горъ, дѣйствительно, начали было даже возводить земляныя укрѣпленія для редутовъ. Но послѣ совѣта, происходившаго наканунѣ въ подмосковной деревнѣ Филяхъ, Кутузовъ рѣшилъ для спасенія Россіи сдать Москву безъ боя. Русскія войска, направляясь со Смоленской дороги на Рязанскую, стали проходить черезъ Москву. Непріятельская армія слѣдомъ за ними приближалась къ Москвѣ. Подъ городомъ слышалась перестрѣлка передовой французской цѣпи съ казаками и уланами русскаго послѣдняго отряда.

Лихой и храбрый начальникъ этого отряда, «крылатый», какъ его звали, Милорадовичъ, съ цѣлью облегчить отступленіе русскому войску и дать выйти изъ города послѣднимъ жителямъ и обозамъ, объявилъ столь-же лихому и отважному вождю французскаго передового отряда, что если фран-

цузы на время не приостановятся, их встрѣтитъ бой на штыкахъ и ножахъ въ каждой улицѣ и въ каждомъ домѣ Москвы. Заключили словесное, до ночи, перемиріе.

36. Москва горитъ!

Гр. Л. Н. Толстого.

На зарево перваго заняшагося 2 сентября пожара, съ разныхъ дорогъ и съ разными чувствами, смотрѣли убѣгавшіе и уѣзжавшіе жители и отступившія войска.

Пѣздъ Ростовыхъ въ эту ночь стоялъ въ Мытицахъ, въ 20 верстахъ отъ Москвы...

Въ 10 часовъ господа Ростовы и раненые, ѣхавшіе съ ними, всѣ размѣстились по дворамъ и избамъ большого села. Люди, кучера Ростовыхъ и денщики раненыхъ, убравъ господъ, поужинали, задали корму лошадямъ и вышли на крыльцо...

Одинъ изъ людей въ темнотѣ ночи, изъ-за высокаго кѣзова стоявшей у подъѣзда кареты, замѣтилъ другое, небольшое зарево пожара...

— «А вѣдь это, братцы, другой пожаръ», сказалъ денщикъ. Всѣ обратили вниманіе на зарево.

— Да вѣдь, сказывали, Малыя Мытицы казаки зажгли.— Нѣтъ, это не Мытицы, это далѣ.— Глянь-ко, точно въ Москвѣ...

Старикъ Данило Терентьичъ подошелъ къ толпѣ...

— А вы какъ думаете, Данило Терентьичъ, вѣдь это будто въ Москвѣ зарево? сказалъ одинъ изъ лакеевъ.

Данило Терентьичъ ничего не отвѣчалъ, и долго опять всѣ молчали. Зарево расходилось и колыхалось дальше и дальше.

— Помилуй Богъ!... вѣтеръ, да сушь... опять сказалъ голосъ.

— Глянь-ко, какъ пошло. О, Господи! ажъ галки видно. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

— Потушатъ небось.

— Кому тушить-то? послышался голосъ Данилы Терентьича, молчавшаго до сихъ поръ. Голосъ его былъ спокоенъ и медлителенъ.

— Москва и есть, братцы, сказалъ онъ,— она матушка бѣлока... голосъ его оборвался, и онъ вдругъ старчески всхлипнулъ. И какъ будто только этого ждали всѣ, чтобы понять то значеніе, которое имѣло для нихъ это видѣвшееся зарево. Послышались вздохи, слова молитвы и всхлипываніе...

37. Кутузовъ получаетъ извѣстіе о выступленіи Наполеона изъ Москвы.

Гр. Л. Н. Толстого.

Кутузовъ, какъ и всѣ старые люди, мало спалъ по ночамъ. Онъ днемъ часто неожиданно задремывалъ, но ночью онъ, не раздѣваясь лежа на своей постелѣ, большею частью не спалъ и думалъ... Такъ онъ лежалъ и теперь...

«Они должны понять, что мы только можемъ проиграть, дѣйствуя наступательно. Терпѣніе и время, вотъ мои воины-богатыри!» думалъ Куту-

зовъ. Онъ зналъ, что не надо срывать яблока, пока оно зелено. Оно само упадетъ, когда будетъ зрѣло, а сорвешь зелено, испортишь яблоко и дерево, и самъ оскомину набьешь. Онъ, какъ опытный охотникъ, зналъ, что звѣрь раненъ такъ, какъ только могла ранить вся русская сила, но смертельно или нѣтъ,—это былъ еще не-разъяснённый вопросъ... Кутузовъ почти зналъ, что онъ раненъ смертельно. Но нужны были еще доказательства, надо было ждать... Неразрѣшенный вопросъ о томъ, смертельна или не смертельна была рана, нанесенная въ Бородинѣ, уже цѣлый мѣсяцъ висѣлъ надъ головою Кутузова. Съ одной стороны, французы заняли Москву. Съ другой стороны, несомнѣнно всѣмъ существомъ своимъ Кутузовъ чувствовалъ, что тотъ страшный ударъ, въ которомъ онъ вмѣстѣ со всѣми русскими людьми напрягъ всѣ свои силы, долженъ быть смертеленъ...

Въ ночь 11-го октябрю онъ лежалъ, облокотившись на руку, и думалъ объ этомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ зашевелились, и послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Эй, кто тамъ? Войдите, войди! Что новенькаго?...

Толь рассказалъ содержаніе извѣстій.

— Кто привезъ?... Позови, позови его сюда!...

Кутузовъ сидѣлъ, спустивъ одну ногу съ кровати и навалившись большимъ животомъ на другую согнутую ногу. Онъ щурилъ свой зрячій глазъ, чтобы лучше разсмотрѣть посланнаго какъ будто въ его чертахъ онъ хотѣлъ прочесть то, что занимало его.

— Скажи, скажи, дружокъ, сказалъ онъ Болховитинову своимъ тихимъ, старческимъ голосомъ, закрывая распахнувшуюся на груди рубашку. Подойди, подойди поближе. Какія ты привезъ мнѣ вѣсточки? А? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ? Воистину такъ? А? — Болховитиновъ подробно доносилъ сначала все то, что ему было приказано

— Говори, говори скорѣе, не томи душу,—перебилъ его Кутузовъ.

Болховитиновъ рассказалъ все и замолчалъ, ожидая приказанія. Толь началъ было говорить что-то, но Кутузовъ перебилъ его. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ лицо его сморщилось, сморщилось; онъ, махнувъ рукой на Толя, повернулся въ противную сторону, къ красному углу избы, чернѣвшему отъ образовъ.

— Господи, Создатель мой! Внялъ Ты молитвѣ нашей... дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, сложивъ руки. Спасена Россія. Благодарю Тебя, Господи! — И онъ заплакалъ.

— Толь и Коновницынъ—генералы, бывшіе при главнокомандующемъ Кутузовѣ.— Болховитиновъ—офицеръ, который привезъ Кутузову извѣстіе о выступленіи французовъ изъ Москвы (курьеръ).

38. Кутузовъ и Крыловъ.

Г. И. Данилевскаго.

Побѣды русскихъ подъ Краснымъ окончательно разстроили французскую армію. Въ этихъ сраженіяхъ, съ 3 по 6 ноября, французы потеряли болѣе двадцати шести тысячъ плѣнными, въ томъ числѣ семь генераловъ,

триста офицеровъ и болѣе двухъ сотъ орудій. Началось сплошное бѣгство разбитыхъ и изнуренныхъ бездорожьемъ, голодомъ и болѣзнями остатковъ Наполеоновскихъ полчищъ...

Поля давно покрылись снѣгомъ. Начались сильные морозы, сопровождаемые вѣтромъ и метелями. Но вдругъ снова потеплѣло. Стужа смѣнилась туманами. Начало таять. По дорогамъ образовались выбоины и невылазная грязь. Кутузовъ, сопровождая свои ободренные побѣдами отряды, ѣхалъ то въ крытыхъ саняхъ, то въ коляскѣ.

На днѣвѣ, 6-го ноября, князь, осматривая верхомъ биваки, часу въ пятомъ дня, приблизился къ лагерю гвардейскаго семеновскаго полка. Его сопровождали нѣсколько генераловъ и адъютантовъ. Всѣ были въ духѣ, оживленно и весело толковали объ окончательномъ пораженіи врага. Вечерѣло. Кутузовъ подѣхалъ къ палаткѣ командира, генерала Лаврова. Князь и его свита сошли съ лошадей. Князю у палатки поставили скамью, на которую онъ, кряхтя и разминая усталые члены, опустился съ удовольствіемъ.

Всѣ заговорили о партизанахъ. Одни хвалили Сеславина и Вадбольскаго, другіе Давыдова, Чернозубова и Фигнера...

— Вчера, господа, этотъ Фигнеръ, — сказалъ, обращаясь къ офицерамъ, генералъ Лавровъ, чуть не нарѣзался на самого Наполеона; прямо было из-за холма налетѣлъ на его стоянку, но, къ сожалѣнію, спутали проводники... ужъ вотъ была-бы штука... поймали-бы краснаго звѣря...—

— Да, именно красный, матерой! — приятно проговорилъ Кутузовъ: сегодня, кстати, я получилъ отъ нашего уважаемаго писателя Ивана Андреевича Крылова его новую, собственноручную басню: «Волкъ на псарнѣ». Вотъ такъ подарокъ.— Кутузовъ, заложа руку за спину, вынулъ изъ мундирнаго кармана скомканный листъ синеватой почтовой бумаги, расправилъ его и, будучи съ молодыхъ лѣтъ отличнымъ чтецомъ и даже хорошимъ актеромъ, отчетливо и нѣсколько на-распѣвъ началъ читать:

«Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,

Попалъ на псарню.

Поднялся вдругъ весь псарный дворъ;

Почуя страго такъ близко забіяку,

Псы залмись въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку;

Псарй кричатъ: «Ахтй, ребята, воръ!»—

И вмигъ ворота на запоръ;

Въ минуту псарня стала адомъ.

Бѣгутъ: иной съ дубьёмъ,

Иной съ ружьёмъ.

«Огня, кричатъ, огня!» Пришли съ огнемъ.

Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ;

Зубами щёлкая и оцетиня шерсть,

Глазами, кажется, хотѣлъ-бы встѣхъ онъ съѣсть;

Но, видя тд, что тутъ не передъ стадомъ,

И что приходитъ, наконецъ,

Ему расчестъся за овецъ,—

Пустился мой хитрецъ

Въ *переговѣры*,
 И началъ *такъ*: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
 Я, вашъ старинный *сватъ* и *кумъ*,
 Пришелъ *мириться* къ вамъ, *совсѣмъ* не ради ссоры,—
Забудемъ прошлое, устѣвимъ *общій ладъ!*
 А я не только впредь *не трону* здѣшнихъ стадъ,
 Но *самъ* за нихъ съ другими *грызться* радъ,
 И волчьей *клятвой* утверждаю,
 Что я...» — «*Послушай-ка*, сосѣдъ,
 Тутъ *ловчій* перервалъ въ отвѣтъ...»

Кутузовъ приподнял бѣлую, съ краснымъ околышемъ, гвардейскую фуражку и, указавъ на свою сѣдую голову, громко и съ чувствомъ проговорилъ заключительныя слова ловчаго:

«Ты *спръ*, а я, пріятель, *сдѣ*,
 И волчью вашу я *давно* натуру знаю,
 А потому *обычай мой*—
 Съ волками *иначе* не дѣлать *мировѣй*,
 Какъ снявши *шкуру* съ нихъ долой...» —
 И *тутъ-же* выпустилъ на волка *идицхъ* стаю».

Окружавшіе князя восторженно крикнули «ура», подхваченное всѣмъ лагеремъ:

— «Ура спасателю отечества!»

— Не мнѣ, русскому солдату—честь!—закричалъ Кутузовъ, взобравшись, при помощи подскочившихъ офицеровъ, на лавку и размахивая фуражкой: онъ, онъ сломилъ и гонить теперь подстрѣленного на смерть, голоднаго звѣря...—

— Подъ Краснымъ: оставивъ сожженную Москву, Наполеонъ съ своими войсками хотѣлъ отступить не на Смоленскъ, а на Калугу, итти мѣстами не разоренными. Но русскія войска нанесли ему нѣсколько поражений: подъ Малоярославцемъ, подъ Вязмою и особенно при селѣ Красномъ, и «великой» арміи Наполеона пришлось уходить изъ Россіи тою-же дорогой, какою она пришла, т. е. разоренными мѣстами, гдѣ нельзя было найти продовольствія ни для людей, ни для лошадей.— Орудія—пушки.—Партизаны—отважные добровольцы-охотники, которые съ небольшими летучими отрядами то и дѣло нападали на непріятельское войско съ разныхъ сторонъ, какъ только видѣли возможность нанести ему вредъ. Таковы были отряды Сеславина, Давыдова и другихъ названныхъ партизановъ.— Въ баснѣ «Волкъ на псарнѣ» Крыловъ представляетъ положеніе Наполеона въ Москвѣ, когда онъ понялъ свою ошибку и предложилъ Кутузову *переговѣры* о мирѣ, а Кутузовъ сказалъ, что война не кончена, что она только *начинается*.

39. У гроба Кутузова.

А. С. Пушкина.

Передъ гробницею святой
 Стою съ *покинушею* главой.

Все *спитъ* кругомъ; однѣ лампы
 Во мракѣ храма золотятъ

Столбовъ гранитныя громады
 И ихъ *знамѣнъ* нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей *властелинъ*,
 Сей *идолъ* сѣверныхъ дружинъ,

Маститый *стражъ* страны державной, Онъ *русскій* гласъ намъ издаётъ;
 Смиритель вѣхъ ея враговъ, Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
 Сей *остальной* изъ стаи славной Когда *народной* вѣры гласъ
 Екатерининскихъ орловъ. *Возваля* къ святой твоей сѣдинѣ:
 Въ твоёмъ гробу *восторгъ* живётъ! «Иди, спасай!» — Ты всталъ—и спасъ.

— Гробница Кутузова въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ. — Орлы Екатерининскіе — славные государственные люди царствованія Екатерины II-ой: Суворовъ, Потёмкинъ и др. Кутузовъ былъ младшимъ изъ нихъ.

Какъ поэтъ изображаетъ *обстановку*, которая окружала его? — Какъ онъ характеризуетъ *героя*, лежащаго въ гробницѣ? — Какъ онъ изображаетъ *чувство*, которое овладѣваетъ русскимъ человѣкомъ въ виду гробницы Кутузова? — Въ какихъ словахъ содержится сжатое, но необыкновенно сильное изображеніе подвига, совершеннаго Кутузовымъ?

40. Возобновленіе Москвы.

Г. П. Данилевскаго.

Сожженная въ нашествіе французовъ Москва скоро стала понемногу оживатьъ.

Первый ударъ колокола, послѣ пятинедѣльнаго молчанія, велѣдъ за выходомъ французовъ изъ города, раздался на церкви Петра и Павла, въ Замоскворѣчье. Его сперва робкій, потомъ торжественно-громкій звонъ услышали другія, уцѣлѣвшія, ближнія и дальнія, колокольни и стали ему вторить. Народъ, съ радостнымъ умиленіемъ, бросился въ церкви. Преосвященный Августинъ, войдя въ очищенный отъ вражескаго святотатства Архангельскій соборъ, воскликнулъ: «Да воскреснетъ Богъ» и запѣлъ съ причтомъ: «Христосъ воскрес!»

Молва объ освобожденіи Москвы быстро облетѣла окрестности. Въ городъ хлынули всякаго рода рабочіе, плотники, каменщики, столяры, штукатуры и маляры; за ними явились мелкіе, а потомъ и крупныя торговцы. Толковали, что въ первую недѣлю пожаровъ въ Москвѣ сгорѣло, по счету полиціи, до восьми тысячъ домовъ; всего-же, за пять недѣль, сгорѣло около тридцати тысячъ зданій и осталось въ цѣлости не болѣе тысячи домовъ. Изъ подгородныхъ деревень стали подвозить лѣсъ для построекъ, припрятанные съѣстные припасы и всякій, изъ Москвы-же увезенный, товаръ. Хозяева сожженныхъ, разрушенныхъ и ограбленныхъ домовъ занялись возобновленіемъ и поправкой истребленныхъ и попорченныхъ зданій. Застучалъ, среди пустынныхъ еще улицъ, топоръ, зазвенѣла пила. Цѣны на вновь подвезенныя жизненные припасы сильно вздорожали...

Разоренное семисотлѣтнее гнѣздо, мало-по-малу, собирая своихъ разлетѣвшихся обитателей, опять ладилось, чистилось, прибиралось и оживало для новой долготѣней, безопасной, мирной жизни.

— Замоскворѣчье—часть города Москвы, за рѣкой Москвой. — Святотатство—оскверненіе святыни: непріатели оскверняли въ Москвѣ храмы, вводя въ нихъ лошадей, сбрасывая иконы, сдирая съ нихъ драгоценныя оклады, и т. п.

Планъ для сочиненія: „Отечественная война“.

1. Императоръ Александръ Павловичъ и Наполеонъ. — 2. Вторженіе Наполеона въ Россію. Переходъ черезъ Нѣманъ. Стихи Полонскаго. — 3. Движеніе Наполеона къ Москвѣ. Отступленіе русскихъ войскъ. Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ. — 4. О Кутузовѣ. Стихи Пушкина. — 5. Бородинское сраженіе. Стихи Лермонтова. — 6. Наполеонъ въ Москвѣ. — 7. Пожаръ Москвы и бѣгство Наполеона съ войскомъ изъ Москвы. Басня Крылова. — 8. Конецъ отечественной войны и возобновленіе Москвы. — 9. Какъ поэтъ Лермонтовъ кратко изобразилъ отечественную войну въ сказочной формѣ. —

41. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Изъ книги Въ «Школѣ и дома».

26 мая 1899 года вся грамотная Россія праздновала столѣтіе со дня рожденія Пушкина. Во всѣхъ церквахъ молились за упокой его души. Во всѣхъ школахъ вспоминали его жизнь и пѣли ему «славу». Былъ общій всероссійскій праздникъ. За что-же этому человѣку такая честь? Чѣмъ онъ заслужилъ ее? Чѣмъ онъ такъ прославился?

Пушкинъ въ жизни былъ очень незначительный и незамѣтный человекъ; но онъ былъ отмѣченъ перстомъ Божиимъ для дѣла, котораго не въ силахъ совершить сотни и тысячи людей. Богъ далъ этому человѣку чудный даръ живого, прекраснаго и могучаго слова, проникающаго въ души людей, зажигающаго сердца, просвѣтляющаго умы. Благодаря этому чудному Божию дару, Пушкинъ умѣлъ звучными словами рисовать такія живыя и яркія картины природы и человѣческой жизни, которыя трогаютъ и волнуютъ сердца, наводятъ на хорошія думы и размышленія, направляютъ волю къ добру и правдѣ. Пушкинъ умѣлъ свободно и правдиво рисовать словами природу любой страны и жизнь любого народа; но больше всего онъ любилъ и рисовалъ родную русскую природу и жизнь. Онъ рисуетъ ихъ съ такою правдою и любовью, что и всякаго грамотнаго человѣка научаетъ понимать и крѣпко любить Россію и русскій народъ. Пушкинъ самъ хорошо понималъ, что этотъ чудный Божій даръ обязываетъ его возвѣщать людямъ Божию правду, — и вотъ онъ представляетъ себя въ видѣ библейскаго пророка, которому Богъ повелѣваетъ: «Виждь и внемли, исполнись волею моею и, обходя моря и земли, глаголомъ жи сердца людей!» (См. дальше стихотвореніе «Пророкъ»).

Человѣка, надѣленнаго отъ Бога такимъ чуднымъ даромъ, если онъ не зарылъ Божій даръ въ землю, а употребляетъ его на благо людей и особенно на благо родного народа называютъ *народнымъ поэтомъ*. Вотъ Россія 26 мая 1899 года и праздновала столѣтіе со дня рожденія своего великаго народнаго поэта, избранника Божія.

Пушкинъ былъ сынъ помѣщика. Онъ родился 26 мая 1799 года въ Москвѣ, гдѣ и провелъ свои дѣтскіе годы. Но на лѣтнюю пору онъ съ семьей переѣзжалъ обыкновенно въ деревню, съ дѣтства крѣпко любилъ русскую природу, русскую жизнь и все русское. Напримѣръ, любилъ онъ слушать, какъ его любимица, нянюшка Арина Родіоновна, разсказывала ему сказки и пѣла простыя народныя пѣсни. Съ 12-ти

лѣтъ Пушкинъ учился въ училищѣ, которое тогда только что было открыто въ городѣ Царскомъ-Селѣ, близъ Петербурга, и называлось *Лицеюмъ*. Уже въ годы ученія обнаружился чудный даръ, какимъ онъ былъ надѣленъ отъ Бога: онъ сталъ складывать такіе стихи, которые всѣмъ нравились.

Окончивъ курсъ Лицея, Пушкинъ не долго прожилъ на одномъ мѣстѣ; почти вся жизнь его прошла въ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. Онъ извѣдывалъ всю Россію, много видѣлъ, много испыталъ, много пережилъ и радостей, и огорченій,—и въ сочиненіяхъ его отразилась, какъ въ зеркалѣ, вся Россія со всей ея природой и жизнью, со всѣмъ ея чуднымъ разнообразіемъ, съ ея настоящимъ и прошедшимъ. Вся Россія читала и заучивала наизусть его сочиненія и любила своего народнаго поэта. Въ послѣдніе годы жизни Пушкина особенно занимало изображеніе Петра Великаго; въ образѣ Царя Петра поэтъ представляетъ настоящаго, совершеннаго человѣка, какимъ онъ долженъ быть: человѣка, забывающаго самого себя, ради другихъ людей, ради блага родной земли и роднаго народа, просвѣтителя и неутомимаго работника.

Пушкинъ не былъ заносчивъ съ другими людьми и всѣмъ отдавалъ въ своихъ сочиненіяхъ должное, кто чего стоитъ, но понималъ и свои заслуги передъ отечествомъ. Онъ совершенно справедливо писалъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью:

«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по *всей* Русіи великой,
И назоветъ меня *всякъ* сущій въ ней языкъ:
И *гордый* внукъ славянъ, и *финнъ*, и нынѣ *дикий*
Тунгусъ, и другъ *степей* калмыкъ.
И долго буду *тѣмъ* любезенъ я народу,
Что чувства *добрыя* я лирой пробуждалъ,
Что въ мой *жестокій* вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ *падшимъ* призывалъ».

Пушкинъ скончался только 37 лѣтъ отъ роду въ Петербургѣ, 29 января 1837 года.

Въ 1880 году ему поставленъ памятникъ въ Москвѣ, а потомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ русскихъ городахъ.

Планъ для сочиненія: „О Пушкинѣ“.

1. Чѣмъ выдвинулся Пушкинъ изъ многихъ тысячъ людей? Стихотвореніе „Пророкъ“.—2. Краткое изложеніе жизни Пушкина.—3. Примѣры, какъ Пушкинъ изображаетъ русскую природу, и объясненіе ихъ.—4. Примѣры, какъ Пушкинъ изображаетъ русскую жизнь, и объясненіе ихъ.—5. Примѣры, какъ Пушкинъ изображаетъ внутренній міръ человѣка, и объясненіе ихъ.—6. Примѣры, какъ Пушкинъ изображаетъ минувшую жизнь (историческія картины), и объясненіе.—7. Примѣры, какъ Пушкинъ изображаетъ Кавказъ, и объясненіе.

43. Пророкъ.

А. С. Пушкина.

Духовной жаждою томимъ,
 Въ пустынь мрачной я влачился,
 И шестикрылый серафимъ
 На перепутьи мнѣ явился.
 Перстами лёгкими, какъ сонъ,
 Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
 Отверзлись вѣщія зѣницы,
 Какъ у испуганной орлицы.
 Моихъ ушей коснулся онъ,—
 И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ,
 И внялъ я неба содроганье,
 И горній ангеловъ полетъ,
 И гадъ морскихъ подводный ходъ,
 И дольней лозы прозябанье.
 И онъ къ устамъ моихъ приникъ

И вървалъ *грѣшный* мой языкъ,
 И празднословный, и лукавый,
 И жало мудрыя змѣи
 Въ уста замершія мои
 Вложилъ *десницею* кровавой.
 И онъ мнѣ *грудь* разсѣкъ мечёмъ
 И сердце *трепетное* вѣнулъ,
 И *уголь*, пылающій *огнёмъ*,
 Во *грудь отверстую* водвинулъ.
 Какъ *трутъ*, въ пустынь я лежалъ,
 И *Бога* гласъ ко мнѣ воззвалъ:
 «Возстанъ, пророкъ, и видѣшь, и внемли,
 Исполни *волею* Моей,
 И, обходя *моря* и *земли*,
 Глаголомъ *жги* сердца людей!»

43. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Въ г. Воронежѣ, въ городскомъ садикѣ, близъ базара, стоитъ памятникъ; къ этому памятнику ходятъ все русскіе люди, которые почему нибудь попадаютъ въ Воронежъ: наверху высокой колонны, обложенной мраморными плитами, поставлено поясное изображеніе молодого человѣка съ простымъ русскимъ лицомъ, сдѣланное тоже изъ мрамора. Это памятникъ Кольцову, задушевныя пѣсни котораго знаютъ все грамотныя, да многіе и неграмотныя русскіе люди, отъ мала до велика: ихъ и въ школахъ учатъ, и на улицахъ поютъ. Все русскимъ людямъ любя и понятны эти пѣсни, воспѣвающія нашу родную природу, жизнь и труды, радости и горести русскаго земледѣльческаго люда, сложенныя народнымъ пѣсеннымъ складомъ и согрѣтыя чувствомъ глубокой любви къ родинѣ.

Кольцовъ былъ сынъ полуграмотнаго мѣщанина, который промышлялъ гуртами скота. Онъ родился въ Воронежѣ въ 1809 году. Учился онъ очень мало—сперва дома, потомъ въ училищѣ, но курса не кончилъ. Когда мальчикъ сталъ порядочно читать, писать и считать, отецъ рѣшилъ: «будетъ съ него,—теперь онъ можетъ помогать мнѣ въ торговыхъ дѣлахъ!» Молодому Кольцову пришлось лѣтомъ жить въ степи, гдѣ нагуливался скотъ его отца, а зимой ѣздить по деревнямъ и сельскимъ базарамъ для покупки скота. Скоро онъ приноровился къ дѣлу. Но больше его занимало не торговое дѣло: полюбилась ему привольная степь, полюбилась и жизнь русскаго крестьянина-земледѣльца, тихая, простая, близкая къ природѣ; полюбилась и народная русская пѣсня, то удалая и разгульная, то заунывная и задушевная. Онъ усвоилъ все думы, чувства и живописную немногословную рѣчь простого русскаго человѣка.

Когда молодому Кольцову случалось жить въ городѣ, онъ любилъ читать книги. Попалась ему книжка со стихами, понравились стихи. Захотѣлось и самому выражать стихами свои думы и чувства. У него было, какъ потомъ самъ онъ выразился въ своихъ стихахъ, «много думъ въ головѣ, много въ сердцѣ огня», была и способность складно и картинно выражать словами свои думы и чувства. Сперва Кольцовъ старался сочинять стихи по-книжному, а потомъ сталъ складывать по-народному, по-пѣсенному, только складывалъ ихъ совѣмъ на свой ладъ: выходили пѣсни, но не взятые изъ народа, а совѣмъ особенныя «кольцовскія» пѣсни.

Слухи про самоучку-поэта дошли до одного богатаго и учёнаго чело-вѣка, помѣщика *Станкевича*, который напечаталъ книжку съ пѣснями Кольцова. Книжка всѣмъ понравилась; въ ней ярко и прекрасно выражалась душа русскаго крестьянина-земледѣльца, которой до сихъ поръ никто не зналъ.

Случилось Кольцову нѣсколько разъ побывать въ Москвѣ и Петербургѣ; тамъ и Пушкинъ, и другіе русскіе писатели принимали его по-дружески, какъ товарища. Кольцовъ отдыхалъ съ этими новыми друзьями, отдавалъ въ печать свои пѣсни, а дома, въ Воронежѣ, продолжалъ по-прежнему вести торговое дѣло отца. Онъ хлопоталъ, работалъ изо всѣхъ силъ, но не всегда ладилъ съ отцомъ; дѣла падали, пошли неудачи и семейныя непріятности. Только за книгами да за своими пѣснями поэтъ и отводилъ свою душу. А пѣсни его расходились по всей Россіи, ихъ читали, заучивали наизусть, пѣли. Жизнь бѣднаго пѣвца русскаго природы и народнаго труда дома сложилось такъ не хорошо, что здоровье его пошатнулось. Онъ сталъ тосковать, расхворался и умеръ во цвѣтѣ лѣтъ въ 1842 году.

Планъ для сочиненія „О Кольцовѣ“.

— 1. За что Кольцову поставленъ въ Воронежѣ памятникъ? Описание памятника.—2. Разсказъ о жизни Кольцова.—3. Чѣмъ особеннымъ отличаются стихи Кольцова отъ другихъ стиховъ: пѣсенный складъ ихъ, содержаніе ихъ.—4. Примѣры, какъ Кольцовъ изображаетъ русскую природу: степь, поле, лѣсъ, весну, лѣто, осень, зиму.—5. Примѣры, какъ Кольцовъ изображаетъ труды, веселье, радости и горести русскаго крестьянина-земледѣльца. „Крестьянская пирушка“, „Пѣсня пахаря“, „Урожай“ и др.—6. Примѣры, какъ Кольцовъ изображаетъ душу этого крестьянина. „Пѣсни Лихача-Кудрявича“ (см. дальше).

44. Пѣсни Лихача-Кудрявича.

В. А. Кольцова.

<p>1.</p> <p>Съ радости-веселья Хмтлемъ кудри вьются; Ни съ какой заботы Они не съкутся. Ихъ не гребень чешетъ— Золотая доля, Завиваетъ въ кольца</p>	<p>Молодецка удалъ. Не родись богатымъ, А родись кудрявымъ: По щучью велѣнью Все тебѣ готово. Чего душа хочетъ— Изъ земли родится; Со встѣхъ сторонъ прибыль</p>
---	--

Ползетъ и валится.

Что *шутя* задумалъ,—
Пошла шутка въ *дѣло*;
А *тряхнулъ* кудрями,—
Въ одинъ *мигъ* поспѣло.

Не возьмутъ гдѣ *лѣскомъ*,
Возьмутъ кудри *силой*;
А что *худо*—смотришь,
По *воду* поплыло.

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ черными бровями!
Во время да въ *пѣру*
Мѣдомъ *рычи* льются,
И съ утра до ночи
Пьсенки поются...

Честь и *слава* кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ *вѣтсѣя*!
Съ ними *все* на свѣтѣ
Ловко удаѣтся!

Не подъ *шапку* горе
Головъ *кудрявой*!
Разливайтесь *тѣсни*!
Ходи, парень, *браво*!

2.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются;
Съ горести-*печали*
Русыя *спкуются*.

Ахъ, *спкуются* кудри!
Любить ихъ *забота*;
Полобитъ забота,—
Не чешетъ и *гребень*!

Не *родись* въ сорочкѣ,
Не родись *таланливъ*;
Родись *терпимымъ*

И на *все* готовымъ.

Въкъ прожить—не *поле*
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу,—
Не *уноситъ* вѣтромъ.

Зла бѣда, не *буря*—
Горами качаетъ;
Ходитъ *невидимкой*,
Губитъ безъ *разбору*.

Отъ ея напасти
Не *уйти* на лыжахъ:
Въ чистомъ *полѣ* найдеть,
Въ тѣмномъ *тѣсѣ* същеть;
Чуешь только *сердцемъ*:
Придѣтъ, сядетъ *рядомъ*,
Объ *руку* съ тобою
Пойдѣтъ и поведетъ.

И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивде:
Все изъ *рукъ* вонь плохо,
Нѣтъ ни въ *чѣмъ* удачи.

Тѣ—скосило *градомъ*,
Тѣ—сняло *пожаромъ*;
Чистъ кругомъ и *лѣгокъ*,
Никому не нуженъ.

Къ старикамъ на *сходку*
Выйти приневолять,—
Старые лаптишки
Безъ *окучъ* обуешь;

Кафтанишка *рваный*
На *плечи* накинешь;
Бороду *вскосмитишь*,
Шапку *нахлобучишь*,

Тихомолкомъ станешь
За чужія *плечи*:
Пусть не *видятъ* люди
Прожитого счастья!

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

— 1. Что мы узнали про Императрицу *Екатерину II* и ея царствованіе?—2. Что узнали о *Суворовѣ*, самомъ славномъ изъ „екатерининскихъ орловъ“?—3. Какая война называется „отечественной войной“? Какъ она началась, какъ продолжалась и чѣмъ окончилась?—4. Что мы узнали о Кутузовѣ, главномъ героѣ отечественной войны?—5. Что мы узнали о Пушкинѣ? Какія сочиненія его намъ извѣстны? Что въ нихъ хорошаго?—6. Что мы узнали о Кольцовѣ? Какія сочиненія его намъ извѣстны? Чѣмъ они любы и дороги русскимъ людямъ?

ПЯТАЯ ГРУППА ЧТЕНІЙ.

1. Земной шаръ.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Мы живемъ на землѣ и знаемъ, что земля очень велика; много на ней сухого мѣста (суши), еще больше воды. Но какъ бы ни велика была земля, все-же долженъ быть ей гдѣ-нибудь конецъ. Если-бы ѣхать по землѣ все впередъ, напримѣръ, съ запада на востокъ, или съ сѣвера на югъ,—рано или поздно доѣдешь же до края земли. И ѣздили люди, но края земли не нашли: они возвращались къ тому же мѣсту, откуда выѣзжали, только съ другой стороны. Когда выйдешь на открытое мѣсто да помотришь вокругъ себя, кажется, что видишь землю отъ края до края: раскинулась она большимъ плоскимъ кругомъ, въ срединѣ круга стоишь ты, а край этого круга прикасаются къ небесному своду, который покрываетъ землю кѹполомъ, какъ огромная чаша. Эти край называются *видимымъ горизонтомъ*. А попробуй дойти до этого края—не дойдешь никогда: пока вокругъ будетъ ровное открытое мѣсто, все будетъ виденъ плоскій кругъ земли, передній край будетъ уходить, а задній приближаться; впереди будутъ появляться новые предметы, какъ будто они выходятъ изъ-за края земли, а позади предметы будутъ скрываться, какъ будто уходятъ въ землю. При этомъ всякій замѣтитъ вотъ что: новые предметы показываются изъ-за горизонта не разомъ, а постепенно: сперва только крестъ церкви, потомъ колокольня, наконецъ вся церковь. И скрываются предметы на горизонтѣ также постепенно, какъ будто опускаются куда-то: сперва скроется фундаментъ дома, потомъ стѣны съ окнами, наконецъ крыша. Такъ бываетъ и на сушѣ, и на морѣ, когда плывешь въ лодкѣ или на пароходѣ. Отчего такъ бываетъ? Конечно, оттого, что поверхность земли, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, вовсе не такая плоская, какъ, напри- мѣръ, поверхность пола въ комнатѣ или стола, а выпуклая, какъ, напри- мѣръ, поверхность мячика. За эту-то выпуклость и скрываются постепенно предметы, когда мы удаляемся отъ нихъ; изъ-за этой-то выпуклости и появляются на горизонтѣ новые предметы. И эта выпуклость идетъ во всѣ стороны и вездѣ, гдѣ бы человекъ ни находился на землѣ, потому что земля, на которой мы живемъ, *шарообразна*. Потому-то люди, которые совершали кругосвѣтное путешествіе, края земли никогда не находили, а возвращались къ тому мѣсту, откуда выѣхали, только съ другой стороны.

Поверхность земного шара не вездѣ ровная: на ней есть и небольшія возвышенности, и высокія горы (до 9-ти верстъ высоты). Но земля такъ велика (12,000 верстъ въ поперечникѣ), что самыя высокія горы также ничтожны, сравнительно съ величиной земного шара, какъ ничтожна песчинка сравнительно съ величиной арбуза, къ которому она пристала: песчинка не измѣняетъ вида арбуза, гора не измѣняетъ шарообразности земного шара.

Намъ кажется, что земля, на которой мы живемъ, неподвижна, а солнце движется вокругъ земли, то восходитъ, то заходитъ. На самомъ же дѣлѣ

земной шаръ вертится, какъ колесо на оси, отъ запада къ востоку, а въ то же время движется вокругъ солнца; полный оборотъ на своей оси земля совершаетъ въ 24 часа (сутки), а полный оборотъ вокругъ солнца въ 365 дней съ небольшимъ (годъ).

— Есть ли гдѣ-нибудь *конецъ земли*?—По какимъ признакамъ можно сообразить, что земля *шаръ*?—Почему и высокія горы не нарушаютъ шарообразности земли?—Какъ движется земной шаръ?

2. Движеніе земли.

М. В. Ломоносова.

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру,
И спорили *весьма* между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: «земля, вертясь, *кругъ солнца* ходитъ»,
Другой, что *солнце* всѣ съ собой планеты водитъ.
Одинъ Коперникъ былъ; другой слылъ Птоломей.
Тутъ *поваръ* споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ *спрашивалъ*: «Ты звѣздъ теченье *знаешь*?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣнья разсуждаешь?»
Онъ далъ *такой* отвѣтъ: «Что въ томъ *Коперникъ* правъ,
Я правду *докажу*, на солнцѣ не бывавъ;
Бто видѣлъ простяка изъ поваровъ *такого*,
Который бы вертѣлъ *оидъ* кругомъ жаркого?»

— Астрономъ—учёный, который занимается астрономіей, наукой о движеніи небесныхъ свѣтилъ.—Земля, вертясь, кругъ солнца ходитъ, то-есть въ одно и то же время и вертится, и движется около солнца, описывая огромный кругъ.—Птоломей—астрономъ, жившій въ городѣ Александріи, въ Египтѣ, во второмъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова. Онъ училъ, что земля стоитъ неподвижно, а вокругъ земли кружатся всѣ небесныя свѣтила, въ числѣ ихъ и солнце. Такъ думали тогда, да еще и долго послѣ Птолемея, всѣ.—Коперникъ былъ родомъ полякъ; онъ родился въ 1473 году въ гор. Торнѣ, на р. Вислѣ, умеръ въ 1543 г. Коперникъ первый сталъ доказывать ошибочность ученія Птолемея. Онъ утверждалъ, что земля не стоитъ неподвижно, а обращается около солнца.—Планетами называются всѣ небесныя свѣтила, которыя вращаются около солнца; земля наша тоже планета; луна вращается около земли: она *спутникъ* земли. Планеты свѣтятся не своимъ свѣтомъ, а свѣтомъ солнца, около котораго вращаются.

3. Движеніе.

А. С. Пушкина.

«Движенья *нѣтъ!*» сказалъ мудрецъ *брадатый*.
Другой *смолчалъ* и сталъ предъ нимъ *ходить*.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить;
Хвалили *всѣ* отвѣтъ замысловатый.
Но, господа, забавный *случай* сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь *каждый* день предъ нами *солнце* ходитъ,
Однакожь *правъ* упрямый Галилей.

— Галилей—великій итальянскій учёный, родившійся въ 1564, умершій въ 1651 году, который доказывалъ, подобно Копернику, что земля движется вокругъ солнца. Такое ученіе въ то время считалось безбожнымъ. Галилея посадили въ мрачную, сырую темницу и требовали, чтобы онъ публично отрекся отъ своего ученія. Галилею поневолѣ пришлось согласиться на это. Но сохранилось преданіе, что великій человекъ, произнеся требуемое отреченіе, топнулъ ногою о землю и съ досадою сказалъ: «а все-таки земля движется!» За это его опять заперли въ тюрьму, изъ которой онъ вышелъ уже старцемъ. Остатокъ своей жизни онъ провелъ въ глухомъ мѣстечкѣ, занимаясь науками въ кругу немногихъ друзей. Теперь ученіе Галилея о движеніи земли уже давно доказано и всѣми признано: всѣ знаютъ, что земля шарообразна и вращается вокругъ самой себя, какъ колесо на оси, отчего происходитъ смѣна дня и ночи; всѣ знаютъ, что она, кромѣ того, движется вокругъ солнца, отчего происходитъ смѣна *времени года*.

4. Глобусъ.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Глобусомъ называется небольшой шаръ, представляющій въ маломъ видѣ всю землю. Черезъ этотъ шаръ продѣта проволочная ось, а ея нижній конецъ укрѣпленъ на подставкѣ; глобусъ можетъ свободно вертѣться на этой

оси, какъ земля вращается вокругъ самой себя. Концы оси называютъ *полюсами*. Въ равномъ разстояніи отъ полюсовъ на глобусѣ проводятъ кругъ, который дѣлитъ глобусъ на два полушарія, сѣверное и южное. Этотъ кругъ

называютъ *экваторомъ*. На земномъ шарѣ, конечно, полюсовъ и экватора никто не отмѣчалъ, но ученые могутъ опредѣлить, гдѣ именно должны быть на немъ полюсы и экваторъ. Обращаясь не только вокругъ самой себя, но и вокругъ солнца, земля въ теченіи года принимаетъ различныя положенія относительно солнца, а потому разныя части ея нагрѣваются неодинаково. Сильнѣе всего нагрѣваются страны около экватора, потому что въ этихъ странахъ солнечные лучи падаютъ на землю почти отвѣсно. Здѣсь всегда тепло, и зимы почти не бываетъ. Менѣе всего нагрѣваются страны, лежащія около полюсовъ, потому что въ этихъ странахъ солнечные лучи падаютъ на землю косо. Здѣсь долгая и жестокая зима, лѣто короткое и по морю всегда плаваютъ ледяныя горы. Поэтому всю поверхность земного шара дѣлятъ на пять поясовъ: одинъ *жаркій*, срединный (*тропическія* страны), два *холодныхъ*, крайнихъ (*полярныя* страны), и два *умѣренныхъ*, между жаркимъ поясомъ и холодными. Мы живемъ въ умѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія; холодныя страны у насъ на сѣверѣ, жаркія—на югѣ. На южномъ полушаріи, наоборотъ, холодныя страны на югѣ, жаркія на сѣверѣ.

Что такое *полюсы*?—Что такое *полюсы*?—Что такое *экваторъ*?—На какіе *поясы* дѣлятъ земной шаръ?

5. Наводненіе въ Петербургѣ въ 1824 г.

А. С. Пушкина.

Надъ омрачѣннымъ Петроградомъ
 Дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ.
 Плеская шумною волной
 Въ края своей ограды стройной,
 Нева металась, какъ больной
 Въ своей постель безпокойной...
 Ужасный день! Нева всю ночь
 Рвалась къ морю противъ бури,
 Не одолѣвъ и хъ буйной дури...
 И спорить стало ей не въ мочь...
 По утрамъ надъ ея брегами
 Тѣснился кучами народъ,
 Любуясь брызгами, горами
 И пѣной разъяренныхъ водъ.
 Но силой вѣтра отъ залива
 Перегражденная, Нева
 Обратишла гнѣвна, бурлива,
 И затопляла острова...
 Погода пуще свирѣпѣла,
 Нева вздувалась и ревла,
 Ботломъ клокоча и клубясь,—
 И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
 На городъ кинулась. Предъ нею
 Все побѣжало, все вокругъ

Вдругъ *опустѣло*... Воды вдругъ
 Втекли въ подземные *подвалы*;
 Къ рѣшеткамъ хлынули *каналы*,—
 И *всплылъ* Петрополь, какъ Тритонъ,
 По поясъ *въ воду* погружёнъ.

Осада! *прѣступъ!* Злая волны,
 Какъ воры, *лѣзутъ въ окна*; чолны
 Съ разбѣга *стѣкла* бьютъ кормой;
 Садки подъ мокрой пеленой,
 Обломки *хижинъ*, брёвна, кровли,
 Товаръ запасливой *торговли*,
 Пожитки блѣдной *нищеты*,
 Грозой снесённые *мосты*,
 Гробы съ размытаго *кладбища*—
 Плывутъ по *улицамъ!* Народъ
 Зритъ *Божій гнѣвъ* и *казни* ждётъ.
 Увы, *всѣ* гибнетъ: *кровь* и *пища*.
Гдѣ будетъ *взять?*... Въ тотъ грозный годъ
 Покойный царь еще Россіей
 Со славой *правилъ*. На балконъ
 Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ,
 И *молвилъ*: «съ Божіей стихіей
 Царямъ не *совладать*». Онъ съѣлъ
 И въ думѣ скорбными очами
 На злое *бѣдствоіе* глядѣлъ.
 Стояли стѣгны *озерами*,
 И въ нихъ широкими *рѣками*
 Вливались *улицы*. Дворецъ
 Базался *островомъ* печальнымъ.
 Царь *мѣлвилъ*—изъ конца въ конецъ,
 По ближнимъ *улицамъ* и дальнимъ,
 Въ *опасный* путь средь бурныхъ водъ
 Его *пѣстились* генералы
 Спасать—и *страхомъ* обуялый,
 И *дома* тѣнушіи народъ.

— Петроградъ, Петрополь, т.-е. городъ Петра, Петербургъ.—*Ихъ*, т.-е. моря и бури.—Тритонъ—сказочное морское диво, полу-человѣкъ, полу-рыба.—Садки—загородки для пойманной рыбы.—Покойный царь—Императоръ Александръ Павловичъ; это было написано Пушкинымъ въ 1833 году, когда царствовалъ уже Николай Павловичъ (съ 1825 года), братъ Императора Александра I-го.—*Съ Божіей стихіей*—т.-е. съ водой.—*Стогны*—площади.

— Какое *наводненіе* изображаетъ поэтъ?—Какъ онъ изображаетъ страшную картину разрушенія?—Какой рисуетъ *образъ* императора Александра Павловича?—Не случалось ли вамъ наблюдать *наводненіе*? Опишите.—Зависитъ ли отъ *воли* и *распоряженій* человѣка, чтобы произошло наводненіе, или чтобы наводненія не было, или это *естественное* явленіе, не зависящее отъ воли и

распоряженій челоѣка?—Какъ объ этомъ говорится въ стихахъ (слова Императора Александра Павловича)?—А можетъ ли челоѣкъ бороться съ *естественными* явленіями, которыя неблагопріятны для него, и облегчать бѣдствія отъ нихъ?—Не знаете ли примѣровъ борьбы челоѣка съ неблагопріятными естественными явленіями?—Укрѣпленіе овраговъ и береговъ рѣкъ, искусственное орошеніе полей и садовъ, плотины и т. п.—Что побуждаетъ людей вести борьбу съ *естественными* явленіями?—Можно ли такую борьбу вести успѣшно, не зная *причины* неблагопріятнаго явленія?—Какъ же открыть причину его?—Можно ли тутъ обойтись безъ *наблюденій* и *опытовъ*?—Что побуждаетъ людей облегчать бѣдствія пострадавшихъ?—Эта потребность жалѣть другихъ людей, помогать имъ, облегчать ихъ страданія—*естественное* или *искусственное* явленіе?—Не заглушаютъ ли иногда люди въ себѣ эту естественную потребность? Хорошо ли это?—Приведите примѣры изъ жизни.

6. Самое великое явленіе природы.

Н. А. Рубакина.

Самое великое явленіе на землѣ—это вѣчный круговоротъ, который здѣсь идетъ...

Надъ нами высоко стоитъ вѣчный холодъ и морозъ, а подъ нами глубоко стоитъ такой жаръ, что плавятся камни. О вѣчномъ холодѣ люди узнали, взбираясь на высокія горы и летая на воздушныхъ шарахъ. А о подземномъ жарѣ люди знаютъ по огнедышащимъ горамъ, по горячимъ ключамъ, по землетрясеніямъ. На подземной расплавленной лавѣ лежитъ толща земли, на землѣ лежитъ вода; надъ водой и надъ землей воздухъ. И у воздуха, и у воды, и у земли есть свой *круговоротъ*: всѣ они кружатся по-своему.

Воздухъ кружить такъ: въ тепломъ мѣстѣ онъ нагрѣвается; нагрѣвшись, летитъ вверхъ, потому что его вытѣсняетъ туда болѣе холодный и тяжелый воздухъ изъ сосѣднихъ странъ; оттого дуетъ вѣтеръ изъ страны въ страну. Поднявшись наверхъ, воздухъ холодѣетъ, оттого опускается обратно внизъ и течетъ по низу, пока опять не нагрѣется и не поднимется. Солнце грѣетъ разныя страны не одинаково. Оттого и вѣтры бываютъ разныя и съ разныхъ сторонъ. Значитъ, если бы солнце не грѣло, и вѣтра не было бы.

Вода кружить такъ: невидимымъ паромъ она поднимается отъ земли и отъ моря вверхъ; тамъ наверху и на холоду невидимый паръ дѣлается видимымъ, собирается въ тучи и облака. Изъ тучи идетъ дождь и снѣгъ. Капли дождевыя собираются на землѣ въ ручейки; ручейки собираются въ рѣки; рѣки впадаютъ въ моря. Такъ возвращается обратно въ море та вода, которая изъ него усохла, ушла въ видѣ пара. Гоняетъ воду тоже солнце, потому что отъ его лучей вода превращается въ паръ.

У земли тоже есть свой круговоротъ... Въ одномъ мѣстѣ все выше и выше выходитъ, поднимается суша изъ подъ воды, въ другомъ мѣстѣ она все глубже и глубже осѣдаетъ въ море. Оттого морское дно потихоньку становится сушей, а суша—морскимъ дномъ. Гдѣ мы живемъ, тамъ было когда-то море, а гдѣ теперь море, тамъ когда-нибудь была суша. За то и многія страны, въ которыхъ нынѣ живутъ люди, опустятся въ морскую глубину. Подземныя силы выпираютъ высокія горы надъ землей, поднимаютъ обшир-

ныя страны надъ водой. А вода размываетъ горы и разрушаетъ страны. Текучая вода потихоньку да понемножку подмываетъ рѣчные берега; волны морскія камень за камнемъ разносятъ цѣлыя острова. Страшенъ подземный огонь, но страшна и капля водяная, которая долбитъ камень. И рушатся высокія горы, подмытая водой. А снизу, изъ-подъ земли, поднимаются подземными силами новыя горы...

Таковъ-то вѣчный круговоротъ воздуха, воды и земли. Этотъ круговоротъ и есть самое великое явленіе на землѣ.

— Какое явленіе природы здѣсь названо *самымъ великимъ* явленіемъ на землѣ?—Опишите круговоротъ *воздуха*.—Опишите круговоротъ *воды*.—Опишите круговоротъ *земли*.—Зависитъ ли этотъ круговоротъ отъ *воли* и *распоряженій* челоуѣка?—Можетъ ли онъ прекратиться?—Почему можно думать, что онъ непремѣнно будетъ совершаться и въ будущемъ?—Какія *наблюденія* и *опыты* привели людей къ открытію этого *естественнаго закона*?—Какой *естественный законъ* знаемъ мы о вліяніи тепла на тѣла?—Какими *наблюденіями* и *опытами* онъ подтверждается?—Какіе еще естественные *законы* мы знаемъ?—Подтвердите ихъ *наблюденіями* и *опытами*.

7. Обвалъ.

А. С. Пушкина.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пьнятыя валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщеть боръ,
И блещутъ средь окрестной мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ *вдохомъ* упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истошась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты *прервалъ* свой ревъ!
Но *заднихъ* волнъ упорный гнѣвъ

Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ осмирѣвъвъ
Свои берега.

И домо прорванный обвалъ
Неталой *грудою* лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пѣлью водъ
И шумной пѣной *орошалъ*
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влѣкъ волъ,
И своего верблюда вѣлъ
Степной *купецъ*,
Гдѣ нынѣ мчится лишь эоль,
Небесъ жилецъ.

— Эоль—сильный холодный вѣтеръ.

— Что такое *обвалъ*?—Гдѣ у насъ въ Россіи бывають обвалы?—Расскажите исторію обвала, который изображается въ этомъ стихотвореніи.

8. Гибель города Вѣрнаго.

Изъ статьи С. П. Меча.

Въ концѣ мая 1887 года во всѣхъ газетахъ было напечатано извѣстiе, что страшная бѣда постигла городъ *Вѣрный* (въ Азіатской Россiи, въ Семирѣченской области): «нѣсколько подземныхъ ударовъ совершенно разрушили его; жители въ ужасѣ бѣгутъ, куда попало; убитыхъ съ каждымъ днемъ находятъ все больше и больше; окрестныя селенія также погибли, въ горахъ обвалы и трещины»...

Какая-то могучая сила, въ родѣ гигантскаго молота, ударила подъ землей снизу вверхъ, въ то мѣсто, гдѣ стоялъ городъ. Произошло то же, что было бы съ карточнымъ домикомъ, если бы въ столъ, на которомъ онъ построенъ, кто-либо сильно ударилъ снизу кулакомъ. Городъ Вѣрный мгновенно превратился въ развалины. Удары, хотя и не столь сильные, какъ первый, повторились нѣсколько разъ, и отъ города не осталось камня на камнѣ. «28 мая, говоритъ одинъ очевидецъ, я былъ разбуженъ въ 5-мъ часу утра подземнымъ гуломъ, похожимъ на выстрѣлъ, и не могъ догадаться, въ чемъ дѣло. Поспѣшно всталъ я съ постели, но въ это время земля покачнулася, и со всѣхъ сторонъ раздавался шумъ, трескъ, грохотъ. Стѣны закачались и разсѣлись трещинами сверху до низу; потолокъ опустился и нагнулся; куски штукатурки, мусоръ и пыль посыпались сверху. Все это произошло сразу, внезапно. Выскочилъ я на улицу. На улицѣ еще не было ни души. Подземный гулъ все продолжался, дома валялись и трещали, а земля колебалась подъ моими ногами... Скоро стали выбѣгать на улицу толпы народа. Многіе, при самомъ выходѣ, были убиты валившимися кирпичами. Раздались крики о помощи, стоны придавленныхъ, ревъ обезумѣвшихъ животныхъ, суетня и безотчетное бѣганье людей по улицамъ подъ влияніемъ испуга. А разрушеніе, неумолимое, безжалостное, продолжалось почти непрерывно: все ломалось и валялось, такъ какъ подземные удары, хотя и ослабѣли, но повторялись. Густая пыль стояла надъ грудями кирпичей. На каждомъ шагу можно было видѣть сцены самыя трогательныя, самыя потрясающія. Вотъ гибнетъ женщина, спасающая своихъ дѣтей и вернувшаяся за послѣднимъ изъ нихъ. Тамъ кому-то придавило ногу обрушившеюся балкой, и онъ напрасно силится освободиться изъ-подъ нея, напрасно умоляетъ о помощи. Здѣсь лежитъ лицомъ къ землѣ трупъ челоуѣка, только что убитаго камнемъ, — лужа крови натекла возлѣ головы его»...

Землетрясеніе, разрушившее Вѣрный, чувствовалось на тысячу верстъ вокругъ; оно ослабѣвало по мѣрѣ удаленія отъ Вѣрнаго: ясно было, что подземный толчекъ пришелся недалеко отъ того мѣста, гдѣ стоялъ несчастный городъ. Въ его окрестностяхъ, въ деревняхъ, погибло тоже много людей: кого засыпало землей, кого задавило домомъ; цѣлыя стада съ пастухами падали въ разсѣлины и гибли. Сообщенія по дорогамъ стали невозможны, вслѣдствіе широкихъ и длинныхъ трещинъ въ землѣ. Даже горы не устояли противъ подземныхъ ударовъ. Потрясенныя въ самыхъ своихъ основаніяхъ, громадныя скалы рухнули, разбились на камни въ тысячи пудовъ вѣсомъ и завалили ущелья, дома, и людей и животныхъ. Въ довершеніе всего, изъ горныхъ ущелій устремились на городъ цѣлые потоки густой глинистой грязи, саженъ 200 и болѣе въ ширину.

— Землетрясенія происходятъ, во-первыхъ, отъ подземной воды и подземнаго жара. Въ глубинѣ земли стоитъ такой жаръ, что отъ него плавятся даже камни. Оттого-то бывають огнедышасія горы, выбрасывающія водяной паръ, раскаленные и расплавленные камни (*лаву*), пепель; оттого бывають и горячіе водяные ключи, какіе у насъ находятся на Кавказѣ, у Пятигорска и Желѣзноводска. Много въ глубинѣ земли и воды, которая подъ землей промываетъ себѣ ходы и большія промонины. Это бываетъ первой причиной землетрясеній. Другая причина ихъ та, что въ глубинѣ пласты земли иногда передвигаются. Третья причина землетрясеній въ томъ, что подземная вода отъ жара обращается въ паръ, который съ страшною силою давитъ и на воду, и на землю.—Въ 1902 г. разрушенъ землетрясеніемъ уѣздный городъ Бакинской губерніи (въ Закавказьи) *Шемаха*. Подъ развалинами погибло до 2 тысячъ человѣкъ. Въ окрестностяхъ пострадало до ста селеній.

— Отъ какого *естественнаго явленія* погибъ городъ Вѣрный?—Отъ какихъ *причинъ* происходятъ землетрясенія?—Расскажите о землетрясеніи, жертвою котораго былъ городъ Вѣрный.

Планъ для сочиненія „Борьба человѣка съ природою“.

1. Что даетъ человѣку природа.—2. Явленія природы, неблагоприятныя для человѣческой жизни.—3. Сила человѣческаго ума и труда.—4. Обработка земли для посѣвовъ, искусственное орошеніе.—5. Прирученіе полезныхъ и истребленіе вредныхъ животныхъ.—6. Защита отъ холода, вѣтра, воды, молніи и (громоотводъ).—7. Приспособленія для работы вѣтра, воды, пара, электричества.

9. Краткій обзоръ поверхности земного шара.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Много на поверхности земли суши, но еще больше воды. Вся водяная поверхность земного шара составляетъ одинъ нераздѣльный океанъ, по разнымъ частямъ этого океана даны разныя названія: *Сѣверный Ледовитый океанъ*, *Южный Ледовитый океанъ*, *Атлантическій* (западный) океанъ, *Тихій* (восточный) океанъ, *Индійскій* (срединный) океанъ. Части океана, входящія въ сушу, называютъ *морями*; такъ у насъ въ Россіи *Бѣлое море*—часть Сѣвернаго Ледовитаго океана, *Балтійское*—часть Атлантическаго океана. Небольшіе заливы называютъ просто *заливами* или *бухтами*, какъ у насъ *Финскій заливъ*, *Севастопольская бухта*. Воду, окруженную со всѣхъ сторонъ сушею, называютъ *озеромъ*, а очень большое озеро—моремъ; такъ, у насъ *Каспійское море* есть большое озеро. Въ океаны, моря и озера текутъ *рѣки*.

Всю сушу земной поверхности дѣлятъ на пять *частей свѣта* (материковъ): Европа, Азія, Африка, Америка, Австралія. Мы живемъ въ Европѣ. *Европа* меньше всѣхъ частей свѣта, но въ ней больше, чѣмъ въ другихъ частяхъ свѣта, христіанъ и образованныхъ людей. Наше отечество находится въ двухъ частяхъ свѣта, въ Европѣ и Азіи. Въ *Азіи* находится *Палестина* съ городомъ Іерусалимомъ, въ которой родился, жилъ, страдалъ и воскресъ Спаситель міра Іисусъ Христосъ. Въ *Африкѣ* находится страна *Египетъ*, гдѣ долго жили въ плѣну евреи, о чемъ мы знаемъ изъ Священной исторіи. *Америку* жители Европы узнали послѣ Азіи и Африки, а потому ее назы-

ваютъ Новымъ Свѣтомъ. Ее открылъ одинъ морякъ, по имени *Колумбъ*, около 400 лѣтъ тому назадъ.

Кромѣ материковъ, есть много большихъ и малыхъ кусковъ суши, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ водою: ихъ называютъ островами, какъ у насъ *Соловецкіе острова* на Бѣломъ морѣ, островъ *Сахалинъ* на Тихомъ океанѣ.

— Какъ называется вся *водная поверхность* земного шара?—Какія мы знаемъ части *океана*?—Какія части океана называютъ *морями*?—Какія мы знаемъ русскія моря?—Какая разница между моремъ и *озеромъ*?—Какія мы знаемъ русскія озера?—Какую воду называютъ *рѣкой*?—Какія мы знаемъ большія русскія рѣки?—Куда течетъ каждая изъ этихъ рѣкъ и въ какомъ направленіи?—На какія *части свѣта* дѣлятся всю *сушу* земного шара?—Какія изъ нихъ называютъ *старымъ свѣтомъ*?—Какую называютъ *новымъ свѣтомъ* и почему?—Въ какой части свѣта живемъ мы?—Чѣмъ эта часть свѣта особенно замѣчательна, сравнительно съ другими?

10. Затопленный фрегатъ.

В. И. Немировича-Данченко.

Глубокъ подъ синими водами,
Занесенный иломъ и песками
Ты *лежишь*, затопленный фрегатъ.
Изъ каютъ въ зіяющія окна
Водорослей тянутся волокна,
По канатамъ *ракушки* висятъ.
На верху бушуютъ *непогоды*,
Ураганъ какъ будто *роетъ* воды,
До тебя дорыться хочетъ онъ.
Но на днѣ безмолвномъ океана
Ты *тиха*, могила великана,
И *глубокъ* твой безпробудный сонъ!

— Фрегатъ—военный корабль. — Каюта—комната въ кораблѣ.—Водоросли—водныя растенія.—Ракушки—раковины, въ которыхъ живутъ студенистыя животныя—*слизняки*.—Ураганъ—сильный вѣтеръ, буря.

— Къ кому обращается *поэтъ*?—Можетъ ли фрегатъ понимать обращеніе поэта?—Не припомните ли другихъ примѣровъ, чтобы поэтъ *олицетворялъ* неодушевленный предметъ и обращался къ нему, какъ къ живому человѣку?—Какими *чертами* и съ какимъ *чувствомъ* поэтъ изображаетъ затопленный фрегатъ?

11. Качка на океанѣ.

И. А. Гончарова.

Мнѣ надо было нѣсколько измѣнить въ каютѣ порядокъ, и это стоило немало труда. Но худо ли, хорошо ли, а каюта была убрана; все въ ней разставлено и разложено, по возможности, какъ слѣдуетъ, каждой вещи на-

значено мѣсто на два, на три года. А про океанъ и забыли... Но океанъ не забылъ про насъ. Къ вечеру стало покачиваться... Къ чаю уже надо было положить на столъ рейки, то-есть поперечныя дощечки ребромъ, а то чашки, блюдечки, хлѣбъ и прочее ползло то въ одну, то въ другую сторону. Да и самимъ неловко было сидѣть за столомъ: сосѣдъ наваливался на сосѣда. Начались обыкновенныя явленія качки. Вдругъ дверь отворится и съ шумомъ захлопнется. Въ каютахъ то тамъ, то сямъ что-нибудь со стукомъ упадетъ со стола, или сорвется со стѣны, выскочить изъ шкапа и со звономъ разобьется—стаканъ, чашка, а иногда и самъ шкапъ зашевелится... Смѣшно было смотрѣть, какъ кто-нибудь пойдетъ въ одинъ уголь, а его отнесетъ въ другой... Я кое-какъ заснулъ, и то съ грѣхомъ пополамъ: не одинъ разъ будилъ меня стукъ, топотъ людей, суматоха съ парусами...

Но утромъ дѣло стало посерьезнѣе. Я попробовалъ пойти наверхъ или «на улицу», какъ я называлъ верхнюю палубу, но ходить было нельзя. Я постоялъ, посмотрѣлъ, какъ море вдругъ скроется изъ глазъ совсѣмъ подъ фрегатъ и передъ вами палуба стоитъ стоймя, то вдругъ скроется палуба и вмѣсто нея очутится стѣна воды, которая такъ и лѣзетъ на васъ. Но не бойтесь: она сейчасъ опять спрячется, только держитесь обѣими руками за что-нибудь... Я воротился въ общую каюту. Трудно было и обѣдать: чуть зазѣваешься, тарелка наклонится и ручей супа быстро потечетъ по столу до тѣхъ поръ, пока обратный толчокъ не погонитъ его назадъ. Мнѣ ужъ становилось досадно. Дѣлать ничего нельзя, даже читать... Всѣ недовольны.. Видны блѣдныя, страдальческія лица... Занятій, бесѣды нѣтъ... Просто, нѣтъ житья.

На другой день вѣтеръ уже превратился въ крѣпкій и жестокій, какого еще у насъ не было... Можетъ быть, оно и хорошо, если смотрѣть съ берега, но быть героемъ этого представленія, которымъ природа время отъ времени угощаетъ плователя, право не занимательно... Огромные холмы съ бѣлымъ гребнемъ, съ воемъ толкая другъ друга, встаютъ, падаютъ, опять встаютъ, какъ будто толпа вдругъ выпущенныхъ на волю бѣшеныхъ звѣрей дерется въ остервенѣніи, только брызги какъ дымъ поднимаются, да стонъ носится въ воздухъ. Фрегатъ взберется на голову волны, дрогнетъ тамъ на гребнѣ, потомъ упадетъ на бокъ и начинаетъ скользить съ горы, спустившись на дно между двухъ бугровъ — выпрямится, но только затѣмъ, чтобъ тяжело перевалиться на другой бокъ и лѣзть вновь на холмъ. Когда онъ опустится внизъ, по сторонамъ его вздымаются водяныя стѣны... Сначала качка наводитъ съ непривычки страхъ. Когда судно катится съ вершины волны къ ея подножію и переходитъ на другую волну, оно дѣлаетъ такой размахъ, что кажется—сейчасъ разсыплется вдребезги; но когда убѣдишься, что этого не случится, тогда дѣлается скучно, досадно, досада превращается въ озлобленіе, а потомъ въ уныніе. Время идетъ медленно: его измѣряешь не часами, а ровными, тяжелыми размахами судна и глухими ударами волнъ въ бока и корму. Во рту сухо, языкъ горитъ. Нѣтъ ни аппетита, ни сна... Не спишь, потому что не хочется спать, а забываешься отъ утомленія въ полудремотѣ.

12. Разнообразіе природы на землѣ.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Природа каждаго земного пояса много отличается отъ природы другихъ поясовъ: не тѣ растенія, не тѣ животныя. Самая богатая и разнообразная растительность—въ жаркомъ поясѣ, въ странахъ тропическихъ. Здѣсь деревья отличаются отъ нашихъ вѣчной зеленью, необыкновенно большими листьями, яркими красивыми цвѣтами, огромнымъ ростомъ и разнообразіемъ. Напримѣръ: *баобабъ* бываетъ въ вышину до 16 сажень, стволъ его въ поперечникъ имѣетъ до 10 саж., а сучья такъ толсты, какъ у насъ стволы самыхъ старыхъ дубовъ. Особенно разнообразны и красивы бываютъ *пальмы*, деревья съ высокими стволами и съ листьями только на верхушкѣ. *Финиковая пальма* достигаетъ до 14 саж. вышины; перистыя листья ея бываютъ длиною до 2 саж.; она полезна жителямъ тропическихъ странъ всеми своими частями: плоды ея идутъ въ пищу; изъ ея листьевъ вьютъ веревки и приготавливаютъ ткани; срубленное дерево служитъ топливомъ для приготовления пищи. На обширныхъ поляхъ жаркаго пояса воздѣлываются совсѣмъ другія растенія, нежели у насъ: вмѣсто ржи и пшеницы—*рисъ* и *маисъ*, вмѣсто льна и конопли—*хлопчатникъ*, вмѣсто свекловицы—*сахарный тростникъ*. Животныя тропическихъ странъ тоже поражаютъ величиной и разнообразіемъ. Здѣсь живутъ самые крупные и страшные хищные звѣри: *левъ* и *тигръ*, самое большое копытное животное—*слонъ*, самыя большія и страшныя змѣи и ящерицы: *уддъ*, *крокодилъ*. Въ лѣсахъ здѣсь живутъ различныя четверорукія обезьяны, а также красивыя птицы съ яркими перьями: *попуайи*, *колибри*, *райскія птицы*. Въ пустыняхъ жаркаго пояса живетъ и самая большая изъ всѣхъ птицъ—*страусъ*. Тропическія страны изобилуютъ также крупными и разнообразными насѣкомыми: тамъ необыкновенно большія и яркія *бабочки*, *комары* прокусываютъ самое толстое платье и вшиваются въ тѣло; изъ жаркихъ странъ залетаетъ въ нашъ умѣренный поясъ и *саранча*, которая опустошаетъ наши южнорусскія поля.

Въ умѣренныхъ поясахъ растенія и животныя уже не такъ крупны и разнообразны, какъ въ жаркомъ. Въ тѣхъ его мѣстахъ, которыя ближе къ жаркому поясу, напримѣръ—у насъ въ Закавказьи, еще встрѣчаются вѣчно-зеленѣющія деревья, а на поляхъ разводятся рисъ и маисъ; но чѣмъ дальше отъ жаркаго пояса, тѣмъ бѣднѣе становится растительность: такъ, у насъ, на югѣ и въ средней полосѣ Россіи растутъ лиственные деревья—*дубъ*, *ясень*, *тополь*, а дальше къ сѣверу лиственные деревья мало-по-малу исчезаютъ, а появляются *хвойныя*. Тоже надо сказать и о животныхъ умѣренныхъ поясовъ. Наши хищные звѣри, *медвѣдь*, *волкъ*, *лисица*, ничтожны сравнительно со львомъ и тигромъ, наша змѣя *гадюка* ничтожна сравнительно съ удавомъ. И птицы наши далеко не такъ крупны, красивы и разнообразны, какъ птицы жаркихъ странъ.

Въ холодныхъ поясахъ природа еще бѣднѣе. Напримѣръ, въ сѣверной части Европейской Россіи и Сибири даже *береза* и *ель* являются уже только въ видѣ кривыхъ кустарниковъ, а вмѣсто травы растетъ только *мохъ*; единственное домашнее животное здѣсь *сѣверный олень*.

По берегамъ Ледовитаго океана всякая растительность прекращается.

Подобное же измѣненіе растительности можно наблюдать по склонамъ высокихъ горъ: если гора находится въ жаркомъ поясѣ, то у подошвы ея растутъ деревья жаркаго пояса, выше идетъ растительность умѣренныхъ странъ, еще выше—растительность холоднаго пояса, а на самой вершинѣ горы всякая растительность прекращается.

13. Разнообразіе человѣческой жизни на землѣ.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Всякому поясу земного шара свойственны свои растенія и животныя. Человѣкъ же можетъ примѣняться ко всякимъ внѣшнимъ условіямъ, и люди живутъ во всѣхъ поясахъ земного шара. Но самыя благоприятныя для человѣческой жизни тѣ страны умѣреннаго пояса, гдѣ не бываетъ ни сильныхъ жаровъ, ни сильныхъ морозовъ, гдѣ трудъ человѣка достаточно вознаграждается природой, но нельзя жить безъ постояннаго труда и безъ заботъ. Вотъ почему въ Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ живетъ бѣльшая часть самыхъ образованныхъ народовъ, которые трудомъ и наукой побѣдили природу и устроили себѣ истинно-человѣческую жизнь. По образу жизни, между народами земного шара различаютъ—бродячихъ, кочевыхъ и осѣдлыхъ.

Бродячіе народы живутъ отдѣльными семействами, добываютъ себѣ пропитаніе охотою и рыбною ловлею, часто переходятъ съ мѣста на мѣсто, живутъ въ лѣсахъ или въ пещерахъ. Нравы у нихъ грубые, дикіе, ихъ и называютъ *дикими* людьми или дикарями. Теперь дикихъ людей уже мало; они сохранились только въ жаркихъ странахъ Австраліи.

Кочевые народы живутъ небольшими общинами, всего больше на равнинахъ Азіи, на сѣверѣ и на востокѣ Европы. Они занимаются скотоводствомъ и кочуютъ со своими стадами, устривая легкія переносныя жилища, которыя легко и скоро разбираются и удобны для передвиженія. Таковы у насъ въ Россіи *самоѣды, калмыки, киргизы* и многіе инородцы Сибири.

Оседлые народы живутъ большими обществами на одномъ постоянномъ мѣстѣ, въ деревняхъ, селахъ, городахъ. Главныя занятія ихъ: земледѣліе, ремесла, заводская и фабричная промышленность, торговля, науки. Для своей безопасности и для улучшенія жизни осѣдлые народы соединяются въ большія общества и подчиняются одной верховной власти. Такое-то соединеніе людей въ одно большое общество, управляемое одной верховной властью, и называется *государствомъ*. Такова наша Россійская Имперія. Много на землѣ и другихъ государствъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Изъ нихъ для Россіи больше другихъ имѣютъ значенія слѣдующія:

Германія—находится въ сосѣдствѣ съ нами на западѣ Европы; въ ней главный городъ *Берлинъ*.

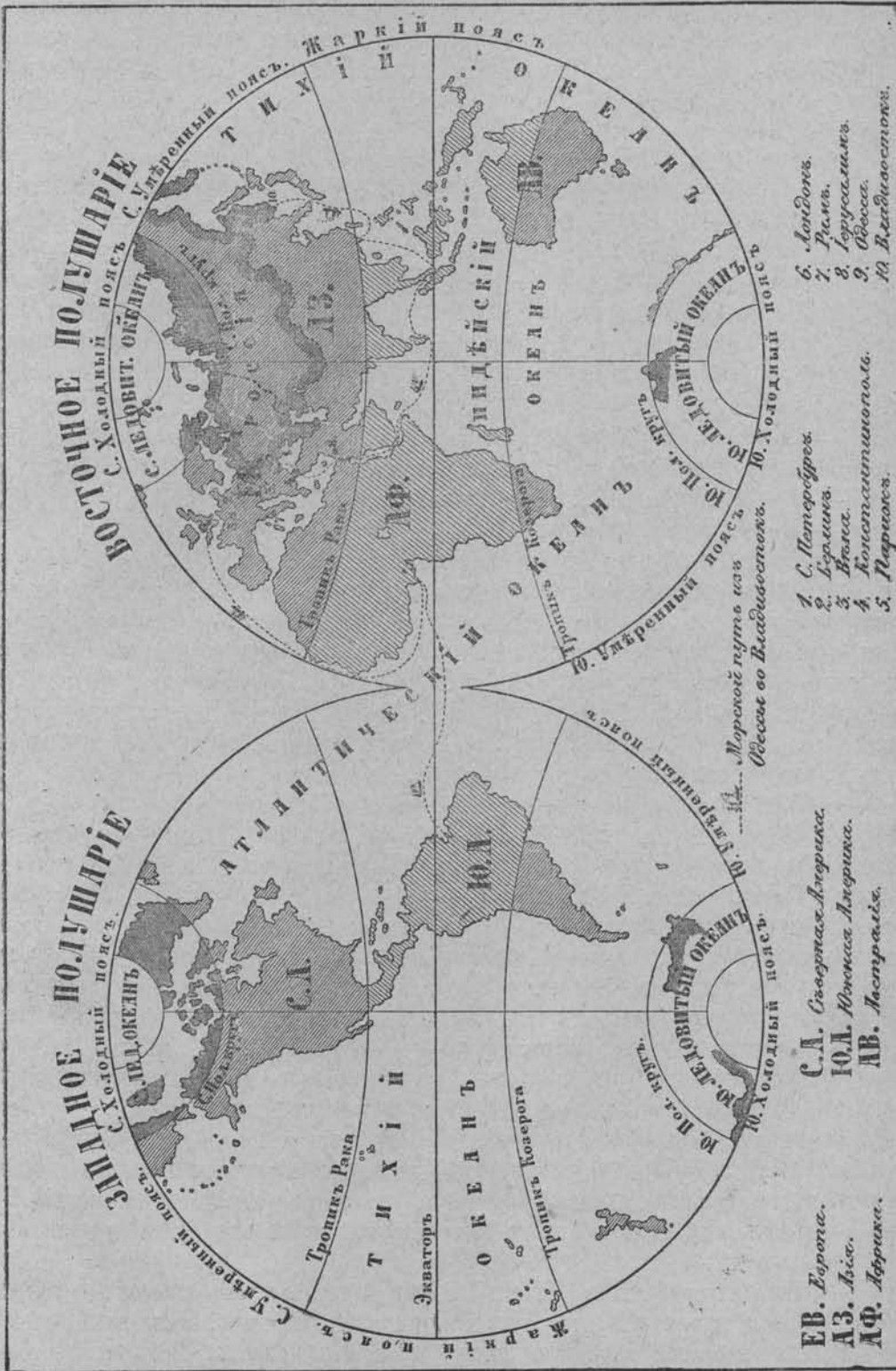
Австрія—тоже наша западная сосѣдка; главный городъ *Вѣна*.

Швеція—за Балтійскимъ моремъ; главный городъ *Стокгольмъ*.

Англія—на большихъ островахъ Атлантическаго океана, на западѣ Европы; главный городъ *Лондонъ*.

Франція—на западѣ отъ Германіи; главный городъ *Парижъ*.

Италія—на югѣ Европы, на полуостровѣ; главный городъ *Римъ*.

- 6. Лондонъ.
- 7. Римъ.
- 8. Сурасамъ.
- 9. Одесса.
- 10. Владивостокъ.

- 1. С. Петербургъ.
- 2. Берлинъ.
- 3. Москва.
- 4. Константинополь.
- 5. Парижъ.

Морской путь изъ
Одессы во Владивостокъ.

- С.А. Северная Америка.
- Ю.А. Южная Америка.
- АВ. Австралія.

- ЕВ. Европа.
- АЗ. Азія.
- АФ. Африка.

Карта полушарій.

Турція—на юго-востокѣ Европы, на Балканскомъ полуостровѣ; главный городъ *Константинополь*.

Китай—въ Азіи, къ югу отъ Сибири; главный городъ *Пекинъ*.

Японія—на островахъ Тихаго океана, на востокѣ Азіи; главный городъ *Токио*.

Сѣверо-Американскіе соединенные штаты занимаютъ среднюю часть Сѣверной Америки; главный городъ *Нью-Йоркъ*.

— Отчего зависитъ *разнообразіе* человѣческой жизни на земномъ шарѣ?—Какая природа наиболѣе благоприятна для людей?—Какое соединеніе людей называется *государствомъ*?—Какія государства имѣютъ болѣе значенія для нашего отечества?—Найдите на картѣ эти государства и главные города ихъ.

14. Затменіе солнца.

И. С. Тургенева.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, началъ Ѳедея, что у васъ тоже въ Шаламовѣ было предвидѣнье-то небесное?

— Какъ солнца-то не стало видно? Какъ-же!

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напередки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что на-поди. А на дворовой избѣ баба-стрипуха, такъ та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: кому теперь ѣсть, говорить, наступило свѣтопреставленіе. Такъ шти и потекли. А у насъ на деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку увидятъ...

— Какого это Тришку?—спросилъ Костя.

— А ты не знаешь?—съ жаромъ подхватилъ Илюша,—ну, братъ, отклеива-же ты, что Тришки не знаешь? Сидни-же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка—это будетъ такой человѣкъ удивительный, который придетъ; а придетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять хрестьяне, выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, а онъ имъ глаза отведетъ—такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадятъ, напримѣръ,—онъ попроситъ водицы испить въ ковшикъ, ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда да и поминай какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещется,—цѣпи съ него такъ и падаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ хрестьянскій,—ну, а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего. Ужъ такой онъ будетъ удивительный лукавый человѣкъ.

— Ну да, продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ,—такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и придетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу въ поле, ждетъ, что будетъ.

А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрять—вдругъ отъ Слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудрѣный, голова такая удивительная... всѣ какъ крикнуть: «ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!»— да кто куда! Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричить, свою же дворовую собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофеичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ да и давай кричать перепеломъ: «авось, моль, хоть птицу-то врагъ-душегубецъ пожалбеть». Таково-то всѣ переполошились! А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ Вавиль, жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ».

Всѣ мальчики засмѣялись и приумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ. Торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ: она въ ту пору поздно выходила. Безчисленныя, золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцаая, по направленію *млечнаго пути*, и, право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли...

— Павлуша, Федя и др.—крестьянскіе мальчики, которые сидятъ въ «ночномъ» съ лошадьми и разговариваютъ между собой.—Предвидѣнье небесное: такъ крестьяне называютъ солнечное затменіе. Изрѣдка бываетъ, что луна, обращаясь вокругъ земли, такъ проходитъ между землей и солнцемъ, что не на долго закрываетъ солнце отъ земли, и тогда днемъ вдругъ становится тѣмно, и на небѣ тогда можно днемъ видѣть звѣзды. Ученые заранѣе опредѣляютъ, когда будетъ такое солнечное затменіе, и всѣ образованные люди знаютъ это. А все таки это наступленіе ночи среди дня такъ необычно, что наводитъ на многихъ невольный страхъ, какъ на барина, о которомъ рассказываетъ мальчикъ Павлуша. Люди же тѣмные, неграмотные, неученые, отъ страха начинаютъ думать и толковать, что это приходитъ конецъ міра: идетъ Антихристъ и приближается свѣтопреставленіе.—Бываютъ и *лунныя* затменія, когда во время полнолунія земля своей тѣнью закрываетъ солнце отъ луны: тогда луна становится вдругъ темною, такъ какъ она свѣтитъ не своимъ, а солнечнымъ свѣтомъ.—Повѣрье объ удивительномъ человѣкѣ Тришкѣ—искаженное сказаніе объ Антихриствѣ.—Жбанъ—большая деревянная посуда, въ которой держать квасъ или воду.—Млечный путь—свѣтящаяся полоса, которая въ звѣздныя ночи тянется по небу почти прямо съ сѣвера на югъ: это безчисленное множество звѣздъ, которыя такъ далеки отъ земли, что свѣтъ ихъ сливается въ одно блѣдное сіяніе.

— О какомъ явленіи природы рассказываетъ Павлуша?—Отчего бываетъ *солнечное затменіе*?—Какъ оно дѣйствуетъ на тѣмныхъ людей?—Какіе толки и ожиданія вызываетъ среди нихъ чувство суетѣрнаго страха?—Какіе *естественные законы* проявляются въ затменіи солнца?

15. Вселенная.

Изъ книги «Въ школѣ и дома».

Куда бы мы ни пошли по землѣ, вездѣ надъ нашей головой будетъ небо, а подъ ногами земля, и гдѣ бы ни стоялъ человѣкъ на землѣ, ему

вездѣ будетъ казаться, что небо надъ нимъ, вверху, а земля внизу. Въ ясную погоду небо бываетъ голубого цвѣта, и мы знаемъ, что это голубое небо есть не иное что, какъ воздухъ, окружающій землю со всѣхъ сторонъ по крайней мѣрѣ на 100 верстѣ въ высоту (*атмосфера*). На небѣ въ ясную погоду мы видимъ днемъ *солнце*, а ночью *луну* и множество блестящихъ *звѣздъ*. Солнце, луну и звѣзды называютъ *небесными свѣтилами*. Солнце намъ кажется небольшимъ блестящимъ кругомъ, а луна—свѣтлымъ кругомъ меньше солнца и далеко не такимъ блестящимъ; звѣзды представляются намъ очень маленькими искорками или блѣсточками, прикрѣпленными къ небу. Но если мы будемъ внимательно наблюдать, то замѣтимъ, что звѣзды на небѣ перемѣняютъ свое мѣсто, какъ перемѣняютъ его луна и солнце, и видъ звѣзднаго неба день ото дня, время отъ времени, измѣняется. Особенно замѣтна эта перемѣна, если мы сравнимъ лѣтнее небо съ зимнимъ. Ученые люди убѣдились и доказали, что въ дѣйствительности какъ солнце, такъ и звѣзды имѣютъ форму шара, подобно землѣ, но гораздо больше земли; луна тоже шарообразна и очень велика, но меньше земли. Солнце, луна и звѣзды намъ кажутся такими маленькими по той причинѣ, что находятся очень далеко отъ земли. Вѣдь издали и всѣ предметы намъ кажутся гораздо меньшими, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ: большое дерево кажется маленькимъ кустомъ, высокая гора небольшимъ холмикомъ. А луна отдалена отъ земли на 360 тысячъ верстѣ, солнце еще въ 400 разъ дальше луны,—какъ же велика должна быть эта луна, которая намъ кажется величиною съ тарелку? какъ же велико должно быть солнце, которое намъ кажется немного больше луны, а находится еще гораздо дальше отъ земли? какъ-же велики должны быть звѣзды, которыя еще дальше отъ земли, чѣмъ солнце?

Нѣкоторыя изъ звѣздъ свѣтятся своимъ свѣтомъ, какъ и солнце, другія получаютъ свѣтъ и тепло отъ солнца, около котораго обращаются, какъ наша земля; такія тѣла, не имѣющія своего свѣта, называются *планетами*. Иногда показываются на небѣ звѣзды съ однимъ, двумя или тремя хвостами: это *кометы*. Осенью, особенно въ ноябрѣ, замѣчается много, такъ называемыхъ, *падающихъ звѣздъ*: это небольшія небесныя тѣла, которыя гораздо меньше земли и тоже обращаются вокругъ солнца; во время своего паденія на землю эти небесныя тѣла загораются отъ сильнаго тренія о воздухъ и ярко свѣтятся въ теченіе короткаго времени.

Всѣ звѣзды, планеты, кометы, все безчисленное множество небесныхъ тѣлъ, разбѣянныхъ по небу, и все то безконечное пространство, въ которомъ правильно движутся эти тѣла, называются *Вселенною*, и весь этотъ безконечный и безмѣрный Міръ Божій громко говоритъ намъ о мудрости и благодати Творца, его создавшаго.

— Что такое *атмосфера*? — Всѣ ли *небесныя свѣтила* одинаковы? — Какія изъ нихъ называются *планетами*? — Какія называются *кометами*? — Что это за *падающія звѣзды*? — Можетъ ли человекъ измѣнить что-нибудь въ движеніи небесныхъ свѣтилъ? — Это движеніе совершается неизмѣнно по установленнымъ *естественнымъ законамъ*,—человекъ ли установилъ эти законы? — Не подчинено ли какимъ-нибудь *естественнымъ законамъ* и тѣло самого человека? — А поступки, дѣйствія человека развѣ не подчинены никакимъ законамъ? —

Какая сила побуждаетъ насъ трудиться, быть правдивыми, жалѣть бѣдныхъ и несчастныхъ, помогать имъ, утѣшать ихъ?—Однако все-ли люди и всегда-ли слѣдуютъ этимъ потребностямъ своей души, этимъ *нравственнымъ законамъ*?—Какая же разница между закономъ *естественнымъ* и закономъ *нравственнымъ*?—Приведите примѣры и объясните ихъ.

16. Хвала Богу-Творцу.

Подражаніе 8-му псалму Царя Давида. С. С. Аникина.

О, *Господь!* О, *Творческая* сила!
 Вся земля наполнена Тобой,—
 И все небо, и небесныя *свѣтила*,
 И *весь міръ* звучитъ Тебѣ хвалой.
 И уста грудныхъ *младенцевъ* и *нѣжныхъ*
 Совершаютъ *Господу* хвалу,
 Заглушая голоса *глупцовъ* мятежныхъ,
 Ихъ вражды *безумную* хулу.
Небосводъ, усыпанный звѣздами,
 Надъ землею раскинулся, какъ *храмъ*,
 И возносится торжественно, какъ въ *храмъ*,
 Отъ земли *хвалений* *фиміамъ*.
 И предъ этой *дивною* святыней,
 Мірозданьемъ *божескимъ* Твоимъ,
 Какъ *ничтоженъ* человекъ съ своей *гордыней*,
 Съ *безпокойнымъ разумомъ* своимъ!
 Но *вознѣсь* пигмея-человѣка
 Ты на *недоступный* пьедесталъ:
 Надъ Своимъ твореньемъ отъ *начала вѣка*
 Власть и силу *разуму* Ты далъ:
 Надъ *зѣрями* дикими *лѣсными*,
 И надъ *быстрой птицей* въ облакахъ,
 Надъ *таинственными дѣвами* морскими,
 И надъ *рыбой* вольною въ *рѣкахъ*.
Повелѣлъ Ты, чтобъ ему служила
Вся природа—и была *рабой*,
 И вселенная звучитъ Тебѣ *хвалой*,
 О, *Господь*, о, *Творческая* сила!

— Пигмей—маленькій, ничтожный, противоположный *великану*.—Пьедесталъ—подножіе, возвышеніе, подставка.

— Что слышится поэту въ природѣ и въ жизни вселенной?—Какимъ представляется ему человекъ сравнительно съ мірозданіемъ?—Какое преимущество видитъ онъ у человекъ?—Какимъ *чувствомъ* проникнуто стихотвореніе?—Въ какихъ словахъ особенно сильно выражается *благоговѣніе* поэта?

Повторительныя умственно словесныя упражненія.

1. Какія *наблюденія* и *опыты* привели людей къ мысли, что земля *шаръ*?—
 2. Отчего происходит на землѣ смѣна *дня* и *ночи*?—3. Отчего происходит на землѣ смѣна *временъ года*?—4. Что мы знаемъ о *разнообразіи* природы и чело-
 вѣческой жизни на землѣ?—5. Какое самое *великое явленіе* природы?—6. Какія
 мы знаемъ *грозныя явленія* природы?—7. Зависятъ ли явленія природы отъ
 воли и распоряженій челоуѣка?—Какъ люди открываютъ *естественные законы*?—
 Приведите примѣры. — 8. Кромѣ естественныхъ, какіе еще законы управляютъ
 челоуѣческой жизнью и въ чемъ отличіе *нравственнаго закона* отъ *естественнаго*?

17. Братья-разбойники.

А. С. Пушкина.

Не стая *воронъ* слеталась
 На груди *тлѣющихъ* костей:
 За Волгой, ночью, вокругъ огней
Удаль шайка собиралась.
 Какая *смѣсь* одеждъ и лицъ,
 Племянъ, нарѣчій, состояній!
 Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
 Они стеклися для стяжаній!
 Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець—
 Живутъ безъ власти, безъ закона.
 Межъ ними зрится и *блудецъ*
 Съ береговъ воинственнаго Дона,
 И въ черныхъ лѣканахъ *еврей*,
 И *дикіе* сыны степей—
Калмыкъ, *башкирецъ* безобразный,
 И рыжій *финнъ*, и съ лѣбною праздною
 Вездѣ кочующій *цыганъ*.
 Опасность, кровь, развратъ, обманъ
 Суть *узы* страшнаго семейства;
 Тотъ изъ, кто съ каменной душой
 Промель въ степени злодѣйства...

Затихло все. Теперь луна
 Свой блѣдный свѣтъ на нихъ *наво-*
дитъ,

И чарка *пыннаго вина*
 Изъ рукъ въ *друія* переходитъ.
 Простѣрты на землѣ сырой,
 Иные *чутко* засыпаютъ,
 И сны *зловѣщіе* летаютъ
 Надъ ихъ *преступной* головой.
 Другимъ *разказы* сокращаютъ
 Угрюмой ночи *праздный часъ*;
 Умолкли всѣ—ихъ занимаетъ

Пришельца *новаго* разказъ,
 И *все* вокругъ него внимаютъ:
 „Насъ было *двое*, братъ и я.
 Росли мы *вмѣстѣ*; нашу младость
 Вскормила *чуждая* семья.
 Намъ, *дѣтямъ*, жизнь была не въ
радость;

Уже мы знали *нужды* гласъ,
 Сносили *горькое* презрѣнье,
 И *рано* волновало насъ
 Жестокой *зависти* мученье.
 Не оставалось у спроть
 Ни *бѣдной хижинки*, ни *поля*;
 Мы жили въ *горѣ*, средь *заботъ*.
Наскучила намъ эта доля,
 И *согласились* межъ собой
 Мы жребій испытать *иной*.
 Въ *товарищи* себѣ мы взяли
 Булатный *ножъ* да *тѣмную* ночь,
 Забыли *радость* и *печали*,
 А *совѣсть* отогнали *прочь*.

Ахъ, *юность*, юность удалая!
Житѣ въ то время было намъ,
 Когда, *пошибель* презирая,
 Мы *все* дѣлили *пополамъ*.
 Бывало, *только* мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
 Изъ *подземелія* мы въ *тѣмъ*
 Идѣмъ на *промыселъ* опасный.
 За *деревомъ* сидимъ и *ждѣмъ*:
 Идетъ ли *позднею* дорогой
 Богатый *жидъ* иль *попъ* убогій—
Всѣ наше, *всѣ* себѣ беремъ!

Зимой, бывало, въ ночь *глухую*
 Заложимъ *тройку* удалюю,
 Поёмъ и свищемъ, и стрѣлой
 Летимъ надъ снѣжной глубиной...
 И чтожь? Попались молодцы;
 Не домо братья пировали:
 Поймали насъ, и кузнецы
 Насъ другъ ко другу приковали,
 И стража отвела въ острогъ.
 Я старше былъ пятью годами
 И вынести больше брата могъ.
 Въ цѣпяхъ, за дѣшными стѣнами,
 Я умиралъ — онъ изнемогъ.
 Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
 Въ забвеньи, жаркой головою
 Склоняясь къ моему плечу,
 Онъ умиралъ, твердя всечасно:
 «Мнѣ душно здѣсь... Я въ тѣхъ хочу...
 Воды, воды!» Но я напрасно
 Страдальцу воду подавалъ:
 Онъ снова жаждою томился,
 И градомъ потъ съ него катился.
 Въ немъ кровь и мысли волновалъ
 Жаръ ядовитого недуга;
 Ужь онъ меня не узнавалъ
 И поминутно призывалъ
 Къ себѣ товарища и друга.
 Онъ говорилъ: «идь скрылся ты?
 Куда свой тайный путь направилъ?
 Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
 Средь этой смрадной темноты?
 Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашень
 Меня въ дремучій тѣхъ сманилъ
 И ночью тамъ, могущъ и страшнѣ,
 Убийству первый научилъ?
 Теперь онъ безъ меня на волѣ
 Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
 Тяжелымъ машетъ кистенѣмъ,
 И позабылъ въ завидной долѣ
 Онъ о товарищѣ своёмъ!»
 То снова разгарались въ немъ
 Докучной совѣсти мученья:
 Предъ нимъ толпились привидѣнья,
 Грозя перстомъ издалека;
 Всѣхъ чаще образъ старика,
 Давно зарѣзаннаго нами,
 Ему на мысли приходилъ;

Больной, зажавъ глаза руками,
 За старца такъ меня молилъ:
 «Братъ! сжапись надъ его слезами!
 Не рѣжь его на старость лѣтъ...
 Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ...
 Пусти его — онъ не опасенъ;
 Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...
 Не смѣйся, братъ, надъ единами,
 Не мучь его... авось мольбами
 Смячутъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!»
 Я слушалъ, ужасъ одолѣвъ,
 Хотѣлъ унять большого слезы
 И удалить пустыя грѣзы...
 Но молодость свое взяла:
 Вновь силы брата возвратились;
 Болѣзнь ужасная прошла,
 И съ нею рѣзы удалились.
 Воскресли мы. Тогда сильный
 Взяла тоска по прежней долѣ;
 Душа рвалась къ тѣсамъ и волѣ,
 Алкала воздуха полей.
 Намъ страшнѣ былъ и мракъ тем-

ницы,

И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
 И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
 И легкій шумъ залѣтной птицы.
 По улицамъ однажды мы,
 Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
 Сбирали *вмѣсть* подаянье,
 И согласились въ тишинѣ
 Исполнить давнее желанье.
 Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
 Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
 Буль! — подплыли въ водахъ глубокихъ.
 Цѣпями общими времимъ,
 Бьемъ волны дружными ногами,
 Песчаный видимъ островокъ
 И, разсыкая быстрый токъ,
 Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
 Кричатъ: «Лови, лови! уйдутъ!»
 Два стража издали плывутъ.
 Но ужъ на островъ мы вступаемъ,
 Оковы камнемъ разбиваемъ,
 Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
 Отягощенные водою.
 Погоню видимъ за собою,
 Но смѣло, полные надеждъ,

Сидимъ и ждёмъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнётся, то застонетъ—
И какъ сванецъ пошёлъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ
упрямо,

Не внемля крику моему,
Идётъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо—
И хлынула на волны кровь.
Онъ утонулъ—мы въ воду вновь.
За нами гнаться не посмѣли,
Мы береговъ достигъ успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ...
И трудъ, и волнъ осеннихъ хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ,
И злыя вѣтры посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой,
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку;
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрожала, онъ вздохнулъ,—
И на груди моей заснулъ!
Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Всё ждалъ, очнётся-ли мертвецъ,—
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ, грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ...
Потомъ на прежнюю ловитву

Пошелъ одинъ. Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь—ихъ нѣтъ какъ
нѣтъ!

Пиръ, веселые ночлеги,
И наши буйные набѣги—
Могила брата все взяла!
Влачусь угрюмый, одинокій;
Окаменѣлъ мой духъ жестокой,
А въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины—
Мнѣ страшно рѣзать старика,
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой,
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ.»

Умоля, и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горячею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
«Ты плачешь! Полно, брось печаль,
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать;
Ну, подчивай сосѣдъ сосѣда!»
И кружка вновь пошла кругомъ;
На мигъ утихшая бесѣда
Вновь оживаетъ виномъ;
У всякаго своя есть новость,
Всякъ хвалить мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дрем-
летъ совѣсть;
Она проснётся въ чѣрный день.

— Изложите содержание повѣсти.—Что за люди разбойники? Чѣмъ они занимаются и какъ живутъ? Какъ объ этомъ говорится въ стихахъ?—Чего недостаетъ людямъ, которые могутъ такъ жить?—Въ нихъ „дремлетъ совѣсть“: что это значитъ?—Развѣ эти люди родились такими злыми, жестокими, безсовѣстными?—Извлеките изъ разсказа разбойника картину его дѣтства: не было-ли въ дѣтствѣ братьевъ такихъ условій, которыя толкали ихъ на дурныя дѣла, убивали въ нихъ способность различать добро и зло, усыпляли ихъ совѣсть?—Можно ли допустить, чтобы у нихъ совѣсть, состраданіе и всякія добрыя чувства умерли безвозвратно?—Нѣтъ-ли въ разсказѣ разбойника фактовъ, которые свидѣлствуютъ, что и у этихъ людей въ глубинѣ души сохранилась искра Божія? Если такъ,

то возможно ли въ нихъ пробужденіе *совѣсти*? Какъ говоритъ объ этомъ поэтъ?
— Какъ-же можно кратко опредѣлить *основную мысль* всей повѣсти?

Планъ для сочиненія: „Исторія двухъ разбойниковъ по Пушкину“.

1. Дѣтство братьевъ и горькая ихъ доля. 2. Веселая разбойничья жизнь и усыпленіе совѣсти. 3. Разбойники въ острогъ. Болѣзнь младшаго брата и пробужденіе совѣсти. 4. Бѣгство и смерть младшаго брата. 5. Тоска по усопшемъ братѣ.

18. Не такъ живи, какъ хочется.

Изъ драмы А. Н. Островскаго.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ концѣ XVIII столѣтія, на масленицѣ.

1.

Комната въ купеческомъ домѣ. Лица: *Илья Ивановичъ*, зажиточный купецъ, *Петръ*, его сынъ, *Даша*, жена Петра, *Афимья*, ихъ тѣтка.

Афимья и Даша.

Афимья. Чуетъ мое сердце... не добро оно чуетъ! Да чему и быть хорошему? Ни миру, ни ладу въ семьѣ. Знать ужъ Богъ вовсе отступился отъ насъ, гляючи на наше непутное житье. За грѣхъ за какой-нибудь наказанье экое Петру Ильичу... Отцу супротивникъ, жену замучилъ!.. Въ кого такой уродился? Теперь дни прощѣные, и чужіе мирятся, а у нихъ и вставаючи, и ложаючись брань да перекоръ. Ну, гдѣ онъ теперь шляется? Ждала, ждала обѣдать, а его и слыхомъ не слыхать! Всю масленицу гуляетъ, скружился какъ угорѣлый. Отецъ-то пришелъ полюбоваться на ваше житье: есть на что радоваться! Чѣмъ бы погостить, а онъ домой собрался.

Даша. Не говори, тѣтушка, ужъ и такъ тошно... Чудное это дѣло съ нимъ сдѣлалось. Думаю я и не придумаю. (Плачетъ).

Входитъ *Илья Ивановичъ.*

Илья Ив. Дарья, не плачь, не гнѣви Бога! Снявши голову, по волосамъ не плачуть.

Даша. Батюшка, куда ты собрался?

Илья. Пойду отъ васъ прочь. Я и смотрѣть-то на васъ не хочу, не стоите вы того. Придѣшь къ вамъ на недѣлю-то, ровно въ ѓмутъ.

Даша. Ты хоть сына-то подожди, да поговори ему.

Илья. Подожду, поговорю ему въ послѣдній разъ, крѣпко поговорю. Вѣдь, гибнетъ! Съ экой-то жизнью добра нѣчего ждать! Такіе-то люди близко бѣды ходятъ. Хочеть—послушаетъ, хочеть—нѣтъ, а я старый человекъ, мнѣ покой нуженъ, пора и свою душу вспомнить. Будеть, пожилъ въ міру, всего насмотрѣлся, только дурного-то больше видѣлъ, чѣмъ хорошаго. Съ тѣхъ поръ и свѣтъ увидалъ, какъ у брата въ его кельѣ живу. Вотъ немножко прошелъ по Москвѣ, всего-то отъ монастыря до васъ, а сколько мерзости-то видѣлъ! Народъ-то словно въ аду кипитъ: шумъ, гамъ, пѣсни бѣсовскія! Вотъ вчера, говорятъ, двоихъ мѣртвыхъ на улицѣ подняли, да одинъ въ проруби

утонулъ. Христіанская-ли это смерть! Куда они угодили? Какое житье въ міру-то нынче? Только соблазнь одинъ. Сынъ вотъ родной, и тотъ что дѣлаетъ! Нешто я его такъ воспитывалъ-то?

Входитъ *Петръ*.

Илья. Гдѣ погулялъ, добрый молодець?

Петръ. Въ Москвѣ мѣста много—есть гдѣ погулять, была-бъ охота.

Илья. До сыта-ль нагулялся?

Петръ. Погулялъ таки. Ты, батюшка, куда собрался?

Илья. Бѣжать хочу, закрывши глаза.

Петръ. Чтожь не погостишь съ нами?

Илья. Надоѣло мнѣ глядѣть-то на тебя: живешь больно нехорошо...

Даша. Батюшка серчаетъ, что ты все гуляешь да со мной дурно живешь.

Петръ. Ты, чтоль, жаловалась?

Илья. Что жаловаться—то!-Развѣ я самъ не вижу, что живѣшь не по-людски!

Петръ. Эхъ, ужъ, видно, мнѣ не жить по-людски, на меня, должно быть, напущено.

Илья. Это что за рѣчи?

Петръ. Загубилъ я себя съ тобой! Связала ты меня по рукамъ и по ногамъ.

Даша. Ты мучитель, кровопивецъ!

Илья. Чтѣ вы? При мнѣ-то? (Грозно) Молчать! Ты никакъ ума рехнулся! Тебя нешто кто неволилъ её брать? Самъ взялъ, не спросясь ни у кого, украдучи взялъ, а теперь она виновата! Вотъ пословица-то сбывается: «Божье-то крѣпко, а вражье-то лѣпко!»

Петръ. Да чтожь, батюшка, дѣлать-то? Какъ еще жить-то?

Илья. Живи по закону, какъ люди живутъ.

Петръ. Ну, а я вотъ загулялъ... Что-жь такое? Нынче дѣло масленичное... Ужъ и не погулять? Масленая-то одинъ разъ въ году бываетъ. Мнѣ что за дѣло, какъ люди живутъ; я живу, какъ мнѣ хочется...

Илья. Ну, такъ и живи! А я видѣть этого не хочу! И говорить-то мнѣ тяжело. Чтѣ говорить? Кому говорить? Кабы разумъ былъ, а безъ разума и ученье не въ прокъ.

Петръ. А нѣтъ, такъ и негдѣ взять. На нѣтъ и суда нѣтъ.

Илья. А нѣтъ, такъ наберись у добрыхъ людей, да проси Бога, а то какъ червь погибнешь! (Встаетъ) Прощайте! Коли будете жить хорошо, такъ приду о праздникѣ, а до тѣхъ поръ и не ходите ко мнѣ, мнѣ и такъ суета надоѣла. Помни, Петръ! передъ твоими ногами бездна разверзтая... Выбирай, чтѣ лучше: либо жить честно, въ любви у отца, съ душой своей въ мирѣ, съ благодатью въ домѣ; либо жить весело, на смѣхъ и покорь людямъ, на горе роднымъ, на радость врагу челоуѣковъ. Прощайте!.. Петръ, наступаютъ дни великіе, страшные, опомнись! Вотъ тебѣ мой приказъ, родительскій приказъ, грозный: опомнись, взгляни на себя. Прощайте!

Афимья. Ужели такъ уйдешь? Нынче дни прощѣные, всѣ люди прощаются.

Даша. Батюшка, прости насъ! (Кланяется въ ноги).

Илья. Простите и вы меня.

Даша. Благослови насъ.

Илья. Васъ благословить? Стоите-ли вы? Нѣтъ, вы подождите моего благословенія до той поры, пока будете жить хорошо. Порадуй меня, Петръ! Лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ жить такъ, какъ ты живешь. Благословенье отца нужно: безъ благословенья пропадешь, какъ пѣсь. (Уходитъ. Всѣ провожаютъ его).

2.

Даша, Афимья, Агафонъ и Степанида, родители Даши. Поздній вечеръ.

Афимья. Ушелъ, ушелъ! и двери всѣ настежь растворилъ. Послать людей за нимъ. (Уходитъ).

Даша. Вотъ, матушка, сама ты погляди, какъ сладко мнѣ жить-то!

Степанида. Ахъ, ты дитячко мое родимое, головка побѣдна!

Агафонъ. Погоди, дочка, не роищи. Живешь замужемъ-то безъ году недѣля, а ужъ на жизнь жалуешься.

Даша. Да чего мнѣ ждать и впередъ-то, коли отецъ отъ него отступился совсѣмъ?

Агафонъ. Отецъ отступился, да, можетъ, Богъ не отступился. Потерпи.

Входятъ: *Афимья* и *Вася*, молодой купеческій сынъ.

Вася. Боже мой! Что это такое? Что у васъ случилось?

Афимья. А что?

Вася. Да Петръ Ильичъ попался мнѣ на Москвѣ рѣкѣ, такой страшный, безъ шапки, бѣгаетъ съ ножомъ; вѣдь, того и гляди, въ прорубь попадетъ.

Даша. Что-же это? батюшки мои!

Вася. Хоть-бы людей послали за нимъ.

Афимья. По всѣмъ концамъ разосланы, посылатъ больше нѣкого.

Агафонъ. Пойдемте сами, други мои, пойдемте!

Даша. Пойдемте!

Входитъ *Петръ.*

Петръ (озирается). Кто тутъ? Что вы за люди? Жена!... Живые вы люди, или нѣтъ? Скажите мнѣ, ради Бога.

Даша. Что съ тобой?

Петръ. Не стѣю я, окаянный, того, чтобы глядѣть-то на васъ! Да и не глядѣлъ-бы, кабы не чужія молитвы. Простите меня, добрые люди, ради Господа! (Становится на колѣни).

Агафонъ (подымая его). Что ты, что ты, Петръ Ильичъ? Встань, встань!

Петръ. Я вѣдь, грѣшникъ, злой грѣшникъ! Ужъ я покаюсь передъ вами, легче мнѣ будетъ на душѣ моей. Вотъ до чего гульба-то доводитъ: я вѣдь хотѣлъ жену убить... безвинно убить хотѣлъ. Взялъ я тутъ, пьяный-то, ножикъ, да и иду будто за ней. Мерещатся мнѣ разныя диковины да люди какіе-то незнакомые, я за ними... я за ними... Спрашиваю: гдѣ жена? Они смѣются да куда-то показываютъ. Я все шель, шель... вдругъ гдѣ-то въ колоколь... Я только поднялъ руку, гляжу—я на самомъ-то юрѣ Москвы

рѣки стою надъ прорубемъ. Вспомнить-то страшно! И теперь морозъ по кожѣ подираетъ! Жизнь-то моя прошлая, распутная-то, вся вотъ, какъ на ладонкѣ, передо мной! Натерпѣлся я страху, да и подѣломъ! Вспомнилъ я тутъ и батюшкины слова, что хожу я, злодѣй, надъ пропастью. Вотъ они, правдивыя то слова. Такъ оно и вышло! Ужъ не забыть мнѣ этой ночи, кажется, до самаго гроба! Батюшка, матушка, поживите у насъ! Помогите мнѣ, добрые люди, замолить этотъ грѣхъ! Да и къ батюшкѣ-то сходите, скажите ему... самъ-то я не смѣю идти.

Вст. Помоги тебѣ Богъ!

Агафонъ. Что, дочка, говорилъ я тебѣ!

Даша. Голубчикъ, Петръ Ильичъ!

— Изложите содержаніе этихъ *сценъ* въ формѣ простого разсказа.—Какимъ человѣкомъ представляется *Петръ* въ первой сценѣ: чѣмъ дурна его жизнь? что дурного въ его отношеніяхъ къ женѣ и къ отцу? Какими людьми представляются *Илья Ивановичъ* и *Даша*?—Какія новыя лица появляются во второй сценѣ? Что за люди *родители Дашы*?—Къ чему привела Петра распутная жизнь? Какое страшное впечатлѣніе пробудило въ немъ добрыя чувства и совѣсть?

19. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

И. А. Крылова.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью *воръ*;
Забрался въ *клетъ*—и на просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ *безсовѣстно*, что могъ.

И *то* сказать: какая *совѣсть* въ ворѣ!
Ну, такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ лѣгъ, а съ *голю* всталъ такою,
Хоть *по міру* пойти съ сумою.

Не дай Богъ никому проснуться *худо* такъ!

Крестьянинъ *тужитъ* и горюетъ,

Родню сзываетъ и *друзей*,

Сосѣдей всѣхъ и *кумовей*.

«Нельзя-ли, говорить, *помочь* бѣдѣ моей?»

Тутъ всякій съ мужикомъ *толкуетъ*

И умный свой даетъ *совѣтъ*.

Кумъ *Карпычъ* говоритъ: «Эхъ, свѣтъ!

Не *надо* было бы тебѣ по міру славить,

Что столько ты *богатъ*».

Свать *Климычъ* говоритъ: «Впередъ, мой милый свать,

Старайся *клетъ* къ избѣ гораздо *ближе* ставить».

— «Эхъ, братцы, это все не *такъ*!

Сосѣдъ толкуетъ *Фѣка*:

Не *то* бѣда, что *клетъ* далѣко,

Да надо на дворъ лихихъ держать *собакъ*.

Возьми хоть у меня любого
 Отъ Жучки: я бы радъ сосѣда дорогого
 Отъ сердца надѣлать,
 Чѣмъ ихъ топить!»

И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
 Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
 Кто сколько могъ;

А *дѣломъ* ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ *таково-жъ*: коль въ *нужду* попадѣшься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ,—

Начнутъ совѣтовать и *окося* тебѣ, и *впрямь*,

А чуть о *дѣлѣ* заикнѣшься,

То *лучшій* другъ—

И *нѣтъ*, и *глухъ*.

— Изложите содержаніе этой *басни*, въ которой дѣйствуютъ не животныя или предметы неодушевленные, а люди (*притча*).— Въ чемъ же *иносказательное* значеніе этого разсказа? Разсказано о крестьянахъ, но только-ли этихъ крестьянъ имѣеть въ виду поэтъ? Какъ самъ онъ раскрываетъ *общій смыслъ* своего *иносказательнаго* разсказа? Какую *неправильность* людскихъ отношеній онъ выясняетъ *иносказательно*? Какъ надо относиться къ чужой бѣдѣ? Достаточно-ли тутъ однихъ словъ и совѣтовъ? Могутъ ли самыя хорошія *слова* замѣнить *дѣло*? Въ *словахъ* или въ *дѣлѣ* обнаруживается истинная любовь къ ближнимъ, истинное состраданіе къ чужой бѣдѣ, искренняя готовность помочь ей?—Что говорить намъ объ этомъ наша *совѣсть*?

20. Помѣщикъ-скряга.

Н. В. Гоголя.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, Чичиковъ очутился наконецъ передъ самымъ домомъ. Зеленая плѣснь уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній—людскихъ, амбаровъ, потребовъ, видимо ветшавшихъ,—наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе двory. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пѣсурно. Ничего незамѣтно было оживляющаго картину—ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома. Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею; въ другое время и они были заперты наглухо... У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура, баба или мужикъ... «Конечно, баба!» наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе... По висѣвшимъ у нея за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно понѣсными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница. «Послушай, матушка, сказалъ онъ, выходя изъ брочки: что баринъ?»... «Нѣтъ дома»,

прервала ключница, не дожидаясь окончания вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: «а что вамъ нужно?»—«Есть дѣло...»—«Идите въ комнаты!» сказала ключница, отворотившись, и показала ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ пѣреба. Изъ сѣней онъ пошелъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озарѣнную свѣтомъ, выходящимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣтѣ и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину... Въ углу комнаты была навалена на полѣ куча того, что погрѣбе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высывались оттуда—отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщала его пребыванье старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ...

Пока онъ разсматривалъ все странное убранство, отворилась боковая дверь, и взошла та-же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница, и рѣшился спросить: «Чтожъ баринъ? у себя, что-ли?»—Здѣсь хозяинъ, сказалъ ключникъ.—«Гдѣ-же?» повторилъ Чичиковъ.—«Что, батюшка, слѣпы-то, что-ли?» сказалъ ключникъ: Эхва! А вѣдь хозяинъ-то я!»—

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало разнаго рода людей; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое-же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши... Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болтались четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ-ли, повязка-ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстухъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ приваряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ...

Но передъ нимъ стоялъ не нищій, передъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высу-

шенной рыбою и всякой овощью... На чтобы казалось нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какое было у него; но ему и это казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладыны, и все, что ни попадалось ему—старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ,—все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. «Вотъ уже рыболовъ пошелъ на охоту!» говорили мужики, когда видѣли его идущаго на добычу...

И такъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ...

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ!.. И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте-же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всё человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ—не подымете потомъ!

— Герой:—такъ называютъ или главное лицо въ сочиненіи, какъ здѣсь Гоголь называетъ Чичикова, или человѣка, совершающаго геройскіе поступки, жертвующаго свою жизнь, свои силы, свое благосостояніе ради другихъ людей, ради отечества, ради правды, добра и вѣры.—Галстухъ—шейный платокъ.—Тысяча душъ: рассказывается о жизни того времени, когда помѣщики владѣли не только землей, но и крестьянами, которые были обязаны работать на нихъ и служить имъ, или платить имъ оброкъ.—Плюшкинъ—фамилія того помѣщика-скряги, къ которому пріѣхалъ Чичиковъ.

— Что было особеннаго въ Плюшкинѣ?—Чѣмъ была наполнена его жизнь? Можно ли было, глядя на него и на его жизнь, подумать, что онъ богатый помѣщикъ?—Похоже ли его скряжничество на благоразумную бережливость?—Сохранилъ-ли онъ, отдавшись всей душой этому скряжничеству, свое человеческое достоинство?—Съ какимъ чувствомъ относится къ этому человѣку поэтъ и съ какимъ совѣтомъ обращается къ читателямъ?

21. Судъ Божій.

В. А. Жуковскаго.

Были и *лѣто*, и *осень* дождливы;
 Были потоплены *пѣжити*, *нивы*;
 Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и *пропалъ*:
 Сдѣлался *голодъ*, народъ *умиралъ*.
 Но у епископа, милостью *неба*,
 Полны амбары *огромные* хлѣба;
 Жито сберёгъ *прошлогоднее* онъ:
 Былъ *остороженъ* епископъ Гаттонъ.
 Рвутся *толпой* и голодный, и нищій
 Въ двери епископа, требуя *пищи*.
 Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ:

Общей бѣдою *не тронулся* онъ.
 Слушать *и вопли* ему надоѣло;
 Вотъ онъ рѣшился на *страшное дѣло*:
 Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
 Слышно, *скликаетъ* епископъ Гаттонъ.
 «Дожили мы до *нежданныго* чуда:
 Вынулъ епископъ *добро* изъ-подъ спуда;
 Бѣдныхъ къ себѣ на *пирушку* зовѣтъ!»
 Такъ говоритъ *изумленный* народъ.
 Къ сроку *собрались* званые гости,
 Блѣдные, чахлые, *кожа да кости*.
 Старый огромный *сарай* отворѣнъ;
 Въ немъ угостить ихъ епископъ Гаттонъ.
 Вотъ ужъ *столтились* подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края.
 Какъ же ихъ *принялъ* епископъ Гаттонъ?
 Былъ имъ сарай и съ гостями *сожженъ!*
 Глядя епископъ на пепель *пожарный*,
Думаетъ: «будутъ мнѣ *всѣ* благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой *моей*
 Край нашъ голодный отъ *жадныхъ* мышей».
 Въ замокъ епископъ къ себѣ *возвратился*,
Ужинать сѣлъ, *пировалъ*, *веселился*,
 Спалъ какъ *невинный* и *сновъ* не видалъ...
Правда! Но болѣ съ тѣхъ поръ онъ *не спалъ*.
 Утромъ онъ *входитъ* въ *покой*, гдѣ висѣли
Прѣдковъ портреты, и видитъ, что сѣбли
Мыши его живописный *портретъ*—
 Такъ что холстыны и *признака нѣтъ*.
 Онъ *обомлѣлъ*, онъ отъ страха чуть *дышитъ*.
 Вдругъ онъ *чудесную* вѣдомость слышитъ:
 «Наша *округа* *мышами* полна,
 Въ житницахъ сѣденъ *весь хлѣбъ* до зерна.»
 Вотъ и *другое* въ ушахъ *загремѣло*:
 «*Богъ* на тебя за *вчерашее дѣло!*
 Крѣпкій *твой замокъ*, епископъ Гаттонъ,
Мыши со *всѣхъ* осаждаютъ *сторонъ*.»
Ходъ былъ отъ замка до *Рейна* *подзѣмный*;
 Въ страхѣ епископъ *дорогою* *тѣмной*
 Къ *берегу* выйти изъ замка *спѣшитъ*:
 «Въ *Рейнской башнѣ спасусь*», говоритъ.
 Башня изъ *Рейнскихъ водъ* *подымалась*;
 Издали *острымъ утѣсомъ* *казалась*,
Грозно изъ пѣны *торчащимъ*, она;
 Стѣны *кругомъ* *ограждала волна*.
 Въ *лѣгкую лодку* епископъ *садится*;
 Къ *башнѣ* *причалилъ*, *дверь заперъ* и *мчится*

Вверхъ по гранитнымъ крутымъ ступенямъ;
 Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.
 Стѣны изъ стали казались слиты,
 Были рѣшетками окна забиты,
 Стѣвни чугунныя, каменный сводъ,
 Дверью желзною запертый входъ.
 Узникъ не знаетъ, куда пріютиться:
 На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
 Вдругъ онъ испуганъ стѣнаньемъ глухимъ:
 Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.
 Смотритъ онъ: кошка сидитъ и мяучить;
 Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучить.
 Мечется кошка, не весело ей:
 Чуетъ она приближеніе мышей.
 Паль на колѣни епископъ и крикомъ
 Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
 Воетъ преступникъ... А мыши плывутъ...
 Ближе и ближе... доплыли... ползутъ.
 Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
 Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;
 Слышно, какъ стѣны ихъ лапки скребутъ;
 Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.
 Вдругъ ворвались неизбежныя звѣри;
 Сыплются градомъ сквозъ окна, сквозъ двери.
 Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
 Чтѣ тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?
 Зубы о камни они наострили,
 Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили;
 Весь по суставамъ раздѣрнутъ былъ онъ...
 Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

— Рейнь—большая рѣка, текущая по нѣмецкой землѣ и впадающая въ Нѣмецкое море.

— Изложите кратко *преданіе*, обработанное въ этомъ стихотвореніи.—
 Что за человекъ былъ епископъ Гаттонъ? Нѣтъ ли чего-нибудь *общаго* между
 нимъ и Плюшкинымъ? А чѣмъ онъ отличается отъ Плюшкина? Какъ объ этомъ
 говорится въ стихахъ? Плюшкина скряжничество привело къ жизни нищаго, а
 къ чему привела епископа Гаттона его жадность?—Осталось ли его преступленіе
 безнаказаннымъ?—Какая пародная вѣра сказала въ преданіи о томъ, что епи-
 скопа съѣли мыши?

22. Ревизоръ.

Н. В. Гоголя.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ Городничаго. Городничій
 и всѣ главные городскіе чиновники.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ
 пренепрятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Судья. Какъ—ревизоръ?

Попечитель богоугодныхъ заведеній. Какъ, ревизоръ?

Городничій. Ревизоръ изъ Петербурга, п н к ђ г н и т о. И еще съ секретнымъ предписаніемъ.

Судья. Вотъ-те нà!

Попеч. Вотъ не было заботы, такъ подай!

Смотритель училищъ. Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаніемъ.

Городничій. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! Пришли, понюхали и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ (*попечителю богоугодныхъ заведеній*), знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель (*бормочетъ въ помолоса, пробывая скоро глазами*)... и увѣдомить тебя.» А вотъ: «спѣшу между прочимъ увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ. (*Значительно поднимаетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки!»... (*остановясь*) ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито. Вчерашняго дня»... Ну, тутъ уже пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кирилловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кирилловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ»... и прочее, и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Судья. Да, обстоятельство такое необыкновенное, просто необыкновенное. Что-нибудь не даромъ.

Смотр. училищъ. Зачѣмъ-же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій (*испускаетъ вздохъ*). Зачѣмъ! такъ ужъ видно, судьба! (*Вздохнувъ*). До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Судья. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да .. хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный, что-ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Судья. Нѣтъ, я вамъ скажу. Вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды; даромъ, что далеко, а оно себѣ мотааетъ на усъ.

Городничій. Мотааетъ или не мотааетъ, а я васъ, господа, предупредилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, пробѣжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія—и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки

бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

Смотр. бог. зав. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій. Да. И тоже надъ каждую кроватью надписать по-латыни или на другомъ языкѣ... это ужъ по вашей части (*мѣкарю*), Христіанъ Ивановичъ,—всякую болѣзнь, когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, какъ войдешь. Да и лучше, если бы ихъ было меньше; тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

См. бог. зав. О! насчетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше,—лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умереть, то и такъ умереть; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бы съ ними изъясняться—онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву «и» и нѣсколько на «е».

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ (*судья*), обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятами, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводится всякому похвально, и почему-жъ сторожу и не завести его,—только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Судья. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Городничій. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается всякая дрянь, и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ пройдетъ ревизоръ, пожалуй опять можно его повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода—это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню чѣмъ-то, развлеченъ. Есть противъ этого средства, если ужъ это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными м е д и к а м е н т а м и Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ издаетъ тотъ же звукъ.

Судья. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это ужъ такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріянцы напрасно противъ этого говорятъ.

Судья. Чтожъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. Я говорю всё открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Судья. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій. Это бы еще ничего,—инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: «А, вы здѣсь, голубчики! А кто, скажете, здѣсь судья?»—Ляпкинь-Тяпкинь.—«А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?»—Земляника.—«А подать сюда Землянику!» Вотъ что худо!

— *Городничій:* такъ прежде назывался главный чиновникъ въ городѣ, на которомъ лежало наблюденіе за городскими порядками.—*Ревизоръ*—довѣренное лицо отъ высшаго начальства, которому поручается повѣрка всѣхъ дѣлъ.—*Инкогнито*—подъ чужимъ именемъ, чтобы его не узнали.—*Медикаменты*—лѣкарственные средства.—*Волтеріянцы*—безбожники.

— Эта сцена взята изъ большого *драматическаго* сочиненія,—изложите содержаніе этой сцены въ формѣ разсказа.—Какое тутъ *главное* дѣйствующее лицо? Для чего *Городничій* собралъ городскихъ чиновниковъ? Какіе онъ высказываетъ распоряженія и совѣты? Судя по разговорамъ, всё ли въ городѣ дѣлается хорошо, согласно съ *закономъ* и *совѣстью*?—Приведите примѣры.—Почему чиновниковъ такъ напугало извѣстіе о *ревизорѣ*, а особенно о томъ, что ревизоръ ѣдетъ *инкогнито*?—Быль-ли, бы имъ такъ страшенъ ревизоръ, представитель закона, если бы ихъ *совѣсть* была чиста?

23. Дѣлѣжъ.

И. С. Никитина.

Да, сѹдарь мой, *нерѣдко* вотъ бываетъ:

Отець на *столѣ*, а дѣтки за *дѣлѣжъ*,

И брата братъ за *шйворотъ* хватаетъ...

Изъ-за чего? И въ *толкъ-атъ* не возьмешь!..

Тутъ изъ-за *бабъ*, *дптйшекъ* выйдетъ злоба...

Вотъ *мы* теперь: всего-то *двое* насъ—

Мой *братъ* да я, *женаты*, сѹдарь, оба,

И хлѣбъ *всегда* имѣли про запасъ.

И *жили* бы себѣ, *должкомъ* собирались...

Нѣтъ, *погоди!* Вишь *жѣны* не въ ладу:

Вонъ у одной *коты* поистаскались...

«Я, говорить, на *рѣчку* не *пойду*,

Пускай идетъ *невьстка*, коли *хочетъ*,

Ей мужъ успѣлъ *обидву-то* *вупить*.»

А та себѣ, какъ бѣшеная, *вскѹчитъ*,

Начнѣтъ *вотъ-такъ* руками *разводить*,

И нѹ кричать: «а *ты* что за *дворянка?*

Котовъ-де нѣтъ, да *сѣла* и *сидитъ*.»

И тутъ пойдетъ *такая* перебранка,

Что у тебя въ *ушахъ* инда *звенитъ*.

Братъ за жену, глядишь, замолвитъ слово
И дурою мою-то назовётъ,
А у тебя на слово пять готово,—
Вотъ, сударь мой, потѣха и пойдеть!

Все это такъ и при *отцѣ* бывало,
Да старичёкъ насъ скоро разводилъ;
Чуть крикнетъ: «эй!»—*бѣжишь* куда попало,
Не то—*бѣда!* Охъ, *крутъ* покойникъ былъ!

Какъ *померъ* онъ, мой братъ и *познался*:
Срамитъ меня, срамитъ мою жену:
«Вы, дескать, что? Старшимъ-то я остался,
Я, говорить, васъ *вотъ какъ* поверну!»

И *повернулъ*... Тутъ надо *лыкъ* на лапти,
Онъ *брѣжничать* возьмется да *цулять*;
Ты *цѣпъ* берешь, онъ *лѣзетъ* на *полѣти*,—
Ну, одному не *растянуться* стать.

Вотъ, сударь мой, и *завязалось* дѣло:
Что день—то *шумъ*, подъ шумомъ и заснёшь,
И *брату*-то все это надоѣло,
И *миль* равно,—и *начали* дѣлѣжь*.

Сперва-то мы по *совѣсти* дѣлились;
Не *сладились*,—взялись было за *судъ*,—
Ну, кое-какъ въ *расправѣ* *подъмимись*,
Остался споръ за старенькѣй *хомуть*.

И я кричу, и *братъ* не уступаетъ:
«Нѣтъ! говорить: хоть *тресни*, не отдамъ!»
Я за *шлею*,—онъ, знаешь, *вырываетъ*,
Да *норовитъ* *ударить* по рукамъ.

И смѣхъ, и грѣхъ... Стоимъ за *дрянь* горою...
Вдругъ, сударь мой, *моринуть* я не успѣлъ,
Какъ крикнулъ братъ: «*возьми*, пусть за тобою!»
Да *на меня* хомуть-то и надѣлъ.

Я *сгоряча* въ *шлеѣ* *позапутлялся*;
Народъ *оретъ*: «*вонъ* обрядилъ коня!»
Ужъ *такъ-то* я въ ту *пѣру* растерялся,
Инда слеза *прошибла* и *меня!*

Вамъ, сударь, *смѣхъ*... Нѣтъ, тутъ смѣшного *мало*:
Вѣдь братъ-то мой *по барски* чаялъ жить,
Взялся за *гужь*, анъ *силы* не достало,
Тужилъ, *тужилъ*—и *началъ* съ горя *пить*.

И *миль* не медъ: вѣдь *праздниковъ* не знаешь,
Работаешь—*спинѣ* не *разогнёшь*,
Чуть *непогодъ*—все *стѣнешь* да *перхаешь*...
Вотъ, сударь мой, *мужицкѣй*-то дѣлѣжь!

— *Коты*—дешевая и грубая кожаная обувь.—Въ *расправѣ* *подѣлились*, т. е. не добровольно, а *судомъ*.

— Чей *разсказъ* содержится въ этихъ стихахъ?—Какой главный *предметъ* разсказа?—Какъ жили братья при *отцѣ*?—Какъ измѣнилась ихъ жизнь послѣ смерти отца?—По какому поводу они затѣяли *дѣлаться*?—Какъ происходил *дѣлежъ*?—Что въ немъ было *смѣшного* и что *грустнаго*?—Какъ стали братья жить послѣ дѣлежа?—Какъ объ этомъ говорится въ стихахъ?

24. Ангелъ.

М. Ю. Лермонтова.

По небу полуночи *ангелъ* летѣлъ
И *тихую* пѣсню онъ пѣлъ.
И *мѣсяцъ*, и *звѣзды*, и *тучи* толпой
Внимали той *пѣсни* святой.
Онъ пѣлъ про блаженство *безсмертныхъ* духовъ
Подъ кущами *райскихъ* садовъ,
О *Богѣ* великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его не *притворна* была.
Онъ *душу* младую въ объятіяхъ нёсъ
Для *міра* *печали* и *слёзъ*,
И звукъ его пѣсни въ *души* молодой
Остался безъ *словъ*, но *живой*.
И *долго* на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ *чуднымъ* полна,
И звуковъ *небесъ* замѣнить не могли
Ей *скучныя* пѣсни земли.

— Куда *ангелъ* нёсъ „младую душу“? Что это за „міръ печали и слёзъ“?— О чемъ пѣлъ ангелъ?—Какъ ангельская пѣсня подѣйствовала на „младую душу“, какое представленіе о жизни (какой *идеалъ*) заронила въ нее?—Отчего потомъ душа „томилась“ на землѣ? Почему жизнь людей на землѣ не радовала, а томилась ея, и „пѣсни земли“ ей казались скучными?—Какое „чудное желаніе“ въ ней жило, и откуда взялось это желаніе (стремленіе къ *идеалу*)?

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

1. Какой *внутренній голосъ* научаетъ человѣка различать *добро* и *зло*? Какого человѣка мы называемъ *безсовѣстнымъ*?—Приведите примѣры изъ прочитанныхъ поэтическихъ произведеній. 2. Отчего *совѣсть* иногда засыпаетъ въ людяхъ? Какія отъ этого бываютъ послѣдствія?—Припомните примѣры изъ прочитаннаго. 3. Можетъ ли быть, чтобы *совѣсть* безвозвратно умерла въ человѣкѣ?—Припомните примѣры изъ прочитаннаго, какъ *совѣсть* иногда пробуждается въ самыхъ грубыхъ, развращенныхъ и озлобленныхъ людяхъ. 4. Почему иногда человѣкъ томится и тоскуетъ, глядя на жизнь безъ любви къ Богу и къ ближнему, безъ правды, безъ честнаго труда? Какой жизни жаждетъ живущій въ душѣ его *идеалъ*, данный ученіемъ Христа Спасителя? 5. Какъ поэтъ Лермонтовъ изображаетъ въ стихахъ тоску души по *идеалу*? 6. Можетъ ли человѣкъ съ такимъ идеаломъ въ душѣ равнодушно, безъ горечи, видѣть въ жизни грубость, жесто-

кость, несправедливость и тому подобныя *уклоненія* отъ божественнаго *идеала* истинно-человѣческой жизни?—Припомните, какія *уклоненія* отъ этого идеала изображаются въ прочитанныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. 7. Припомните изъ прочитаннаго примѣры жизни и поступковъ, согласныхъ съ этимъ *идеаломъ*.

25. Пѣсня о Севастополѣ.

А. Н. Апухтина.

Не веселую, братцы, вамъ пѣсню спою,
Не могущую пѣсню побѣды,
 Что пѣвали отцы въ *Бородинскомъ* бою,
 Что пѣвали въ *Очаковъ* дѣды.
 Я спою вамъ о томъ, какъ отъ южныхъ полей
 Поднималось облако *пыли,*
 Какъ сходили враги безъ числа съ кораблей
 И *пришли* къ намъ, и насъ *побѣдили.*
 А и такъ побѣдили, что *долго* потомъ
 Не *совались* къ намъ съ дерзкимъ вопросомъ,
 А и такъ побѣдили, что съ *кислымъ* лицомъ
 И съ *разбитымъ* отчалили носомъ.
 Я спою, какъ, покинувъ и домъ, и семью,
 Шелъ въ дружину *полтвичикъ* богатый,
 Какъ *мужикъ,* обнимая бабѣнку свою,
 Выходилъ *ополченцемъ* изъ хаты.
 Я спою, какъ *росла* богатырская рать,
 Шли бойцы изъ *жельза* и *стали,*—
 И какъ *знали* они, что идутъ 'умирать',
 И какъ *свято* они умирали!
 Какъ красавицы наши *сидѣлками* шли
 Къ *безотрадному* ихъ изголовью,
 Какъ за каждый *клочокъ* нашей русской земли
 Намъ платили враги *своей кровью;*
 Какъ подъ *вдохомъ* гранатъ, какъ сквозь *пламя* и *дымъ,*
 Подъ немолчные, тяжкіе *стоны*
 Выходили *редуты* одинъ за другимъ,
 Грозной тѣнью росли *бастіоны,*
 И *одиннадцать* мѣсяцевъ длилась рѣзня,
 И *одиннадцать* мѣсяцевъ цѣлыхъ
 Чудотворная крѣпость, *Россію* храня,
 Хоронила *сыновъ* ея смѣлыхъ...
 Пусть не *радостна* пѣсня, что я вамъ пою,
 Да не хуже той пѣсни побѣды,
 Что пѣвали отцы въ *Бородинскомъ* бою,
 Что пѣвали въ *Очаковъ* дѣды.

— Чудотворная крѣпость—Севастополь. Въ этомъ стихотвореніи воспѣвается Крымская война 1854—1856 годовъ. Императоръ Николай Павловичъ заступился за Славянъ, подвластныхъ Турціи, и требовалъ отъ турецкаго султана облегченія ихъ участи. Султанъ отказался исполнить требованія Русскаго Императора, и потому началась война. Русская армія вступила въ Турецкія земли, а русскій Черноморскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала *Назимова*, напалъ на турецкіе корабли близъ крѣпости *Синопъ* и сжегъ ихъ. Но вскорѣ у Турціи нашлись сильныя союзники, *Франція* и *Англія*. Союзники Турціи послали свои корабли во всѣ русскія моря, а главнымъ мѣстомъ для нападенія на Россію выбрали Черное море. Въ сентябрѣ 1854 года на полуостровъ *Крымъ* высадилось сильное непріятельское войско. Предполагалось завладѣть крѣпостью Севастополемъ и уничтожить русскій флотъ, который тогда находился въ Севастопольской бухтѣ. Навстрѣчу непріятелямъ двинулось русское войско съ главнокомандующимъ княземъ *Меншиковымъ*, и при рѣчкѣ *Альмѣ* произошло сраженіе. Тутъ оказалось, что Россія въ военномъ дѣлѣ много отстала отъ западныхъ государствъ: вооруженіе наше было плохо, офицеры мало образованы, а солдаты и вовсе неграмотны. Меншиковъ съ войскомъ принужденъ былъ отступить къ Севастополю. Въ Севастополѣ начались приготовленія къ защитѣ: у входа въ гавань затопили нѣсколько кораблей, чтобы загородить входъ въ нее непріятельскому флоту; на открытыхъ мѣстахъ построили укрѣпленія и на нихъ поставили пушки съ затопленныхъ кораблей; на южной сторонѣ были сооружены превосходныя укрѣпленія молодымъ инженеромъ *Тотлебенемъ*. Непріятели увидѣли, что *приступомъ* Севастополя не взять, а потому рѣшились вести правильную *осаду*. Они воздвигли свои укрѣпленія, съ которыхъ осмѣлали городъ ядрами и бѣмбами (разрывными снарядами), а сами все приближались къ русскимъ укрѣпленіямъ и подводили подъ нихъ подкопы. Русскіе подводили подкопы подъ непріятельскія укрѣпленія и упорно отстаивали Севастополь. Жизнь въ Севастополѣ подѣ ядрами и бомбами, при страшномъ громѣ пушекъ, была такъ ужасна, что Государь повелѣлъ одинъ *мѣсяцъ* службы въ Севастополѣ считать за цѣлый годъ. Осада продолжалась 11 мѣсяцевъ. Наконецъ русскіе принуждены были сдать Севастополь, но безпримѣрная оборона его слишкомъ дорого обошлась непріятелямъ и показала имъ, къ какимъ подвигамъ способенъ русскій народъ и какъ трудно побѣдить его любовью къ родной странѣ. Потому-то поэтъ и говоритъ, что «нерадостная пѣсня» о Севастополѣ «не хуже» пѣсни побѣдной.

26. Севастополь въ декабрѣ 1854 г.

Гр. Л. Н. Толстого.

Утренняя заря только что начинаетъ окрашивать небосклонъ; темно-синяя поверхность моря сбросила съ себя уже сумракъ ночи и ждѣтъ перваго луча, чтобы заиграть весѣлымъ блескомъ; съ б у х т ы несѣтъ холодомъ и туманомъ; снѣга нѣтъ, все черно, но утренній рѣзкій морозъ хватается за лицо и трещитъ подѣ ногами, и далѣкій неумолкаемый гулъ моря, изрѣдка прерываемый раскатистыми выстрѣлами въ Севастополѣ, одинъ нарушаетъ тишину утра.

На С ѣ в е р н о й денная дѣятельность понемногу начинаетъ замѣнять спокойствіе ночи: гдѣ прошла смѣна часовыхъ, побрякивая ружьями, гдѣ докторъ уже спѣшитъ въ г ѣ с п и т а л ь, гдѣ солдатикъ вылѣзъ изъ землянки, моетъ оледенѣлою водой загорѣлое лицо и, быстро крестясь, молится Богу; гдѣ высокая тяжѣлая м а д ж а р а на верблюдахъ со скрипомъ протащилась на кладбище хоронить окровавленныхъ покойниковъ, которыми она чуть не доверху наложена...

Напрасно вы будете искать хоть на одномъ лицѣ слѣдовъ суетливости, растерянности, или даже э н т у з і а з м а, готовности къ смерти, рѣшимости,—

ничего этого нѣтъ: вы видите будничныхъ людей, спокойно занятыхъ будничнымъ дѣломъ... Но сходите на бастионы, посмотрите защитниковъ Севастополя на самомъ мѣстѣ защиты... Вы идёте назадъ, почему-то не обращая вниманія на ядра и пули, продолжающія свистать по всей дорогѣ, идете съ покойнымъ, возвысившимся духомъ. Главное, отрадное убѣжденіе, которое вы вынесли, это убѣжденіе въ невозможности поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа, и эту невозможность видѣли вы въ глазахъ, рѣчахъ, пріѣмахъ, въ томъ, что называется духомъ защитниковъ Севастополя. То, что они дѣлаютъ, дѣлаютъ они такъ просто, такъ мало напряженно и усиленно, что, вы убѣждены, они еще могутъ сдѣлать во сто разъ больше. Вы понимаете, что чувство, которое заставляетъ работать ихъ, не есть то чувство мелочности, тщеславія, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, болѣе vlastное... Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго,—любовь къ родинѣ.

— Бухта—заливъ, входящій въ сушу. Севастопольская бухта тянется съ запада на востокъ, раздѣляя городъ на двѣ части, сѣверную и южную.—Сѣверная—часть города, лежащая на сѣверъ отъ бухты.—Госпиталь—военная больница.—Маджара—длинная татарская телѣга.—Энтузіазмъ—воодушевленіе, которое овладѣваетъ человекомъ въ важныя минуты жизни.—Бастионы—укрѣпленія, обнесенныя высокимъ валомъ, съ амбраурами, т.-е. прорѣзами для пушекъ.

— Какое *впечатленіе* производила на очевидца (гр. Л. Н. Толстой участвовалъ самъ въ оборонѣ Севастополя) жизнь въ Севастополь, осажденномъ неприятелями, рано утромъ въ декабрѣ 1854 года?—Какое *впечатленіе* производили на него защитники Севастополя на бастионахъ, на самомъ мѣстѣ защиты?—Какое „властное“ *чувство* видѣлось ему въ ихъ глазахъ, рѣчахъ, дѣйствіяхъ?—Какое „отрадное“ *убѣжденіе* выносили онъ съ бастионовъ?—Какъ характеризуетъ онъ *любовь къ родинѣ*, свойственную русскому человѣку?

27. Севастополь въ маѣ 1855 г.

Гр. Л. Н. Толстого.

Уже шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ просвистало первое ядро съ бастионовъ Севастополя и взрыло землю на работахъ неприятеля, и съ тѣхъ поръ тысячи бомбъ, ядеръ и пуль не переставали летать съ бастионовъ въ траншеи и изъ траншей на бастионы, и ангелъ смерти не переставалъ парить надъ ними...

Солдаты несли на носилкахъ и вели подъ руки раненыхъ. На улицѣ было совершенно темно; только рѣдко кое-гдѣ свѣтились окна въ госпиталѣ или у засидѣвшихся офицеровъ. Съ бастионовъ доносился тотъ же грохотъ орудій и ружейной перепалки, и тѣ же огни вспыхивали на черномъ небѣ. Изрѣдка слышались—топотъ лошади, стонъ раненаго, шаги и говоръ носильщиковъ, или же говоръ испуганныхъ жителей, вышедшихъ на крылечко посмотреть на канонаду.

Въ числѣ послѣднихъ были—Никита (солдаты—денщикъ), старая матроска и десятилѣтняя дочь ея.

«Господи, Мать Пресвятая Богородица!—говорила про-себя, вздыхая, старуха, глядя на бомбы, которыя, какъ огненные мячики, безпрестанно перелетали съ одной стороны на другую:—страсти-то, страсти какія... и-и-хи-хи! Такого и въ первую бандировку не было. Вишь, гдѣ лопнула, проклятая, прямо надъ нашимъ домомъ въ слободкѣ».

— Нѣтъ, это дальше, къ тѣнькѣ Аринкѣ въ садъ все попадаютъ,—сказала дѣвочка...

— Звѣздочки-то, звѣздочки такъ и катятся!—глядя на небо, прервала дѣвочка послѣдовавшее молчаніе:—вонъ, вонъ еще скатилась. Къ чему это такъ... а, мамынька?

— Советѣмъ разобьютъ домишко нашъ,—сказала старуха, вздыхая и не отвѣчая на вопросъ дѣвочки.

— А какъ мы нынче съ дяденькой ходили туда, мамынька,—продолжала пѣвучимъ голосомъ разговарившая дѣвочка,—такъ большѹ-ущая такая ядро въ самой комнаткѣ подлѣ шкапа лежитъ: она сѣнцы, видно, пробила, да въ горницу и влетѣла,—такая большѹщая, что не поднимешь.

— У кого были мужья да деньги, такъ повыѣхали,—говорила старуха,—а тутъ послѣдній домишко—и тотъ разбила. Вишь какъ, вишь какъ палить, злодѣй! Господи, Господи!

— А какъ намъ только выходить, какъ одна бомба прилетѣ-ить, какъ лопни-ить, какъ засыпи-ить землю, такъ даже чуть-чуть насъ съ дяденькой однимъ оскрѣткомъ не задѣло...

Въ нашемъ бастіонѣ и на французской траншеѣ выставлены бѣлые флаги; цвѣтущая долина наполнена мертвыми тѣлами, прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блеститъ на золотыхъ лучахъ солнца...

Бѣлые флаги спрятаны, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятія.

— Траншея—ровъ, служащій безопаснымъ проходомъ къ пушкамъ. — Нанонада—стрѣльба изъ пушекъ.—Денщикъ—солдаты, состоящій прислугой при офицерѣ.—Матроска—жена матроса, солдата-моряка.—Бандировка, т. е. бомбардировка—пальба изъ пушекъ.—Слободка—пригородное селеніе.—Бѣлые флаги выставляются, какъ заявленіе, что надо приостановить пальбу, чтобы убрать раненыхъ и убитыхъ.

— Какое впечатлѣніе производитъ эта картина жизни въ Севастополѣ въ маѣ 1855 года?—Въ чемъ ужасъ этой картины?

28. Севастополь въ августѣ 1855 г.

Гр. Л. Н. Толстого.

Козельцовъ старшій (офицеръ) передъ утромъ спалъ еще нездоровымъ, тяжелымъ, но крѣпкимъ сномъ въ оборонительной казармѣ, когда, повторяемый различными голосами, раздался роковой крикъ:

— Тревога!

— Что вы спите, Михайло Семенычъ, штурмъ! — крикнулъ чей-то голосъ.

— Вѣрно школьникъ какой-нибудь, — сказалъ онъ, открывая глаза и не вѣря. Но вдругъ увидѣлъ офицера, бѣгающаго безъ всякой видимой пѣли изъ угла въ уголъ, съ такимъ блѣднымъ лицомъ, что онъ всё понялъ. Мысль, что его могутъ принять за труса, не хотѣвшаго выйти къ ротѣ въ к р и т и ч е с к у ю м и н у т у, поразила его ужасно. Онъ во весь духъ побѣжалъ къ ротѣ. Стрѣльба орудійная кончилась; но трескотня ружей была во всемъ разгарѣ. Пули свистѣли не по одной, какъ штуцерныя, а роями, какъ стадо осеннихъ птичекъ пролетаетъ надъ головами.... Пробѣжавъ еще шаговъ тридцать, онъ увидалъ свою роту, прижавшуюся къ стѣнкѣ.

— Заняли Шварца, — сказалъ молодой офицеръ. — Все пропало!

— Вздоръ, — сказалъ онъ сердито, — выхвативъ свою маленькую, желѣзную, тупую сабелку, и закричалъ:

— Впередъ, ребята, ура-а!

Голосъ былъ звучный и громкій; онъ возбудилъ самого Козельцова. Онъ побѣжалъ впередъ; человекъ пятьдесятъ солдатъ, съ криками, побѣжали за нимъ. Онъ выбѣжалъ на открытую площадку. Пули посыпались, буквально, какъ градъ. Двѣ ударились въ него, но что онѣ сдѣлали, контузили, ранили его, онъ не имѣлъ времени рѣшить. Впереди, въ дыму, видны были уже ему синіе мундиры, красные панталоны и слышны не русскіе крики; одинъ французъ стоялъ на брустверѣ, махалъ шапкой и кричалъ что-то. Козельцовъ былъ увѣренъ, что его убьютъ; это-то и придавало ему храбрости. Онъ бѣжалъ впередъ и впередъ. Нѣсколько солдатъ обгоняли его, другіе солдаты показались откуда-то сбоку и бѣжали тоже. Синіе мундиры оставались въ томъ же разстояніи, убѣгая отъ него назадъ къ своимъ траншеямъ; но подъ ногами попадались раненые и убитые. Добѣжавъ уже до внѣшняго рва, всё смѣшались въ глазахъ Козельцова, и онъ почувствовалъ боль въ груди.

Черезъ полчаса онъ лежалъ на носилкахъ, около Николаевской казармы, и зналъ, что онъ раненъ, но боли почти не чувствовалъ; ему только хотѣлось выпить чого-нибудь холоднаго и лечь попокойнѣе.

Маленькій, толстый, съ большими черными бакенбардами, докторъ подошелъ къ нему и растегнулъ шинель. Козельцовъ черезъ подбородокъ смотрѣлъ на то, что дѣлаетъ докторъ съ его раной, на лицо доктора, но боли никакой не чувствовалъ. Докторъ закрылъ рану рубашкой, отеръ пальцы обѣими пальцами и молча, не глядя на раненаго, отошелъ къ другому. Козельцовъ безсознательно слѣдилъ глазами за тѣмъ, что дѣлалось передъ нимъ, и вспомнивъ то, что было на бастионѣ, съ чрезвычайно отраднымъ чувствомъ самоудовольствія подумалъ, что онъ хорошо исполнилъ свой долгъ, что въ первый разъ за всю службу онъ поступилъ хорошо, какъ только можно было, и ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя. Докторъ, перевязывая другого раненаго офицера, сказалъ что-то, указывая на Козельцова, священнику съ большою рыжею бородой, съ крестомъ стоявшему тутъ.

— Чтò, я умру? — спросилъ Козельцовъ у священника, когда онъ подошелъ къ нему.

Священникъ, не отвѣчая, прочелъ молитву и подалъ брестъ раненому.

Смерть не испугала Козельцова. Онъ взялъ слабыми руками крестъ, прижалъ его къ губамъ и заплакалъ.

— Что, выбиты французы?—твердо спросилъ онъ у священника.

— Вездѣ побѣда за нами осталась,—отвѣчалъ священникъ, чтобъ утѣшить раненаго, скрывая отъ него то, что на Малаховомъ курганѣ уже развѣвалось французское знамя.

— Слава Богу!—проговорилъ раненый, не чувствуя, какъ слезы текли по его щекамъ.

Мысль о братѣ мелькнула на мгновение въ его головѣ. «Дай Богъ ему такое-же счастье», подумалъ онъ.

— Штурмъ—приступъ къ городу, чтобы занять его.—Критическая—трудная, опасная, рѣшительная минута.—Орудійная пальба—пальба изъ пушекъ.—Контузили: значить, пули не нанесли ранъ, а пронеслись очень близко и этимъ вызвали болевенное чувство.—Синіе мундиры и красные панталоны были у французскихъ солдатъ.—Брустверь—земляная насыпь для защиты отъ неприятельскихъ выстрѣловъ.—Малаховъ курганъ—самое возвышенное русское укрѣпленіе; во время приступа 27 августа наши войска удержали за собой всѣ укрѣпленія, кромѣ Малахова кургана, но этого было достаточно, чтобы сдать городъ неприятелю: защита стала невозможной.

— Сохранился ли *геройскій духъ* защитниковъ Севастополя и послѣ всѣхъ ужасовъ, какіе имъ пришлось переживать во время осады?—Расскажите про офицера *Козельцова*. Какъ понималъ онъ свой *долгъ* и какъ исполнялъ его? О чемъ больше всего думалъ передъ смертью? Въ чемъ видѣлъ то *счастье*, котораго пожелалъ и своему брату?

29. Сдача Севастополя.

Гр. Л. Н. Толстого.

Въ девятомъ часу вечера выстрѣловъ нигдѣ не было. Звѣзды такъ-же, какъ и прошлую ночь, ярко блестя на небѣ; но сильный вѣтеръ колыхалъ море. На бастіонахъ вспыхивали по землѣ молніи, взрывы потрясали воздухъ и освѣщали вокругъ себя какіе-то черные, странные предметы и камни, взлетавшіе на воздухъ. Что-то горѣло, и красное пламя отражалось въ водѣ... Свѣжій вѣтеръ колыхалъ бухту.

При свѣтѣ зарева пожаровъ видны были мачты нашихъ ут о п а ю щ и хъ кораблей, которые медленно, глубже и глубже, уходили въ воду... На севастопольскихъ бастіонахъ уже нигдѣ никого не было. Все было мертво, дико, ужасно, но не тихо,—все еще разрушалось...

Враги видѣли, что что-то непонятное творилось въ грозномъ Севастополѣ. Взрывы и мертвое молчаніе на бастіонахъ заставляли ихъ содрогаться; но они не смѣли вѣрить еще, подъ влияніемъ сильнаго, спокойнаго отпора дня, чтобъ исчезъ ихъ непоколебимый врагъ, и, молча, съ трепетомъ ожидали конца мрачной ночи.

Севастопольское войско, какъ море въ зыбливую мрачную ночь, сливаясь, разливаясь и тревожно трепеща всею своею массой, колыхаясь у бухты, по мосту и на Сѣверной, медленно двигалось въ непроницаемой темнотѣ прочь

отъ мѣста, на которомъ столько оно оставило храбрыхъ братьевъ,—отъ мѣста, всего облитого его кровью,—отъ мѣста, 11 мѣсяцевъ отстаиваемаго отъ вдвое сильнѣйшаго врага, и которое теперь вѣрно было оставить безъ боя...

— Взрывы производились по приказанію русскаго главнокомандующаго князя Горчакова: взрывали все укрѣпленія въ ночь передъ сдачей Севастополя неприятелю.— Утопающихъ кораблей: русскіе сами потопили свои корабли, чтобы они не достались неприятелю и чтобы совершенно заградить входъ въ бухту его кораблямъ.—Одиннадцать мѣсяцевъ продолжалась осада Севастополя: она началась въ 1854 году при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, а окончилась въ 1855 году, при Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ. Вскорѣ окончилась и война, которая одинаково тяготила и Россію, и ея враговъ: 18 марта 1856 года былъ заключенъ миръ.

— Чѣмъ окончилась одиннадцатимѣсячная геройская оборона Севастополя и какъ совершилась сдача его неприятелямъ?

Планъ для сочиненія: „Осада Севастополя“.

1. Причина войны 1854—1856 годовъ. 2. Севастополь и намѣренія неприятелей. Укрѣпленіе Севастополя. 3. Общій духъ защитниковъ Севастополя. Впечатлѣнія очевидца. 4. Сдача Севастополя неприятелямъ. 5. Значеніе Севастопольской обороны. Слова поэта Апухтина.

30. Послѣ Крымской войны.

Н. А. Некрасова.

*Свершилось!.. Мёртвые отплыты,
Живые прекратили плачь,
Окровенённые ланцеты
Очистилъ утомлённый врачъ;
Священники, сложивъ ладони,
Творятъ молитву небесамъ,
И Севастопольскіе кони
Пасутся мирно... Слава вамъ!
Вы были тамъ, гдѣ смерть летаетъ,
Вы были въ сызгахъ роковыхъ
И, какъ вдовецъ жену мѣняетъ,
Мѣняли всадниковъ лихихъ.*

Война молчитъ—и жертвъ не проситъ;
*Находъ, стекаясь къ алтарямъ,
Хвалу усердную приносить*

*Смирившимъ громы небесамъ.
Народъ—герой! въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца:
Свѣтлѣ твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца..
Свершилось! Рухнула твердыня...
Войска ушли... кругомъ пустыня...
И черноморская волна,
Еще тепла, еще красна,
Уныло въ берегъ славы плещетъ...
Надъ всею Русью тишина,
Но—не предшественница сна;
Ей солнце правды въ очи блещетъ,
И думу думаетъ она.*

— Ланцетъ—острый ножичекъ, лѣкарскій инструментъ.—Солнце правды: Крымская война обнаружила правду о многихъ несовершенствахъ русской жизни, которыя заставляли призадуматься. Русская жизнь требовала обновленія.

„Свершилось“—что свершилось?—Какую картину Россіи и Крымскаго полуострова послѣ войны рисуетъ поэтъ?—Какъ говорить онъ о русскомъ народѣ?—Какъ говорить онъ о тишинѣ надъ Русью?—Какая правда открылась послѣ войны Русской землѣ и какую думу она думаетъ?

31. Обновленіе русской жизни.

Изъ «Исторіи въ разказахъ» С. Г. Рождественскаго.

Въ 1855 году вступилъ на престолъ Императоръ Александръ Николаевичъ, совершившій полное обновленіе русской жизни. «Да утверждается и совершенствуется внутреннее благоустройство Россіи, провозгласилъ онъ въ манифестъ послѣ заключенія мира: правда и милость да царствуютъ въ судахъ; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ».

Въ царствованіе Александра II-го совершенно было много очень важныхъ дѣлъ для обновленія Россіи. Изъ нихъ важнѣйшія: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, учрежденіе новаго суда, земства, городского самоуправления и всеобщей воинской повинности, распространеніе народнаго образованія.

Первымъ великимъ дѣломъ этого царствованія было освобожденіе крестьянъ. Въ 1861 году, 19-го февраля, Государь подписалъ освободительный манифестъ, который заканчивается слѣдующими знаменательными словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго». Вмѣстѣ съ обнародованіемъ манифеста, издано было положеніе объ устройствѣ быта крестьянъ. Крестьяне надѣлены были усадьбою и пахотною землею, получили право, наравнѣ съ другими сословіями, покупать въ собственность всякое недвижимое имущество, заниматься промыслами и торговлей, учиться въ учебныхъ заведеніяхъ, поступать на службу.

Вслѣдъ за тѣмъ, всѣмъ сословіямъ даровано было самоуправленіе въ ихъ хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлахъ: городскіе жители выбираютъ гласныхъ въ городскую думу, для завѣдыванія городскими дѣлами, крестьяне выбираютъ членовъ волостного схода для завѣдыванія волостными дѣлами; всѣ сословія выбираютъ гласныхъ въ земское собраніе; городская дума, земское собраніе и волостной сходъ выбираютъ надежныхъ исполнителей для своихъ постановленій: городскую управу, земскую управу, волостного старшину.

Императоръ Александръ Николаевичъ даровалъ Россіи и новый судъ—гласный, правый, скорый и милостивый. Важныя дѣла обсуждаются въ окружныхъ судахъ, судебныхъ палатахъ и въ Сенатѣ, менѣе важныя у мировыхъ судей, а теперь и у земскихъ начальниковъ.

Въ 1874 году былъ изданъ манифестъ объ установленіи всеобщей воинской повинности, которую прежде несли только крестьяне да мѣщане; а служба воинская облегчена: вмѣсто прежнихъ 25 лѣтъ, теперь служатъ въ солдатахъ только 6 лѣтъ и 9 лѣтъ состоятъ въ запасѣ. «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго», сказалъ Государь—и возложилъ эту священную обязанность на всѣхъ, кто достигъ 21-го года.

Кромѣ этихъ важныхъ дѣлъ, въ царствованіе Императора Александра Николаевича совершилось много другихъ, служившихъ обновленію русской жизни: по городамъ, селамъ и деревнямъ открыты десятки тысячъ школъ для просвѣщенія темнаго русскаго народа; между городами построено множество

желѣзныхъ дорогъ для улучшенія и ускоренія сообщенія между разными краями обширной Русской земли.

Обновилась русская жизнь. Счастливѣе, богаче и сильнѣе стала православная матушка Русь.

32. Объявленіе воли въ Петербургѣ.

К. Д. Ушинскаго.

Давно все ждали великаго событія; но ждали его гораздо позже... Правда, многіе слышали, что въ казенныхъ типографіяхъ день и ночь печатаются сотни тысячъ одного и того же вождельннаго манифѣста, но это могли быть и ложные слухи, которые такъ легко распространяются въ большомъ городѣ.

Но вотъ 5 марта, въ послѣдній день масленицы, еще за ранней обѣдней въ нашей церкви небольшая толпа богомольцевъ—первые удостоились услышать, что именно сегодня настало время великому событію. По окончаніи ранней обѣдни, священникъ вышелъ къ народу и сказалъ: «Православные! потрудитесь сегодня еще разъ притти въ церковь: за поздней обѣдней я прочту вамъ Царскій указъ, который наполнитъ сердца ваши великою радостью, о которой не смѣли и думать отцы и дѣды ваши»... У многіхъ слушателей дрогнуло чуткое сердце при этихъ вѣщихъ словахъ; но все, тихо разговаривая между собою, разошлись по своимъ домамъ...

Задолго до начала поздней обѣдни, народъ сталъ собираться въ церковь. Люди садились на пѣрты или въ самой церкви на скамьяхъ; но говора не было почти никакого. Иные сидѣли молча, другіе тихо сообщали другъ другу свои мысли и замѣчанія; но на всехъ лицахъ выражалась серьезная дума.

Началась обѣдня. Во всемъ служеніи было что-то особенно трогательное. Народъ молился еще съ большимъ усердіемъ, чѣмъ обыкновенно.

По окончаніи службы, три священника и діаконъ, въ полномъ и свѣтломъ облаченіи, вышли изъ алтаря и остановились передъ царскими вратами. Діаконъ выступилъ впередъ съ бумагою въ рукахъ—и народъ хлынулъ къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей возвышенное мѣсто, на которомъ стояли священнослужители...

Прежде еще, чѣмъ началось чтеніе, воцарилась такая тишина, что, кажется, можно было слышать, какъ бьется сердце сосѣда. Я невольно оглянулся вокругъ: какая прекрасная картина! Тысячи лицъ самыхъ разнообразныхъ, дѣтскихъ, старческихъ, мужскихъ и женскихъ, по большей части добрыхъ, кроткихъ, выражаютъ одно и то же чувство глубочайшаго вниманія; священнослужители въ свѣтлыхъ, блестящихъ ризахъ стоятъ у открытыхъ царскихъ вратъ, какъ вѣстники небесной радости; въ алтарѣ тихо и радостно пылаютъ на престолѣ свѣчи, ярко освѣщая крестъ и святое Евангеліе—эту первую, великую вѣсть спасенія и свободы; а надъ престоломъ возносится встающій изъ гроба Христосъ, разрушившій оковы смерти. Ни малѣйшій порохъ, ни кашель, ни стукъ подкованнаго сапога о каменный помостъ храма ни разу не нарушили тишины во все время чтенія манифѣста, которое длилось не менѣе получаса.

Но вотъ діаконъ произнесъ многозначительныя слова: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами благословеніе

Божіе на твой *свободный* трудъ»... Тогда въ церкви будто пробѣжала широкая, звучная волна; тысячи рукъ сотворили знаменіе освобожденнаго креста, — и крѣпостные узы спали навѣки. Великая, святая, истинно христіанская минута въ жизни русскаго народа!

Наконецъ дьяконъ окончилъ чтеніе и заключительное слово «Александръ» громко раздалось подъ сводами храма. Сильно отдалось это слово въ сердцахъ слушателей: въ немъ, въ этомъ благословенномъ имени, свобода 23-хъ милліоновъ людей!

По окончаніи чтенія манифеста началось торжественное молебствіе. Я былъ глубоко потрясенъ...

При выходѣ изъ церкви я слышалъ въ толпѣ нѣсколько отрывочныхъ восклицаній: «Слава Тѣ, Христось! дождались же и мы праздника! Дай Богъ много лѣтъ здравствовать батюшкѣ Царю! Сдержалъ Онъ свое слово: видно, царское слово не мимо идетъ! Вспомнилъ Онъ, сердечный, и о насъ! Вотъ ужъ истинно Бога молить должны!»... и т. п.

Замѣчательный этотъ день прошелъ гораздо тише и трезвѣе, чѣмъ тѣ же дни прошлыхъ годовъ... Пьяныхъ на улицахъ почти не было...

«Ты, кажется, выпилъ немножко», сказалъ я извозчику...

— Нѣтъ ужъ, баринъ, напрасно! вотъ сегодня-то я и не пилъ,—отвѣчалъ извозчикъ:—вчера, грѣшенъ человекъ, вчера выпилъ; а сегодня не пилъ, ей-ей, не пилъ—и не буду!..

— «Слышалъ ты сегодня царскій указъ?»

— Слышалъ, батюшка, да что-то не совѣмъ понялъ.

— «Чего-же ты не понялъ?»

— Да вотъ того, какъ мы съ барами-то раздѣлимся. Кабы такъ сдѣлать, чтобы и намъ было хорошо, да и имъ не обидно: всѣмъ, всѣмъ чтобы хорошо было!

— «Такъ и сдѣлано».

— Ну, и, слава Тѣ, Христось!—заключилъ извозчикъ, хлеснувъ лошадь.

— Манифестомъ называется Царская бумага къ народу, извѣщающая народъ о какомъ-либо важномъ событіи. Здѣсь рѣчь идетъ о манифестѣ Императора Александра Николаевича, въ которомъ Государь объявилъ объ уничтоженіи крѣпостного права и объ освобожденіи барскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Манифестъ этотъ былъ подписанъ Государемъ 19 февраля 1861 года.

33. Манифестъ 19 февраля 1861 г.

Ап. Ник. Майкова.

Посмотри: въ избѣ, мерца,
Свѣтитъ огонѣкъ;
Возлѣ двочки-малютки
Собрался кружокъ,
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ вода,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ

*Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребяты.
Бабы сѣютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.
Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,*

Свѣсилъ голову и смотритъ,
 Хоть не слышитъ, дѣдь.
 Чтожъ такъ слушаютъ малютку, —
 Аль ужъ такъ умна?
 Нѣтъ, одна въ семьѣ умѣть

Грамотъ она.
 И пришлось ей, младенцу,
 Старикамъ прочесть
 Про желанную свободу
 Дорогую вѣсть!

— Какую картинку рисуетъ поэтъ?—Какой вопросъ вызываетъ эта картинка?—Какъ поэтъ *отвѣчаетъ* на этотъ вопросъ?—*Правильно ли* это, что старики узнаютъ самую дорогую вѣсть отъ малютки-дѣвочки?—Такъ ли должно быть?—Отчего происходила эта *неправильность*?

34. Сельская школа.

А. Н. Яхонтова.

Въ новую школу, въ сосѣднемъ приходѣ,
 Дѣти-птенцы собрались.
 Вотъ и у насъ въ православномъ народѣ
 Нынче за разумъ взялись!
 «Балуютъ дѣти, пора за указки!
 Подло имъ слушать дурацкія сказки!»
 Жадно въ «учительку» дѣтскіе глазки
 Словно спились.
 Эта «учителька» съ «батюшкой» дружно
 Разуму учить ребятъ:
 Пищу умамъ ихъ здоровую нужно,
 Въ грамотѣ—*спать*, говорятъ.
 Много ихъ тутъ! Какъ, сердечные, рады
 И чистотѣ, и теплу!
 Топится печка. Сіянье лампы
 Передъ иконой въ углу...
 Слышать о Богѣ, о Божіемъ мірѣ
 И о порядкахъ мірскихъ,
 Книжки читаютъ. Свѣтлѣе и шире
 Стало понятіе ихъ.
 Далъ бы лишь Богъ имъ къ наукѣ охоту...
 Пусть же съ любовью несутъ
 Эту ихъ первую въ жизни заботу,
 Первый свободный ихъ трудъ!
 Вырастутъ—школу съ любовью помануть,
 Будутъ и дома читать,
 Будутъ толково работать, не стануть
 Глупо въ затылкѣ чесать.
 Меньше кабатчику будетъ дохода,
 Дольше будетъ меньше въ судахъ.
 Съ грамотой больше ума у народа,
 Больше устѣха въ трудахъ...

Только-бъ скорый поколѣніе это
Выростить, двинуть впередъ!
 Свѣта намъ только, побольше-бы свѣта,—
Быль-бы народъ!

— За разумъ взялись — спохватились, стали умнѣе. — Указка прежде была принадлежностью при обученіи грамотѣ, чтобы дѣти указывали на тѣ буквы, которыя читають. — Учителка: такъ у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называютъ учительницу. — Свѣта намъ: здѣсь разумтется свѣтъ книжнаго ученья, свѣтъ науки, просвѣщающій умъ, какъ говорится въ пословицѣ, что «ученье — свѣтъ, а неученье (невѣжество) тьма».

— Чему поэтъ радуется? — Какъ изображаетъ онъ новую школу и ученье въ ней? — Чего желаетъ дѣтямъ-школьникамъ? — Чего желаетъ русскому народу? — Какое великое значеніе видитъ онъ въ грамотѣ и книжномъ ученіи?

Планъ для сочиненія „Царь-Освободитель“.

1. Окончаніе Крымской войны. Послѣдствія ея. Слова поэта Некрасова.
 2. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Стихотвореніе Майкова.
 3. Новый судъ, земскія учрежденія, городское самоуправленіе, общая воинская повинность. 4. Распространеніе народнаго образованія. Новая народная школа. Стихотвореніе Яхонтова. 5. Желѣзныя дороги. 6. Освобожденіе Болгаріи отъ Турецкаго ига.

35. Война съ Турціей за освобожденіе Болгаріи (1877—1878 г.).

В. И. Немировича-Данченко.

Кровью началось завоеваніе Балканскаго полуострова турками; кровавыми страницами представляется и дальнѣйшая исторія. Христіане были обращены въ рабство. Нѣкогда свободный народъ сталъ безгласными и безправными рабами. Церкви осквернялись, запрещалось молиться публично. Кто не обращался въ магометанство, у того отнимались земли. Христіанъ лишали права носить оружіе. Всякій турокъ могъ притти въ домъ христіанина, выгнать его, завладѣть всею его имуществомъ. Судьи не защищали обиженныхъ христіанъ. Христіане не имѣли права въ судѣ свидѣтельствовать противъ турокъ. Тюрмы были полны христіанами. Среди бѣлаго дня убивали христіанъ, отнимали у нихъ женъ и дочерей...

Въ это время надежды несчастныхъ славянскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ были обращены на Россію. Она одна изъ всеѣхъ славянъ сплотилась, выросла, отстояла себя отъ половцевъ, татаръ, шведовъ, отбилась отъ Наполеона и раскидывалась все шире и шире. Въ самыя тяжелыя времена турецкаго ига истекающее кровью славянство обращало свои страдальческіе взоры на сѣверъ, гдѣ подымался грозный славянскій великанъ, и въ приниженныхъ, угнетенныхъ народахъ все глубже и глубже утверждалась вѣра, что отъ Россіи только можно имъ ждать спасенія.

И не напрасны были эти надежды: Россія постоянно боролась съ турками за своихъ Балканскихъ братій, постепенно освобождая ихъ отъ турецкаго ига...

Съ Крымской войны положеніе тѣхъ славянскихъ народовъ, которые оставались еще подъ турецкимъ игомъ, стало окончательно невыносимо... Тяжелѣе всѣхъ было несчастнымъ *болгарамъ*. Между ними поселились ушедшіе съ Кавказа черкесы; начались—рѣзня, грабежи. Когда въ Болгаріи народъ началъ было волноваться, то въ одинъ мѣсяць турки сожгли и разграбили 150 селеній и городовъ, истребили 100 тысячъ безоружныхъ жителей... *Сербія* въ союзѣ съ *Черногоріей* объявила войну Турціи; къ нимъ изъ Россіи явились тысячи добровольцевъ на помощь... Но къ октябрю 1876 года слабыя силы Сербіи истощились. Огромная сила турокъ опрокинулась на сербовъ. Сербіи грозила гибель. Главнокомандующій турецкою арміею *Османъ-паша* уже готовился перейти въ наступленіе, какъ русскій посолъ въ Константинополь вручилъ Турецкому султану требованіе Русскаго Императора Александра Николаевича: или война съ Россіей, или турки въ двухдневный срокъ должны заключить перемиріе съ сербами и остановить вторженіе Османа-паши въ Сербію. Турція уступила грозному требованію Россіи, и Сербія была спасена...

Всѣ-таки Россія, стала готовиться къ войнѣ и въ Кишиневѣ была сосредоточена армія, готовая двинуться въ Турцію. Истощивъ всѣ усилія миролюбиво покончить дѣло, Императоръ Александръ II-ой, 12 апрѣля 1877 года Высочайшимъ манифестомъ въ Кишиневѣ объявилъ приказъ войскамъ вступить въ предѣлы Турціи.

— Припомните исторію борьбы Россіи съ Турціей.—Изъ-за чего началась война 1877 года?

36. Переправа черезъ Дунай въ 1877 году.

Вс. Мих. Гаршина.

Ночью съ 14 на 15 іюня Федоровъ разбудилъ меня.

— Михайлычъ, слышите?

— Что такое?

— Пальба. Дунай переходятъ.

Я началъ прислушиваться. Дулъ сильный вѣтеръ, гнавшій низкія черныя тучи, заслонившія мѣсяць; онъ налеталъ на полотно (палатокъ), съ шумомъ шлепалъ его, гудѣлъ въ веревкахъ и тонко высвистывалъ гдѣ-то въ ружейныхъ козлахъ. Сквозь эти звуки иногда слышались глухіе удары.

— Народу-то теперь вѣлится... вздохнувъ, прошепталъ Федоровъ (солдатъ). Насъ поведутъ или нѣтъ, какъ полагаете? Ухаеъ-то какъ, будто громъ!

— Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ гроза?

— Нѣтъ! какая гроза! Очень ужъ правильно. Слышите, одна за одной, одна за одной.

Удары, дѣйствительно, раздавались правильно, черезъ извѣстные промежутки времени.

Я выгѣзъ изъ-подъ палатки и сталъ смотрѣть по направленію выстрѣловъ. Вспышекъ огня не было видно. Иногда напряженнымъ глазамъ мерещился свѣтъ въ той сторонѣ, откуда гремѣли пушки, но это только обманъ.

Вотъ оно, наконецъ! подумалось мнѣ.

И я старался представить себѣ, что дѣлается тамъ, въ темнотѣ. Мнѣ чудилась широкая черная рѣка съ обрывистыми берегами, совершенно непохожая на настоящій Дунай, какимъ я увидѣлъ его потомъ. Плывають сотни лодокъ; эти мѣрные частые выстрѣлы по нимъ. Много-ли уцѣлѣтъ ихъ? Холодная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу...

Я заснулъ на разсвѣтѣ и проснулся довольно поздно. Пушки продолжали глухо гремятъ, и, хотя никакихъ извѣстій съ Дуная не было, между нами ходили слухи, одинъ другого невѣроятнѣе. Одни говорили, что наши уже перешли и гонятъ турокъ; другіе, что переправа не удалась, что уничтожены цѣлые полки...

Часамъ къ двѣнадцати поспѣлъ обѣдъ. Люди ѣли плохо. Послѣ обѣда приказали снять надульники (кожаные чехольчики) съ ружей и роздали добавочные патроны. Солдаты, готовясь къ бою, начали осматривать свои ранцы и выбрасывать все лишнее...

Полкъ дрогнувъ, зашевелился и, вытянувшись въ длинную колонну, форсированнымъ шагомъ пошелъ къ Дунаю. Выстрѣлы, доносившіеся оттула, смолкли.

Какъ съвозъ сонъ помню этотъ переходъ: пыль, поднимаемую обгонявшими насъ на рысяхъ казачьими полками, широкую степь, спускавшуюся къ Дунаю, другой синѣвшій берегъ котораго мы увидѣли верстъ за пятнадцать; усталость, жару, свалку и драку у встрѣтившагося намъ колодца; грязный маленькій городокъ, наполненный войсками, какихъ-то генераловъ, махавшихъ намъ съ балкона фуражками и кричавшихъ «ура»!, на что мы отвѣчали тѣмъ-же.

— Перешли! перешли!— гудѣли воеругъ голоса.

— Двѣсти убитыхъ, пятьсотъ раненыхъ!

— Дунай — большая и широкая рѣка, впадающая съ запада въ Черное море; Россія принадлежитъ только устью Дуная; черезъ эту рѣку приходится переправлять русскія войска, чтобы попасть въ Турецкую землю; эта переправа всегда сопровождается большими жертвами. — Патроны — готовые ружейные заряды. — Форсированный шагъ — ускоренный шагъ.

37. Царскій смотръ.

Вс. Мих. Гаршина

Передъ Плоэшти намъ сказали, что въ этомъ городѣ насъ будетъ смотрѣть Государь.

Мы проходили передъ нимъ, какъ были съ похода, въ тѣхъ-же грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ и штанахъ, въ тѣхъ-же побурѣвшихъ и запыленныхъ сапогахъ, съ тѣми-же безобразно-навьюченными ранцами, сухарными сумками и бутылками на веревочкахъ. Солдатъ не имѣлъ въ себѣ ничего щегольского, молодецкаго или геройскаго; каждый былъ больше похожъ на простаго мужика; только ружье, да сумки съ патронами показывали, что этотъ мужикъ собрался на войну.

Насъ построили въ узкую колонну по четыре человѣка въ шеренгѣ; иначе нельзя было итти по узкимъ улицамъ города. Я шелъ сбоку, старался больше всего не сбиться съ ноги, держать равненіе, и думалъ о томъ, что

если Государь съ своей свитой будетъ стоять съ моей стороны, то мнѣ придется пройти передъ его глазами и очень близко отъ него... Я почувствовалъ, что и мнѣ передается часть общаго волненія, что сердце у меня забилося сильнѣе...

Люди шли быстрѣе и быстрѣе, шагъ становился больше, походка свободнѣе и тверже... Усталость прошла. Точно крылья выросли и несли впередъ, туда, гдѣ уже гремѣла музыка и раздавалось оглушительное «ура!» Не помню улицъ, по которымъ мы шли, не помню, былъ ли народъ на этихъ улицахъ, смотрѣлъ-ли на насъ; помню только волненіе, охватившее душу, вмѣстѣ съ сознаниемъ страшнѣйшей силы массы, къ которой принадлежалъ, и которая увлекала тебя. Чувствовалось, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился и котораго часть я составлялъ, не можетъ знать препятствій... «Ты ведешь насъ,—думалъ каждый: тебѣ мы отдаемъ свою жизнь; смотри на насъ и будь покоенъ: мы готовы умереть».

И онъ зналъ, что мы готовы умереть. Онъ видѣлъ страшные, твердые въ своемъ стремленіи ряды людей, почти бѣгомъ проходившихъ передъ нимъ, людей своей бѣдной страны, бѣдно одѣтыхъ, грубыхъ солдатъ. Онъ чуждался, что все они шли на смерть... Онъ сидѣлъ на сѣромъ конѣ, недвижно стоявшемъ и насторожившемъ уши на музыку и бѣшеные крики восторга. Вокругъ была пышная свита; но я не помню никого изъ этого блистательнаго отряда всадниковъ, кромѣ одного человѣка на сѣромъ конѣ, въ простомъ мундирѣ и бѣлой фуражкѣ. Я помню блѣдное, истомленное лицо... Я помню, какъ по его лицу градомъ катились слезы, нападшія на темное сукно мундира свѣтлыми, блестящими каплями; помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что-то, — должно быть, привѣтствіе тысячамъ молодыхъ погибающихъ жизней, о которыхъ онъ плакалъ.

Все это явилось и исчезло, какъ освѣщенное на мгновеніе молніей, когда я, задыхаясь не отъ бѣга, а отъ нечеловѣческаго, яростнаго восторга, пробѣжалъ мимо него, поднимая высоко винтовку одной рукой, а другой—махая надъ головой шапкой и крича оглушительное, но отъ общаго вопля неслышное самому мнѣ «ура!»

— Плоэшти — городъ въ Румыніи, черезъ которую проходили наши войска для переправы черезъ рѣку Дунай, въ Турецкія владѣнія. — Шеренга — рядъ солдатъ. — Свита — лица, сопровождающія Государя. — Этотъ Государь — Императоръ Александръ Николаевичъ.

— Какія чувства испытывало русское войско, видя Царя? — Какія воспоминанія о личности Государя сохранились въ душѣ очевидца?

38. Бой съ турками въ 1877 г.

Вс. Мих. Гаршина.

Насъ перевезли черезъ Дунай; нѣсколько дней мы стояли около С и с т о в а, ожидая турокъ; потомъ войска потянулись вглубь страны. Пошли и мы. Насъ долго посылали то туда, то сюда: были мы и около Т ы р н о в а и не-

далеко отъ Плевны; но прошло три недѣли, а намъ все еще не довелось драться.

Наконецъ мы попали въ особый отрядъ, обязанность котораго была—сдерживать наступленіе большой турецкой арміи. Сорокъ тысячъ русскихъ было растянута на семьдесятъ верстъ; около ста тысячъ турокъ стояло противъ нихъ, и только осторожныя дѣйствія нашего начальника, не рискуя в а в ш а г о людьми, а довольствовавшагося отпоромъ наступающаго непріятели, да вялость турецкаго пашы, позволили намъ исполнить нашу задачу: не дать туркамъ прорваться и отрѣзать нашу главную армію отъ Дуная.

Всѣ были мрачны, и всѣмъ хотѣлось итти въ дѣло... Командовавшій тогда нами генералъ, незадолго до того прѣбывавшій изъ Петербурга, чувствовалъ то же, что и всѣ люди отряда. А людямъ было нестерпимо сидѣть сложа руки или стоять по цѣлымъ суткамъ на часахъ противъ невидимаго и, какъ всѣ были убѣждены, несуществовавшаго непріятели, питаться скверною пищею и ждать своей очереди заболѣть. Всѣмъ хотѣлось итти драться. И генералъ приказалъ наступать...

Мы вышли изъ деревни и начали подниматься изъ долины въ гору. За возвышенностью, которую намъ нужно было перейти, были турки. Мы вышли на гору; передъ нами открылось широкое холмистое, постепенно понижавшееся пространство, покрытое то нивами пшеницы, то кукурузными полями, то огромными зарослями карагача и кизила. Въ двухъ верстахъ бѣлѣли минареты деревень, скрытыхъ между зелеными холмами. Мы должны были взять правую изъ нихъ...

Я плохо помню начало боя. Когда мы вышли на открытое мѣсто на вершину холма, откуда турки могли ясно видѣть, какъ наши роты, выходя изъ кустовъ, строились и расходились въ цѣпь, одиноко загремѣлъ пушечный выстрѣлъ. Это они пустили гранату. Люди дрогнули; глаза всѣхъ устремились на уже расплывавшееся, тихо скатившееся съ холма бѣлое облачко дыма. И въ тотъ же мигъ приближающійся звонкій, скрежещущій звукъ снаряда, летѣвшаго, какъ казалось, надъ самыми нашими головами, заставилъ всѣхъ пригнуться. Граната, пролетѣвъ черезъ насъ, ударилась въ землю около шедшей позади роты; помню глухой ударъ ея разрыва и вслѣдъ за тѣмъ чей-то жалобный крикъ. Осколокъ оторвалъ ногу фельдфебелю. Я узналъ это послѣ; тогда я не могъ понять этого крика; ухо слышало его—и только. Тогда всё слилось въ томъ смутномъ и невыразимомъ словами чувствѣ, какое овладѣваетъ вступающимъ въ первый разъ въ огонь...

Пока мы переходили черезъ поляну, турки успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Насъ отдѣляла отъ нихъ только послѣдняя большая заросль, медленно поднимавшаяся къ деревнѣ. Мы вошли въ кусты. Все смолкло. Итти было трудно; высокіе, часто колючіе кусты разрослись густо, и нужно было обходить ихъ или пробираться черезъ нихъ. Шедшіе впереди стрѣлки уже разсыпались цѣпью и изрѣдка перекликались между собою, чтобы не разойтись. Мы пока держались всей ротой вмѣстѣ. Глубокое молчаніе царило въ лѣсу.

И вотъ раздался первый, не громкій, похожій на ударъ топора дровосѣка ружейный выстрѣлъ. Турки наугадъ начали пускать въ насъ пули. Онѣ свистѣли высоко въ воздухѣ разными тонами, съ шумомъ пролетали сквозь кусты, отрывали вѣтви, но не попадали въ людей. Звукъ рубки лѣса становился все

чаще и наконецъ слился въ однообразную трескотню. Отдѣльныхъ взвизговъ и свиста не стало слышно; свистѣлъ и вылъ весь воздухъ. Мы торопливо шли впередъ; всѣ около меня были цѣлы, и я самъ былъ цѣлъ.

Вдругъ мы вышли изъ кустовъ. Дорогу пересѣкала глубокой оврагъ съ ручейкомъ. Люди отдохнули минуту и напились воды.

Отсюда роты повели въ разныя стороны, чтобы охватить турокъ съ фланговъ; нашу роту оставили въ резервъ, въ оврагъ. Стрѣлки должны были идти прямо, и пройдя черезъ кусты, ворваться въ деревню. Турецкіе выстрѣлы трещали по-прежнему часто, безъ умолку, но гораздо громче.

Выбравшись на другой берегъ оврага, Венцель (начальникъ роты стрѣлковъ) выстроилъ свою роту. Онъ сказалъ людямъ что-то, чего я не слышалъ.

— Постараемся, постараемся!—раздались голоса стрѣлковъ...

Когда мы подоспѣли, Венцель въ пятый разъ велъ остатокъ своей роты на турокъ, засыпавшихъ его свинцомъ. На этотъ разъ стрѣлки ворвались въ деревню. Немногіе изъ защищавшихъ ее на этомъ мѣстѣ турокъ успѣли убѣжать. Стрѣлковая рота потеряла въ два часа боя пятьдесятъ два человѣка изъ ста съ небольшимъ, наша рота, мало принимавшая участія въ дѣлѣ,—нѣсколько человѣкъ.

Мы не остались на отбитой позиціи, хотя турки были сбиты повсюду.

Когда нашъ генералъ увидѣлъ, что изъ деревни выходитъ на шоссе баталіонъ за баталіономъ, двигаются массы кавалеріи и тянутся длинныя вереницы пушекъ, онъ ужаснулся. Очевидно, турки не знали нашихъ силъ, скрытыхъ кустами: если бы имъ было извѣстно, что всего только четырнадцать ротъ выбили ихъ изъ глубокихъ дорогъ, рывинъ и плетней, окружавшихъ деревню, они вернулись бы и раздавили бы насъ. Ихъ было втрое больше.

— Сисово, Тырново, Плевна—селенія въ Болгаріи.—Рисковать—итти на удачу, безъ увѣренности, необдуманно.—Паша—турецкій генералъ.—Кукуруза—южное хлѣбное растеніе, съ крупными зѣрнами; иваче зовется *маисъ*; у насъ въ Малороссіи ее называютъ «*початками*».—Карагачъ и кизиль—кустарники; на послѣднемъ бываютъ вкусныя ягоды, изъ которыхъ варятъ варенье, а изъ прутьевъ его дѣлаютъ хоронія трости, на которыя опираются при ходьбѣ.—Фельдфебель—заслуженный старшій солдатъ.—Охватить съ фланговъ—обойти со всѣхъ сторонъ; *флангъ*—сторона.—Резервъ—запасъ.—Позиція—мѣсто остановки войскъ.—Шоссе—дорога, которая гладко вымощена мелкимъ камнемъ.—Баталіонъ—часть полка, состоящая изъ нѣсколькихъ ротъ.

39. Раненый.

В. М. Гаршина.

Я помню, какъ мы бѣжали по лѣсу, какъ жужжали пули, какъ падали отрываемыя ими вѣтки, какъ мы пробирались сквозь кусты боярышника. Выстрѣлы стали чаще. Сквозь опушку показалось что-то красное, мелькавшее тамъ и сямъ. Сидоровъ, молоденькій солдатикъ первой роты, вдругъ присѣлъ къ землѣ и молча оглянулся на меня большими испуганными глазами. Изъ рта у него текла струя крови. Да, я это хорошо помню. Я помню также, какъ уже почти на опушкѣ, въ густыхъ кустахъ я увидѣлъ турка. Онъ былъ огромный, толстый, а я слабый и худой. Но я бѣжалъ прямо на него. Что-

то хлопнуло, что-то, какъ мнѣ показалось, огромное пролетѣло мимо; въ ушахъ зазвенѣло. «Это онъ въ меня выстрѣлилъ», подумалъ я. А онъ съ воплемъ ужаса прижался спиною къ густому кусту боярышника. Можно было обойти кустъ, но отъ страха онъ не помнилъ ничего и лѣзъ на колючія вѣтви. Однимъ ударомъ я вышибъ у него ружье, другимъ воткнулъ куда-то свой штыкъ. Что-то не то зарычало, не то застонало. Потомъ я побѣжалъ дальше. Наши кричали «ура», падали, стрѣляли. Помню, и я сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, уже выйдя изъ лѣсу, на полянѣ. Вдругъ «ура» раздалось громче, и мы все сразу двинулись впередъ. То есть не мы, а наши, потому что я остался. Мнѣ это показалось страннымъ. Еще страннѣе было то, что вдругъ все исчезло, все крики и выстрѣлы смолкли. Я не слышалъ ничего, а видѣлъ только что-то синее, должно быть, это было небо. Потомъ и оно исчезло.

Я никогда не находился въ такомъ странномъ положеніи. Я лежу, кажется, на животѣ и вижу передъ собой только маленькій кусочекъ земли. Нѣсколько травинокъ, муравей, ползущій съ одной изъ нихъ внизъ головою, какіе-то кусочки сѣна отъ прошлогодней травы—вотъ весь мой міръ. И вижу я его только однимъ глазомъ, потому что другой зажать чѣмъ-то твердымъ, должно быть вѣткою, на которую опирается моя голова. Мнѣ ужасно неловко, и я хочу, но рѣшительно не понимаю, почему не могу шевельнуться. Такъ проходитъ время. Я слышу трескъ кузнечиковъ, жужжанье пчелы. Больше нѣтъ ничего. Наконецъ, я дѣлаю усиліе, освобождаю правую руку изъ-подъ себя и, упираясь обѣими руками о землю, хочу встать на колѣни. Что-то острое и быстрое, какъ молнія, пронизываетъ все мое тѣло отъ колѣнъ къ груди и головѣ, и я снова падаю. Опять мракъ, опять ничего нѣтъ.

Я проснулся. Почему я вижу звѣзды, которыя такъ ярко свѣтятся на темно-синемъ болгарскомъ небѣ? Развѣ я не въ палаткѣ? Зачѣмъ я вылѣзъ изъ ней? Я дѣлаю движеніе и ощущаю мучительную боль въ ногахъ.—Да, я раненъ въ бою. Опасно или нѣтъ? Я хватаюсь за ноги тамъ, гдѣ болитъ. И правая, и лѣвая нога покрылись заскорузлой кровью. Когда я трогаю ихъ руками, боль еще сильнѣе. Боль какъ зубная: постоянная, тянущая за душу. Въ ушахъ звонъ, голова отяжелѣла. Смутно понимаю я, что раненъ въ обѣ ноги. Что-же это такое? Отчего меня не подняли? Неужели турки разбили насъ? Я начинаю припоминать бывшее со мной, сначала смутно, потомъ яснѣе, и вспоминаю, что мы вовсе не разбиты, потому что я упалъ на полянкѣ на верху холма. На эту полянку намъ показывалъ нашъ маленький командиръ. «Ребята, мы будемъ тамъ!» закричалъ онъ намъ своимъ звонкимъ голосомъ. И мы были тамъ.

40. Подвигъ рядового Сахарова.

В. И. Немпровича-Данченко.

Бой только что окончился. Войска отступили. И солдаты, и офицеры были мрачны. Въ рядахъ то и дѣло встрѣчались раненые... Не слышалось ни пѣнія, обычнаго при возвращеніи полка назадъ, ни говора въ рядахъ, значительно порѣдѣвшихъ. Только однообразный топотъ тысячи ногъ смѣшивался въ какой-то гулъ, да штыки звякали одинъ о другой...

Когда подходили къ боевымъ позиціямъ, я увидѣлъ въ сторонкѣ у дороги денщика Сахарова. Это былъ совершенно своеобразный солдатъ. Онъ отличался страшною силою и въ то же время кротостью. Теперь онъ пристально всматривался въ ряды нашего полка, пропуская одного офицера за другимъ и, очевидно, отыскивалъ кого-то глазами. «Ваше благородіе! обратился онъ къ офицеру, только что пріѣхавшему изъ Петербурга; а гдѣ же мой-то?» Но офицеръ не отвѣтилъ ему ни слова, отвернулся даже. Сахаровъ всполошился и присталъ къ слѣдующему офицеру, но и тотъ тоже ни слова. Тогда онъ чуть не взялъ меня за руку. «Ради Креста!... Гдѣ мой-то баринъ? Что же его не видно?» Я молчалъ, какъ и всѣ. Мы знали преданность Сахарова къ его барину, молоденькому офицеру.

«Ужли? Господи! Ужли ранень?»

Тоже молчаніе. Никто не хотѣлъ первый сообщить ему печальную вѣсть. Тогда Сахаровъ вмѣшался въ ряды солдатъ, и тѣ ужъ рассказали ему, что они помнятъ, какъ выбѣжавшій впередъ Оленинъ (фамилія офицера) упалъ пораженный пулей, и затѣмъ его никто ужъ не видалъ. Сахаровъ, шатаясь, вышелъ изъ рядовъ, сѣлъ прямо въ грязь и замеръ...

Ночь была сырая, холодная, неприятная. Гнилой туманъ заполнялъ окрестности. Мы лежали на походныхъ койкахъ и какъ бы нехотя перебрасывались словами... Такъ прошло около часа, когда полотнище палатки приподнялось и показалась огромная фигура денщика.

— Чего тебѣ, Сахаровъ?

«По всѣмъ перевязочнымъ пунѣтамъ искалъ, ваше благородіе, нигдѣ нѣтъ!»...

— Что же тебѣ надо теперь?

— Пожалуйте револьверъ, ваше благородіе!

— Зачѣмъ тебѣ?

— Я пойду!

— Куда? Говори толкомъ.

— Барина, своего прапорщика искать.

— Глупый человѣкъ! Пойми, что если онъ остался тамъ, такъ турки давно ужъ заняли ту гору...

— Точно такъ...

— Туда нельзя тебѣ...

— Это точно. А только пожалуйста револьверъ — ...

Въ эту ночь произошло совершенно необыкновенное дѣло. Сахаровъ выбрался за наши позиціи... Затѣмъ Сахарова показалась очень рискованною даже и простымъ солдатамъ. Солдаты рассказали ему, гдѣ былъ бой, гдѣ пуля настигла Оленина, гдѣ онъ упалъ и гдѣ, вѣроятно, онъ лежитъ до сихъ поръ, если только турки его не покончили. И онъ пошелъ впередъ.

Утромъ наша цѣпь замѣтила впереди въ туманѣ что-то двигавшееся къ ней. Только что аванпостный хотѣлъ дать выстрѣлъ, какъ оттуда послышалось черезъ силу хриплое, усталое: «Не стрѣляй!.. Слышь, свой... Прапорщика Оленина несущи»...

Оказалось, что черезъ все пространство, занятое турками, Сахаровъ протаскилъ своего офицера лежа на животѣ и медленно ползя впередъ: онъ нашелъ его среди труповъ живого, но съ перебитою ногой и пулей въ плечѣ.

Чтобы офицеръ не упалъ со спины, онъ привязалъ его къ себѣ ремнемъ и полотенцемъ, которые захватилъ съ собою. Попавъ въ лощину, онъ проползъ мимо непріятельскихъ часовыхъ и поднялся на ноги только тогда, когда былъ внѣ ихъ выстрѣловъ.

Нечего и говорить, что подвигъ Сахарова вызвалъ общее удивленіе.

Онъ не отходилъ въ лазаретъ отъ койки больного Оленина и ухаживалъ за нимъ, какъ нянька.

Въ первый же свободный день въ нашихъ позиціяхъ былъ собранъ весь отрядъ, къ которому принадлежалъ нашъ полкъ. Когда солдаты выстроились, старшій генераль приказалъ вызвать впередъ Сахарова.

— Спасибо тебѣ, герой!— сказалъ ему генераль: ты доказалъ, что въ каждомъ изъ насъ подь сѣрою шинелью бьется вѣрное и преданное сердце. Твой подвигъ великъ и предъ родиной, и предъ Богомъ!

Потомъ онъ повѣсилъ Сахарову «Георгія», поцѣловалъ и крикнулъ:

— Рядовому Сахарову— ура!—

«Ура»—подхватили солдаты. И съ новенькимъ крестомъ на груди, глотая слезы, Сахаровъ шелъ къ себѣ.

«Ура!» гремѣло ему навстрѣчу и слѣдовало за нимъ.—«Ура!» слышалось и тогда, когда онъ ушелъ, взволнованный, въ свой уголокъ.

Денщикъ—солдатъ, состоящій въ услуженіи при офицерѣ.—Револьверъ—пистолеть съ нѣсколькими выстрѣлами.—Прапорщикъ—первый офицерскій чинъ.—Рискованная затѣя—опасная.—Цѣпь—охранительные ряды войскъ.—Аванпостный—передовой.—Лазаретъ—больница.—Повѣсилъ Георгія, т. е. крестъ Георгія Побѣдоносца, который дается въ награду за храбрость и воинскіе подвиги.

41. Родная.

Гр. А. А. Голенищева-Кутузова.

Покинувъ родину и домъ, она пошла
Туда, куда текли всѣ русскія дружины.
Подъ ветхимъ рубищемъ въ душѣ она несла
Безцѣнный кладъ любви, участя и кручины.
Тяжелъ былъ дальній путь, и зной ее палилъ,
И оттеръ дулъ въ лицо, и въ полѣ дождь мочилъ;
Она жъ все шла да шла, съ мольбой усердной къ Богу,
И къ подвигамъ нашла желанную дорогу.
Ужъ скрылся позади рубежъ земли родной.
Чу! слышенъ битвы громъ, холмовъ дымятся склоны:
Восторгъ отчаянной и дикой обороны
Съ редутовъ Гривацы и Плевны роковой
На русскіе полки огнемъ и смертью дышетъ;
Но чуткая любовь не грѣхотъ битвы слышитъ,
Не ей твердыни брать, не ей смирать враговъ.
Мужичкѣ-странницѣ иные вятны звуки,
Иной съ побоищъ къ ней несется громкій зовъ—
Томящей жажды кликъ и вопли смертной муки.

И вотъ она въ *огнь*: визжитъ надъ ней *картечь*,
 Рои летаютъ *пуль*, гранаты съ *трескомъ* рвутся,
Утѣхы, раны, смерть! Но ей ли жизнь беречь?
 Кругомъ *мольбы* и *стонъ*—и рѣки *крови* льются!
 Страдалицевъ изъ огня, изъ схватки боевой,
 Она уноситъ *прочь*, полна *чудесной* силы,
 И жаждущихъ *поить* студеною водою,
 И *роетъ* мертвецамъ съ молитвою могилы.
 Какъ *звать* ее? Богъ вѣсть, да и не все ль равно?
 Лучъ *славы* надъ ея *не блещетъ* головою,
 Одно ей прозвище *не громкое* дано:
 Герои русскіе зовутъ ее: «*родною*».

42. Сестры милосердія.

В. П. Немировича-Данченко

Сестра Раевская проснулась подъ мокрымъ, заплатаннымъ шатромъ...
 Еще недавно это была русоволосая дѣвушка съ чистымъ, свѣжимъ, яркимъ
 личикомъ. Куда дѣлись ея волосы? Отчего поблекло ея личико, все въ синихъ
 пятнахъ какихъ-то, осунувшееся? Ей страшно теперь и взглянуть въ зеркало:
 это не она, совѣмъ не она. Еще надняхъ ея знакомый шелъ мимо; она
 часто видалась съ нимъ въ Петербургѣ.

— Здравствуйте! улыбнулась она ему.

Онъ съ недоумѣніемъ приподнял фуражку...

— Неужели вы не узнаете меня? Раевская!.. Что, я очень перемѣ-
 нилась?

— Да... Что съ вами было?

— Два тифа выдержала... Да и работа у насъ, сами знаете, какая...

— Ольга Петровна, уѣзжайте скорѣе... Вы сдѣлали уже слишкомъ много,
 будетъ съ васъ... Спасайтесь сами теперь... Ради Бога!

— Меня и то посылаютъ въ Россію... Говорятъ, еще два мѣсяца—и я
 умру здѣсь.

— Какъ легко вы говорите это!..

— Притерпѣлась...

Да, и она, и всѣ эти ея подруги... Подвигъ ихъ незамѣтенъ; только
 солдатъ унесетъ воспоминаніе о немъ въ свою глухую, далекую деревушку,—
 солдатъ, котораго выходили онѣ, отвоевали у смерти... Онѣ стали дѣйстви-
 тельными сестрами народу,—онѣ отовсюду собравшіяся на поле сраженія съ
 грязныхъ улицъ большихъ городовъ и изъ золоченыхъ гостинныхъ, съ оди-
 наковой цѣлью возлюбить своего ближняго больше себя, послужить ему и умер-
 еть за него, если понадобится. Сколько могилъ выросло посреди болгарскихъ
 пустырей надъ замучившимися на работѣ сестрами! Сколько сотенъ ихъ ра-
 ботають теперь, истомленные, блѣдныя, чахлая, но не опускающія своихъ
 рукъ, не теряющія бодрости и вѣры...

День зарождался въ туманѣ—холодный, тусклый, промозглый. Вдали раз-
 горалась перестрѣлка.

— Сестра Раевская! Вы назначены въ Россію, назадъ, говорить ей докторъ... Потрудились, будетъ! Собирайтесь... Я буду говорить серьёзно: вамъ надо долго поправляться... Уѣзжайте куда-нибудь на югъ. Вы женщина богатая, вамъ ничего не значить дорога...

Раевская стала укладываться...

— Сестра! Степановъ умираетъ! Бѣдный, у него уже бредъ начался...

— Какъ умираетъ? Да вѣдь онъ оправлялся.

— Развѣ можно оправиться въ этой гнили? Не увезли его во-время,— ну, теперь простая, легкая рана и обратилась въ гангрену. Докторъ приказалъ вынести его къ тѣмъ, что въ антоновомъ огнѣ.

— Надо пойти къ нему...

— Ты ѣдешь въ Россію... Пожалуйста, оставайся...

Тамъ вѣдь зараза... Еще сама заболѣешь...

Но Раевская уже не слышала...

Въ сторонѣ шалашъ изъ хвороста... Сюда сносили всѣхъ, кого отмѣчала гангрена своею страшною печатью. Отсюда былъ одинъ только выходъ — въ могилу...

— Ну что, Степановъ? спросила Раевская, входя въ этотъ шалашъ.

Метавшійся на соломѣ раненый дико взглянулъ на нее... Она внимательно взглянула на него и положила ему на голову свою худую и блѣдную руку... Скоро въ лицѣ его мелькнулъ лучъ сознанія.

— Сестра... голубушка... родимая!— послышалось ей. Всѣ бросили... всѣ ушли... ты одна со мною... Спаси тебя Богъ! Дай Онъ тебѣ...

— Ну, полно, полно... Кто-же тебя броситъ? видятъ, что тебѣ лучше, пошли къ другимъ, кому потяжелѣе... А я сюда зашла отдохнуть и поболтать съ тобой...

— Вотъ, вотъ спасибо!— повеселѣлъ солдатъ. Вотъ спасибо, мать ты наша родненькая... Измаялась съ нами и ты, голубушка—...

— Теперь не долго, вмѣстѣ въ Россію поѣдемъ... Дома выздоровѣешь... Она не переставала улыбаться умирающему и долго-долго говорила ему о родимой сторонѣ, о далѣкой семьѣ, которая ждѣтъ—не дождется своего дорогого сына. Слушая ее, отходилъ Степановъ, счастливый и улыбающійся...

«Всѣ бросили, всѣ ушли,—ты одна со мною!» припоминались ей слова Степанова, которыя ей такъ часто случалось слышать отъ раненыхъ и больныхъ. Неужели-же она теперь броситъ ихъ и уйдѣтъ?.. Нѣтъ, здѣсь ея мѣсто, здѣсь, пока еще сердце бьется въ груди, пока глаза видятъ и уши слышатъ... «Нѣтъ, я не брошу васъ, не уйду, я останусь съ вами!» вся въ слезахъ, умиленная, повторяла она.

И она не ушла, отказавшись отъ всего... Но не ушла она и отъ смерти также, уже сторожившей мученицу.

— Посреди болгарскихъ пустырей: это было въ Болгаріи во время русско-турецкой войны 1877—1878 годъ въ, которая окончилась освобожденіемъ Болгаріи отъ турецкаго ига.—Серьёзно говорить—говорить не шутя, какъ о важномъ дѣлѣ.—Гангрена или антоновъ огонь—неизлѣчимое зараженіе крови.

43. Молитва.

Стихотвореніе Н. А. Некрасова.

Господь! твори *добро* народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый судъ!
 Чтобы *благія* начинанья
 Могли *свободно* возрасти,
Разлей въ народъ жажду *знанья*
 И къ *знанью* *укажи* пути!

Повторительныя умственно-словесныя упражненія.

1. Что узнали мы о Крымской войнѣ и ея послѣдствіяхъ? 2. Какими преобразованіями ознаменовалось царствованіе Императора Александра Николаевича?
3. Какъ совершилось освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига?

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Первая группа.

О жизни животныхъ. Сравненіе и сужденіе. О душевномъ мірѣ человѣка. Древняя Русь и крещеніе Русскаго народа.

	СТР.		СТР.
1. Три друга. Изъ разсказа Д. Н. Мамина-Сибиряка	3	23. Судь Божій на горѣ Судомѣ. Народное преданіе	29
2. Ликія и дворовыя утки. С. Т. Аксакова («Записки»)	6	24. Начало Русскаго государства. С. М. Соловьева («Русская лѣтопись»).	—
3. Медвѣди. Изъ разсказа В. М. Гаршина	7	25. Древній варяжскій воинъ. Стихотвореніе К. Н. Батюшкова	30
4. Орель въ острогѣ. Ѳ. М. Достоевскаго («Записки»)	9	26. Вѣщій Олегъ. К. Н. Бестужева-Рюмина («Крещеніе Руси»... чтеніе для народа. С.П.Б. 1865 г.)	31
5. Старый волкъ учитъ молодого. Гр. Л. Толстого («Какъ волки учатъ своихъ дѣтей»).	10	27. Олеговъ шить. Стихотвореніе А. С. Пушкина	32
6. Какъ животныя учатъ своихъ дѣтей. В. В. Лункевича («Семейная жизнь животныхъ»)	11	28. Вольга и Микулушка. Народная былина (Рыбниковъ)	—
7. О пѣвѣхъ животныхъ. С. А. Порѣцкаго	12	29. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. Стихотвореніе А. С. Пушкина	35
8. О трудахъ и заботахъ животныхъ. Н. А. Рубакина («Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ»)	13	30. Святославъ, сынъ Игоря и Ольги. С. М. Соловьева («Русская лѣтопись» и пр.)	38
9. Ласточки. Стихотвореніе А. Н. Майкова	15	31. Святославъ. Стихотвореніе Н. М. Языкова («Усладь», пѣснь Баяна)	39
10. Міръ внѣшній и міръ внутренній. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	16	32. Христіанскіе мученики въ Кіевѣ. С. М. Соловьева («Русская лѣтопись» и пр.)	40
11. «Влаговѣсть». К. Р.	—	33. Князь Владиміръ задумалъ перемѣнить вѣру. К. Н. Бестужева-Рюмина («Крещеніе Руси»)	41
12. Какое впечатлѣніе производитъ рубка дерева? С. Т. Аксакова («Записки»)	17	34. Крещеніе Князя Владиміра и Русскаго народа. С. М. Соловьева («Русская лѣтопись» и пр.)	42
13. Слѣзы матери. Стихотвореніе Н. А. Некрасова	—	35. Возвращеніе Князя Владиміра въ Кіевъ. Стихотвореніе гр. А. К. Толстого	43
14. Рисунокъ. К. М. Фофанова	—	36. Князь Владиміръ-христіанинъ. К. Н. Бестужева-Рюмина («Крещеніе Руси» и пр.)	44
15. Приемышь. Изъ разсказа В. Г. Короленко	18	37. Единоборство богатырей, русскаго и печенѣжскаго К. Н. Бестужева-Рюмина («Крещеніе Руси» и пр.)	45
16. Утро на берегу озера. Стихотвореніе И. С. Никитина	21	38. Богатырь Никита-Кожемяка. Народное преданіе	—
17. Душевные способности. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	22	39. Какъ Илья Муромецъ сталъ богатыремъ. Народная былина	46
18. Русь. Стихотвореніе И. С. Никитина	24	40. Илья Муромецъ поѣхалъ въ Кіевъ. Народная былина	48
19. Семья, общество, государство. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	25	41. Илья Муромецъ побѣдилъ Соловья-разбойника. Народная былина	49
20. Крестьянская пирушка. Стихотвореніе А. В. Кольцова	26	42. Илья Муромецъ прѣхалъ въ Кіевъ. Народная былина	51
21. Откуда мы знаемъ о родной старинѣ? Изъ книги «Въ школѣ и дома»	27		
22. Древніе славяне, наши предки. С. М. Соловьева («Русская лѣтопись (Нестора) для первоначальнаго чтенія»).	28		

43. Илья Муромецъ оберегаетъ Русскую землю. Народная былина	53
44. Пирь Князя Владимира. Стихотвореніе Гр. А. К. Толстого	56
45. Св. Ѳеодосій, игумень и устроитель Кіево-Печерской обители. С. П. Ше-	

стр.

вырева («Исторія русской словесности»)	57
46. Древне-русскій летописецъ. Сцена въ стихахъ. А. С. Пушкина («Борись Годуновъ»)	58

стр.

Вторая группа.

О жизни растений. Видъ и родъ, видовые и родовые признаки. Красота въ природѣ, въ душѣ и въ жизни. Борьба Руси съ Азіей и Москва. Сибирь.

1. На просёлкѣ въ степи. Стихотвореніе И. А. Бунина	61	25. Святитель. Стихотвореніе С. Я. Надсона	83
2. Злаки. Изъ статьи А. Н. Бекетова	—	26. Царь Иванъ Даниловичъ Калита и Митрополитъ Петръ. А. Н. Майкова (Разсказы о русской исторіи)	85
3. О томъ, чѣмъ питаются растения. В. В. Лункевича («Зелёное царство»)	62	27. Въ Москвѣ зажигается свѣча. Стихотвореніе А. Н. Майкова («Кантата на коронацію»)	86
4. Листы и корни. Басня. И. А. Крылова	63	28. Куликовская битва. Н. М. Карамзина («Исторія государства Россійскаго»)	—
5. О томъ, какъ растения защищаются отъ враговъ. В. В. Лункевича («Зелёное царство»)	64	29. Конецъ татарской неволи. Стихотвореніе А. Н. Майкова («Кантата на коронацію»)	87
6. Лѣсъ. Стихотвореніе А. В. Кольцова	65	30. Константинополь, турки и Царь Иванъ Васильевичъ III. А. Н. Майкова («Разсказы о русской исторіи»)	88
7. О размноженіи растений. Гр. Л. Н. Толстого («Для чего дуетъ вѣтеръ»)	66	31. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. (Стихотвореніе М. Ю. Лермонтова («Пѣсня про Царя Ивана Вас.» и пр.))	89
8. Жизнь растений. В. В. Лункевича («Зелёное царство»)	—	32. Старая пѣсня. Стихотвореніе А. В. Кольцова («Изъ лѣсовъ дремучихъ»...)	90
9. Чудо изъ чудесъ. Стихотвореніе Д. С. Мережковскаго («Святель»)	67	33. Взятіе Казани. Н. М. Карамзина («Исторія государства Россійскаго»)	91
10. Какъ ходять деревья. Гр. Л. Н. Толстого	68	34. Покореніе Сибири. Гр. А. К. Толстого («Князь Серебряный»)	—
11. Какъ дѣдъ на Донцѣ лѣсъ развѣлъ. Г. П. Данилевскаго («Дѣдовъ лѣсъ»)	—	35. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ. Стихотвореніе А. С. Пушкина («Борись Годуновъ»)	92
12. Прекрасное въ природѣ. Стихотвореніе М. Ю. Лермонтова («Когда волнуется»...)	70	36. Разсказъ о смерти Царевича Дмитрія. Стихотвореніе А. С. Пушкина («Борись Годуновъ»)	93
13. Два пѣвца. И. С. Тургенева («Записки охотника». Пѣвцы)	—	37. Царь Борисъ Годуновъ. Сцена въ стихахъ. Гр. А. К. Толстого («Царь Борисъ»)	94
14. Больной. Стихотвореніе А. А. Фета (Шеншина: «Его томилъ недугъ»...)	72	38. Самозванецъ. Н. М. Карамзина (Исторія государства Россійскаго)	95
15. Какую судьбу Богъ далъ Черному. Н. С. Кохоновской (Соханской: «Послѣ обѣда въ гостяхъ»)	—	39. Кончина Царя Бориса. Сцена въ стихахъ. А. С. Пушкина («Борись Годуновъ»)	97
16. Отецъ Савелій. Д. Н. Мамина-Сибиряка	74	40. Азиатскія степи. К. Д. Ушинскаго («Наши степи»)	99
17. Дорогой гость. Н. С. Лѣскова («Христосъ въ гостяхъ у мужика»)	76	41. Сибирскій лѣсъ. Г. А. Мачтета	—
18. Исканіе Бога. Стихотвореніе К. М. Фофанова («Долго я Бога искалъ»...)	78	42. Тайга—книга для Сибирскаго инородца. Г. Г. Потанина	—
19. Раздробленіе русской земли. В. А. Павловича («Разсказы изъ русской исторіи»)	79	43. Сибирскія горы и воды. Д. Д. Семенова («Отечествендѣніе»)	100
20. Битва съ Половцами. Стихотвореніе Н. В. Гербеля (переложеніе «Слова о полку Игоревѣ»)	—	44. Красавица рѣка (Ангара). Н. М. Астырева	101
21. Нашествіе татаръ. Стихотвореніе А. Н. Майкова («Кантата на коронацію»)	81	45. Наступленіе зимы въ далекой Сибири. В. Г. Короленко («Сибирскіе разсказы»)	102
22. О татарской неволѣ. Стихотвореніе М. Ю. Лермонтова	82		
23. Народная пѣсня о татарской неволѣ. Колыбельная	—		
24. Татарская неволя и Москва. К. Н. Вестужева-Рюмина («О томъ, какъ росло Московское государство»)	83		

Третья группа.

Безжизненная природа. Предметы и понятія, опредѣленіе. Любовь къ ближнему и религиозное чувство. Смутное время на Руси, воцареніе дома Романовыхъ, Пётръ Великій.

	СТР.		СТР.
1. Желѣзо, мѣдъ и другіе металлы. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	104	24. Смутное время. Н. И. Костомарова («Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ въ 1612 году»)	127
2. Кирпичный заводъ. С. в. Н. Н. Блинова («Ученые—святѣ»)	106	25. Изъ жизни Діонисія, архимандрита Троице-Сергіевской лавры. С. М. Соловьева	128
3. Каменный уголь. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	107	26. Козьма Зах. Мининъ-Сухорукъ. Сцена въ стихахъ А. Н. Островскаго.	—
4. Каменно-угольная шахта въ степи. Изъ разсказа А. П. Крандіевской («Только часть»).	—	27. Воцареніе Михаила Феодоровича Романова. А. С. Пушкина (историческія замѣтки)	134
5. Въ каменно-угольныхъ шахтахъ. Изъ разсказа В. І. Дмитріевой («Бѣлые крылья»)	108	28. Царствованіе Михаила Феодоровича Романова. В. И. Водовозова («Разсказы изъ русской исторіи»)	—
6. Вода в воздухъ. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	109	29. Боярская жизнь въ древней Руси. Народное стихотвореніе	135
7. Прудъ и Рѣка. Басня Н. А. Крылова	110	30. Нѣвѣства при дворѣ Царя Алексѣя Михайловича. Г. П. Данилевскаго («День Царя Алек. Михайл.»)	136
8. О превращеніяхъ воды. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	111	31. Спаситель. Стихотвореніе Л. А. Мея	138
9. Вода работаетъ. С. В. Максимова («Куль хлѣба»)	112	32. Казачество и Малороссія. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	141
10. Постройка водяной мельницы. С. Т. Аксакова («Семейная хроника»).	113	33. Молодые казаки бѣгутъ въ Запорожье. Н. В. Гоголя («Тарась Бульба»)	—
11. Водяная мельница. Стихотвореніе И. С. Никитина	114	34. Геройская смерть казака. Н. В. Гоголя («Тарась Бульба»)	143
12. Откуда берется тепло? Изъ книги «Въ школѣ и дома»	—	35. Пётръ Великій. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	144
13. Дѣйствіе тепла на тѣла. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	115	36. Чудный Царь. Стихотвореніе Н. М. Языкова («Жарь-птица»)	146
14. Распространеніе тепла. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	116	37. Дѣдушка русскаго флота. В. И. Водовозова	147
15. Отчего бываетъ вѣтеръ? Гр. Л. Н. Толстого	117	38. Пётръ Великій на Бѣломъ морѣ. Н. А. Полевого	—
16. Вѣтеръ работаетъ. Гр. Л. Н. Толстого («Для чего дуетъ вѣтеръ»)	—	39. Царь-работникъ. Стихотвореніе А. С. Пушкина («Гляжу впередъ я»)	148
17. Милостыня. И. С. Тургеневъ («Стихотворенія въ прозѣ»)	118	40. Пётръ Великій и мужикъ. Народное преданіе	—
18. Отлетающая душа. Стихотвореніе Гр. А. К. Толстого («Горними тихо летѣла»)	119	41. Пётръ Великій на берегу Невы. Стихотвореніе А. С. Пушкина («Мѣдный всадникъ»)	149
19. Христовъ воскресъ. М. Е. Салтыкова (Щедрина: «Губернскіе очерки»).	120	42. Пётръ Великій и Неплюевъ. В. О. Ключевскаго («Пётръ Великій среди своихъ сотрудниковъ»)	—
20. Кто мнѣ родня? Стихотвореніе Ю. В. Жадовской	121	43. Пиръ Петра Великаго. Стихотвореніе А. С. Пушкина	150
21. Маланья—голова баранья. Н. С. Лѣскова	122	44. Любовь Петра Великаго къ отечеству. В. О. Ключевскаго («Пётръ Великій среди своихъ сотрудниковъ»)	151
22. Искра Воля. А. М. Пѣшкова («М. Горькаго: «Трое»).	—		
23. Князь Шуйскій. Сцена въ стихахъ А. Н. Островскаго («Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій»)	124		

Четвертая группа.

Силы природы и человѣка. Явленіе; причина и слѣдствіе; цѣль и назначеніе. Воля и воспитаніе. Ломоносовъ, Екатерина II, отечественная война. Пушкинъ и Кольцовъ.

1. На стеклянномъ заводѣ. Изъ разсказа В. І. Дмитріевой («Димка»)	154	3. Весенній дождь. Стихотвореніе А. А. Фета (Шеншина)	156
2. Самокрутка. Гр. Л. Н. Толстого	155	4. Водяные пары въ воздухъ. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	—

	СТР.		СТР.
5. Урожай. Стихотвореніе А. В. Кольцова	157	25. Рыбакъ. Стихотвореніе А. С. Пушкина	181
6. Какъ люди плаваютъ по воздуху. Гр. Л. Н. Толстого («Какъ дѣлаютъ воздушные шары»)	159	26. Хвала наукѣ. Стихотвореніе. М. В. Ломоносова («за день восш. на пр. Имп. Ел. Петр.»)	—
7. Отчего бываютъ звуки. В. В. Лункевича («Громъ и молнія»)	160	27. Ломоносовъ. Стихотвореніе А. Н. Майкова	18
8. Паръ работаетъ. Изъ книги «Въ школь и дома»	—	28. Императрица Екатерина II-ая. Гр. П. Данилевскаго (разсказъ Кутузова изъ романа «Сожженная Москва»)	183
9. По желѣзной дорогѣ. Стихотвореніе Я. П. Полонскаго	161	29. Фелица. Стихотвореніе Г. Р. Державина	184
10. Вредный воздухъ. Гр. Л. Н. Толстого	162	30. Суворовъ на Сень-Готарѣ. Стихотвореніе В. В. Юревича	185
11. Гроза въ Петербургѣ. В. А. Жуковскаго («Воспоминаніе о торжествѣ»)	164	31. Два великана. Стихотвореніе М. Ю. Лермонтова	—
12. Громъ и молнія. В. В. Лункевича	—	32. Переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ. Стихотвореніе Я. П. Полонскаго	186
13. Какъ грозой убило пастуха. Стихотвореніе Н. А. Некрасова («Деревенскія новости»)	166	33. Москва передъ отечественной войной. Г. П. Данилевскаго («Сожженная Москва»)	187
14. Безшумная гроза. В. В. Лункевича («Вичи земли и чудеса природы»)	167	34. Бородино. Стихотвореніе М. Ю. Лермонтова	188
15. О телеграфѣ. Гр. Л. Н. Толстого («Гальванизмъ»)	168	35. Сдача Москвы. Г. П. Данилевскаго («Сожженная Москва»)	189
16. О разныхъ цвѣтахъ предметовъ. С. А. Порѣцкаго («Почему у раст. листья зеленого цвѣта?»)	169	36. Москва горитъ! Гр. Л. Н. Толстого («Война и миръ»)	190
17. Вѣда мѣлнца. Стихотвореніе А. В. Кольцова	170	37. Кутузовъ получаетъ извѣстіе о выступленіи Наполеона изъ Москвы. Гр. Л. Н. Толстого («Война и Миръ»)	—
18. Самосохраненіе и чувство долга. Изъ разсказа Г. А. Мачтета	171	38. Кутузовъ и Крыловъ. Г. П. Данилевскаго («Сожженная Москва»)	191
19. По прочтеніи псалма. Стихотвореніе А. С. Хомякова	173	39. У гроба Кутузова. Стихотвореніе А. С. Пушкина	193
20. Человѣкъ сильной и доброй воли. Изъ статьи К. Д. Ушинскаго («Истиннохристіанская жизнь»)	174	40. Возобновленіе Москвы. Г. П. Данилевскаго («Сожженная Москва»)	194
21. Кулакъ Лукичъ и его воспитаніе. Стихотвореніе. И. С. Никитина («Кулакъ»)	175	41. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Изъ книги «Въ школь и дома»	195
22. Какъ воспитывался Чичиковъ. Н. В. Гоголя («Мѣртвыя души»)	177	42. Пророкъ. Стихотвореніе А. С. Пушкина	197
23. Орелъ и Пчела. Басня И. А. Крылова	179	43. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ. Изъ книги «Въ школь и дома»	—
24. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Изъ книги «Въ школь и дома»	180	44. Пѣсни Лихача-Кудрявича. Стихотворенія А. В. Кольцова	198

Пятая группа.

Земной шаръ. Великія и грозныя явленія природы. Вселенная. Законъ естественный и законъ нравственный. Совѣсть. Идеаль. Крымская война. Обновленіе русской жизни. Освобожденіе Болгаріи.

1. Земной шаръ. Изъ книги «Въ школь и дома»	200	7. Обвалъ. Стихотвореніе А. С. Пушкина	206
2. Движеніе земли. Стихотвореніе М. В. Ломоносова	201	8. Гибель города Вѣрнаго. С. П. Меча («Россія»)	207
3. Движеніе. Стихотвореніе А. С. Пушкина	—	9. Краткій обзоръ поверхности земного шара. Изъ книги «Въ школь и дома»	208
4. Глобусъ. Изъ книги «Въ школь и дома»	202	10. Затопленный фрегатъ. Стихотвореніе В. И. Немировича-Данченко	209
5. Наводненіе въ Петербургѣ въ 1824 г. Стихотвореніе А. С. Пушкина («Мѣдный всадникъ»)	203	11. Качка на океанѣ. И. А. Гончарова («Фрегатъ Паллада»)	—
6. Самое великое явленіе природы. Н. А. Рубакина («Разсказы о вел. и гр. явл. природы»)	205	12. Разнообразіе природы на земномъ шарѣ. Изъ книги «Въ школь и дома»	211
		13. Разнообразіе человѣческой жизни на	

	СТР.		СТР.
земномъ шарѣ. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	212	29. Сдача Севастополя. Гр. Л. Н. Толстого.	240
14. Затменіе солнца. И. С. Тургенева («Въ живъ лугъ»).	214	30. Послѣ Крымской войны. Стихотвореніе Н. А. Некрасова («Твшина»).	241
15. Вселенная. Изъ книги «Въ школѣ и дома»	215	31. Обновленіе русской жизни. С. Е. Рождественскаго («Исторія въ разсказахъ»).	242
16. Хвала Богу-Творцу. Стихотвореніе С. С. Анвкина («Подражаніе 8-му псалму Царя Давида»)	217	32. Объявленіе воли въ Петербургѣ. К. Д. Ушинскаго («5 марта 1861 г.»).	243
17. Братья-разбойники. Поэма въ стихахъ А. С. Пушкина	218	33. Манифестъ 19 февраля 1861 г. Стихотвореніе. А. Н. Майкова («Картинка»).	244
18. Не такъ живи, какъ хочется. Сцены. А. Н. Островскаго.	221	34. Сельская школа. Стихотвореніе А. Н. Яхонтова	245
19. Крестьянинъ въ бѣдѣ. Басня И. А. Крылова	224	35. Война за освобожденіе Болгаріи. В. И. Немировича-Данченка («За Дунаемъ»).	246
20. Помѣщикъ-скрага. Н. В. Гоголя («Мертвыя души»)	225	36. Переправа черезъ Дунай въ 1877 г. Вс. М. Гаршина	247
21. Судъ Божій. Стихотвореніе В. А. Жуковскаго	227	37. Царскій смотръ. В. М. Гаршина	248
22. Ревизоръ. Сцены Н. В. Гоголя	229	38. Вой съ турками. В. М. Гаршина	249
23. Дѣлѣжъ. Стихотвореніе И. С. Никитина	232	39. Раненый. В. М. Гаршина	251
24. Ангель. Стихотвореніе М. Ю. Лермонтова	234	40. Подвигъ рядового Сахарова. В. И. Немировича-Данченка.	253
25. Пѣсня о Севастополѣ. Стихотвореніе А. Н. Апухтина	235	41. Родная. Стихотвореніе Гр. А. А. Голенищева-Кутузова	254
26. Севастополь въ декабрѣ 1854 г. Гр. Л. Н. Толстого	236	42. Сестры милосердія. В. И. Немировича-Данченка	255
27. Севастополь въ маѣ 1855 г. Гр. Л. Н. Толстого	237	43. Молитва. Стихотвореніе Н. А. Некрасова («Гимнъ»)	257
28. Севастополь въ августѣ 1855 г. Гр. Л. Н. Толстого	238		

ОГЛАВЛЕНИЕ ПО АВТОРАМЪ.)

- 1) **Аксаковъ** Сергій Тимофеевичъ: 1791—1859 г., «Записки охотника», «Семейная хроника», «Дѣтскіе годы Вагрова-внука» и др.
1. Гнѣздо ласточки. I. 2. 20.
  2. Журавль. I. 2. 25.
  3. О значеніи лѣса въ природѣ. I. 2. 27.
  4. Краснодарсье и чернолѣсье. I. 2. 28.
  5. Лиственные деревья. I. 2. 30.
  6. Лѣсные жители. I. 2. 36.
  7. Кошчикъ. I. 2. 43.
  8. Воды. I. 2. 45.
  9. Гуси. I. 2. 46.
  10. Щука. I. 2. 48.
  11. Ершь. I. 2. 50.
  12. Прилѣтъ птицъ весною. I. 3. 4.
  13. Весеннія заботы и радости. I. 3. 6.
  14. Подъ снѣгомъ. I. 3. 38.
  15. Вскрытіе рѣки Бѣлой. I. 4. 38.
  16. Дикія и дворовыя утки. II. 1. 2.
  17. Какое впечатлѣніе производитъ рубка дерева. II. 1. 12.
  18. Постройка водяной мельницы. II. 3. 10.
- 2) **Аксаковъ** Иванъ Сергѣевичъ, сынъ С. Т., 1823—1886 г., статьи въ журналахъ и газетахъ, стихи, поэма «Бродяга».
1. Низовья Волги, ст. I. 4. 59.
- 3) **Аникитинъ** Сергій Семеновичъ, крестьянинъ, современный поэтъ, род. 1875 г., стихи.
1. Праздниковъ праздникъ. I. 3. 9.
  2. Хвала Богу-Творцу (подражаніе 8 псалму Царя Давида). II. 5. 16.
- 4) **Апуштинъ** Алексій Николаевичъ: 1840—1893 г., стихи и рассказы.
1. Пѣсня о Севастополѣ. II. 5. 27.
- 5) **Арсеньевъ** Флегонтъ Арсеньевичъ: 1832—1886 г., «Рассказы охотника», статьи о сѣверномъ краѣ Россіи въ журналахъ.
1. Зыряне. I. 4. 24.
- 6) **Астыревъ** Николай Михайловичъ: 1857—1894 г., «Въ волостныхъ писаряхъ», очерки русской природы и народной жизни въ журналахъ.
1. Красавица рѣка. II. 2. 45.
- 7) **Афанасьевъ-Чужбинскій** Александръ Степановичъ, 1817—1875 г., «Поѣздка въ Южную Россію», «Поѣздка на Днѣпровскіе пороги и на Запорожье», и др.
1. Днѣпровскіе плавни. I. 4. 74.
- 8) **Бабствъ** Иванъ Кондратьевичъ, учёный, профессоръ, 1824—1874 г.: «Рѣчная область Волги», «Поѣздка въ Илецкую Защиту» и др.
1. Соляное богатство. I. 4. 61.
- 9) **Баратынскій** Евгенийъ Абрамовичъ: 1800—1844 г., стихи, повѣсти въ стихахъ.
1. Финляндскія горы, ст. I. 4. 26.
- 10) **Батюшковъ** Константинъ Николаевичъ: 1887—1855 г., стихи, статьи разнаго содержанія.
1. Финляндія. I. 4. 25.
  2. Древній варяжскій воинъ, ст. II. 1. 25.
- 11) **Бекетовъ** Андрей Николаевичъ, учёный, профессоръ, 1825—1902 г., учёныя сочиненія и общедоступныя статьи о природѣ.
1. Злаки. II. 2. 2.
- 12) **Бестужевъ-Рюминъ** Константинъ Николаевичъ, учёный, профессоръ, 1829—1897 г., учёныя сочиненія и общедоступныя рассказы изъ русской исторіи.
1. Вѣщій Олегъ. II. 1. 26.
  2. Кн. Владимиръ задумалъ перемѣнить вѣру. II. 1. 33.
  3. Кн. Владимиръ-христианинъ. II. 1. 36.
  4. Единоборство богатырей. II. 1. 37.
  5. Татарская неволя и Москва. II. 2. 25.
- 13) **Блиновъ** Николай Николаевичъ, священникъ, род. 1839 г., современный писатель, «Ученые—свѣтъ» и др.
1. Рассказъ мальчика о семьѣ. I. 1. 1.
  2. Разговоръ мальчиковъ о силѣ человека. I. 1. 27.
  3. Покупка коровы. I. 2. 6.
  4. Христовская заутреня. I. 3. 8.
  5. Праздникъ Рождества Христова въ деревнѣ. I. 3. 42.
  6. Кирпичный заводъ. II. 3. 2.
- 14) **Боборыкинъ** Петръ Дмитриевичъ, современный писатель, род. въ 1836 г., романы, повѣсти, рассказы.
1. На ярмаркѣ. I. 4. 51.
- 15) **Бунинъ** Иванъ Алексѣевичъ, современный поэтъ, род. въ 1870 г., рассказы и стихи.
1. На прудѣ, ст. I. 2. 2.
  2. Въ Крыму, ст. I. 4. 78.
  3. На просялкѣ въ степи. II. 2. 1.

1) Римскія цифры означаютъ книгу, въ которой помѣщена статья, первыя арабскія цифры означаютъ отдѣлъ, а вторыя—№ статьи.

16) *Вайнеръ* Николай Петровичъ (Котъ Мурлыка), современный писатель, учёный, профессор; род. въ 1829 году; учёныя сочиненія, общедоступные рассказы о природѣ, романы и повѣсти.

1. Лось и косуля. I. 2. 37.

17) *Водовозовъ* Василій Ивановичъ: 1814—1889 г., азбука и др. учебныя книжки, рассказы изъ русской исторіи, народныя сказки въ стихахъ и др.

1. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича Романова. II. 3. 30.
2. Дѣдушка русскаго флота. II. 3. 39.

18) *Воскресенскій* Василій Александровичъ: «Новая книга для чтенія» и сочиненія о томъ, какъ лучше учить дѣтей въ школахъ.»

1. Чтеніе манифеста 19 февраля въ деревнѣ. II. 5. 35.

19) *Въ школахъ и дома*, книга для чтенія.

1. Части человѣческаго тѣла. I. 1. 26.
2. Питаніе человѣка. I. 2. 3.
3. Чѣмъ полезны растенія? I. 2. 35.
4. Окунь. I. 2. 47.
5. Чѣмъ полезны животныя? I. 2. 51.
6. Что такое картина, планъ, карта? I. 4. 12.
7. Міръ внѣшній и міръ внутренній. II. 1. 10.
8. Душевыя способности. II. 1. 17.
9. Семья, общество, государство. II. 1. 19.
10. Откуда мы знаемъ о родной старинѣ? II. 1. 21.
11. Желѣзо, мѣдь и др. металлы. II. 3. 1.
12. Каменный уголь. II. 3. 3.
13. Вода и воздухъ. II. 3. 6.
14. О превращеніяхъ воды. II. 3. 8.
15. Откуда берется тепло. II. 3. 12.
16. Дѣйствіе тепла на тѣла. II. 3. 13.
17. Распространеніе тепла. II. 3. 14.
18. Качество и Малороссія. II. 3. 34.
19. Петръ Великій. II. 3. 37.
20. Водяные пары въ воздухѣ. II. 4. 4.
21. Паръ работаетъ. II. 4. 8.
22. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. II. 4. 34.
23. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. II. 4. 43.
24. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ. II. 4. 45.
25. Земной шаръ. II. 5. 1.
26. Глобусъ. II. 5. 4.
27. Краткій обзоръ поверхности земного шара. II. 5. 9.
28. Разнообразіе природы на земномъ шарѣ. II. 5. 12.
29. Разнообразіе жизни на земномъ шарѣ. II. 5. 13.
30. Вселенная. II. 5. 15.

20) *Галла* Г. Г. современная писательница-поэтъ, стихи.

1. Елка, ст. I. 4. 7.

21) *Гаршинъ* Всеволодъ Михайловичъ: 1855—1888 г. повѣсти и рассказы.

1. Медвѣди. II. 1. 3.
2. Переправа черезъ Дунай въ 1877 г. II. 5. 39.
3. Бой съ турками. II. 5. 41.
4. Равеный. II. 5. 42.
5. Царскій смотръ. II. 5. 40.

22) *Гербель* Николай Васильевичъ: 1827—1883 г., стихи, «Слово о полку Игоревѣ», древне русское стихотвореніе въ переложеніи на современный языкъ, переводы иностранныхъ поэтовъ.

1. Битва съ половцами, ст. II. 2. 21.

23) *Гоголь* Николай Васильевичъ, одинъ изъ величайшихъ русскихъ писателей; онъ горькимъ смѣхомъ смѣется въ своихъ сочиненіяхъ надъ несовершенствами жизни и надъ паденіемъ человѣка, утратившаго образъ и подобіе Бога, но сквозь этотъ смѣхъ слышны слезы человѣка, крѣпко любящаго отечество и людей; 1809—1852 г.; «Вечера на хуторѣ», «Ревизоръ», «Тарасъ Бульба», «Мертвыя души» и др.

1. Ночь передъ Рождествомъ. I. 3. 40.
2. Лѣтняя ночь въ Малороссіи. I. 4. 72.
3. Молодые казаки ѣдутъ въ Запорожье. II. 3. 35.
4. Геройская смерть казака. II. 3. 36.
5. Какъ воспитывался Чичиковъ. II. 4. 22.
6. Помѣщикъ-скрага. II. 5. 20.
7. Ревизоръ. II. 5. 22.

24) *Голенищевъ-Кутузовъ*, графъ, Арсеній Аркадіевичъ, современный поэтъ, род. въ 1848 г., стихи.

1. Родная, ст. II. 5. 44.

25) *Гончаровъ* Иванъ Александровичъ, 1812—1891 г., «Обломовъ», «Обыкновенная исторія» и др. романы и повѣсти, «Фрегатъ Паллада», очерки кругосвѣтнаго плаванія.

1. «Ради Христа». I. 1. 29.
2. Христовъ день. I. 1. 38.
3. Лѣтній поддень. I. 3. 17.
4. Приближеніе грозы. I. 3. 20.
5. Наступленіе ночи лѣтомъ. I. 3. 24.
6. Качка на океанѣ. II. 5. 11.

26) *Григоревичъ* Дмитрій Васильевичъ, 1822—1899 г. «Рыбаки», «Переселенцы», «Антонъ-Горемыка» и другіе романы, повѣсти, рассказы, больше изъ народнаго быта.

1. Пахарь и его три сына. I. 1. 7.
2. Наступленіе осени. I. 3. 26.
3. Работа осенью въ лѣсу. I. 3. 30.
4. Наступленіе зимы. I. 3. 34.
5. Прохожіи. I. 3. 43.
6. Переселенцы. I. 4. 10.
7. Петербургскій шарманщикъ. I. 4. 31.

27) *Даль* Владиміръ Ивановичъ (Казакъ Луганскій), 1801—1872 г. «Толковый словарь живого русскаго языка», повѣсти и рассказы.

1. Знахарь. I. 1. 19.
2. Сельская церковь. I. 1. 24.
3. Что легко важивается, то еще легче проживается. I. 1. 32.

4. Медвѣдъ на дровняхъ. I. 2. 40.
5. Свѣтлая недѣля въ селѣ. I. 3. 10.

28) *Данилевскій* Григорій Петровичъ, 1829—1890 г.; «Вѣглые въ Новороссіи», «Черный годъ», «Сожженная Москва» и др. бытовые и историческіе романы, повѣсти, рассказы.

1. Устья Дона. I. 4. 64.
2. Какъ дѣдъ на Донцѣ лѣсъ развелъ. II. 2. 11.
3. Пѣшества при дворѣ Царя Алексѣя Михайловича. II. 3. 32.
4. Императрица Екатерина II-ая. II. 4. 28.
5. Москва передъ отечественной войной. II. 4. 33.
6. Слача Москвы. II. 4. 35.
7. Кутузовъ и Крыловъ. II. 4. 40.
8. Возобновленіе Москвы. II. 4. 42.

29) *Державинъ* Гаврилъ Романовичъ, 1743—1816 г., поэтъ Екатерининскаго вѣка, стихи.

1. Фелица, ст. II. 4. 29.

30) *Дмитріевъ* Иванъ Ивановичъ, 1760—1837, стихи, басни и рассказы въ стихахъ.

1. Чужеземное растеніе, басня. I. 4. 1.

31) *Дмитріева* Валентина Іововна, современная писательница, род. въ 1859 году; «Подъ солнцемъ юга», «Прибой», «Черныя крылья», «Малышъ и Жучка» и др. романы, повѣсти, рассказы.

1. Въ степи. I. 4. 68.
2. На берегу моря. I. 4. 77.
3. Въ каменно-угольныхъ шахтахъ. II. 3. 5.
4. На стеклянномъ заводѣ. II. 4. 1.

32) *Достоевскій* Федоръ Михайловичъ, 1821—1881 г., «Записки изъ мертваго дома», «Преступленіе и наказаніе» и др. романы, повѣсти, рассказы, больше всего объ униженныхъ и обездоленныхъ людяхъ.

1. Добрая дѣвочка. I. 1. 30.
2. Орель въ острогѣ. II. 1. 4.

33) *Жидовская* Юлія Валеріановна, 1824—1883 г., стихи, романы.

1. Кто мнѣ родня? ст. II. 3. 20.

34) *Жуковскій* Василій Андреевичъ: 1783—1852 г., стихотворенія, переводы иностранныхъ поэтовъ, повѣсти, описанія, разсужденія.

1. Пѣсня бѣдняка, ст. I. 1. 37.
2. Борей и Солнце, ст. I. 1. 39.
3. Гроза въ Петербургѣ. II. 4. 11.
4. Судъ Божій, ст. II. 5. 21.
5. Капитанъ Бошпъ. II. 5. 25.

35) *Карамзинъ* Николай Михайловичъ, 1766—1826 г.; стихи, повѣсти, разсужденія, «Письма русскаго путешественника», «Исторія государства Россійскаго».

1. Урокъ въ школѣ о магнитѣ и компасѣ. I. 2. 17.
2. Куликовская битва. II. 2. 29.
3. Взятіе Казани. II. 2. 34.
4. Самозванецъ. II. 2. 39.

36) *Ключевскій* Василій Осиповичъ, современный учёный, профессоръ; учёныя сочиненія и общедоступные рассказы изъ отечественной исторіи.

1. Петръ Великій и Неплюевъ. II. 3. 44.
2. Любовь Петра Великаго къ отечеству. II. 3. 46.

37) *Колымовъ* Алексѣй Васильевичъ, 1808—1842, народный поэтъ; см. въ этой книгѣ статью о немъ: Ч. II. отд. 4, № 45.

1. Дума стараго Кузьмы, ст. I. 1. 8.
2. Что ты спишь, мужичокъ? ст. I. 1. 33.
3. Передъ образомъ Спасителя, ст. I. 1. 35.
4. Пѣсня пахара, ст. I. 3. 13.
5. Косарь, ст. I. 4. 68.
6. Могила, ст. II. 1. 11.
7. Крестьянская пирушка, ст. II. 1. 20.
8. Лѣсъ, ст. II. 2. 6.
9. Старая пѣсня, ст. II. 2. 33.
10. Урожай, ст. II. 4. 5.
11. Вѣда молодца. II. 4. 17.
12. Пѣсни Лихача-Кудрявича. II. 4. 46.

38) *Козловъ* Иванъ Ивановичъ, поэтъ-слѣпецъ, 1779—1840 г., стихи, повѣсти въ стихахъ, переводы иностранныхъ поэтовъ.

1. Чѣмъ мила родня? ст. I. 4. 13.
2. Сѣверное снѣгіе, ст. I. 4. 19.

39) «Книжка-Первинка».

1. Гдѣ чему учатся? I. 2. 16.
2. Разлука съ родной семьей. I. 4. 4.

40) *Короленко* Владиміръ Галактионовичъ, современный писатель, род. въ 1853 году; повѣсти и рассказы, статьи въ журналахъ, живыя картины русской природы и жизни.

1. Лѣсъ шумитъ. I. 4. 47.
2. Приемышъ. II. 1. 15.
3. Наступленіе знымы въ дальней Сибири. II. 3. 4.

41) *Костомаровъ* Николай Ивановичъ, учёный, профессоръ, 1817—1885 г.; учёныя сочиненія по русской исторіи, историческія повѣсти и общедоступные рассказы.

1. Смутное время. II. 3. 25.

42) *Козановская* (Соханская) Надежда Сергѣевна, умерла въ 60-хъ годахъ прошедшаго столѣтія; повѣсти и рассказы.

1. Какую судьбу Богъ далъ Черному. II. 2. 16.

43) *Крандѣвская* А. П. современная писательница, рассказы изъ народной жизни.

1. Каменно-угольная шахта въ степи. II. 3. 4.

44) *Крыловъ* Иванъ Андреевичъ, баснописецъ, 1799—1840 г. За остроумныя басни пользовался любовью и уваженіемъ всего Петербурга, гдѣ прожилъ вторую половину жизни безвыѣздно, и всей грамотной Россіи.

1. Собака и Лошадь. I. 2. 5.
2. Свиныя подъ дубомъ. I. 2. 7.
3. Волкъ и Котъ. I. 2. 39.

4. Волкъ и Лявца. I. 2. 41.
5. Шука и Коти. I. 2. 49.
6. Обезьяна. I. 2. 53.
7. Пчела и Мухи. I. 4. 14.
8. Лясты и Корни. II. 2. 4.
9. Прудъ и Рѣка. II. 3. 7.
10. Орель и Пчела. II. 4. 23.
11. Крестьянинъ въ бѣдѣ. II. 5. 9.

Кромѣ того, басня «Волкъ на псарнѣ» помещена дѣликомъ въ разсказъ Г. П. Данилевскаго «Кутузовъ и Крыловъ»: Ч. II. отд. 4, № 40.

45) *Курочкинъ* Василій Степановичъ, 1831—1875, стихи, переводы иностранныхъ поэтовъ.
1. Дѣти учатся, ст. I. 2. 15.

46) *Лажечниковъ* Иванъ Ивановичъ, 1892—1869 г., «Ледяной домъ», «Басурманъ» и др. романы изъ прошедшаго Русской земли.
1. «Родной обычай старины». I. 4. 2.

47) *Лермонтовъ* Михаилъ Юрьевичъ, 1814—1841 г., умеръ почти юношей, но произведенія его не умерли понинѣ и будутъ жить еще долго—долго; стихотворенія, поэмы въ стихахъ, романъ «Герой нашего времени» и др.
1. Москва. I. 4. 57.
2. Московскій торговецъ, ст. I. 4. 58.
3. Въ Пятигорскѣ. I. 4. 80.
4. Терекъ, ст. I. 4. 81.
5. Буря въ горахъ. I. 4. 84.
6. Черкесская лошадь. I. 4. 86.
7. Прекрасное въ природѣ («Когда волнуется желтѣющая нива») ст. II. 2. 13.
8. О татарской неволѣ, ст. II. 2. 23.
9. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, ст. II. 2. 32.
10. Два вепяна, ст. II. 4. 31.
11. Бородино, ст. II. 4. 34.
12. Ангель, ст. II. 5. 26.

48) *Лисовскій* М. Г.; современный писатель.
1. Разсказъ про слона. I. 2. 52.

49) *Ломоносовъ* Михаилъ Васильевичъ, 1711—1765 г. См. въ этой книгѣ статью о немъ: Ч. II. отд. 4, № 24.

1. Хвала наукѣ, ст. II. 4. 26.
2. Движеніе земли, ст. II. 5. 2.

50) *Лункавичъ* В. В., современный писатель.

1. Какъ животныя учатъ дѣтей. II. 1. 6.
2. О томъ, чѣмъ питаются растенія. II. 2. 3.
3. О томъ, какъ растенія защищаются. II. 2. 5.
4. Жизнь растенія. II. 2. 8.
5. Отчего бываютъ звуки. II. 4. 7.
6. Громъ и молнія. II. 4. 12.
7. Безшумная гроза. II. 4. 14.

51) *Льсковъ* Николай Семеновичъ, 1833—1895, романы, повѣсти, разсказы.
1. Дорогой гость. II. 2. 18.
2. Маланья—голова баранья. II. 3. 21.

52) *Максимовъ* Сергѣй Васильевичъ, 1831—1901 г., «Годъ на сѣверѣ», «Куль хлѣба» и др.
1. Богомолка. I. 4. 20.
2. Печерскій край. I. 4. 22.
3. Самофды. I. 4. 23.
4. Вѣлорусскіе крестьяне. I. 4. 33.
5. Олени. I. 4. 55.
6. Вода работаетъ. II. 3. 9.

53) *Маминъ-сибирякъ* Дмитрій Наркисовичъ, современный писатель, род. въ 1852 г., романы, повѣсти, разсказы («Жинка», «Горное гнѣздо», «Три конца» и др.).
1. Три друга. II. 1. 1.
2. Отецъ Савелій. II. 2. 17.

54) *Марковъ* Евгенийъ Львовичъ, современный писатель, род. въ 1835 г., путешествія, романы, повѣсти и пр.
1. Троицынъ день. I. 3. 14.
2. На Четырдагѣ. I. 4. 45.
3. Гора Араратъ. I. 4. 89.

55) *Майковъ* Аполлонъ Николаевичъ, 1821—1897 г., стихи, разсказы изъ русской исторіи.
1. Молитва о духовномъ хлѣбѣ, ст. I. 2. 14.
2. Поля, ст. I. 2. 23.
3. Весенніи пѣсни, 3 ст. I. 3. 3.
4. Христосъ воскресъ! ст. I. 3. 11.
5. Осенніе листья, ст. I. 3. 31.
6. Зимнее утро, ст. I. 3. 39.
7. Ласточки, ст. II. 1. 9.
8. Нашествіе татаръ, ст. II. 2. 22.
9. Царь Ив. Дан. Калита и Митр. Петръ. II. 2. 27.
10. Въ Москвѣ зажигается свѣча, ст. II. 2. 28.
11. Конецъ татарской неволи, ст. II. 2. 30.
12. Константинополь, турки и Царь Иванъ Васильевичъ III-й. II. 2. 31.
13. Ломоносовъ, ст. II. 4. 27.
14. Манифестъ 19 февраля, ст. II. 5. 36.

56) *Марковъ* В. П., современный поэтъ, стихи.
1. Хлѣбъ цвѣточки съѣли, ст. I. 2. 24.

57) *Мачтетъ* Григорій Александровичъ, 1852—1901 г., повѣсти, разсказы, картины русской природы и жизни.
1. Сибирскій лѣсъ. II. 2. 42.
2. Самохраненіе и чувство долга. II. 4. 18.

58) *Мельниковъ* Павелъ Ивановичъ (Андрей Печерскій), 1819—1883 г., романы, повѣсти, разсказы изъ русской жизни, «За Волгой въ лѣсахъ», «На горахъ», «Старые годы» и др.
1. Бульня. I. 1. 20.
2. Лѣсные хищники. I. 2. 38.
3. Охота за тюленями. I. 2. 55.
4. Весна въ деревнѣ. I. 3. 2.
5. Семейное горе. I. 4. 6.
6. Лѣсное верховое поволжье. I. 4. 46.
7. Лѣсъ горитъ. I. 4. 48.
8. Село Богородское. II. 3. 29.

59) *Мережковский* Дмитрий Сергѣевичъ, современный поэтъ, род. въ 1866 г., стихи, романы.

1. Чудо изъ чудесъ, ст. II. 2. 9.

60) *Мей* Левъ Александровичъ, 1822—1862 г., стихи, драмы.

1. Спаситель, ст. II. 3. 33.

61) *Мечъ* С. П., современный писатель, учебники и сборники по географіи.

1. Какъ можетъ пригодиться компасъ. I. 2. 32.
2. Водопадъ Иматра. I. 4. 27.
3. Гибель города Вѣрнаго. II. 5. 8.

62) *Минскій* Николай Максимовичъ, современный поэтъ, род. въ 1855 г., стихи, переводы иностранныхъ поэтовъ («Иліада»).

1. Молитва о хлѣбѣ, ст. I. 2. 1.

63) *Михайловъ* Иванъ Николаевичъ, современный писатель, учебники географіи.

1. Общій обзоръ Русской земли. I. 4. 15.

64) *Михайловскій-Дамилевскій* Александръ Ивановичъ, военный писатель, 1790—1848 г.

1. Кутузовъ среди солдатъ. I. 4. 44.

65) *Народныя преданія.*

1. Волга и Вазуза. I. 4. 44.
2. Какъ Мордовская Волга стала русской. I. 4. 50.
3. Донъ и Шатъ. I. 4. 62.
4. Днѣпръ и Сожъ. I. 4. 69.
5. Судъ Божій на горѣ Судомѣ. II. 1. 23.
6. Богатырь Никита Кожемяка. II. 1. 38.
7. Петръ I-й и мужикъ. II. 3. 42.

66) *Народныя пѣсни и былины.*

1. Садъ, двѣ пѣсни. I. 2. 18.
2. Вольга и Микулушка, былина. II. 1. 28.
3. Какъ Илья сталъ богатыремъ. II. 1. 39.
4. Илья Муромецъ поѣхалъ въ Кіевъ. II. 1. 40.
5. Илья и Соловей-разбойникъ. II. 1. 41.
6. Илья пріѣхалъ въ Кіевъ. II. 1. 42.
7. Илья оберегаетъ Русскую землю. II. 1. 43.
8. Пѣсни (колыбельная) о Татарской неволѣ. II. 2. 24.
9. Волярская жизнь въ древней Руси. II. 3. 31.

67) *Надсонъ* Семень Яковлевичъ, 1862—1887 г., стихи.

1. Лѣто въ городѣ, ст. I. 3. 16.
2. На Кавказѣ, ст. I. 4. 85.
3. Святитель, ст. II. 2. 26.

68) *Некрасовъ* Николай Алексѣевичъ, 1821—1877 г., одинъ изъ любимыхъ русскихъ поэтовъ, пѣвецъ народныхъ страданій, стихи, поэмы въ стихахъ.

1. Семья Прокла, ст. I. 1. 2.

2. Дѣдушка, ст. I. 1. 14.

3. Деревенскій торгашъ, ст. I. 1. 21.

4. Звонъ колокола ночью, ст. I. 1. 23.

5. Что видятъ крестьянскій мальчикъ, ст. I. 2. 2.

6. Блаженъ, иже и скоты мядуетъ, ст. I. 2. 12.

7. Какъ вырубали дѣсъ, ст. I. 2. 34.

8. Весенній разливъ и пчѣлы, ст. I. 3. 7.

9. Лѣтній вечеръ въ деревнѣ, ст. I. 3. 23.

10. Плачь дѣтей на фабрикѣ, ст. I. 4. 54.

11. Коробейники, ст. I. 4. 56.

12. Власть, ст. I. 4. 16.

13. Слѣзы матери, ст. II. 1. 13.

14. Какъ грозой убило пастуха, ст. II. 4. 13.

15. Послѣ Крымской войны, ст. II. 5. 32.

16. Молитва, ст. II. 5. 46.

69) *Немировичъ-Данченко* Василій Ивановичъ, современный писатель, род. въ 1848 г., стихи, романы, повѣсти, рассказы, «Соловьи», «Сказки дѣйствительности» и др.

1. Передъ бурей на Сѣверномъ океанѣ, ст. I. 4. 17.

2. Соловецкій монастырь. I. 4. 18.

3. Сѣверная пустыня, ст. I. 4. 21.

4. Затопленный фрегатъ, ст. II. 5. 10.

5. Война за освобожденіе Болгаріи. II. 5. 38.

6. Подвигъ рядового Сахарова. II. 5. 43.

7. Сестры милосердія. II. 5. 45.

70) *Никитинъ* Иванъ Саввичъ, 1824—1861 г., стихи, «Кулакъ», «Жена ямщика» и др.

1. Молитва матери, ст. I. 1. 4.

2. Дѣдушка, ст. I. 1. 10.

3. Лѣтство, ст. I. 1. 12.

4. Нищія, ст. I. 1. 28.

5. Лѣтомъ послѣ дождя, ст. I. 3. 19.

6. Осень въ городѣ, ст. I. 3. 29.

7. Ярмарка, ст. I. 4. 52.

8. Сѣнокосъ въ Донскихъ степяхъ, ст. I. 4. 67.

9. Утро на берегу озера, ст. II. 1. 16.

10. Русь, ст. II. 1. 18.

11. Водяная мельница, ст. II. 3. 11.

12. Кулакъ Лукичъ и его воспитаніе, ст. II. 4. 21.

13. Дѣлѣжь, ст. II. 5. 23.

71) *Никоновъ* Б. П., современный писатель.

1. Пермскій край. I. 4. 36.

72) *Огаревъ* Николай Платоновичъ, 1813—1877 г., стихи.

1. Деревенскій сторожъ, ст. I. 1. 17.

73) *Одоевскій* Владиміръ Федоровичъ, князь, 1803—1869; повѣсти, рассказы, сказочки для дѣтей («Дѣдушка Ириней»).

1. Гнѣдко. I. 2. 4.

74) *Островскій* Александръ Николаевичъ, 1823—1886 г.; драмы, комедіи и сцены для театра, историческія и бытовыя.

1. Козьма Захарьевичъ Мининъ. II. 3. 27.
  2. Не такъ живи, какъ хочется. II. 5. 18.
  3. Князь Шуйскій. II. 3. 24.
- 75) *Павловичъ* Б. А., написавшій книгу «Разказы изъ русской исторіи».
1. Раздробленіе Руси. II. 2. 20.
- 76) *Пассекъ* В. В.
1. Комватная муха. I. 3. 15.
- 77) *Песковскій* М. Л.
1. Финляндцы. I. 4. 29.
- 78) *Петри* Эдуардъ Юліевичъ, 1854—1899 г., профессоръ, географъ.
1. Южный Уралъ и Башкиры. I. 4. 37.
- 79) *Писемскій* Алексѣй Теофилактовичъ, 1820—1881 г., романы, повѣсти, разказы.
1. Калмыцкая кибитка. I. 4. 40.
- 80) *Плецевъ* Алексѣй Николаевичъ, 1825—1893 г., стихи, разказы, переводы.
1. Ель среди лиственныхъ деревьевъ, ст. I. 2. 31.
  2. Воспоминаніе о родинѣ, ст. I. 4. 9.
  3. Родныя картины, ст. I. 4. 11.
- 81) *Полевой* Николай Алексѣевичъ, 1796—1846, романы, повѣсти, драмы, историческія сочиненія и др.
1. Петръ Великій на Вѣломъ морѣ. II. 3. 40.
- 82) *Половскій* Яковъ Петровичъ, 1820—1898 г., стихи, романы, повѣсти, разказы.
1. Нищій, ст. I. 1. 31.
  2. Зимній путь, ст. I. 3. 44.
  3. Прощанье съ Тифлисомъ, ст. I. 4. 88.
  4. По желѣзной дорогѣ, ст. II. 4. 9.
  5. Переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ, ст. II. 4. 32.
- 83) *Портыкѣй* С. А., современный писатель.
1. О цвѣтѣ животныхъ. II. 1. 7.
  2. О разныхъ цвѣтахъ предметовъ. II. 4. 16.
- 84) *Потанинъ* Г. Г., современный писатель.
1. Тайга—книга для Сибирскаго инородца. II. 2. 43.
- 85) *Потъхинъ* Алексѣй Антиповичъ, современный писатель, род. въ 1829 г., романы, повѣсти, разказы, драмы и комедіи, «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», «Судь людской—не Божій», «Около денегъ», «Крестыянскія дѣти» и др.
1. Деревня Гари. I. 1. 16.
  2. Зимняя пора въ деревнѣ. I. 3. 44.
  3. На фабрикѣ. I. 4. 53.
- 86) *Пушкинъ* Александръ Сергѣевичъ, величайшій изъ русскихъ поэтовъ, 1799—1837 г., въ 1899 году 26-го мая вся Россія единодушно праздновала столѣтіе со дня его рожденія. См. статью о немъ въ этой книгѣ: Ч. II, отд. 4. № 43. Стихи, романы, повѣсти и др. сочиненія: «Евгеній Онѣгинъ», «Полтава», «Мѣдный всадникъ», «Борисъ Годуновъ», «Капитанская дочка» и др.
1. Кошка въ огнѣ. I. 2. 11.
  2. Осень и зима, ст. I. 3. 33.
  3. Зимній вечеръ, ст. I. 3. 37.
  4. Какъ гадаютъ въ святки, ст. I. 3. 41.
  5. Птичка («Въ чужбинѣ свято...»), ст. I. 4. 3.
  6. Петербургъ («Люблю тебя...»), ст. I. 4. 30.
  7. Калмыки. I. 4. 39.
  8. Рѣка Уралъ. I. 4. 41.
  9. Буранъ въ степи. I. 4. 42.
  10. Вѣсы, ст. I. 4. 43.
  11. Дождь, ст. I. 4. 63.
  12. Воспоминаніе о Крымѣ, ст. I. 4. 76.
  13. Кавказскія горы, ст. I. 4. 79.
  14. Горная дорога на Кавказѣ. I. 4. 82.
  15. Кавказъ, ст. I. 4. 83.
  16. Грузія и Тифлисъ. I. 4. 87.
  17. Туча, ст. II. 1. 14.
  18. Олеговъ щитъ, ст. II. 1. 27.
  19. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ, ст. II. 1. 29.
  20. Древне-русскій летописецъ, ст. II. 1. 46.
  21. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ, ст. II. 2. 36.
  22. Разказъ о смерти Царевича Дмитрія, ст. II. 2. 37.
  23. Кончина Царя Бориса Годунова, ст. II. 2. 40.
  24. Воцареніе Михаила Ѳеодоровича Романова. II. 3. 28.
  25. Царь-работникъ, ст. II. 3. 41.
  26. Петръ Великій на берегу Невы, ст. II. 3. 43.
  27. Пиръ Петра Великаго, ст. II. 3. 45.
  28. Рыбакъ, ст. II. 4. 25.
  29. Наполеонъ въ Москвѣ, ст. II. 4. 37.
  30. У гроба Кутузова, ст. II. 4. 41.
  31. Пророкъ, ст. II. 4. 44.
  32. Движеніе, ст. II. 5. 3.
  33. Наводненіе въ Петербургѣ въ 1824 г., ст. II. 5. 5.
  34. Обвалъ, ст. II. 5. 7.
  35. Братья-разбойники, II. 5. 1.
- 87) *Пушковъ* Алексѣй Максимовичъ (Максимъ Горькій), современный писатель, род. въ 1868 г., романы, повѣсти, разказы.
1. Искра Божія. II. 3. 22.
- 88) *Ремизкѣй* Г. М., современный писатель.
1. Жестокая потѣха. I. 2. 44.
- 89) *Рождественскій*, Протоіерей.
1. Храмъ Божій. I. 1. 22.
- 90) *Рождественскій* Сергѣй Егоровичъ, извѣстенъ учебниками по русской исторіи.
1. Обновленіе русской жизни. II. 5. 33.
- 91) *Р. К.*, современный поэтъ, род. въ 1858 г., стихотворенія, переводы иностранныхъ поэтовъ.
1. Молитва, ст. I. 1. 41.

2. Осень пришла, ст. I. 3. 25.
3. На Страстной недѣлѣ, ст. II. 3. 23.
- 92) *Рубакинъ* Н. А. современный писатель, общедоступныя книжки о природѣ.
1. О трудахъ и заботахъ животных. II. 1. 8.
2. Самое великое явленіе природы. II. 5. 6.
- 93) *Рядкинъ* Петръ Григорьевичъ, профессоръ.
1. Ласточки. I. 2. 21.
- 94) *Салтыковъ* Михаилъ Евграфовичъ (Щедринъ). 1826—1889 г., повѣсти, рассказы.
1. Христосъ воскресъ. II. 3. 19.
- 95) *Семеновъ* Дмитрій Дмитріевичъ, 1834—1902 г., извѣстенъ учебными книгами по географіи; «Уроки географіи», «Отечествендѣніе» и др.
1. Сибирскія горы и воды. II. 2. 44.
- 95) *Соколовъ* Николай Александровичъ, умеръ въ 70-хъ годахъ прошедшаго столѣтія.
1. Какъ облагородить дикое плодовое дерево. II. 2. 12.
- 96) *Соловьевъ* Сергій Михайловичъ, 1820—1879 г., учёный, профессоръ; «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», 29 томовъ и др. сочиненія по русской исторіи.
1. Древніе Славяне, наши предки. II. 1. 22.
2. Начало русскаго государства. II. 1. 24.
3. Святославъ, сынъ Игоря и Ольги. II. 1. 30.
4. Христіанскіе мученики въ Кіевѣ. II. 1. 32.
5. Крещеніе Кн. Владимира и рус. народа. II. 1. 34.
6. Изъ жизни Діонисія, арх. Тр. Серг. лавры. II. 3. 26.
- 97) *Станюковичъ* Константинъ Михайловичъ, современный писатель, род. въ 1844 г., повѣсти и рассказы, преимущественно изъ жизни моряковъ.
1. Два матроса. II. 5. 24.
- 98) *Суриковъ* Иванъ Захаровичъ, 1841—1880 г., стихи.
1. Вѣра, ст. I. 1. 6.
2. Дѣтскіе годы на родинѣ, ст. I. 4. 5.
3. Степь, ст. I. 4. 65.
- 99) *Толстой* Левъ Николаевичъ, графъ, современный писатель, род. въ 1828 г., романы, повѣсти, рассказы, статьи по народному образованію, книжки для чтенія въ школахъ: «Война и миръ», «Севастопольскіе рассказы», «Дѣтство» и др.
1. Семья безъ хозяина. I. 1. 3.
2. Пожаръ въ деревнѣ. I. 1. 13.
3. Городской гость. I. 1. 18.
4. Камень. I. 1. 34.
5. Жилетка. I. 1. 36.
6. Пастухъ и овцы. I. 2. 8.
7. Булька. I. 2. 9.
8. Вѣщныя чувства у человѣка и у животныхъ. I. 2. 13.
9. Яблони. I. 2. 19.
10. Какъ Серѣга рубилъ дерево. I. 2. 33.
11. Левъ и собачка. I. 2. 55.
12. Акула. I. 2. 56.
13. Лозина. I. 3. 12.
14. Пчелиныя матки. I. 3. 22.
15. Старый волкъ учитъ молодого. II. 1. 5.
16. О размноженіи растений. II. 2. 7.
17. Какъ ходять деревья. II. 2. 10.
18. Отчего бываетъ вѣтеръ. II. 3. 15.
19. Вѣтеръ работаетъ. II. 3. 16.
20. Самокрутка. II. 4. 2.
21. Какъ люди плаваютъ по воздуху. II. 4. 6.
22. Вредный воздухъ. II. 4. 10.
23. О телеграфѣ. II. 4. 15.
24. Москва горитъ. II. 4. 36.
25. Кутузовъ получаетъ извѣстіе о выступленіи Наполеона изъ Москвы. II. 4. 38.
26. Севастополь въ декабрѣ 1854 г. II. 5. 28.
27. Севастополь въ маѣ 1855 г. II. 5. 29.
28. Севастополь въ августѣ 1855 г. II. 5. 30.
29. Сдача Севастополя. II. 5. 31.
- 100) *Толстой* Алексій Константиновичъ, графъ, 1817—1875 г.; стихи, драмы и соч., «Князь Серебряный», «Смерть Іоанна Грознаго» и пр.
1. Малороссія, ст. I. 4. 71.
2. Возвращеніе кн. Владимира въ Кіевъ, ст. II. 1. 35.
3. Пиръ князя Владимира, ст. II. 1. 44.
4. Покореніе Сибири. II. 2. 35.
5. Царь Борисъ Годуновъ, ст. II. 2. 38.
6. Отлетающая душа, ст. II. 3. 18.
- 101) *Тургеневъ* Иванъ Сергѣевичъ, 1818—1883 г., романы, повѣсти, рассказы, «Дворянское гнѣздо» «Отцы и дѣти», «Записки охотника» и др.
1. Родители въ гостяхъ у сына. I. 1. 9.
2. Няня. I. 1. 11.
3. Два богача. I. 1. 15.
4. Воробей. I. 1. 40.
5. Нѣмой Герасимъ и Муму. I. 2. 10.
6. Тетеревинный выводокъ. I. 2. 42.
7. Лѣтній зной. I. 3. 18.
8. Въ берѣзовой рощѣ осенью. I. 3. 28.
9. Осеннее уныніе. I. 3. 32.
10. Полѣсье. I. 4. 34.
11. Крестьяне-полюхи. I. 4. 35.
12. Два пѣвца. II. 2. 14.
13. Милостыня. II. 3. 17.
14. Затменіе солнца. II. 5. 14.
- 102) *Тютчевъ* Фѣдоръ Ивановичъ, 1803—1873 г., стихи.
1. Весна гонитъ зиму, ст. I. 3. 1.
2. Въ сосновомъ лѣсу, ст. I. 4. 28.
- 103) *Ушинскій* Константинъ Дмитріевичъ, 1824—1870 г., сочиненія о воспитаніи дѣтей

учебныя книги для школъ и разныя статьи,
«Дѣтскій Мирь», «Родное Слово» и пр.

1. Сирота Ваня. I. 1. 5.
2. Чудный домикъ. I. 1. 25.
3. Матушка Волга. I. 4. 45.
4. Волга и Ока. I. 4. 49.
5. Астрахань. I. 4. 60.
6. Азиатскія степи. II. 2. 41.
7. Человѣкъ сильной и доброй воли.
II. 4. 20.
8. Объявленіе воли въ Петербургѣ.
II. 5. 34.

104) *Фетъ* (Шеншинъ) Аванасій Аванасъ-
евичъ, 1820—1892 г., стихи.

1. Въ лѣсу, ст. I. 2. 29.
2. Весеннія картины, 3 стихотворенія.
I. 3. 5.
3. Осеннія пѣсни; 2 стихотворенія.
I. 3. 27.
4. Зимнія картины, 3 стихотворенія,
I. 3. 35.
5. На Днѣпрѣ въ половодье, ст. I. 4. 70.
6. Больной, ст. II. 2. 15.
7. Весенній дождь, ст. II. 4. 3.

105) *Фофановъ* Константинъ Михайловичъ,
современный поэтъ, родъ въ 1862 г.; стихи.

1. Исканіе Бога, ст. II. 2. 19.

106) *Хомяковъ* Алексѣй Степановичъ, 1804—
1860 г., стихи и ученныя сочиненія.

1. По прочтеніи псалма, ст. II. 4. 19.

107) *Чеховъ* Антонъ Павловичъ,
родъ въ 1860—1904 г., повѣсти, рассказы,
комедіи для театра.

1. Среди чужихъ людей. I. 4. 8.

108) *Шевыревъ* Степанъ Петровичъ, про-
фессоръ, 1806—1864 г.

1. Св. Феодосій, игумень и устроитель
Кіево-Печерской обители, II. 1. 45.

109) *Шевченко* Тарасъ Григорьевичъ, мало-
россійскій поэтъ, 1814—1861 г., стихи.

1. Вечеръ въ Малороссіи (переводъ).
I. 4. 73.

110) *Юревичъ* Р. В., современный поэтъ.
1. Суворовъ на Сен-Готарѣ, ст. II. 4. 30.

111) *Языковъ* Николай Михайловичъ, 1803—
1846 г., стихи.

1. Гроза, ст. I. 3. 21.
2. Чудское озеро, ст. I. 4. 32.
3. Святославъ, ст. II. 1. 31.
4. Чудный Царь, ст. II. 3. 38.

112) *Яхонтовъ* Алексѣандръ Николаевичъ,
1820—1877 г., стихи, книжки для народнаго
чтенія.

1. Лѣнь, ст. I. 2. 26.
2. Сельская школа, ст. II. 5. 37.

Въ книжномъ складѣ Д. Д. Полубояринова (С.-Петербургъ, Шпалерная, 26) продаются слѣдующія книги для учениковъ городскихъ училищъ:

1) А. БАРАНОВЪ: «Добрыя Сѣмена.» Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ въ 3-хъ частяхъ: *Часть I* въ двухъ выпускахъ: а) Выпускъ первый—*Букварь*. Ц. 12 коп. и б) Выпускъ второй—Первая послѣ «Букваря» книга для чтенія. Ц. 30 к. *Часть II*—Вторая послѣ «Букваря» книга для чтенія. Ц. 45 коп. и *Часть III* *) въ двухъ выпускахъ: а) Выпускъ первый—Третья послѣ «Букваря» книга для чтенія. Ц. 65 коп. и б) Выпускъ второй—Сборникъ духовно-нравственныхъ статей на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. Ц. 30 к.

Примѣчаніе. Книги «Добрыя Сѣмена» удостоены отъ Ученаго Комитета Мин. Народн. Пров. большой преміи Императора Петра Великаго (см. журналъ Мин. Народн. Пров. за іюнь 1899 года).

2) А. БАРАНОВЪ. а) *Наше родное.* Русскій и церковно-славянскій букварь и книга для чтенія въ трехъ частяхъ: *Первый годъ обученія*—ц. 30 к., *второй годъ*—ц. 40 к. и *третій годъ*—ц. 60 к. и б) Книга для чтенія, примѣненная къ обученію родному языку во 2-й и 3-й годъ обученія. Ц. 45 к.

3) П. ПОЛЕВОЙ. *Учебникъ по Русской Исторіи* въ очеркахъ и біографіяхъ, съ картами и портретами въ текстѣ, для городскихъ училищъ. Ц. 40 к.

4) П. ПОЛЕВОЙ: а) *Учебная Русская Хрестоматія* съ толкованіями, въ трехъ частяхъ: *1-я часть*—50 к., *2-я часть*—70 к. и *3-я часть* 75 к. и б) *Методическая Русская Грамматика*. Ц. 40 коп.

5) Прот. В. ПѢВЦОВЪ: а) *Евангельскіе рассказы*, съ большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ. Ц. 50 к. б) *Священная Исторія Вѣтхаго Завѣта*, съ картинами и картами въ текстѣ. Ц. 60 к. и в) *Священная Исторія Новаго Завѣта*, съ картинами и картами въ текстѣ. Ц. 50 к.

6) А. ПАВЛОВЪ. *Городская школа.* Книга для класснаго чтенія, съ матеріаломъ для письменныхъ упражненій и съ картинами въ текстѣ, примѣненная къ обученію родному языку въ городскихъ училищахъ, въ 4-хъ частяхъ: а) *Часть первая*—Первый годъ обученія. Ц. 30 к. б) *Часть вторая*—Второй годъ обученія. Ц. 45 к. в) *Часть третья*—Третій и четвертый годъ обученія. Ц. 75 к. и г) *Часть четвертая*—Пятый и шестой годъ обученія въ городскихъ училищахъ. Ц. 75 коп.

7) А. ПАВЛОВЪ. *Біографіи русскихъ образцовыхъ писателей*, съ портретами. Учебное пособіе для городскихъ училищъ. Ц. 30 к.

8) Н. БУНАКОВЪ: а) *Русская и церковно-славянская Азбука*. Ц. 25 к. б) «*Первинка*», первая послѣ «Азбуки» книжка для чтенія. Ц. 15 к. в) Книга для чтенія «*Въ школѣ и дома*», примѣненная къ обученію родному языку въ народныхъ школахъ въ 3-хъ частяхъ: *Первая часть* Ц. 40 к. *Вторая часть*. Ц. 60 к. *Третья часть*—Хрестоматія. Ц. 75 к. и г) *Грамматическія и орфографическія упражненія въ начальной народной школѣ*. Ц. 15 к.

9) А. ГОЛДЕНБЕРГЪ. *Сборникъ задачъ и примѣровъ* для обученія начальной Ариметикѣ, въ двухъ выпускахъ: *Выпускъ I*—Задачи и примѣры на числа первой сотни и на простѣйшія дроби. Ц. 15 к. *Выпускъ II*—Задачи и примѣры на числа любой величины. Ц. 15 к.

10) А. БАРАНОВЪ. *Географія Россійской Имперіи*, съ картами и рисунками въ текстѣ. Курсъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Ц. 50 к.

11) П. МИХАЙЛОВЪ. *Краткая Отечественная Географія.* Руководство для городскихъ училищъ. Въ текстѣ этой книги помѣщено 33 рисунка, 21 географ. карта, 4 плана важнѣйшихъ городовъ и большая карта Европ. Россіи. Ц. 60 к.

12) *Картинный учебный атласъ*, примѣненный къ преподаванію по «*Краткой Отечественной Географіи*», составленной подъ редакціей И. Н. МИХАЙЛОВА,—цѣна за атласъ 2 руб. 50 коп.

13) М. ВОЛПЕРЪ: а) *Сборникъ статей образцовыхъ писателей* для класснаго и домашняго чтенія. Ц. 75 к. и б) *Этимологія русскаго языка въ таблицахъ*.—Необходимое дополненіе къ учебникамъ по русской грамматикѣ. Ц. 30 к.

14) В. ГЕРВАЧЪ: а) *Прописъ русскія*. Ц. 40 к. б) *Прямое письмо.* Новая русскія прописи. Ц. 20 к. в) *Прописи Правописанія* Сборникъ каллиграфически исполненныхъ примѣровъ и важнѣйшія орфографическія правила. Ц. 20 к. г) *Скоронисъ.* Упраженія для развитія свободнаго движенія руки и приобрѣтенія четкой скорописи. Ц. 40 к. и д) *Русскія прописи круглаго шрифта*. Ц. 50 к.

15) И. ПЛЕТЕНЕВЪ: а) *Учебникъ Всеобщей Географіи* для городскихъ училищъ. Курсъ 1-го года обученія. Ц. 60 к. б) *Учебникъ Географіи* для городскихъ училищъ. Курсъ 3-го и 4-го года обученія. Ц. 50 к. в) *Первоначальное изученіе литературныхъ произведеній*. Ц. 60 к.

16) П. ЦВѢТКОВЪ. *Новый систематическій задачникъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ* по русскому первоначальному правописанію, съ приложеніемъ повторительныхъ диктовокъ: *Годъ первый*—ц. 15 к. *Годъ второй и третій*—ц. 35 к.

17) И. АХОНТОВЪ. *Сборникъ письменныхъ упражненій по русскому языку*, въ двухъ выпускахъ: *Выпускъ первый*—курсъ 1-го и 2-го года обученія. Ц. 25 к. *Выпускъ второй*—курсъ 3-го года обученія. Ц. 30 к.

*) Часть III—печатается

Въ книжномъ складѣ Д. Д. Полубояринова (С.-Петербургъ, Шпалерная, 26)
продаются слѣдующія учебныя книги для начальныхъ школъ:

1) А. БАРАНОВЪ: «Добрыя Сѣмена.» Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ въ 3-хъ частяхъ: *Часть I* въ двухъ выпускахъ: а) Выпускъ первый—*Букварь*. Ц. 12 коп. и б) Выпускъ второй—Первая послѣ «Букваря» книга для чтенія. Ц. 30 к. *Часть II*—Вторая послѣ «Букваря» книга для чтенія. Ц. 45 коп. и *Часть III* *) въ двухъ выпускахъ: а) Выпускъ первый—Третья послѣ «Букваря» книга для чтенія. Ц. 65 коп. и б) Выпускъ второй—Сборникъ духовно-нравственныхъ статей на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. Ц. 30 к.

Примѣчаніе. Книги «Добрыя Сѣмена» удостоены отъ Ученаго Комитета Мин. Народн. Просв. большой преміи Императора Петра Великаго (см. журналъ Мин. Народн. Просв. за июнь 1899 года).

А. БАРАНОВЪ. а) Наше родное. Русскій и церковно-славянскій букварь и книга для чтенія для народныхъ училищъ съ трехгодичнымъ курсомъ. *Первый годъ обученія*—ц. 30 к., *второй годъ*—ц. 40 к. и *третій годъ*—ц. 60 к. и б) Книга для чтенія, примѣненная къ обученію родному языку въ народныхъ школахъ, 2-й и 3-й годъ обученія. Ц. 45 к.

2) П. ПОНОМАРЕВЪ. Начальная сельско-хозяйственная книга для чтенія въ народныхъ училищахъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Ц. 50 к.

3) П. ПОЛЕВОЙ. Иллюстрированныя разсказы по Отечественной Исторіи, съ портретами и картинами въ текстѣ, для начальныхъ школъ. Ц. 45 к.

4) М. ВОЛЬЦЕРЪ: а) «Русская рѣчь». Учебное руководство, примѣненное къ обученію русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски, въ трехъ выпускахъ, съ 600 рисунками въ текстѣ: *Первый выпускъ*—«Букварь». Ц. 20 к. *Второй выпускъ*—Первая послѣ букваря книжка для чтенія. Ц. 30 к. *Третій выпускъ*—Книга для чтенія. Ц. 50 к. б) Иллюстрированный толкователь тѣхъ словъ, фразъ и оборотовъ, которые встрѣчаются во 2-мъ и 3-мъ выпускахъ «Русской Рѣчи», въ двухъ частяхъ: *Часть I*—пособіе ко второму выпуску. Ц. 20 к. и *Часть II*—пособіе къ третьему выпуску. Ц. 35 к. в) Практическая Русская грамматика. Учебное руководство, служащее дополненіемъ къ «Русской Рѣчи» Ц. 50 к. и г) Этимологія русскаго языка въ таблицахъ—необходимое дополненіе къ «Практической грамматикѣ». Ц. 30 к.

5) М. ВОЛЬЦЕРЪ. «Русская Рѣчь». Сборникъ статей образцовыхъ писателей, для класснаго и домашняго чтенія, составленный для старшихъ отдѣленій тѣхъ училищъ, въ которыхъ обучаются некоренныя русскія дѣти. Ц. 75 к.

6) Н. БУНАКОВЪ: а) Русская и церковно-славянская Азбука. Ц. 25 к. б) «Первичка», первая послѣ «Азбуки» книжка для чтенія. Ц. 15 к. в) Книга для чтенія «Въ школѣ и дома», примѣненная къ обученію родному языку въ народныхъ школахъ: *Первая часть*—курсъ 2-го года обученія. Ц. 40 к. *Вторая часть*—курсъ 3-го года обученія. Ц. 60 к. и г) Грамматическія и орфографическія упражненія въ начальной народной школѣ. Ц. 15 к.

Н. БУНАКОВЪ. Живое Слово. Учебная книга для начальной школы въ двухъ частяхъ. Часть первая. Ц. 60 к.

7) А. ГОЛДЕНБЕРГЪ. Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной Ариметикѣ, въ двухъ выпускахъ: *Выпускъ I*—Задачи и примѣры на числа первой сотни и на простѣйшія дроби. Ц. 15 к. *Выпускъ II*—Задачи и примѣры на числа любой величины. Ц. 15 к.

8) В. ЕВТУШЕВСКІЙ. Сборникъ ариметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ въ двухъ частяхъ: *Первая часть*—Цѣлыя числа. Ц. 35 к. *Вторая часть*—Дроби. Ц. 40 коп.

9) В. ГЕРБАЧЪ: а) Прописи и образцы для рисованія по клѣткамъ. Ц. 10 к. б) Прописи Правописанія. Сборникъ каллиграфически исполненныхъ примѣровъ на важнѣйшія орфографическія правила. Учебное пособіе для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома. Ц. 20 к. в) Образцы дѣловыхъ бумагъ, встрѣчающихся въ крестьянскомъ обиходѣ. Учебное пособіе при обученіи письму въ начальныхъ училищахъ. Ц. 15 к. г) Образцы прямого письма. Ц. 10 к. д) Скоропись. Упраженія для развитія свободнаго движенія руки и приобрѣтенія четкой скорописи. Ц. 40 к. и е) Русскія прописи круглаго шрифта. Ц. 50 к.

10) Прот. В. ПѢВЦОВЪ. Разсказы изъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, примѣненные къ взглядымъ бесѣдамъ по картинамъ. Цѣна разсказовъ изъ Ветхаго Завѣта—30 к., а изъ Новаго Завѣта—40 к.

11) Прот. В. ПѢВЦОВЪ: а) Евангельскіе разсказы, съ большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ. Ц. 50 к. б) Священная Исторія Ветхаго Завѣта, съ картинами и картами въ текстѣ. Ц. 60 к. и в) Священная Исторія Новаго Завѣта, съ картинами и картами въ текстѣ. Ц. 50 к.

12) В. РУДНЕВЪ. Родной Мірокъ. Русскій букварь и первая послѣ букваря книжка для чтенія. Ц. 30 к.

13) И. КУРЯТНИКОВЪ. Грамматика для народныхъ училищъ. Ц. 30 к.

14) П. ЦВѢТКОВЪ. Новый систематическій задачникъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ по русскому первоначальному правописанію, съ приложеніемъ повторительныхъ диктовокъ: *Годъ первый*—ц. 15 к. *Годъ второй* и *третій*—ц. 35 к.

15) И. ЯХОНТОВЪ. Сборникъ письменныхъ упражненій по русскому языку. Учебное пособіе для народныхъ школъ, въ двухъ выпускахъ: *Выпускъ первый*—курсъ 1-го и 2-го года обученія. Ц. 25 к. *Выпускъ второй*—курсъ 3-го года обученія. Ц. 30 к.

16) В. СИПОВСКІЙ. Св. Равноапостольный князь Владимиръ и крещеніе Руси. Ц. 10 к.